P.o.germ.
1842 l

Ebers

ІИСУСЪ

(СЫНЪ НАВИНА).

JOSUA.

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ

Георга Эберса.

Съ 58-ю гравюрами

по рисункамъ **А. Земцова.**

Переводъ съ нѣмецкаго.

(Право перевода пріобрѣтено Редакціею журнала «Нива» отъ автора).

Изданіе А. Ф. Маркса.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

G. n. 8200

Дозволено цензурою. Спб., 24 Апрѣля 1890 г.

Типографія **А. Ф. Маркса**, Средняя Подъяческая, № 1

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Это змѣй-исполинъ Апепъ...

Глава I.

Ступай внизъ, дѣдушка; я посторожу.

Старецъ, къ которому обращена была эта просьба, отрицательно покачалъ бритою головою.

— Право, здѣсь, наверху, тебѣ не заснуть...

— А какъ же звѣзды? Да и внизу-то... развѣ можно спать въ такіе дни?.. Накинь мнѣ плащъ!.. Что̀ ужь за сонъ въ эту страшную ночь!..

— Ты зябнешь. Посмотри, какъ дрожитъ у тебя въ рукѣ подзорный снарядъ...

— Ну, подставь мнѣ плечо!

Юноша, получивъ приказаніе, охотно повиновался; но вскорѣ сказалъ:

— Напрасны всѣ усилія: звѣзда за звѣздой гаснутъ въ тем-

ной тучѣ. А эти вопли въ городѣ... кажется, и въ нашемъ домѣ! Мнѣ страшно до смерти, дѣдушка, и пощупай, какъ у меня голова горитъ... Сойдемъ внизъ, быть-можетъ имъ нужна помощь.

— Она въ рукахъ боговъ, а мое мѣсто — здѣсь. Но что̀ это тамъ?.. Вѣчные боги! Смотри на полночь, къ морю... нѣтъ, лѣвѣе, къ закату... видишь, въ городѣ мертвыхъ [1]) что-то движется!..

— Дѣдушка, родной... гляди, гляди! воскликнулъ юноша въ жреческой одеждѣ, помогавшій дѣду своему, гороскопу [2]) бога Аммуна-Ра, на звѣздочетной вышкѣ храма посвященнаго этому богу, въ Танисѣ, столицѣ фараоновъ на сѣверѣ страны Гесемъ.

Съ этими словами онъ высвободилъ свое плечо, служившее опорой старцу.

— Гляди! гляди! Не море-ли хлынуло на сушу? Или туча пала на землю и волнуется туда и сюда? Смотри!.. Да сжалятся надъ нами небожители! Преисподняя разверзлась—это змѣй-исполинъ Апепъ выползаетъ изъ города мертвыхъ! Вонъ онъ клубится мимо храмовъ, я вижу его и слышу ревъ... Угроза великаго еврея исполняется! Родъ нашъ будетъ стертъ съ лица земли. Это змѣй! Вонъ голова его тянется къ юго-востоку... Конечно, онъ пожретъ новорожденное свѣтило, едва взойдетъ оно поутру.

Взглядъ старца послѣдовалъ за указующимъ перстомъ юноши и теперь также уловилъ громадную темную массу, клубившуюся во тьмѣ и сливавшую свои очертанія съ окружающимъ мракомъ. Съ невольнымъ трепетомъ разслышалъ онъ и грозный ревъ ея.

Оба теперь, напрягая зрѣніе и слухъ, старались проникнуть въ тайны ночи; но вмѣсто небесной выси, взоры звѣздочетовъ

[1]) Городами мертвыхъ, некрополями, у древнихъ египтянъ назывались кладбища съ ихъ громадными мавзолеями. *Ред.*

[2]) Такъ назывались храмовые астрономы. *Ред.*

были устремлены внизъ на столицу, далекое море и плоскую равнину окрестностей.

Въ небѣ царила глубокая тишь, но покоя въ немъ не было; ибо неслышный вѣтеръ верхнихъ слоевъ воздуха мѣстами то сбивалъ темныя облака въ безформенную тучу, то вновь разрывалъ ея сѣрую пелену и бѣшено разгонялъ ихъ. Мѣсяцъ не показывался въ эту ночь, и облака играли въ прятки лишь съ яркими звѣздами Юга, то закутывая ихъ, то снова давая свободный пропускъ ихъ лучамъ. И какъ тамъ, на тверди небесной, такъ и внизу, на землѣ, блѣдный свѣтъ постоянно чередовался съ черным мракомъ. То вспыхивали зарницей отблески небесныхъ свѣтилъ на зеркальныхъ поверхностяхъ моря и рѣчнаго рукава, на гладкомъ гранитѣ храмовыхъ обелисковъ и позлащенно-мѣдной кровлѣ царскаго дворца; то пропадали въ потемкахъ и море, и рѣка, и паруса въ гавани, святыни и улицы города, вмѣстѣ съ заросшею пальмами окрестной равниной. Все, чтó глазъ пытался запечатлѣть въ себѣ— мигомъ исчезало; не легче было и уху — то наступало такое полное затишье, что казалось всякая жизнь умолкла и замерла по всей непроглядной окрестности, то вдругъ ночное безмолвіе прорѣзывалось жалобными воплями. А затѣмъ, послѣ болѣе или менѣе короткихъ перерывовъ, опять слышался тотъ ревъ, что молодому жрецу показался гласомъ адскаго змія, и къ этому реву съ возраставшей тревогой прислушивались и дѣдъ, и внукъ.

Отъ самаго города мертвыхъ и участка чужеземцевъ начинались темные извивы тѣла, котораго непрерывное поступательное движеніе становилось очевиднымъ, какъ только звѣздный свѣтъ прорывался въ боровшихся съ нимъ тучахъ.

Внезапный ужасъ охватилъ и юношу, и старца; но послѣдній прежде внука пришелъ въ себя, и зоркій глазъ звѣздочета скоро убѣдилъ его, что городъ мертвыхъ высылаетъ на

равнину не одно исполинское тѣло, а громадную толпу тѣлъ, которая двигалась волнуясь и извиваясь по лугамъ пастбищъ. Ревъ и мычаніе исходили также не изъ одного мѣста, но раздавались то на близкомъ, то на очень далекомъ разстояніи. То казалось они вырываются изъ нѣдръ земли, то звучатъ съ высотъ воздушнаго пространства.

Тогда старцемъ овладѣлъ новый ужасъ. Схвативъ руку юноши десницей, онъ лѣвою рукой показалъ ему на городъ мертвыхъ и проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Народу мретъ столько, что мертвыхъ некуда дѣть! Преисподняя переполнена ими и разливается черезъ край какъ Рѣка [1]) въ водополье, когда русло ея слишкомъ узко для притока водъ съ Юга. Смотри, какъ они кишатъ, клубятся и катятся волнами! Мѣстами вразбродъ! Это души тѣхъ тысячъ, что похитила смерть. Отягощенныя проклятіемъ еврея, не преданныя землѣ, не защищенныя отъ тлѣнія, пришли онѣ къ ступенямъ лѣстницы ведущей въ вѣчность...

— Это онѣ! увѣренно подтвердилъ юноша, вырвалъ у старца свою руку, провелъ ею по лихорадочно пылавшему челу и продолжалъ, едва выговаривая слова отъ ужаса:—Это онѣ, осужденныя на муку! Буря занесла ихъ въ море, вода же извергла на сушу, а святая земля тоже не хочетъ принять и гонитъ ихъ въ область воздушную. Но чистый эфиръ Шу вихремъ крутитъ ихъ долу—и вотъ... смотри, видишь? слышишь? онѣ съ ревомъ пробираются въ пустыню.

— То есть въ огнь палящій, воскликнулъ старецъ,—очисти же ихъ, пламя! Омойте ихъ, воды!

Юноша вторилъ заклинаніямъ старца; но еще не замолкли голоса ихъ, какъ опускная дверь, ведшая на вершину высочайшихъ вратъ храма, служившую для наблюденія звѣздъ, поднялась, и жрецъ низшаго чина крикнулъ старцу:

[1]) Древніе египтяне называли Нилъ просто *Рѣкой. Ред.*

— Бросьте работу! Кому теперь до свѣточей неба, когда тамъ на землѣ всякая жизнь угасаетъ!

Старецъ слушалъ его мгновенно онѣмѣвъ, и когда жрецъ нерѣшительно заявилъ, что посланъ женою гороскопа, послѣдній едва пролепеталъ:

— Горой? Значитъ и моего сына постигло?

Жрецъ утвердительно кивнулъ головой, и оба звѣздочета горько заплакали, ибо старецъ терялъ своего первенца, а юноша — дорогаго родителя.

Но когда юноша, дрожа въ лихорадочномъ ознобѣ, безсильно припалъ на грудь старца, послѣдній быстро освободился изъ его объятій и поспѣшилъ къ подъемной двери.

Жрецъ конечно зналъ что является вѣстникомъ смерти, но отеческому сердцу недостаточно словъ чужаго человѣка для того чтобъ отказаться отъ надежды на спасеніе жизни своего сына. Спустясь по каменнымъ ступенямъ, старецъ торопливо шелъ высокими притворами и обширными дворами храма, и юноша слѣдовалъ за нимъ, хотя дрожащія колѣна едва выдерживали тяжесть разнемогшагося тѣла. Старецъ, постигнутый ударомъ въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу, забылъ о грозномъ ликѣ, грозившемъ гибелью быть-можетъ всему міру; но юношу этотъ ликъ преслѣдовалъ неотступно, и когда онъ, оставивъ за собой преддверіе храма, подходилъ къ первымъ пилонамъ, ему, потрясенному смертельной тревогой и горемъ, почудилось будто тѣни обелисковъ пляшутъ у него въ глазахъ, а парныя изваянія царя Рамзеса на угольныхъ столбахъ высокихъ вратъ отбиваютъ ладъ своими жезлами.

Тутъ лихорадка свалила несчастнаго юношу съ ногъ. Судороги искажали ему лицо, подбрасывая молодое тѣло въ ужасныхъ корчахъ. Старецъ же опустился на колѣна, и предохраняя прекрасную, кудрявую голову отъ ушибовъ о каменныя плиты помоста, тихо простоналъ:

— А теперь и этого!

Собравъ всѣ свои силы, онъ сталъ звать на помощь; но сколько ни кричалъ — все было тщетно и напрасно. Наконецъ онъ понизилъ голосъ, ища утѣшенія въ молитвѣ, и тутъ ему послышался шумъ на дорогѣ обставленной сфинксами, по ту сторону пилоновъ, что̀ согрѣло ему сердце новою надеждой.

Что̀ бы это могло быть въ такой поздній часъ ночи?

Съ громкимъ жалобнымъ воемъ сливалось пѣніе жрецовъ, звонъ и дребезжаніе металлическаго систрума, потрясаемаго священными женами, и мѣрные шаги богомольцевъ.

Къ храму приближалось торжественное шествіе. Старецъ обвелъ взглядомъ двойные ряды гранитныхъ колоннъ, громадныя изваянія и обелиски разсѣянные по двору храма, и, вѣрный долголѣтней привычкѣ, поднялъ глаза на звѣздный небосводъ. причемъ горькая улыбка шевельнула его впалыя губы: да, и богамъ сегодня отказано въ подобающихъ имъ почестяхъ. Ибо въ эту ночь, первую послѣ новолунія, въ мѣсяцѣ *фармути*, въ прежніе годы святыня божества красовалась въ богатомъ цвѣточномъ уборѣ. Едва разсѣется мракъ этой безлунной ночи, должны начаться великій праздникъ весенняго равноденствія и праздникъ жатвы. Въ честь великой богини Нейтъ, Реннутъ, посылающей благословеніе полямъ, и молодаго Гора, по мановенію коего всходятъ посѣвы, устраивалось, какъ предписываютъ священныя книги о божественномъ рожденіи Солнца, торжественное шествіе по городу къ Рѣкѣ и пристани; сегодня же мертвая тишина царствовала въ святилищѣ, коего преддверіе въ эти часы нѣкогда переполнялось мужами, женщинами и дѣтьми, приносившими жертвенные дары и слагавшими ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь смерть холодными перстами прикасалась къ сердцу его внука.

Но вотъ яркій блескъ озарилъ обширное пространство, до сихъ поръ скудно освѣщенное нѣсколькими свѣтильниками. Ужели

безумцы вздумали начать чествованіе веселаго праздника, не смотря на неслыханный ужасъ этой ночи?

Но вѣдь совѣтъ жрецовъ еще прошлымъ вечеромъ рѣшилъ, ради безпощадно свирѣпствующаго мора, не украшать храма и отмѣнить шествіе. Уже въ первые часы послѣ полудня многіе замыкались въ домахъ пораженныхъ моровою язвой; и въ самую ограду храма должно-быть проникла уже язва, пока онъ, гороскопъ, слѣдилъ за теченіемъ звѣздъ, — иначе куда могли дѣться сторожа и остальные звѣздочеты, которые вмѣстѣ съ нимъ вошли сюда при заходѣ солнца и обязаны были оставаться здѣсь всю ночь?

Затѣмъ онъ снова нѣжно и заботливо обратился къ страдальцу; но вскорѣ вскочилъ на ноги, такъ какъ врата храма отворились, а пламя факеловъ и свѣтильниковъ еще ярче озарило передній дворъ. Одного взгляда на звѣздное небо довольно было чтобы убѣдиться въ томъ, что полночь едва минула—и повидимому опасенія его сбывались: жрецы очевидно сходились въ храмъ ради приготовленій къ утреннему празднику жатвы.

Но нѣтъ!

Когда же они для этого вступали въ святилище съ пѣніемъ и стройными рядами? Да и не одни служители божества оказывались въ толпѣ. Къ нимъ примкнулъ народъ; въ торжественномъ священномъ пѣснопѣніи прорывались визгливые вопли женщинъ и безумные крики отчаянія, какихъ онъ въ жизнь свою не слыхивалъ въ этой священной оградѣ.

Ужъ не обманъ ли это чувствъ? Не ворвалась ли въ святилище божества воющая толпа не нашедшихъ успокоенія душъ, которую внукъ его указывалъ съ вышки?

Тогда на него напалъ новый ужасъ, и старецъ, какъ бы въ защиту поднявъ руки, нѣсколько мгновеній повторялъ заклинанія противъ коварства злыхъ духовъ. Но вскорѣ онъ прекра-

тилъ это, узнавъ нѣсколькихъ друзей, которые вчера еще были въ живыхъ: прежде всего ему кинулся въ глаза рослый второй прорицатель при храмѣ его бога, затѣмъ посвященныя Аммуну-Ра жены, пѣвчіе и святые отцы, а увидавъ позади гороскоповъ и пастофоровъ своего зятя, домъ котораго до последняго вечера щадила язва, старецъ ободрился и окликнулъ его. Но голосъ его заглушался пѣніемъ и криками приближавшейся толпы.

На переднемъ дворѣ храма стало совсѣмъ свѣтло, но каждый былъ до того поглощенъ собственнымъ горемъ, что стараго звѣздочета никто не замѣтилъ. Тогда онъ сорвалъ плащъ со своихъ коченѣвшихъ плечъ, и подложилъ его подъ голову юноши, а пока онъ отечески заботливо хлопоталъ надъ больнымъ, до слуха его, среди пѣнія и криковъ, долетѣли сначала проклятія евреямъ, виновникамъ всѣхъ бѣдствій обрушившихся на фараона и весь народъ его, затѣмъ все чаще и чаще повторялось имя наслѣдника престола, царевича Рамзеса, и самый оттѣнокъ голоса, съ которымъ оно произносилось, скорбныя молитвы, коими оно сопровождалось, повѣдали ученому звѣздочету, что смерть сомкнула очи и первенцу фараона.

Съ возрастающей тревогой вглядывался онъ теперь въ блѣдное лицо внука. Но когда плачъ о наслѣдникѣ престола раздался снова и все громче, въ душѣ старца промелькнуло не лишенное услады ощущеніе при мысли о нелицепріятіи смерти, которая такъ же мало щадитъ стоящаго на высшихъ ступеняхъ власти, какъ и нищаго на дорогѣ. Теперь онъ зналъ, что привело эту шумную толпу во храмъ.

Насколько позволяли ему старыя кости, онъ поспѣшилъ къ рядамъ плакальщиковъ, но не успѣлъ еще дойти до нихъ, какъ увидѣлъ выходившихъ изъ сторожки привратника и его жену, которые несли на рогожѣ мертвое тѣло отрока. Мужъ держалъ одинъ конецъ рогожи, малорослая, худощавая

жена—другой, причемъ великанъ-привратникъ долженъ былъ сильно нагибаться, дабы окоченѣлый трупъ лежалъ ровнѣе и не соскользнулъ въ сторону жены. Трое дѣтей замыкали печальное шествіе, во главѣ котораго шла маленькая дѣвочка съ фонаремъ.

Можетъ-быть ихъ никто бы и не замѣтилъ, но у женки привратника вырвался такой громкій и раздирающій вопль, что пропустить его мимо ушей было невозможно. И вотъ оглянулся сначала второй прорицатель Аммуна, за нимъ его спутники. Шествіе толпы пріостановилось, и когда кое-кто изъ жрецовъ приблизились къ мертвому тѣлу, привратникъ громко воскликнулъ:

— Сторонитесь! Нашего первенца поразила язва!

Жена его, между тѣмъ, выхватила у дочки фонарь, освѣтила имъ лицо умершаго и простонала:

— Вотъ что̀ терпитъ богъ нашъ! Подъ собственнымъ кровомъ допускаетъ эти ужасы! Но не его святая воля, нѣтъ, а проклятія чужеземца тяготѣютъ надъ нами и нашею жизнью. Поглядите сюда! Вѣдь это нашъ первенецъ былъ, и еще двухъ служителей храма такъ же схватило. Одинъ ужь на томъ свѣтѣ. Тутъ, въ нашей коморкѣ и протянулъ ноги, а вонъ... вонъ еще одинъ лежитъ, молодой Камусъ, внукъ гороскопа Рамери... Мы слышали, какъ старикъ звалъ на помощь и видѣли все... Но кому же досугъ подпирать чужой домъ, когда свой валится? Страшныя времена настали!.. Сами боги отворили храмъ свой злополучію, и если весь міръ погибнетъ, право, я не подивлюсь и ужь всеконечно не стану сокрушаться!... Высокопочтеннѣйшіе владыки, я простая женщина, но развѣ я не въ правѣ спросить: что-же, спятъ что-ли наши боги, или сглазилъ ихъ кто, не то чѣмъ-же они заняты, гдѣ они, наконецъ, если дали забрать такую силу надъ нами и дѣтьми нашими еврейскому отродью?

— Бейте евреевъ! Смерть чужеземцамъ! Въ море ихъ, смерть имъ вмѣстѣ съ колдуномъ ихъ Мезу [1])! словно отголоскомъ въ отвѣтъ на проклятіе женщины грянуло въ толпѣ, и зять стараго гороскопа, начальникъ стрѣлковъ Горнехтъ, вскипѣвшій гнѣвомъ при видѣ умирающаго любимаго племянника, поднялъ короткій мечъ свой и крикнулъ внѣ себя:—За мной, всѣ у кого есть сердце! На евреевъ! Жизнь за жизнь! Десять евреевъ за каждаго египтянина, котораго умертвилъ чародѣй!

Какъ стадо овецъ бросается въ огонь за передовымъ бараномъ, такъ ринулась толпа на призывъ знаменитаго воина. Женщины впереди мужчинъ, всѣ тѣснили его къ воротамъ, и пока служители божества колебались, выжидая что скажетъ Аммуновъ прорицатель, этотъ послѣдній вдругъ выпрямился во весь ростъ съ величественною осанкой и спокойно проговорилъ:

— На молитву, всѣ кто носитъ жреческое одѣяніе! Народъ—орудіе небожителей. Въ ихъ рукахъ возмездіе. Мы же останемся здѣсь и помолимся за успѣхъ мести.

Смерть фараонова первенца.

[1]) *Мезу*—египетское имя Моисея. *Авт.*

Благослови же и меня!

Глава II.

Бап, второй прорицатель Аммуна, заступавшій мѣсто дряхлаго отъ старости перваго прорицателя и верховнаго жреца Руи, удалился въ святая святыхъ, прочіе служители божества разошлись къ своимъ должностямъ, а неистовая толпа все еще бушевала по улицамъ города, направляясь къ отдаленному еврейскому участку.

Какъ бѣшеный водопадъ, съ шумомъ низвергаясь въ долину, увлекаетъ съ собою все, что захватилъ на пути, такъ и дышавшая мщеніемъ толпа заставляла слѣдовать за собою всѣхъ встрѣчныхъ. Ни одинъ египтянинъ, у котораго смерть похитила дорогихъ сердцу, не отказывался присоединиться къ мятежному потоку, и потокъ этотъ все разростался, изъ сотенъ въ тысячи мстителей. Мужчины, женщины и дѣти, свобод-

ные и рабы, всѣ окрыленные жгучей жаждой истребленія и смерти ненавистныхъ евреевъ, спѣшили къ населенной ими окраинѣ города.

Откуда взялась мотыка у этого подмастерья, какъ попалъ топоръ въ руки той домохозяйки—они сами этого не знали. Стремясь на убійство и разрушеніе, они вовсе не искали потребныхъ для того орудій—все явилось какъ бы само собою на пути.

Прежде всѣхъ, тяжкій гнѣвъ толпы долженъ былъ обрушиться на еврея Навина, почтеннаго, многими любимаго старца, богатаго стадовладѣльца, дѣлавшаго добро нерѣдко и египтянамъ; но гдѣ запѣвалами выступаютъ ненависть и месть—трусливая благодарность молча прячется въ заднихъ рядахъ.

Обширная усадьба его, подобно всѣмъ домамъ и хижинамъ его народа, лежала въ западной части Таниса, въ участкѣ чужеземцевъ, и ближе всѣхъ примыкала къ египетскимъ улицамъ города. Бывало, въ эти часы рогатый скотъ и овцы Навина выгонялись на водопой и на пастбище, и обширный дворъ передъ домомъ былъ биткомъ набитъ скотиной, скотниками, скотницами, возами и всякой утварью. Владѣлецъ имѣлъ обыкновеніе лично присматривать за выгономъ стадъ, и его-то съ домочадцами выбрала ярость толпы первою жертвой.

Лучшіе ходоки вступили уже на обширный дворъ, въ числѣ ихъ и зять стараго гороскопа, начальникъ стрѣлковъ, Горнехтъ. Домъ и дворъ были озарены лучами ранняго утренняго солнца. Силачъ-кузнецъ ударилъ ногой въ массивныя ворота; но незапертые створы такъ легко уступили, что онъ долженъ былъ схватиться за косякъ чтобы не упасть отъ натуги. Другіе протѣснились впередъ, и между ними начальникъ стрѣлковъ.

Однако, что-же бы это значило?

Не новое-ли волшебство свидѣтельствовало о могуществѣ еврейскаго вождя Мезу, навлекшаго такія страшныя казни на страну?

Дворъ былъ пустъ, совершенно пустъ. Лишь въ плетневыхъ закутахъ лежалъ кое-какой битый скотъ, нѣсколько негодныхъ коровъ и овецъ, да больной ягненокъ бросился съ блеяніемъ бѣжать со всѣхъ ногъ, завидя чужаковъ.

Даже возы и повозки исчезли. Ревущая толпа, которую жрецы ночью приняли за души осужденныхъ, оказывалась скопищемъ выселявшихся евреевъ, со всѣми стадами своими покинувшихъ бывшее отечество подъ водительствомъ Моисея.

Начальникъ стрѣлковъ опустилъ свой короткій мечъ, и повидимому былъ даже пріятно удивленъ тѣмъ что нашелъ здѣсь; стоявшій-же рядомъ съ нимъ писецъ изъ казнохранилища фараонова, видимо озадаченный и какъ бы обманувшись въ надеждѣ, оглядывалъ пустоту двора.

Море ощущеній и замысловъ, бушующее прибоемъ высокихъ волнъ въ часы ночи, идетъ на отливъ при свѣтѣ бѣлаго дня; точно также и въ начальникѣ стрѣлковъ легко возбуждаемая страстность воина давно уступила мѣсто большему спокойствію. Онъ готовъ былъ поступить наихудшимъ образомъ со всѣми евреями, за исключеніемъ Навина, сынъ котораго, Осія, былъ начальнику стрѣлковъ товарищемъ по оружію, однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ вождей и въ довершеніе всего давнишнимъ другомъ въ семьѣ Горнехта. Вспомни онъ давеча объ Осіи и о томъ, что домъ отца его первымъ подвергнется нападенію, Горнехтъ конечно ужъ не сталъ бы во главѣ этого мстительнаго набѣга; да, онъ уже глубоко раскаивался теперь въ недостаткѣ спокойной разсудительности, которой требовалъ его зрѣлый возрастъ.

Но тутъ подошли мужчины и женщины, и пока многіе изъ нихъ занялись грабежомъ покинутой усадьбы бѣжавшаго Навина, пытаясь даже разрушать зданія,—распространилась вѣсть, что и въ сосѣднихъ домахъ нѣтъ ни души живой. Другіе разсказывали о жалобно мяукавшихъ кошкахъ, оставшихся у

опустѣлыхъ очаговъ, о призрѣзанномъ старомъ скотѣ и битой посудѣ; въ концѣ концовъ неистовая толпа таки притащила одного еврея съ домочадцами и сумасшедшую сѣдую старуху, которыхъ нашла зарывшимися въ солому. Старуха, подмигивая и хихикая, увѣряла, что родичи кричали на нее до хрипоты, уговаривая, но Мехела-то себѣ на умѣ: гдѣ-жь ей бѣжать да бѣжать, какъ они требовали, она и на ноги слаба ужь, да и обуться ей не во что.

Захваченный еврей, отвратительный жидъ, котораго и изъ своихъ-то немногіе сочли-бы стоющимъ состраданія, то унижался до раболѣпія, то, увлекаясь свойственнымъ ему грубымъ нахальствомъ, завѣрялъ, что онъ и знать не хочетъ лжебога, во имя котораго обманщикъ Моисей заманилъ народъ въ погибель, а потому вотъ и съ женой и съ ребенкомъ остались они попрежнему у добрыхъ друзей, у египтянъ. Дѣйствительно, его многіе знали, такъ какъ онъ былъ ростовщикомъ, и когда его соплеменники взялись за страннический посохъ, онъ спрятался, съ тѣмъ чтобы продолжать свой безчестный промыселъ и не понесть убытковъ.

Въ бушующей толпѣ нашлось нѣсколько человѣкъ изъ его должниковъ, но и безъ нихъ участь его была бы рѣшена одинаково, ибо онъ явился первымъ, на комъ толпа могла показать, что мститъ не на шутку. Съ бѣшеными криками ринулись на него со всѣхъ сторонъ, и скоро трупы несчастнаго и его домочадцевъ простерлись на землѣ. Не знали даже, кто началъ эту кровавую расправу; слишкомъ много народу набросилось на убитаго.

Другіе оставшіеся и вытащенные изъ домовъ и хижинъ евреи—а ихъ оказывалось не мало, хотя многіе успѣли спастись бѣгствомъ,—такъ же скоро пали жертвой народнаго мщенія, и пока здѣсь текла кровь, тамъ толпа взялась за топоры, бревнами и балками таранила стѣны и высаживала двери, чтобы сравнять съ землею самыя жилища ненавистныхъ.

Но горящее уголье, котораго нанесли бѣснующіяся женщины, было тотчасъ же затоптано и погашено, такъ какъ болѣе благоразумные изъ толпы растолковали ей опасность, какою грозилъ бы пожаръ въ участкѣ чужеземцевъ сосѣднимъ домамъ и всему городу.

Такимъ образомъ еврейскій участокъ избѣгъ сожженія; но по мѣрѣ того какъ солнце всходило выше и выше, всю округу разрушенныхъ жилищъ выселившагося народа непроглядно закутывали густыя облака бѣловатой пыли, и тамъ гдѣ вчера еще тысячи людей сидѣли у милыхъ сердцу домашнихъ очаговъ, а громадныя стада утоляли жажду на водопояхъ, теперь лишь груды щебня и камней, обрушенныя стропила и поломанное дерево засѣивали горячую почву.

По развалинамъ слонялись брошенныя собаки и кошки, да еще присоединились къ нимъ женщины и дѣти изъ нищенскихъ шалашей, окаймлявшихъ городъ мертвыхъ; закрывая ротъ рукой, чтобъ не задохнуться отъ пыли, подъ градомъ осыпавшагося щебня, онѣ шарили всюду, не найдется-ли гдѣ домашней утвари и съѣстнаго, оставленныхъ переселенцами и не унесенныхъ еще грабителями.

Вскорѣ послѣ полудня, Бая, втораго прорицателя при храмѣ Аммуна, несли на носилкахъ мимо разрушеннаго участка. Жрецъ прибылъ сюда не для того чтобы насладиться зрѣлищемъ разгрома, ему просто было по пути при возвращеніи домой изъ города мертвыхъ. Тѣмъ не менѣе, на губахъ его заиграла злорадная усмѣшка, при видѣ того какъ основательно поработала здѣсь толпа. Конечно, собственный замыселъ его не осуществился: вожди переселенцевъ избѣгли его мести; но хотя ненависть ненасытима, за то на первыхъ порахъ и малымъ довольствуется. Самый ничтожный вредъ причиненный врагамъ уже тѣшитъ ее, а Бай возвращался теперь отъ горюющаго фараона; правда, жрецу не удалось еще совсѣмъ

разорвать сѣти которыми опуталъ царя еврейскій чародѣй, но онъ значительно поослабилъ ихъ узы.

Обдумывая въ уединеніи святилища все совершившееся и вновь затѣваемое, сильный волею, честолюбивый жрецъ, никогда не имѣвшій обыкновенія бесѣдовать вслухъ съ самимъ собою, въ эти послѣдніе дни никакъ не могъ отдѣлаться отъ повторенія однихъ и тѣхъ-же словъ—нѣтъ-нѣтъ да и проворчитъ: „благослови-же и меня!"

Дѣло въ томъ, что самъ фараонъ обратился съ этою просьбой къ нѣкоему человѣку—и человѣкъ этотъ былъ не старецъ Руи, верховный судья и жрецъ, и не самъ Баи, единственныя лица которымъ подобало благословлять царя,—нѣтъ, это былъ нечестивѣйшій изъ нечестивцевъ, презрѣнный чужеземецъ, еврей Мезу, котораго онъ ненавидѣлъ пуще всѣхъ на свѣтѣ.

„Благослови-же и меня!"—эта кроткая просьба, довѣрчивое изліяніе встревоженной души, рѣзнула жреца какъ ножемъ по сердцу. Ему казалось, что подобная просьба, милостиво обращенная изъ такихъ устъ къ такому человѣку, ломаетъ жезлъ надъ головами всего сословія египетскихъ жрецовъ и срываетъ леопардовыя шкуры [1]) съ плечъ ихъ, позоря весь народъ египетскій, горячо имъ любимый.

Конечно, онъ, Баи, признавалъ Моисея однимъ изъ величайшихъ мудрецовъ, вышедшихъ изъ египетскихъ школъ; конечно, онъ зналъ, что царь находится подъ вліяніемъ этого человѣка, который выросъ въ домѣ фараона и былъ другомъ его отца, великаго Рамзеса.

Онъ видѣлъ также, что владыка Египта прощалъ Моисею такія дѣянія, за которыя всякій, будь онъ знатнѣйшимъ изъ знати, поплатился-бы жизнью;—но до какой-же

[1]) Шкура леопарда на плечахъ и крючковатый жезлъ въ видѣ посоха были отличительными атрибутами египетскихъ жрецовъ. *Ред.*

степени дорогъ долженъ быть этотъ еврей фараону, если царь, само божество солнца на вселенскомъ престолѣ, предъ смертнымъ ложемъ родного сына, уступилъ неодолимой потребности протянуть къ чародѣю руки съ мольбою: „благослови-же и меня!“

Все это жрецъ говорилъ себѣ и тщательно взвѣшивалъ, но тѣмъ не менѣе не хотѣлъ и не могъ уступить могущественному чужеземцу.

Подготовить гибель ему и его народу Баи считалъ священнѣйшимъ и настоятельнѣйшимъ долгомъ. Во исполненіе завѣтной цѣли, онъ не боялся поднять руку на самого владыку Египта; да, въ его глазахъ, этою нечестивою просьбой: „благослови-же и меня“, фараонъ Менефта лишалъ себя правъ на власть.

Моисей былъ убійцей фараонова первенца; онъ-же, Баи, съ верховнымъ жрецомъ Аммуна, держали въ своихъ рукахъ загробное блаженство или муку души умершаго отрока—оружіе это было крѣпко и надежно, и жрецъ хорошо зналъ нерѣшительность и малодушіе царя. Еслибъ не верховный жрецъ Аммуна, единственное лицо стоявшее выше Баи и противодѣйствовавшее ему по необъяснимой старческой причудѣ, ему ничего не стоило-бы вынудить у фараона уступки. Но малодушный правитель весьма легко могъ нынѣ утвержденное — завтра-же отмѣнить, если только еврею снова удастся стать между нимъ и его египетскими совѣтниками. Еще сегодня этотъ недостойный сынъ великаго Рамзеса, услыхавъ одно имя чародѣя, закрылъ себѣ лицо руками и задрожалъ какъ робкая газель, а завтра онъ что-же—проклянетъ его, изречетъ ему смертный приговоръ? Пожалуй, его убѣдятъ; но послѣзавтра онъ навѣрно вернетъ чародѣя и снова попроситъ у него благословенія. Долой такого фараона, во прахъ эту трость колеблемую вѣтромъ на престолѣ! Онъ, Баи, нашелъ уже среди

2*

князей царской крови достойнаго наслѣдника. Придетъ время,—закроетъ глаза верховный жрецъ Аммуна, Руи, давно перешедшій предѣлъ положенный человѣческой жизни богами,—тогда онъ, Баи, станетъ на его мѣсто, заря новой жизни начнется во всемъ Египтѣ, и Моисею съ его народомъ придетъ конецъ.

Во время этихъ размышленій, надъ головой прорицателя пронеслись два ворона и каркая сѣли на покрытыя пылью развалины одного изъ разрушенныхъ домовъ. Невольно оглянулся онъ на птицъ и замѣтилъ цѣль ихъ полета: запорошенное щебнемъ, полунагое тѣло убитаго еврея. И снова по умнымъ, надменнымъ чертамъ его лица скользнула улыбка, смыслъ которой жрецы низшаго чина, несшіе его носилки, не могли разгадать.

Тѣло убитаго еврея.

Баи, Ефремъ и Горнехтъ.

Глава III.

Въ числѣ сопровождавшихъ прорицателя, находился начальникъ стрѣлковъ, Горнехтъ. Оба они были въ наилучшихъ отношеніяхъ между собою, ибо военачальникъ стоялъ во главѣ знатнѣйшихъ изъ тѣхъ, которые поклялись свергнуть фараона.

Подойдя къ разоренному дому Навина, жрецъ указалъ военачальнику на развалины и проговорилъ:

— Владѣлецъ этой усадьбы, кажется, единственный еврей, которому я даровалъ бы пощаду. Онъ былъ достойный человѣкъ, а сынъ его, Осія...

— Онъ преданъ намъ, перебилъ начальникъ, — въ войскѣ фараона найдется немного лучшихъ людей и,—прибавилъ онъ, понижая голосъ,—я надѣюсь на него въ день расплаты.

— Объ этомъ поговоримъ наединѣ, возразилъ жрецъ.—Впрочемъ, я обязанъ ему особою благодарностью. Во время ливійской войны, какъ тебѣ извѣстно, я попалъ въ руки враговъ и Осія, съ какою-нибудь горстью своихъ воиновъ, высвободилъ меня изъ дикой толпы.—Жрецъ понизилъ голосъ и, какъ-бы желая оправдать случившееся, продолжалъ свойственнымъ ему поучительнымъ тономъ: — Такъ все идетъ на землѣ! Если извѣстный кругъ людей заслужилъ кару, то вмѣстѣ съ ними и невинный терпитъ наказаніе, за то что принадлежалъ къ нимъ. Сами боги не умѣютъ въ такомъ случаѣ отличить праваго отъ виновныхъ; мало того, даже ни въ чемъ неповинныя животныя несутъ свою долю бѣдствій. Посмотри на эти стаи голубей, кружащихся надъ мусоромъ; они тщетно ищутъ своей голубятни. А вонъ и кошка съ котятами! Поди, Беки, захвати ее съ собой; мы обязаны спасти священныхъ животныхъ отъ голодной смерти.

И тотъ самый человѣкъ, который только что съ дикою радостью мечталъ о погибели столькихъ людей, теперь съ нѣжною заботливостью отнесся къ судьбѣ безсловесныхъ тварей; онъ приказалъ остановить носилки и самъ наблюдалъ, какъ прислужникъ его сталъ ловить котятъ. Но это оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Котенокъ шмыгнулъ въ отверстіе, ведшее въ погребъ, которое было настолько узко, что всякое преслѣдованіе казалось невозможнымъ. Однако, одинъ изъ слугъ, стройный молодой нубіецъ, не отказался отъ новой попытки. Но едва заглянулъ онъ въ отверстіе, какъ откинулся назадъ и закричалъ своему господину:

— Тамъ человѣкъ лежитъ и, кажется, еще живой! Да, вотъ онъ поднялъ руку... Онъ мальчикъ или юноша и навѣрное не рабъ: волосы у него вьются густыми кудрями и... погодите, вотъ его солнцемъ освѣтило—на рукѣ его, пониже плеча, широкое золотое запястье.

— Вѣроятно, кто-нибудь изъ семьи Навина, забытый здѣсь, сказалъ начальникъ стрѣлковъ.

А прорицатель Бап прибавилъ съ жаромъ:

— Такова воля боговъ! Священныя животныя указали мнѣ возможность отплатить добромъ человѣку, которому я такъ много обязанъ. Попробуй проникнуть туда, Беки, и вытащи юношу.

Между тѣмъ, нубіецъ отвалилъ камень, заграждавшій отверстіе входа въ погребъ, и вскорѣ передалъ товарищу безжизненное молодое тѣло, которое тотъ вытащилъ на бѣлый свѣтъ и перенесъ къ колодцу, гдѣ свѣжая вода вскорѣ привела юношу въ чувство.

Очнувшись отъ обморока, юноша протеръ себѣ глаза, посмотрѣлъ въ недоумѣніи вокругъ, какъ бы не сознавая гдѣ онъ находится, и потомъ, съ видомъ глубокаго отчаянія, опустилъ голову на грудь. Кудри его на затылкѣ слиплись подъ чернымъ сгусткомъ запекшейся крови.

Прорицатель приказалъ обмыть у колодца глубокую рану, нанесенную мальчику упавшимъ камнемъ и затѣмъ подозвалъ его къ своимъ носилкамъ, защищеннымъ отъ солнца наметомъ.

Молодой еврей пришелъ еще до восхода солнца, послѣ долгаго пути изъ Пиѳома, называемаго евреями Сокхоѳомъ, въ домъ своего дѣда, Навина, съ порученіемъ; но найдя домъ пустымъ, онъ прилегъ отдохнуть въ безлюдныхъ покояхъ. Разбуженный криками освирѣпѣвшей толпы, услышавъ проклятія своему народу, которыми оглашался весь домъ, онъ искалъ убѣжища въ погребѣ, а сорвавшійся сверху камень, ранивъ его при паденіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и спасъ его, такъ какъ столбъ пыли, поднявшійся кругомъ, скрылъ юношу отъ глазъ грабителей.

Прорицатель внимательно осмотрѣлъ раненаго и, хотя тотъ стоялъ передъ нимъ испачканный, блѣдный, съ окровавленною повязкою на головѣ, жрецъ убѣдился, что имъ возвращенъ

къ жизни прекрасно сложенный, поразительно красивый мальчикъ, или скорѣе юноша.

Подъ вліяніемъ живѣйшаго участія, прорицатель смягчилъ суровость своего взгляда и милостиво спросилъ мальчика, откуда онъ и что̀ привело его въ Танисъ, такъ какъ по лицу спасеннаго трудно было рѣшить къ какому племени онъ принадлежитъ. Юноша безнаказанно могъ-бы выдать себя за египтянина; но онъ откровенно сознался, что приходится внукомъ Навину. Ему только что минуло восемнадцать лѣтъ и зовутъ его Ефремомъ, какъ и праотца его, сына Іосифова; онъ пришелъ повидаться съ дѣдомъ.

Въ словахъ юноши слышалось сознаніе собственнаго достоинства и гордое довольство своимъ высокимъ происхожденіемъ.

На вопросъ, не принесъ-ли онъ какихъ-либо вѣстей, Ефремъ помедлилъ нѣсколько отвѣтомъ, но потомъ овладѣлъ собой, безбоязненно взглянулъ въ лицо прорицателя и отвѣчалъ твердо и рѣшительно:

— Меня учили говорить правду, а потому, кто-бы ты ни былъ, знай, что у меня въ Танисѣ есть еще одинъ кровный другъ, Осія, сынъ Навина, тотъ что служитъ въ войскѣ фараона; вотъ ему-то я и долженъ сообщить кое-что.

— Знай-же и ты, возразилъ жрецъ,—что именно ради этого Осіи я остановился здѣсь и приказалъ вытащить тебя изъ разрушеннаго дома. Я обязанъ ему благодарностью, и хотя бо̀льшая часть твоего народа заслуживаетъ тяжкаго возмездія, но ради *его* доблестей ты будешь пользоваться между нами свободой и безопасностью.

Мальчикъ бросилъ на говорившаго гордый, пламенный взоръ, но не успѣлъ вымолвить и слова, такъ какъ жрецъ продолжалъ съ прежнею благосклонностью:

— По глазамъ твоимъ, отрокъ, я вижу, что ты намѣренъ, при посредствѣ твоего дяди Осіи, поступить въ ряды войскъ

фараоновыхъ. Твой ростъ и станъ какъ нельзя болѣе приличны воину, а въ храбрости у тебя тоже, кажется, нѣтъ недостатка.

По губамъ Ефрема пробѣжала усмѣшка польщеннаго тщеславія и, вертя, можетъ быть безсознательно, широкое золотое запястье пониже плеча, онъ отвѣчалъ съ жаромъ:

— Храбрость свою, господинъ, я частенько доказывалъ на охотѣ; но у насъ дома и безъ того довольно овецъ и другаго скота, и все это теперь мое, а потому мнѣ гораздо пріятнѣе пользоваться свободой и самому приказывать моимъ пастухамъ, нежели дѣлать то, что̀ мнѣ прикажутъ другіе.

— Такъ, такъ, возразилъ жрецъ, — но Осія вѣроятно научитъ тебя чему-нибудь лучшему. Повелѣвать! прекрасная цѣль для юноши. Жаль только, что достигшіе этой цѣли становятся тѣмъ горше обремененными рабами, чѣмъ больше подчиняющихся имъ. Ты понимаешь меня, Горнехтъ, а ты, отрокъ, поймешь впослѣдствіи, когда изъ дичка обратишься въ пальму, которою ты обѣщаешь быть. Однако время идетъ. Кто послалъ тебя къ Осіи?

Юноша нерѣшительно опустилъ глаза въ землю; но, на замѣчаніе прорицателя: „А гдѣ-же правда, которой тебя учили?“ отвѣчалъ прежнимъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Я сдѣлалъ этотъ путь по просьбѣ женщины, которой ты не знаешь.

— Женщины? повторилъ прорицатель и многозначительно взглянулъ на военачальника.—Когда храбрый воинъ и красивая женщина ищутъ другъ друга, Аторы [1]) не заставляютъ себя ждать и соединяютъ ихъ веревочными узами. Но служителю боговъ не подобаетъ слѣдить за такими дѣлами и потому я не допрашиваю тебя дальше. Горнехтъ, поручаю его, тебѣ;

[1]) Египетскія богини любви, которыя изображались съ веревками въ рукахъ. *Авт.*

помоги ему довести до конца данное ему порученіе къ Осіи. Вопросъ только въ томъ: прибылъ ли онъ уже?

— Нѣтъ еще, возразилъ воинъ,—но не далѣе какъ сегодня ожидаютъ возвращенія его отрядовъ.

— И такъ, воскликнулъ прорицатель, обращаясь къ мальчику,—Аторы, всегда покровительствующія посланцамъ любви, вѣроятно сведутъ тебя съ нимъ не позже какъ завтра.

— Мое посольство вовсе не изъ любовныхъ! возразилъ юноша съ негодованіемъ.

Жреца позабавилъ задорный отвѣтъ мальчика и онъ проговорилъ со смѣхомъ:

— Правда, я и забылъ, что бесѣдую съ пастушьимъ царемъ. — Затѣмъ уже гораздо степеннѣе:—Когда ты увидишь Осію, продолжалъ онъ,—передай ему мой привѣтъ и скажи, что Баи, второй жрецъ Аммуна, освобожденный имъ отъ рукъ ливійцевъ, расчитывалъ уплатить своему спасителю часть долга, охранивъ тебя—его племянника. Можетъ-быть ты и не сознаешь, смѣлый малый, что избавился какъ бы чудомъ отъ двойной опасности. Разъяренная толпа не пощадила бы тебя, точно также какъ и обломки разрушеннаго дома, подъ которыми ты могъ задохнуться. Запомни это хорошенько, и еще передай Осіи отъ моего имени, что когда онъ увидитъ всю бездну горя и отчаянія, въ которую повергло волшебство одного изъ вашихъ какъ домъ фараона—которому онъ клялся въ вѣрности — такъ и этотъ городъ и всю страну, я увѣренъ, что онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернется отъ своихъ соплеменниковъ. Они трусливо бѣжали, нанеся тяжкіе удары тѣмъ, у кого они пользовались миромъ и покровительствомъ, и ограбивъ тѣхъ, кто давалъ имъ хлѣбъ и работу. Вотъ что надѣлали евреи — и если я не ошибаюсь въ Осіи, онъ повернется спиной къ совершившимъ все это. Скажи ему также, что такъ поступили уже, собственнымъ по-

чиномъ, всѣ младшіе еврейскіе начальники и наемники, служащіе подъ знаменами сирійца Аарзу. Сегодня утромъ — Осія услышитъ это и отъ другихъ—они не только приносили жертвы своимъ Вааламъ и Сету, которому многіе изъ васъ такъ охотно поклонялись, пока нечестивый Мезу не совратилъ васъ, но и отцу Аммуну, и священному числу девяти нашихъ вѣчныхъ боговъ; если и Осія поступитъ такъ же, то пусть будетъ увѣренъ, что мы съ нимъ, рука объ руку, поднимемся высоко, чего онъ вполнѣ достоинъ. Остальную часть моей признательности я уплачу ему другимъ путемъ, который пока долженъ оставаться въ тайнѣ. Сегодня ты можешь, однако, увѣрить своего дядю, что я съумѣю охранить достойнаго Навина, его отца, когда кара боговъ и царя постигнетъ остальныхъ сыновъ твоего народа. Скажи ему, что уже оттачивается мечъ и готовится безпощадный судъ. Пусть онъ подумаетъ, что̀ могутъ сдѣлать бѣглые пастухи противъ военной силы, однимъ изъ вождей которой будетъ онъ самъ. Скажи мнѣ, сынъ мой, живъ ли твой родитель?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ефремъ дрожащимъ голосомъ,—его давно уже отнесли на кладбище.

Лихорадка-ли вслѣдствіе полученной раны, позоръ-ли принадлежности къ народу, совершившему столь постыдныя дѣянія или, напротивъ того, гнѣвъ и негодованіе на слова осужденія его народу, заставляли краснѣть и блѣднѣть мальчика и приводили его въ такое волненіе, что онъ едва могъ говорить? Все равно! Какъ бы то ни было, онъ не могъ быть надежнымъ вѣстникомъ того, что̀ прорицатель хотѣлъ передать его дядѣ. Поэтому жрецъ сдѣлалъ знакъ начальнику стрѣлковъ и отошелъ съ нимъ подъ тѣнь широколиственной сикоморы. Надо было во что̀ бы то ни стало удержать Осію въ войскѣ, а потому, положивъ руку на плечо своего друга, жрецъ проговорилъ:

— Ты знаешь, что тебя и другихъ привлекла на нашу сторону моя жена. Она служитъ намъ лучше и усерднѣе многихъ мужей. Твоя дочь также прелестна и привлекаетъ сердца очарованіемъ своей невинности.

— Ты хочешь, чтобы и Казана приняла участіе въ заговорѣ? спросилъ военачальникъ недовольнымъ тономъ.

— Но не дѣятельное, какъ моя жена; конечно, нѣтъ.

— Она и не годилась бы для этого, возразилъ тотъ болѣе спокойнымъ тономъ,—она совсѣмъ дитя.

— А между тѣмъ, она могла бы привлечь къ нашему дѣлу человѣка, помощь котораго я считаю неоцѣнимою.

— Ты говоришь объ Осіи? спросилъ военачальникъ, и чело его снова омрачилось.

Но прорицатель продолжалъ:

— А если-бы и такъ? Развѣ онъ еще остался настоящимъ евреемъ? Развѣ ты находишь недостойнымъ дочери уважаемаго воина отдать руку человѣку, котораго мы, если наше предпріятіе удастся, поставимъ во главѣ всего наемнаго войска?

— Нѣтъ, владыка, возразилъ воинъ, — но въ числѣ причинъ, по которымъ я возсталъ противъ фараона и обратился къ Сиптаху, заключается и та, что мать перваго была чужестранка, а въ жилахъ втораго течетъ наша кровь. Кровью матери опредѣляется кровь человѣка. Мать же Осіи была еврейка. Я называю его своимъ другомъ, я умѣю цѣнить его достоинства, Казана расположена къ нему...

— Но ты все-таки желалъ-бы зятя познатнѣе? перебилъ его жрецъ.—Какъ же можетъ удаться наше трудное предпріятіе, если тѣмъ, кто долженъ быть наготовѣ поставить на̀-конъ самую жизнь, тяжела и первая жертва? Ты говоришь, что дочь твоя расположена къ Осіи?

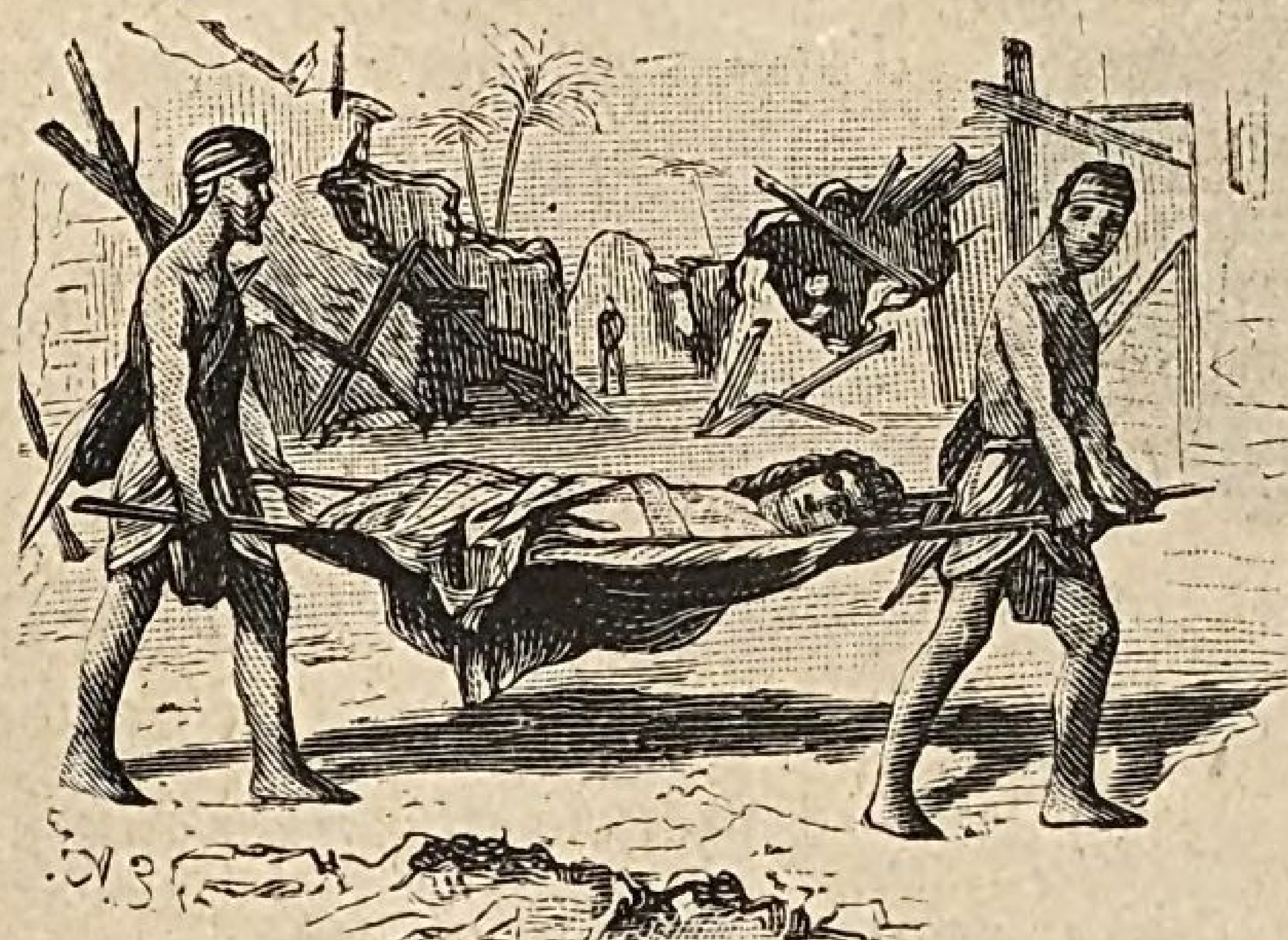
— По крайней мѣрѣ была расположена! воскликнулъ тотъ.— Да, сердце ея стремилось къ Осіи, но я съумѣлъ принудить ее

къ повиновенію, и теперь, когда она овдовѣла, ты хочешь, чтобы я самъ отдалъ ее тому, отъ кого, видятъ боги, съ какой борьбой я заставилъ ее отказаться! Съ которыхъ поръ что-либо подобное стало возможнымъ въ Египтѣ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ мужи и жены на Нилѣ, возразилъ жрецъ,—научились, ради великаго дѣла, подчиняться требованіямъ противорѣчащимъ ихъ желаніямъ. Обдумай все это, а также и то, что прародительницей Осіи—какъ онъ самъ хвалился въ твоемъ присутствіи—была египтянка, дочь одного изъ жрецовъ.

— А сколько поколѣній сошло съ тѣхъ поръ въ могилу?!..

— Все равно. Во всякомъ случаѣ, это обстоятельство приближаетъ его къ намъ — и этого довольно. А пока до свиданья! Ты не откажешь племяннику Осіи въ своемъ гостепріимствѣ и въ ласковомъ уходѣ твоей прекрасной дочери, въ которомъ онъ такъ нуждается.

Ефремъ и Казана въ саду.

Глава IV.

Какъ въ цѣломъ городѣ, такъ и въ домѣ Горнехта господствовала глубокая печаль. Мужчины брили голову, женщины посыпали чело прахомъ. Жены начальника стрѣлковъ давно уже не было въ живыхъ, но дочь и прислужницы ея встрѣтили его въ развѣвающихся покрывалахъ и съ громкими причитаньями, такъ какъ у тестя его умерли первородный сынъ и внукъ, да и кромѣ того, во многихъ знакомыхъ имъ семьяхъ были жертвы моровой язвы.

Но заботы о немощномъ отрокѣ скоро вполнѣ поглотили женщинъ; его обмыли, вновь перевязали ему рану на головѣ съ цѣлительнымъ бальзамомъ, предложили ему вина и пищи, а когда онъ освѣжился и подкрѣпилъ свои силы, позвали его къ дочери домохозяина.

Изъ грязнаго оборванца вышелъ прекрасный юноша. Умащенные волосы разсыпались, изъ-подъ бѣлой повязки, длинными волнистыми кудрями; окаймленная золотымъ шитьемъ египетская одежда, изъ оставшихся послѣ умершаго мужа дочери домохозяина, покрывала его гибкое, слегка смуглое тѣло. Ему повидимому нравился этотъ праздничный нарядъ, отъ котораго исходило, доселѣ ему незнакомое, тонкое благоуханіе нарда, -- веселый блескъ его черныхъ глазъ какъ бы освѣщалъ правильныя черты его лица.

Дочь начальника стрѣлковъ давно уже не видала такого красиваго юноши, хотя сама она была исполнена чарующей прелести. Послѣ недолгаго брака съ нелюбимымъ мужемъ, Казана всего черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь вернулась въ родительскій домъ, которому недоставало хозяйки, а значительное богатство, перешедшее къ ней по смерти мужа, дало ей возможность внести въ скромное жилище воина ту роскошь, къ которой сама она уже успѣла привыкнуть.

Отецъ ея, отличавшійся строгостью и часто безмѣрною вспыльчивостью, теперь предоставилъ ей полную волю. Нѣкогда онъ безпощадно подавилъ эту волю своею, принудивъ пятнадцатилѣтнюю дѣвушку выйти замужъ за человѣка который былъ гораздо старше ея лѣтами. Сдѣлалъ онъ это, замѣтивъ, что въ юномъ сердцѣ Казаны возникаетъ склонность къ военачальнику Осіи, а Горнехтъ считалъ позоромъ назвать зятемъ еврея, который въ то время еще не занималъ выдающагося положенія въ войскѣ. Египетскія дѣвы должны были безпрекословно повиноваться отцу, когда онъ выбиралъ имъ мужа; Казана также покорилась своей судьбѣ, но при этомъ горько плакала, и начальникъ стрѣлковъ очень обрадовался, когда она подчинилась наконецъ его волѣ и отдала руку нелюбимому жениху.

Но и вдовою дочь его не утратила привязанности къ еврею; какъ только войска выступили въ походъ, она не переставала

тревожиться, проводя дни и ночи въ мучительномъ страхѣ. Когда приходили вѣсти о войскахъ, она справлялась только объ Осіи. Этой склонности приписывалъ, втайнѣ раздраженный, отецъ ея то, что она отказывала искателямъ ея руки, одному за другимъ. Въ качествѣ вдовы, она теперь имѣла право располагать собой, и нѣжная, мягкосердая молодая женщина удивляла отца этою упрямою настойчивостью, которую давала чувствовать не только ему и женихамъ равнаго съ нею званія, но и князю Сиптаху, въ замыслахъ котораго начальникъ стрѣлковъ былъ соучастникомъ.

Сегодня Казана такъ открыто и несдержанно радовалась возвращенію еврея, что вспыльчивый отецъ ея даже ушелъ изъ дому, чтобы сгоряча не наговорить и не надѣлать какихъ-нибудь непріятностей. Юнаго же гостя своего онъ предоставилъ попеченіямъ дочери и ея мамки.

Какъ сильно дѣйствовалъ на впечатлительную душу отрока этотъ домъ, съ его просторными покоями, съ открытыми, обставленными колоннадой переходами, блестящею разноцвѣтною окраской и живописью по стѣнамъ, изящною утварью и художественными украшеніями, мягкими подушками и сладчайшими благовоніями! Ново и чуждо было все это сыну стадовладѣльца, привыкшему жить въ голыхъ сѣрыхъ стѣнахъ большаго, но лишеннаго всякихъ украшеній, сельскаго дома, или по цѣлымъ временамъ года въ холщевыхъ шатрахъ среди пастуховъ и стадъ, чаще на вольномъ воздухѣ, чѣмъ подъ какимъ-либо кровомъ. Ему чудилось, что онъ какимъ-то волшебствомъ перенесенъ въ лучшій, высшій, завидный міръ, которому самъ онъ въ этой великолѣпной одеждѣ, съ умащенными кудрями и свѣжевымытымъ тѣломъ, какъ нельзя болѣе подъ стать. Правда, на свѣтѣ вездѣ хорошо: и подъ чистымъ небомъ на пастбищѣ среди стада, и прохладнымъ вечеромъ у огонька передъ шатромъ, когда пастухи поютъ, звѣроловы

разсказываютъ о своихъ приключеніяхъ, а надъ головою такъ дивно блещутъ звѣзды... Но всему этому предшествуетъ тяжелый, противный трудъ; здѣсь же только смотри и вдыхай наслаждаясь! А когда распахнулась завѣса, и молодая вдова, съ ласковымъ привѣтствіемъ, заставила его сѣсть противъ себя, и то разспрашивала его, то участливо слушала его отвѣты, ему показалось, что онъ опять, какъ недавно подъ развалинами разрушеннаго дома, потерялъ сознаніе, что его осѣнило сладчайшее изо всѣхъ сновидѣній, а если онъ теперь почти задыхается и такъ часто прерываетъ теченіе своей рѣчи, такъ это отъ избытка сладостныхъ ощущеній, излитыхъ на него Ашерой [1]), подругой Ваала, о которой финикійскіе купцы, снабжавшіе пастуховъ всякимъ добромъ, много разсказывали ему, а строгая Маріамь даже упоминать запретила.

Свои посѣяли въ юной душѣ его ненависть къ египтянамъ, угнетателямъ его народа; но могли ли быть дурны, могли ли быть ненавистны тѣ, въ чьихъ рядахъ встрѣчались такія существа, какъ прекрасная, ласковая госпожа, которая теперь такимъ кроткимъ и вмѣстѣ жгучимъ взоромъ смотритъ ему въ глаза, при чемъ слова ея чаруютъ слухъ какъ самая благозвучная музыка, а созерцаніе ея прелестей такъ волнуетъ кровь, что надо прижать руку къ сердцу, дабы заглушить его неистовые удары.

1) *Ашера*—главное божество финикіянъ, олицетвореніе прозябающей и плодоносной природы, супруга Ваала, богиня рожденія и плодородія, изображеніемъ коей въ небѣ была луна. Ей посвящены были орошающіе почву источники, вѣчно зеленыя деревья (кипарисъ и т. п.), плодоносное гранатовое дерево и рыбы, какъ плодущія животныя. Въ жертву ей приносили голубей и козловъ, но всего пріятнѣе были ей чувственныя жертвы. Ваалъ первоначально былъ олицетвореніемъ благодѣтельной силы солнца, впослѣдствіи же и всего возвышеннаго, добраго и прекраснаго въ духовномъ мірѣ. Культъ Ваала, кромѣ финикіянъ, былъ распространенъ между многими народами семитической расы, вавилонянами, мидіанитянами, амаликитянами, моавитянами и въ землѣ Ханаанской. Сами евреи нерѣдко впадали въ это идолослуженіе, впервые при царѣ Ахавѣ, женатомъ на сиріянкѣ Іезавели. *Ред.*

Она сидѣла противъ него, на обитомъ леопардовой кожей креслѣ, и пряла тонкую шерсть на веретенѣ. Конечно, и онъ понравился ей и она приняла его такъ ласково потому, что онъ былъ сродни человѣку котораго она любила съ дѣтства. Ей казалось, что есть даже сходство между нимъ и Осіей, хотя юношѣ недоставало еще сдержанной важности мужа, которому она, сама не зная когда и какъ, отдала неопытное сердце, хотя онъ никогда не добивался ея любви.

На черныхъ, красиво прибранныхъ волосахъ ея лежалъ цвѣтокъ лотоса и стебель его изящнымъ изгибомъ спускался на склоненный затылокъ, обрамленный цѣлою путаницей нѣжныхъ завитковъ. Когда она поднимала на него глаза, Ефрему казалось будто предъ нимъ открываются два источника, проливающіе струю блаженства въ молодую грудь, а нѣжной руки ея, прявшей теперь шерсть, онъ коснулся уже и держалъ ее въ своихъ при первой встрѣчѣ.

Теперь она разспрашивала его объ Осіи, о той женщинѣ, которая послала его, молода ли она и хороша ли собой, нѣтъ ли между ней и его дядей союза любви.

Ефремъ неудержимо расхохотался; ибо пославшая его отличалась такою важностью и суровостью, что одно предположеніе, будто бы и она способна къ нѣжной страсти, разсмѣшило юношу. Хороша-ли она собой — это ему и въ голову никогда не приходило.

Молодая вдова приняла этотъ смѣхъ за самый желательный для нея отвѣтъ, и со вздохомъ облегченія, бросивъ веретено, пригласила Ефрема идти съ нею въ садъ.

Какъ тамъ все цвѣло и благоухало! Въ какомъ порядкѣ содержались цвѣточныя гряды, тропинки, бесѣдки, копаный прудъ!

Къ его незатѣйливому отчему дому примыкалъ пустырь двора, лишенный всякаго украшенія, кромѣ плетневыхъ за-

кутъ для крупнаго скота и овецъ, и однако Ефрему было извѣстно, что нѣкогда онъ будетъ распоряжаться большимъ имуществомъ, ибо онъ былъ единственнымъ сыномъ и наслѣдникомъ зажиточнаго отца, женатаго на дочери богача Навина. Слуги его не разъ говаривали объ этомъ, и теперь онъ раздражался, видя, что его домъ немногимъ пороскошнѣе, чѣмъ помѣщенія рабовъ Горнехта, которыя показывала ему Казана.

На прогулкѣ въ саду, Ефремъ помогалъ ей рвать цвѣты, и когда наполнилась корзина, которую онъ понесъ теперь за нею, Казана пригласила его въ бесѣдку помочь ей въ плетеніи вѣнковъ. Они предназначаются дорогимъ покойникамъ. Роднаго ея дядю и любимаго двоюроднаго брата въ прошлую ночь похитила моровая язва, которую накликали на Танисъ его родичи.

Съ улицы, за стѣною сада, то и дѣло доносились вой и причитанія женщинъ, оплакивавшихъ умершаго или провожавшихъ его тѣло къ мѣсту погребенія, а однажды, когда стенаніе раздалось особенно громко и болѣзненно, Казана кротко изложила юношѣ все, что танитамъ приходилось выносить изъ-за евреевъ, и спросила его, можетъ-ли онъ отрицать, что ея соплеменники имѣютъ основаніе ненавидѣть тѣхъ, кто навелъ на нихъ подобныя бѣдствія.

На это ему трудно было отвѣтить какъ бы слѣдовало; ибо онъ слышалъ, что это Богъ его народа поражаетъ египтянъ, дабы освободить его родичей изъ уничиженія и рабства, и юноша не долженъ былъ отвращать лицо и отрекаться отъ тѣхъ, чья кровь текла и въ его жилахъ. Поэтому онъ молчалъ, чтобы не солгать или не согрѣшить; но она не отставала отъ него, и наконецъ онъ отвѣтилъ, что ему противно все огорчающее ее, но что народъ его не имѣетъ никакой власти надъ здоровьемъ и жизнью; ибо, заболѣвая, евреи часто обращаются

къ египетскимъ врачамъ. Конечно, все происшедшее здѣсь совершилъ великій Богъ его отцовъ, который превосходитъ могуществомъ всѣхъ прочихъ боговъ. Самъ онъ, Ефремъ, также еврей, но не смотря на то, проситъ ее вѣрить, что онъ неповиненъ въ моровой язвѣ, и охотно возвратилъ бы жизнь ея дядѣ и двоюродному брату, еслибъ это было въ его власти. Ради ея готовъ онъ на все, какъ бы ни было оно тяжко.

Тогда она милостиво улыбнулась ему и сказала:

— Бѣдный мальчикъ! Если я и нахожу въ тебѣ какую-нибудь вину, то развѣ ту, что ты принадлежишь къ народу не знающему ни пощады, ни милосердія. Милые наши, несчастные умершіе! Они лишены даже надгробнаго плача родныхъ; ибо домъ, гдѣ лежатъ они, считается зараженнымъ и никто не смѣетъ входить въ него.

Молча вытерла она себѣ глаза и продолжала плести вѣнки; но при этомъ слеза за слезой все еще катились по щекамъ ея.

Онъ не находилъ болѣе что̀ сказать ей и только подавалъ ей цвѣты, а когда рука его касалась ея руки, кровь знойно бушевала въ его жилахъ. Голова и рана его начали сильно болѣть, и по временамъ все тѣло его охватывалъ легкій ознобъ. Онъ чувствовалъ лихорадочную дрожь, какъ въ то давно минувшее время, когда красуха [1]) чуть не отправила его на тотъ свѣтъ; но онъ стыдился сознаться въ этомъ и держался какъ можно бодрѣй и прямѣе.

На закатѣ солнца въ садъ вошелъ начальникъ стрѣлковъ. Онъ уже видѣлся съ Осіей, и хотя искренно радовался свиданію съ испытаннымъ другомъ, но все же былъ раздосадованъ и встревоженъ тѣмъ, что Осія прежде всего съ участіемъ

[1]) Скарлатина.

освѣдомился объ его дочери. Горнехтъ не скрылъ этого и отъ нея, грозно ворочая при этомъ глазами, чѣмъ обличилъ свое недовольство привѣтствіями еврея. Наконецъ онъ обратился къ Ефрему и сообщилъ ему, что Осія стоитъ съ войскомъ за городомъ. По причинѣ моровавго повѣтрія они разобьютъ станъ внѣ города, между Танисомъ и моремъ. Они скоро должны пройти мимо, и дядя велѣлъ ему сказать, что Ефремъ попозже можетъ зайти къ нему въ ставку.

Видя, что юноша помогаетъ Казанѣ плести вѣнки, Горнехтъ улыбнулся и воскликнулъ:

— Какъ подумаешь, еще утромъ сегодня этотъ волокита хотѣлъ всю жизнь оставаться вольною птицей и только повелѣвать, а теперь ужъ поступилъ къ тебѣ на службу, Казана. Нечего краснѣть, дружокъ! Если теперешняя твоя владычица или дядя твой добьются того, что ты станешь нашимъ и посвятишь себя благороднѣйшему призванію воина, тебѣ же лучше будетъ. Посмотри на меня! Болѣе сорока лѣтъ ношу я лукъ и стрѣлы, а все же и до сихъ поръ веселюсь и горжусь моимъ призваніемъ. Конечно, приходится повиноваться, но за то и повелѣваешь, и тѣ тысячи, что меня слушаются, отнюдь не коровы и овцы, а храбрые мужи. Поразсуди-ка объ этомъ еще разокъ. Изъ него вышелъ бы великолѣпный вождь стрѣлковъ. Какъ ты думаешь, Казана?

— Разумѣется, отвѣтила молодая женщина и хотѣла еще что-то прибавить, но за стѣною сада послышался мѣрный шагъ приближающагося отряда войскъ...

Легкій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ молодой женщины, глаза ея загорѣлись огнемъ, испугавшимъ Ефрема, и не обращая вниманія ни на отца, ни на гостя, она прошла мимо пруда потропинкѣ межъ деревьевъ и цвѣточныхъ грядъ, вскочила на дерновую скамью у стѣны и жаднымъ взоромъ смотрѣла на улицу, съ проходившимъ по ней строемъ вооруженныхъ воиновъ.

Во главѣ ихъ шелъ Осія во всеоружіи своего сана. Поровнявшись съ садомъ начальника стрѣлковъ, онъ обернулъ къ нему суровое чело, но вдругъ замѣтилъ Казану и съ ласковымъ привѣтомъ преклонилъ предъ нею свою боевую сѣкиру.

Ефремъ послѣдовалъ за начальникомъ стрѣлковъ, и тотъ показалъ юношѣ дядю, сказавъ при этомъ:

— И тебѣ будетъ къ лицу блестящій военный уборъ, а ужъ идешь въ немъ, словно на крыльяхъ летишь, когда трубы трубятъ и знамена развѣваются надъ головой. Сегодня военная музыка, конечно, молчитъ по случаю страшнаго бѣдствія, накликаннаго на насъ еврейскимъ злодѣемъ. Вотъ и Осія тоже изъ твоего народа, но какъ я ни презираю это племя, а долженъ сознаться, что онъ истинный воинъ, образецъ для молодежи. Передай ему, какъ я думаю объ немъ въ этомъ отношеніи. Теперь же скорѣе прощайся съ Казаной и слѣдуй за воинами; вонъ тамъ отворена дверца въ стѣнѣ.

Съ этими словами онъ пошелъ къ дому, а Ефремъ на прощанье подалъ руку молодой женщинѣ.

Она охотно дала свою, но затѣмъ быстро отдернула и озабоченно воскликнула:

— Какъ горяча твоя рука! У тебя жаръ!

— О, нѣтъ, нѣтъ! пролепеталъ юноша, но не договоривъ, склонился на колѣна, и словно темная пелена покрыла душу больнаго, потрясенную цѣлымъ рядомъ волненій.

Казана испугалась, но скоро овладѣла собой и освѣжила ему лобъ и темя водой изъ пруда. При этомъ она тревожно вглядывалась въ его лицо, и никогда еще не казался онъ ей до такой степени похожимъ на Осію. Да, любимый ею человѣкъ долженъ былъ сильно походить на этого мальчика въ то время, когда самъ былъ еще мальчикомъ. Сердце ея забилось чаще, и держа его голову въ своихъ рукахъ, она тихо поцѣловала

его. Она думала, что онъ потерялъ сознаніе; но освѣжительная влага уже прогнала его обморокъ, и онъ въ сладкомъ трепетѣ почувствовалъ, что съ нимъ произошло, но не открывалъ глазъ и пролежалъ бы такъ всю свою жизнь головой на груди ея, въ надеждѣ, что уста ея еще разъ коснутся его устъ. Но вмѣсто новаго поцѣлуя, она громко позвала на помощь.

Тогда онъ вскочилъ на ноги, окинулъ ее жаднымъ, пламеннымъ взглядомъ, и прежде чѣмъ она успѣла помѣшать ему, бросился какъ здоровый къ садовой дверцѣ, толкнулъ ее настежь и поспѣшилъ за войскомъ. Скоро онъ догналъ задніе ряды, затѣмъ опередилъ много другихъ, и очутившись наконецъ возлѣ вождя, окликнулъ дядю по имени. Обрадованный и удивленный Осія протянулъ ему руки навстрѣчу, но прежде чѣмъ Ефремъ успѣлъ упасть въ его объятія, сознаніе вторично его покинуло, и сильные воины донесли его на рукахъ въ шатеръ, который былъ уже разбитъ постоннымъ начальникомъ на песчаномъ холмѣ у самаго моря.

Осія во главѣ войска.

Осія и Ефремъ въ ставкѣ.

Глава V.

Настала полночь. Предъ шатромъ Осіи разложенъ былъ огонь; самъ военачальникъ сидѣлъ у костра, хмуро и задумчиво глядя то въ пламя, то въ окрестную даль. Въ холщевой ставкѣ лежалъ молодой Ефремъ на походномъ ложѣ дяди.

Состоявшій при тысячѣ врачъ перевязалъ рану юноши, далъ ему подкрѣпляющее питье и предписалъ полнѣйшій покой, такъ какъ его напугала сильная лихорадка, овладѣвшая мальчикомъ.

Но Ефремъ не въ силахъ былъ исполнить этого предписа-

нія. То мысленному взору его являлся образъ Казаны, усиливая жаръ и безъ того знойной крови; то обдумывалъ онъ совѣтъ вступить, подобно дядѣ, въ ряды войска—и совѣтъ этотъ казался ему весьма разумнымъ, ибо сулилъ славу и почести, какъ усиленно заставлялъ себя думать Ефремъ, хотя въ сущности ему хотѣлось послѣдовать совѣту потому только, что это приближало юношу къ той, кого такъ жаждала его душа. Но тутъ опять поднималась на дыбы его гордость, при мысли о тѣхъ поношеніяхъ, которыми Казана и ея отецъ клеймили его родичей по крови и по духу. Онъ сжималъ кулаки, вспоминая разоренный домъ дѣда, котораго всегда считалъ достойнѣйшимъ изъ людей. Не забывалъ онъ и своего порученія; Маріамъ нѣсколько разъ повторяла ему то, что́ онъ долженъ былъ передать дядѣ, и острая память юноши сохранила эту рѣчь слово въ слово, тѣмъ болѣе, что онъ не переставалъ твердить ее про себя въ теченіе всего пути къ Танису. Онъ и теперь пытался повторить ее, но теперь это ему не удавалось, такъ какъ на половинѣ рѣчи внезапно овладѣвала имъ неодолимая потребность думать о Казанѣ.

Врачъ настаивалъ на томъ чтобы Осія не позволялъ больному много говорить, а потому когда Ефремъ началъ было править свое посольство, дядя заставилъ его умолкнуть; но зато суровый воинъ, съ заботливостью матери, оправлялъ ему подушки, давалъ лекарство и нѣжно цѣловалъ его въ лобъ. Наконецъ присѣлъ у костра передъ шатромъ, и затѣмъ уже входилъ подъ сѣнь его лишь для того, чтобы подавать больному цѣлительное питье, считая часы по теченію звѣздъ.

Освѣщенное пламенемъ костра, слегка загорѣлое лицо Осіи обличало человѣка видѣвшаго на своемъ вѣку много опасностей и преодолѣвавшаго ихъ съ непоколебимою твердостью и мудрымъ присутствіемъ духа. Властный взглядъ его черныхъ глазъ и сочныя, крѣпко сжатыя губы свидѣтельствовали о го-

рячей крови, но еще громче говорили о желѣзной силѣ воли этого крѣпыша. Широкоплечій хребетъ воина прислонялся къ связкѣ нѣсколькихъ копій, накрестъ воткнутыхъ въ землю, и когда онъ мощною рукою проводилъ въ густой волнѣ черныхъ волосъ или поглаживалъ темную бороду, а глаза при этомъ загорались гнѣвнымъ огнемъ, можно было догадаться, что душа его возмущена и стоитъ лицомъ къ лицу предъ какимъ-то великимъ вопросомъ. Левъ еще дремалъ, но когда онъ встрепенется—горе врагамъ! Его воины часто сравнивали своего косматаго, безстрашнаго и твердаго какъ сталь вождя съ царемъ звѣрей, и теперь, когда онъ въ раздумьи грозилъ кому-то сжатою десницей, причемъ на смуглой рукѣ его напрягались могучія мышцы, словно пытаясь разорвать золотое запястье, а глаза горѣли зловѣщимъ пламенемъ, одинъ видъ его возбуждалъ страхъ и трепетъ.

Тамъ, на западѣ, куда обращалъ онъ взоры, лежалъ городъ мертвыхъ и участокъ чужеземцевъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ Осія провелъ свой отрядъ по развалинамъ, надъ которыми кружилось воронье, и мимо разрушеннаго отчаго дома.

Въ глубокомъ безмолвіи, по долгу службы, шелъ онъ во главѣ войскъ, и только на привалѣ, когда ему передано было распоряженіе гдѣ разбить станъ его тысячѣ, начальникъ стрѣлковъ Горнехтъ сообщилъ ему, что̀ произошло въ эту ночь. Молча и не сморгнувъ выслушалъ его Осія и ни однимъ словомъ не освѣдомился о дальнѣйшихъ подробностяхъ, пока воины его не разошлись по шатрамъ. Самъ онъ едва успѣлъ отдохнуть, какъ, несмотря на окрикъ стражи, къ нему ворвалась еврейская дѣвушка, и во имя Эліава, старѣйшаго изъ Навиновыхъ рабовъ, которому приходилась внучкой, умоляла Осію пойти съ нею къ старцу. Эліавъ былъ оставленъ въ городѣ, такъ какъ дряхлость и недуги дѣлали его неспособнымъ къ странствію, и тотчасъ по выступленіи евреевъ,

его съ женою перевезли на ослѣ въ домикъ у пристани, подаренный вѣрному слугѣ великодушнымъ Навиномъ.

Внучку оставили для ухода за дряхлою четой, и теперь старый слуга жаждалъ хоть разъ еще повидаться съ господскимъ первенцемъ, котораго еще ребенкомъ носилъ на рукахъ. Эліавъ приказалъ внучкѣ сообщить военачальнику о всенародно данномъ обѣщаніи Навина, что онъ, Осія, покинетъ египтянъ и послѣдуетъ за своими. Дѣвушка разсказала ему, съ какими восторженными кликами встрѣтили эту вѣсть колѣно Ефремово и весь народъ; но подробности могъ передать ему только дѣдъ ея, потому что сама она въ то время была внѣ себя отъ горя и слезъ. Внучка прибавила, что Осія будетъ осыпанъ благословеніями, если пойдетъ съ нею.

Онъ заранѣе зналъ, что уступитъ этому желанію, но долженъ былъ отложить посѣщеніе старца до утра; между тѣмъ посланная успѣла наскоро сообщить ему еще многое изъ видѣннаго ею и слышаннаго отъ другихъ.

Наконецъ, она удалилась. Онъ же снова развелъ огонь и все время, пока пламя костра ярко пылало, хмуро и задумчиво глядѣлъ на западъ. Только тогда, когда пламя пожрало свою пищу, и тонкими голубоватыми струйками забѣгало играя въ обугленныхъ дровахъ, уставился онъ неподвижнымъ взоромъ на трещавшія искры, и чѣмъ дольше глядѣлъ онъ, тѣмъ непреоборимѣе казался ему разладъ, возникшій въ душѣ его, наканунѣ еще цѣльной и стремившейся къ великой цѣли.

Полтора года держала его вдали отъ родины борьба съ ливійскими мятежниками, и цѣлыхъ десять мѣсяцевъ не доходило къ нему ни вѣсточки отъ своихъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ получилъ приказъ возвратиться, и сегодня, по мѣрѣ того какъ онъ все ближе подходилъ ко граду Рамзеса, многостолпному Танису, сердце его билось такъ радостно и съ

такими надеждами, какъ будто онъ, тридцатилѣтній мужъ, снова сталъ юношей.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ увидѣть возлюбленнаго, глубоко чтимаго родителя, который лишь послѣ тяжкаго раздумья и уступая увѣщаніямъ матери, теперь уже давно умершей, разрѣшилъ ему послѣдовать своему влеченію и посвятить себя военной службѣ въ войскѣ фараона. Сегодня еще надѣялся онъ обрадовать отца извѣстіемъ, что онъ, Осія, опередилъ по службѣ далеко старѣйшихъ его вождей изъ природныхъ египтянъ. Вмѣсто униженій, которыя со страхомъ предрекалъ сыну Навинъ, Осія, благодаря беззавѣтной отвагѣ, способностямъ и, какъ онъ скромно прибавлялъ, счастью, пожиналъ лишь отличія — и при этомъ остался евреемъ. Когда при жертвоприношеніяхъ и общихъ молитвахъ ему по необходимости приходилось исповѣдать какого-либо бога, онъ постоянно придерживался Сета, во храмъ котораго еще ребенкомъ водилъ его родитель и которому въ то время молились всѣ семиты въ Гесемѣ. Про себя же онъ признавалъ еще одно божество, но не Бога своихъ праотцевъ, а того что чтили всѣ египтяне изъ посвященныхъ. Народной толпѣ, которой божество это было бы непонятно, его не открывали; но знали о немъ не одни посвященные, т. е. жрецы, а также и большинство занимавшихъ высшія должности на государственной гражданской службѣ и военачальниковъ, а въ числѣ ихъ и онъ, Осія, чужеземецъ и непосвященный. Всякій понималъ что̀ именно подразумѣвалось, когда говорили о „богѣ“ просто, безъ имени того-ли другаго божества, о „совокупности Всего“, о „Самотворящемъ“, о „великомъ Единомъ“. Его прославляли священныя пѣснопѣнія; высѣченныя на гробницахъ надписи, которыя всякій могъ прочесть, гласили о немъ, единомъ богѣ, Все собою проникающемъ и однороднымъ со Всѣмъ. Онъ не только наполнялъ собою видимый міръ, какъ жизненная сила

наполняетъ человѣческое тѣло, но самъ былъ совокупностью всего творенія — вселенною — съ вѣчнымъ бытіемъ, преходящимъ и вновь возникающимъ, повинующеюся законамъ, которые сама себѣ предписала. Какъ въ каждой части Всего, такъ и въ человѣкѣ жила его сущность, и куда бы ни обратилъ свои взоры смертный, всюду видѣлъ онъ воздѣйствіе этого „Единаго". Внѣ его ничто не могло быть мыслимо, и такимъ образомъ онъ былъ одинаковъ съ Богомъ праотцевъ Осіи. Безъ него ничто не возникало и не совершалось на землѣ, и слѣдовательно онъ былъ всемогущъ подобно послѣднему. Осія давно уже считалъ обоихъ равными по существу и различными лишь по имени. Кто признавалъ одного, тотъ служилъ и другому, и такимъ образомъ военачальникъ могъ спокойно предстать своему родителю и сказать ему, что и воиномъ на службѣ фараона остался вѣренъ Богу своего народа.

Но не отъ этого только забилось его сердце быстрѣе и радостнѣе, когда онъ завидѣлъ издали высокіе пилоны и обелиски Таниса: и въ безчисленныхъ походахъ по безмолвнымъ пустынямъ, и на привалахъ въ уединеніи подъ сѣнью шатра, мысленному взору его постоянно являлся образъ нѣкой дѣвы изъ его народа, которую онъ зазналъ еще въ то время какъ она была ребенкомъ, своенравнымъ и волнуемымъ всевозможными странными мыслями, а потомъ, незадолго передъ послѣднимъ походомъ въ Ливію, опять встрѣтилъ уже взрослою дѣвой въ недоступномъ величіи какой-то суровой красоты. Она прибыла изъ Сокхоѳа на погребеніе его матери, въ Танисъ, и здѣсь образъ ея глубоко запечатлѣлся въ его сердцѣ, а его образъ—по крайней мѣрѣ онъ могъ надѣяться — въ ея сердцѣ. Въ то время она была уже пророчицей, внимавшей гласу Господа. Межь тѣмъ какъ прочія дѣвушки ея племени застѣнчиво держались всторонѣ, она свободно вращалась даже въ мужскомъ кругу, и не смотря на свою ненависть къ егип-

тянамъ и къ занимаемому Осіей положенію въ ихъ средѣ, не скрыла отъ него, что ей больно разставаться съ нимъ и что она никогда его не забудетъ. Будущую жену свою онъ всегда представлялъ себѣ такою же сильною и строгою какъ самъ онъ, а Маріамь была именно такова и совершенно затмила другой свѣтлый образъ, который нѣкогда улыбался ему въ мечтахъ. Осія любилъ дѣтей, а милѣе Казаны не встрѣчалъ онъ ребенка ни въ Египтѣ, ни на чужбинѣ. Участіе принимаемое въ его дѣлахъ и судьбахъ прелестною дочерью соратника, тихая, сердечная привязанность, которую выказывала ему впослѣдствіи молодая вдова, умѣвшая однако рѣзко отваживать другихъ поклонниковъ, бывали ему усладою въ бездѣйствіи мирнаго времени. До ея замужства онъ видѣлъ въ ней подроставшую будущую жену свою, но бракъ ея съ другимъ и неоднократныя заявленія Горнехта что онъ никогда и ни за что не отдастъ руку своей дочери чужеземцу, уязвили его гордость и оттолкнули его. Потомъ онъ встрѣтилъ Маріамь и воспылалъ желаніемъ обладать ею. Тѣмъ не менѣе на обратномъ походѣ онъ съ удовольствіемъ думалъ о предстоящемъ свиданіи съ Казаной, которое будетъ тѣмъ пріятнѣе что теперь онъ вовсе не намѣренъ добиваться ея руки; вѣдь это повело бы лишь къ горькой досадѣ, такъ какъ и египтяне, и евреи гнушались даже дѣлить трапезу, сидѣть рядомъ или ѣсть съ одного ножа. Хотя онъ и считался *своимъ* въ средѣ товарищей по оружію, хотя отецъ молодой вдовы нерѣдко дружески освѣдомлялся объ его отцѣ, все же и Горнехту, и всѣмъ свободнымъ египтянамъ „чужеземецъ" казался чѣмъ-то противнымъ.

Въ Маріами нашелъ онъ драгоцѣннѣйшую подругу. Пусть же Казана осчастливитъ кого-нибудь другаго! Тѣмъ не менѣе она всегда осталась бы для него прелестнымъ ребенкомъ, отъ котораго ничего не требуютъ кромѣ удовольствія любоваться имъ.

Онъ собирался къ ней за ласковымъ взглядомъ, какъ старый, на всякую услугу готовый другъ; къ Маріами-же—за нею самой, во всемъ ея величіи и красотѣ. Ибо онъ достаточно долго уже выносилъ одиночество походнаго быта, а съ тѣхъ поръ какъ при возвращеніи домой его не встрѣчаютъ и объятія матери, все сильнѣе чувствовалъ убогую пустоту холостой жизни. Онъ хотѣлъ насладиться мирнымъ временемъ, сложивъ оружіе послѣ цѣлаго ряда опасностей и лишеній всякаго рода; его долгъ — ввести хозяйку въ отчій домъ и позаботиться о томъ чтобъ не угасъ именитый родъ, въ которомъ онъ оставался послѣднимъ потомкомъ по мужскому колѣну; ибо Ефремъ былъ сынъ сестры его.

Съ такими-то возвышающими душу, радостными помышленіями приближался онъ къ Танису; вотъ онъ и цѣли достигъ— и что-же? все на что̀ надѣялся, чего такъ страстно желалъ онъ, все теперь сгинуло предъ нимъ какъ зрѣлая нива побитая градомъ и опустошенная саранчей.

Какъ-бы въ насмѣшку надъ нимъ, судьба привела его прежде всего къ участку его родичей. Гдѣ нѣкогда стоялъ отчій домъ, въ которомъ онъ выросъ и куда рвалось его сердце, тамъ теперь лежали въ пыли однѣ развалины; гдѣ нѣкогда съ гордостью встрѣчала его многочисленная родня, тамъ нынѣ попались ему лишь нищіе, жадно рывшіеся въ мусорѣ ради поживы.

Первымъ встрѣтившимъ его въ Танисѣ былъ отецъ Казаны. Вмѣсто ласковаго взгляда ея глазъ, онъ получилъ отъ Горнехта извѣстія, растерзавшія ему сердце. Онъ думалъ ввести подъ отчій кровъ молодую жену, а этотъ домъ, въ которомъ она должна была хозяйничать, сравняли съ землею. Онъ жаждалъ родительскаго благословенія и хотѣлъ порадовать отца своимъ возвышеніемъ, но тотъ ушелъ въ невѣдомую даль и сталъ врагомъ царя, которому сынъ обязанъ этимъ возвышеніемъ.

Еще недавно гордился онъ тѣмъ, что, не смотря на свое происхожденіе, достигъ власти и почестей и теперь, какъ вождь многихъ тысячъ, можетъ уже въ широкихъ размѣрахъ доказать на что онъ способенъ. У него и прежде не было недостатка въ замыслахъ, которые, будучи приняты начальствомъ, принесли-бы много пользы; а теперь онъ могъ самъ осуществить эти замыслы и изъ жалкаго орудія стать руководящею силой. Это пробуждало въ груди его прекрасныя, высокія чувства и окрыляло его на обратномъ походѣ; а теперь, когда онъ достигъ завѣтной цѣли, онъ долженъ вернуться назадъ и примкнуть къ пастухамъ и кирпичникамъ, которымъ онъ — и какимъ злополучіемъ это казалось ему теперь! — свой по крови и происхожденію, а между тѣмъ — нечего себя обманывать— сталъ имъ такъ-же чуждъ какъ и ливійцамъ, съ которыми воевалъ. Во многомъ изъ того чѣмъ дорожатъ люди, у него не было съ ними ничего общаго. Онъ думалъ утвердительно отвѣтить на вопросъ отца: остался-ли онъ евреемъ, а теперь онъ чувствовалъ, что остается имъ неохотно и менѣе чѣмъ на половину.

Онъ всей душою былъ преданъ знаменамъ, подъ которыми хаживалъ въ битвы и которыя нынѣ самъ долженъ былъ вести къ побѣдѣ. Моѓъ-ли онъ теперь покинуть ихъ и отказаться отъ того, что добыто собственными заслугами? Однако-жь, по словамъ внучки стараго Эліава, свои ждутъ отъ него, что онъ оставитъ службу и послѣдуетъ за ними. Скоро должна была дойти къ нему эта вѣсть отъ отца, а у евреевъ сынъ не могъ прекословить волѣ родителя.

Но и другому также обязанъ онъ былъ повиноваться, именно фараону, которому торжественно присягалъ: служить вѣрно и по единому слову его, не медля и безъ разсужденія, всегда и днемъ и ночью быть готовымъ въ огонь и воду. Какъ часто называлъ онъ бездѣльникомъ и безчестнымъ воина, который

становился перебѣжчикомъ или противился повелѣнію своего начальника, и какъ часто по его приказу и на его собственныхъ глазахъ казнили многихъ перебѣжчиковъ позорною казнью— повѣшеніемъ! Неужели ему самому теперь сдѣлать то, за что онъ презиралъ другихъ и даже лишалъ жизни? Онъ былъ извѣстенъ во всемъ войскѣ своей мгновенной рѣшимостью, а также и быстротой съ которой даже въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ принималъ вѣрное рѣшеніе и приводилъ его въ исполненіе; теперь-же, въ эти ночные часы, онъ казался себѣ тростью колеблемою вѣтромъ, чувствовалъ себя безпомощнымъ, какъ осиротѣлый младенецъ.

Имъ овладѣлъ ярый гнѣвъ на самого себя, и въ припадкѣ отвращенія къ собственной шатости, онъ ударилъ копьемъ въ огонь съ такою силой, что внезапно запылавшій костеръ развалился съ трескомъ и яркій снопъ искръ столбомъ поднялся въ потемкахъ на воздухъ.

Если бы происшедшее здѣсь, въ Танисѣ, налагало на него подобающій мужу долгъ мщенія, то всѣмъ обсужденіямъ и колебаніямъ насталъ бы конецъ и призывъ отца былъ-бы непререкаемъ; но кто-же здѣсь потерпѣлъ тягчайшую несправедливость? Конечно, египтяне, которымъ проклятіе Моисея обошлось въ тысячи дорогихъ жизней. Онъ негодовалъ на нихъ за уничтоженіе еврейскихъ жилищъ, но не видѣлъ достаточныхъ основаній для кроваваго имъ возмездія, если принять во вниманіе несказанное горе, которое, благодаря его родичамъ, обрушилось на фараона и его подданныхъ. Нѣтъ! мстить было не за что, и онъ казался себѣ человѣкомъ который видитъ своихъ отца и мать въ смертельной опасности и убѣжденъ въ томъ, что не можетъ помочь обоимъ разомъ, и хотя-бы онъ жизнью пожертвовалъ чтобы спасти одну, онъ все-же предоставитъ другаго погибели. Откликнись онъ на призывъ соплеменниковъ — погибнетъ его

честь, которую онъ доселѣ хранилъ незапятнанною какъ яркую мѣдь своего шлема, а вмѣстѣ съ честью будутъ утрачены и всѣ высшія блага жизни. Останься онъ вѣренъ фараону и присягѣ — онъ предастъ своихъ кровныхъ, отцовское проклятіе омрачитъ ему всѣ его дни, и самъ онъ откажется отъ лучшей надежды въ грядущемъ, такъ какъ Маріамь — истинная дщерь своего народа, и благо ему если великая душа ея способна такъ-же горячо любить какъ умѣла ненавидѣть.

Величественною и прекрасной, но съ мрачнымъ взглядомъ и строгимъ предостерегающимъ мановеніемъ руки являлась она его мысленному взору, когда Осія смотрѣлъ чрезъ потухающій костеръ въ темноту ночи, при чемъ мужская гордость его возмущалась и ему казалось постыднымъ, изъ боязни гнѣва и упрековъ женщины, бросить на ставку все что̀ дорого воину.

„Нѣтъ, нѣтъ!" шепталъ онъ про себя, и чаша вѣсовъ, на которой лежали сыновніе долгъ, любовь и повиновеніе вмѣстѣ съ голосомъ крови, стремительно поднялась кверху. Онъ—то что̀ онъ есть, начальникъ десяти-тысячнаго царскаго войска. Одному царю присягалъ онъ и никому болѣе. Пусть родичи бѣгутъ отъ ига египетскаго — онъ, Осія, ненавидитъ бѣгство! Ихъ тяжко угнетали въ рабствѣ, его-же знатнѣйшіе сановники страны встрѣчали какъ равнаго и сочли достойнымъ высшихъ почестей. Отвѣтить имъ вѣроломствомъ—было-бы не въ его духѣ: онъ поднялся на ноги со вздохомъ облегченія, и ему казалось, что онъ избралъ путь правды. Женщина и слабость исполненнаго любовью сердца не должны отвлекать его отъ важныхъ обязанностей и высокихъ цѣлей его жизни.

„Я остаюсь", звучалъ громкій голосъ въ груди его. „Отецъ мой мудръ и добръ, и узнавъ мои побужденія, онъ одобритъ ихъ и вмѣсто проклятія благословитъ меня. Я напишу ему, а мальчикъ, присланный Маріамью, отнесетъ мое посланіе".

Зовъ изъ шатра заставилъ его вздрогнуть, и тутъ, взглянувъ на звѣзды, и убѣдясь, что забылъ объ уходѣ за больнымъ, Осія проворно подошелъ къ его ложу.

Ефремъ ждалъ его, приподнявшись на локтѣ, и встрѣтилъ его словами:

— Истомился я по тебѣ. Такое множество мыслей кипитъ у меня въ головѣ и прежде всего порученіе Маріамъ. Я не успокоюсь, пока не передамъ тебѣ ея словъ — слушай же...

Осія кивнулъ ему головой, и юноша, выпивъ поданное ему лекарство, началъ такъ:

— Маріамъ, дочь Амрама и Іохаведы, привѣтствуетъ сына Навинова, потомка Ефремова. Осіей (спасителемъ) зовутъ тебя, и спасителемъ своего народа избралъ тебя Господь Богъ нашъ. Отнынѣ же впредь, по Его велѣнію, будутъ звать тебя Іисусомъ [1]), спасителемъ которому въ помощь Ісгова; ибо устами Маріамъ, рабыни Его, повелѣваетъ тебѣ Богъ отцовъ ея, Онъ же и твой Богъ, да будешь ты мечъ и щитъ народу твоему. Онъ всемогущъ и обѣщаетъ укрѣпить руку твою, ею же сокрушитъ враговъ.

Тихо началъ Ефремъ эту рѣчь, но постепенно голосъ его крѣпчалъ и послѣднія слова громко и торжественно прозвучали въ ночномъ затишьѣ.

Такъ твердила ихъ ему Маріамъ, возложивъ руки на его голову и строго уставя ему въ лицо черные какъ ночь глаза, и онъ повторялъ эти слова за нею, чувствуя какъ бы присутствіе нѣкой таинственной силы, побуждавшей его передать ихъ Осіи такъ точно, какъ онъ слышалъ ихъ изъ устъ пророчицы. Тутъ Ефремъ вздохнулъ съ облегченіемъ, повернулся лицомъ къ холщевой стѣнѣ шатра и спокойно проговорилъ:

— А теперь я засну.

[1]) По еврейски *Ігошуа*—тотъ кому въ помощь Ісгова.

Но Осія положилъ ему руку на плечо и повелительно сказалъ:

— Еще разъ!

Юноша повиновался; но на этотъ разъ онъ произносилъ натверженныя слова безъ смысла и тихо, какъ бы про себя. Потомъ съ мольбою проговорилъ: „дай же мнѣ покой", прилегъ щекою на руку и закрылъ глаза.

Осія далъ ему волю, заботливо перемѣнилъ примочку на пылавшей головѣ, погасилъ свѣтильникъ и подбросилъ топлива въ догоравшій костеръ передъ шатромъ; но все это бодрый, крѣпкій волею мужъ дѣлалъ какъ во снѣ. Наконецъ присѣлъ у костра, опершись локтемъ о колѣно, склонивъ голову на руку, и смотрѣлъ то въ пустое пространство, то на огонь.

Кто же былъ этотъ Богъ, заповѣдавшій ему устами Маріамъ, чтобъ онъ при Его помощи сталъ мечомъ и щитомъ своего народа?

Вотъ онъ долженъ теперь носить новое имя, но имя въ Египтѣ — весь человѣкъ. „Чти фараоново имя", а не „чти фараона", говорилось и устно, и письменно, и если отнынѣ онъ назовется Іисусомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденъ будетъ совлечь съ себя прежняго человѣка и стать новымъ.

Въ томъ что̀ передала ему Маріамь за волю Бога отцовъ своихъ, заключалось ни болѣе, ни менѣе какъ требованіе, чтобъ онъ изъ египтянина, какимъ сдѣлала его жизнь, сталъ снова евреемъ, которымъ былъ въ дѣтствѣ. Онъ долженъ былъ усвоить себѣ и образъ дѣйствій, и чувства еврея!

Маріамь также звала его къ своимъ. То самое чего ждалъ отъ него родитель, заповѣдалъ ему черезъ нее и Богъ его народа. Вмѣсто подначальныхъ ему тысячъ, которыя теперь предстояло бросить,—впредь когда дѣло дойдетъ до битвы, онъ поведетъ въ бой своихъ братьевъ по крови. Таковъ былъ смыслъ даннаго ему повелѣнія, и если великая дѣва, пророчица обратившая къ нему свое слово, заявляла ему что самъ Богъ глаголетъ

ея устами, то это не было суетною похвальбой, и она въ самомъ дѣлѣ исполняла заповѣдь Всевышняго. Теперь образъ этой жены, которой онъ осмѣлился пожелать, выросталъ передъ нимъ до недосягаемой высоты. Многое изъ того что̀ онъ въ дѣтствѣ слыхалъ о Богѣ Авраамовомъ и Его обѣтованіяхъ, снова пришло ему на память, и теперь та чаша вѣсовъ, что прежде перевѣшивала, поднималась все выше и выше. То что̀ прежде повидимому созрѣло въ рѣшеніе, оказывалось теперь несостоятельнымъ, и снова видѣлъ онъ себя добычею душевнаго разлада, который такъ еще недавно считалъ побѣжденнымъ.

Какъ громко и мощно звучало призваніе, которому онъ только что внималъ! До сихъ поръ еще звенѣло оно въ ушахъ его, смущая покой и ясность духа, и вмѣсто прежняго спокойнаго обсужденія, въ немъ оживали теперь воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ, которыя онъ считалъ давно похороненными, и отрывочные проблески мыслей словно молніями сверкали перекрещиваясь въ головѣ.

По временамъ ему хотѣлось обратиться съ молитвой къ призвавшему его Богу; но сколько ни старался сосредоточиться и устремить къ Нему очи и сердце, Осія никакъ не могъ забыть о присягѣ, которую приходилось нарушить, и о своихъ тысячахъ, которыя предстояло покинуть—и покинуть съ тѣмъ чтобы вмѣсто вышколенныхъ, храбрыхъ, послушныхъ соратниковъ вести всякій сбродъ, изъ привычныхъ къ тяжкому угнетенію тягловыхъ поденщиковъ и своевольныхъ, грубыхъ пастуховъ.

Насталъ третій часъ послѣ полуночи, смѣнили стражу, и Осія подумывалъ о томъ, чтобы дать себѣ покой часа на два. При дневномъ свѣтѣ хотѣлъ онъ все это снова обдумать съ нѣкогда свойственной ему ясностью сужденія, теперь недостижимой для него. Но когда онъ вошелъ въ шатеръ и прислушался къ дыханію Ефрема, ему показалось будто онъ

опять внемлетъ торжественной рѣчи юноши. Онъ испугался даже и началъ было повторять ее про себя, какъ внезапно среди дозорныхъ послышались громкіе голоса и горячій споръ прервалъ безмолвіе ночи.

Осія обрадовался этому случаю, и быстрыми шагами пошелъ къ стражѣ.

Эліавъ, Хогла и Осія.

Глава VI.

Хогла, внучка стараго раба, снова пришла умолять Осію чтобъ онъ поспѣшилъ за нею къ ея дѣду, который внезапно занемогъ, чувствуетъ приближеніе смерти и не хочетъ умереть, не повидавъ его еще разъ и не благословивъ его.

Полководецъ приказалъ ей подождать; затѣмъ, убѣдившись, что Ефремъ спитъ спокойнымъ сномъ, поручилъ его надежному человѣку и послѣдовалъ за Хоглой.

Молодая дѣвушка шла впереди съ небольшимъ фонаремъ въ рукахъ. Свѣтъ падалъ иногда на ея лицо, и Осія могъ замѣтить, что оно очень некрасиво и что непосильный, тяжелый трудъ преждевременно сгорбилъ спину дѣвушки. Голосъ ея звучалъ хрипло, какъ часто бываетъ у женщинъ, безпощадно изнуряемыхъ работою; но всѣ ея рѣчи дыша-

ли кротостью и привѣтливостью, и Осія совсѣмъ забылъ объ ея наружности, когда она призналась, что у нея есть женихъ, ушедшій съ переселенцами, сама же она осталась у дѣда, не въ силахъ будучи покинуть стариковъ одинокими. Такъ какъ она некрасива, никто не хотѣлъ взять ее въ жены, пока не явился Асиръ, который не обратилъ вниманія на ея наружность, потому что самъ такъ же трудолюбивъ какъ она и надѣется, что она будетъ хорошею, бережливою хозяйкой. Онъ также охотно остался бы съ нею, но отецъ приказалъ ему примкнуть къ переселенцамъ и такимъ образомъ молодымъ людямъ пришлось покориться и разстаться на всю жизнь.

Голосъ молодой дѣвушки не былъ звученъ, слова были просты и безпритязательны, а между тѣмъ они за сердце хватали человѣка, который только что намѣревался, противъ воли отца, идти своимъ собственнымъ путемъ.

Когда они подошли къ гавани, гдѣ Осія увидѣлъ набережныя и большіе укрѣпленные склады для запасовъ, воздвигнутые людьми его племени, ему снова пришли на умъ оборванныя толпы рабочихъ, которыя нерѣдко на его глазахъ то пресмыкались предъ египетскими надсмотрщиками, то неистово ссорились между собою. Онъ зналъ, что его соплеменники не останавливались передъ ложью и обманомъ, отлынивая отъ работы, и видѣлъ съ какимъ трудомъ заставляли ихъ повиноваться.

Наиболѣе отталкивающія личности изъ среды этихъ несчастныхъ живо представились ему, и возможность того, что онъ будетъ начальствовать надъ ними, показалась ему униженіемъ, отъ котораго отказался бы самый младшій изъ подчиненныхъ ему пятидесятниковъ. Среди наемнаго фараонова войска насчитывалось, правда, не мало евреевъ, извѣстныхъ своею храбростью и выносливостью; но то были сыновья стадовладѣльцевъ или сами бывшіе пастухи. Большинство же тѣхъ, къ кому звали его теперь, составлялъ жалкій сбродъ тягло-

выхъ поденщиковъ, жившихъ въ мазанкахъ, которыя разсыпались отъ одного удара ногой.

Съ рѣшимостью остаться вѣрнымъ присягѣ, приковывавшей его къ знаменамъ, и тѣмъ не менѣе съ какою-то тайною тревогой въ душѣ вошелъ Осія въ хижину раба, и дурное расположеніе духа усилилось въ немъ еще болѣе, когда онъ увидѣлъ, что старикъ сидитъ почти здоровый и собственноручно наливаетъ воду въ вино. И такъ, обманомъ заставили его покинуть больнаго племянника, лишили его самого возможности отдохнуть, и все это затѣмъ только, чтобы исполнить желаніе раба, который и въ его глазахъ не былъ настоящимъ человѣкомъ! Осіи приходилось теперь испытать на себѣ то лукавое своекорыстіе, въ которомъ египтяне упрекали его племя и которое, по истинѣ, не могло привлечь его къ своимъ. Но Осія былъ справедливъ и проницателенъ, а потому гнѣвъ его скоро улегся, когда молодая дѣвушка видимо обрадовалась быстрому выздоровленію дѣда; къ тому же и престарѣлая жена раба подтвердила, что мужъ, по ея мнѣнію, стоялъ уже одной ногой въ могилѣ, но не успѣла внучка ихъ уйти, какъ старуха вспомнила, что въ домѣ у нихъ имѣется вино, и послѣ перваго же стакана мужу стало дѣлаться все лучше и лучше. Вотъ онъ и теперь приготовляетъ цѣлебное питье, чтобы отъ времени до времени подкрѣплять себя глоточкомъ.

Тутъ и старикъ вступилъ въ разговоръ, сказавъ, что всѣмъ этимъ и еще многимъ другимъ обязаны они великодушію Навина, отца Осіи; ибо, кромѣ хижины, вина и муки на хлѣбы, онъ подарилъ имъ дойную корову и даже осла, на которомъ старикъ могъ бы иногда выѣхать. Мало того, онъ оставилъ при нихъ внучку и далъ имъ нѣсколько серебра. Такимъ образомъ они могутъ спокойно ожидать смерти, тѣмъ болѣе, что за домикомъ есть еще клочекъ земли, который Хогла намѣрена засѣять рѣдькой, лукомъ и чеснокомъ. Но дороже всего

та грамота, которая дѣлаетъ ихъ и внучку навѣки свободными. Да, Навинъ—истинный владыка и отецъ своихъ рабовъ. На дѣлахъ его почіетъ благословеніе Всевышняго, ибо вскорѣ по выступленіи народа удалось, при помощи жениха Хоглы—Асира, благополучно перевезти сюда и его, Эліава, и жену.

— Мы, старики, присовокупила старуха,—такъ и умремъ здѣсь. Но Хоглу Асиръ обѣщалъ взять за себя, если она до конца исполнитъ свой долгъ относительно насъ.

При этихъ словахъ старуха обратилась къ молодой дѣвушкѣ и добавила успокоительнымъ тономъ:

— Намъ ужъ теперь не долго жить.

Хогла смахнула слезы краемъ своей синей одежды и воскликнула:

— Живите себѣ на здоровье подольше; я молода и могу ждать!

Осія слышалъ эти слова, и снова ему показалось, будто бѣдная, некрасивая, покинутая дѣвушка даетъ ему урокъ.

Онъ не прерывалъ рѣчи отпущенниковъ; но время шло, а потому полководецъ спросилъ Эліава, не было ли у него особыхъ поводовъ позвать его.

— Я долженъ былъ это сдѣлать, отвѣтилъ тотъ,—не только въ утоленіе желаній моего стараго сердца, но такова была и воля моего господина. Ты великъ и славенъ своимъ мужествомъ; ты сталъ надеждою Израиля. Отецъ твой обѣщалъ своимъ рабамъ и домочадцамъ, что—когда онъ сойдетъ въ могилу—ты станешь ихъ господиномъ и вождемъ. Полна похвалъ тебѣ была рѣчь его, и велика была наша радость, когда мы услышали, что ты присоединишься къ выступающимъ. Подъ конецъ господинъ мой удостоилъ меня порученіемъ къ тебѣ: въ случаѣ если ты вернешься раньше, чѣмъ его посланцы найдутъ тебя, я долженъ сообщить тебѣ, что Навинъ, отецъ твой, ожидаетъ своего сына. Куда бы твой народъ ни направился, тебѣ надлежитъ слѣдовать за нимъ. Онъ держитъ путь

свой на востокъ, сначала подаваясь на полдень, и у Сокхоѳа остановится на роздыхъ. Отецъ твой думаетъ оставить тебѣ въ дуплѣ смоковницы, что передъ домомъ Аминадава, посланіе, въ которомъ сообщитъ, куда народъ направитъ оттуда путь свой. Да будетъ на тебѣ благословеніе отца твоего и Бога нашего во всѣхъ путяхъ твоихъ!

При послѣднихъ словахъ старика, Осія наклонилъ голову, какъ бы подставляя незримымъ рукамъ. Затѣмъ онъ поблагодарилъ старика и спросилъ сдавленнымъ голосомъ, всѣ-ли охотно подчинились велѣнію покинуть домъ и имущество.

Тутъ старуха всплеснула руками и воскликнула:

— О, нѣтъ, господинъ, далеко не такъ! Сколько тутъ было жалобъ и вою передъ выступленіемъ! Одни отмаливались, другіе бѣжали или забивались по укромнымъ уголкамъ. Но все было напрасно! Въ домѣ нашего сосѣда Дегуила—ты знаешь его — молодая жена только что родила первенца-сына. Каково будетъ несчастной во время странствованій! Ахъ, какъ она горько плакала, да и мужъ ея страшно богохульствовалъ, но ничто не могло помочь! Ее уложили въ повозку вмѣстѣ съ новорожденнымъ, и когда тронулись, на молодую женщину снизошло какъ и на другихъ; даже на Пинеха, который съ женой и пятью ребятами залѣзъ было въ голубятню, и на горбатую „кладбищенскую Кузайю“ — ты знаешь ее? Адонаи! Ей пришлось пережить отца и мать, мужа и трехъ взрослыхъ молодцовъ-сыновей—все, что̀ Господь далъ ей дорогаго; всѣ они рядомъ лежатъ на нашемъ кладбищѣ. Старуха ходила каждое утро и вечеръ на могилы и, сидя на обрубкѣ бревна, подкаченномъ ею къ могильнымъ камнямъ, все шептала про себя; это были не однѣ молитвы — я часто прислушивалась, незамѣтно ей, — нѣтъ, она говорила съ умершими, какъ будто они могли слышать ее изъ могилы и отвѣчать ей, подобно живымъ. Ей уже подъ-семьдесятъ и уже двадцать

одинъ годъ тому назадъ люди прозвали ее „кладбищенскою Кузайей“. Глупыя повадки, конечно, но тѣмъ труднѣе ей было отказаться отъ нихъ; она и не соглашалась, даже спряталась въ кусты. Но Ахіезеръ вытащилъ ее оттуда. Послушать ея вопли—сердце разрывалось; но когда дѣло дошло до выступленія—охватило и ее, и она не могла противиться также, какъ и другіе.

— Что же, наконецъ, такое снизошло на этихъ несчастныхъ и что тамъ охватило ихъ? перебилъ Осія слова старухи.

И тутъ ему снова представился, во всей его жалкой неприглядности, народъ, который онъ долженъ вести, который онъ поведетъ во всякомъ случаѣ—это такъ же вѣрно, какъ то, что нѣтъ для него ничего выше отцовскаго благословенія.

Старуха вздрогнула, видя гнѣвъ господскаго первенца, великаго и знатнаго полководца, и возразила запинаясь:

— Что ихъ охватило-то, господинъ? Какъ сказать... я бѣдная, глупая раба; но, если-бъ ты самъ видѣлъ...

— Что-же, что? снова нетерпѣливо и рѣзко перебилъ ее Осія, впервые видя себя принужденнымъ дѣйствовать противъ воли и убѣжденія.

Тогда старикъ попытался прійти на помощь къ испуганной женщинѣ и робко проговорилъ:

— Ахъ, господинъ, никакой человѣческій умъ не можетъ постичь этого, никакія уста не могутъ пересказать. Это шло отъ Господа Бога, и еслибъ я осмѣлился описать тебѣ, съ какой силой оно въ душахъ народа...

— Говори, перебилъ Осія,—но времени у меня мало. И такъ, ихъ принудили къ выступленію и они противъ воли взялись за посохъ. Что они съ нѣкоторыхъ поръ слѣдуютъ за Моисеемъ и Аарономъ, какъ стадо за пастухомъ, это извѣстно даже египтянамъ. Не эти-ли двое, навлекшіе на столькихъ безвинныхъ страшную заразу, совершили и то чудо, которое омрачаетъ умъ тебѣ и твоей женѣ?

При этихъ словахъ старецъ простеръ руки, какъ бы останавливая Осію, и возразилъ съ огорченнымъ и умоляющимъ видомъ:

— О, господинъ! Ты первенецъ моего повелителя, ты одинъ изъ великихъ и сильныхъ міра, и, захоти только, можешь раздавить меня, какъ ничтожнаго червя; но я тѣмъ не менѣе возвышаю голосъ и взываю къ тебѣ: Свѣдѣнія твои не вѣрны! Ты сражался въ чужихъ странахъ тотъ годъ, когда со всѣми нами случилось чрезвычайное. Говорятъ, ты былъ вдали отъ Зоана [1]) во время выступленія. Иначе быть не могло! Ибо каждый сынъ нашего народа, бывшій при этомъ, скорѣе далъ бы отсохнуть своему языку, чѣмъ сталъ бы издѣваться надъ тѣмъ великимъ событіемъ, что Господь привелъ ему пережить. О, если-бъ ты имѣлъ терпѣніе выслушать меня...

— Такъ говори же! воскликнулъ Осія, пораженный торжественною рѣчью старика.

Тотъ поблагодарилъ его признательнымъ взглядомъ и продолжалъ:

— Ахъ, если-бы Ааронъ, или Елеазаръ, или господинъ мой, твой отецъ, были здѣсь, а не то бы Всевышній даровалъ мнѣ силу слова! Но такъ-то что же я... Гдѣ ужъ мнѣ!.. хотя мнѣ кажется, что я снова вижу и слышу опять все какъ было, но какъ пересказать? Можно ли передать что-либо подобное простыми словами? А все-же съ Божьею помощью попытаюсь!

Онъ замолчалъ, и Осія, замѣтивъ, что у старика дрожатъ руки и губы, самъ подалъ ему стаканъ, который тотъ съ благодарностью осушилъ до дна. Потомъ онъ началъ разсказъ, полузакрывъ глаза и, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, морщины его какъ бы разглаживались.

— Жена уже разсказала тебѣ, что произошло, когда ста-

[1]) Еврейское названіе Таниса.

ло извѣстно предназначенное нашему народу; мы также были въ числѣ роптавшихъ и малодушныхъ, но вчера вечеромъ всѣ мы, принадлежащіе къ дому Навина, даже пастухи, и рабы, и бѣдные, были приглашены на торжественный пиръ; тамъ были жареные ягнята, свѣжій прѣсный хлѣбъ и вдоволь вина—больше чѣмъ обыкновенно на праздникѣ жатвы, который начался въ ту же ночь и на которомъ ты самъ часто бывалъ въ дѣтствѣ. Мы сидѣли и наслаждались яствами, а отецъ твой, нашъ господинъ, ободрялъ насъ, разсказывалъ намъ о Богѣ нашихъ отцовъ и о великомъ Его строительствѣ ихъ судебъ. Теперь—воля Всевышняго, чтобы мы вышли изъ страны, гдѣ претерпѣвали лишь рабство и презрѣніе. Это не жертва, подобная той, для которой Авраамъ точилъ ножъ, чтобы, по велѣнію Всевышняго, пролить кровь сына своего Исаака, хотя многимъ и тяжело покажется разстаться съ домомъ своимъ и старыми привычками; напротивъ, это будетъ великое счастье для всѣхъ насъ. Ибо, разъ Онъ призываетъ насъ, мы идемъ не на неизвѣстное, а къ прекрасной цѣли, указанной намъ самимъ Богомъ. Вмѣсто этой страны рабства, Онъ обѣщалъ намъ благодатное, новое отечество, гдѣ мы, свободные люди, на плодоносныхъ нивахъ и богатыхъ пастбищахъ найдемъ все необходимое для человѣка и радующее его сердце. Подобно тому, какъ трудятся въ потѣ лица, чтобы получить хорошее вознагражденіе, такъ и намъ придется претерпѣть нѣкоторое время лишенія и невзгоды, чтобы себѣ и дѣтямъ нашимъ добыть благодатное отечество, обѣтованное намъ Господомъ. Оно называется землей Господней, ибо есть даръ Всевышняго. Такъ говорилъ отецъ твой и благословилъ всѣхъ насъ и обѣщалъ, что и ты отряхнешь прахъ отъ ногъ своихъ и присоединишься къ намъ и твердою рукою будешь сражаться за насъ, какъ опытный полководецъ и покорный сынъ.

Тутъ раздались громкіе восторженные клики, а когда мы, собравшись на площади, узнали, что и тягловымъ удалось уйти отъ надсмотрщиковъ, то многіе ободрились. Затѣмъ среди насъ явился Ааронъ, сталъ на скамью оцѣнщика при вольныхъ торгахъ, и изъ устъ его мы услышали то же самое, что на торжественномъ пиршествѣ говорилъ мой владыка, Навинъ. Рѣчь Аарона гудѣла то грозными громовыми раскатами, то нѣжными звуками гуслей, и каждый чувствовалъ, что его устами говоритъ самъ Господь; поэтому она западала глубоко въ душу даже упорствовавшимъ, такъ что они уже не роптали и не сѣтовали; когда-же онъ возвѣстилъ тысячамъ народа, что не грѣшный человѣкъ, а самъ Господь будетъ нашимъ вождемъ, когда онъ описалъ великолѣпіе той страны, въ которую Богъ намъ откроетъ путь и гдѣ, избавившись отъ всякаго рабства, мы будемъ жить свободными, счастливыми людьми, повинуясь лишь Богу отцовъ нашихъ, и тѣмъ, кого мы сами поставимъ своими вождями — тогда можно было подумать, что вся толпа, поголовно, захмѣлѣла отъ сладкаго вина, точно это происходило не на тернистомъ пустынномъ пути къ неизвѣстному, а на великомъ пиршествѣ, приготовленномъ самимъ Всевышнимъ. Даже тѣхъ, что не слыхали ни слова изъ рѣчи Аароновой, охватило дивное довѣріе; мужчины и женщины говорили еще громче и радостнѣе, чѣмъ обыкновенно на праздникѣ жатвы, и сердца изливались въ горячей благодарности.

И старцевъ охватило той же радостью!.. Столѣтній Елишама, отецъ твоего отца, который давно уже, какъ ты знаешь, сидитъ сгорбившись и молча на своемъ мѣстѣ,—поднялся на ноги и сверкая глазами произносилъ пламенныя рѣчи. Духъ Господень снизошелъ на него и на всѣхъ насъ. Мнѣ сдавалось, что я помолодѣлъ тѣломъ и душою, а какъ подошелъ къ отрядамъ, выстраивавшимся въ путь, вижу вдругъ Елисавету,

роженицу-то, на носилкахъ: она смотрѣла оттуда, какъ въ день своей свадьбы, и, прижимая къ груди младенца, восхваляла судьбу за то, что онъ выраститъ свободнымъ въ благословенной странѣ. Мужъ ея, Дегуилъ, громче всѣхъ возстававшій, теперь махалъ посохомъ, цѣловалъ жену и ребенка со свѣтлыми слезами радости на глазахъ и громко ликовалъ, какъ виноградарь во время уборки, когда кувшины и мѣха не могутъ вмѣстить Божьихъ даровъ. Старая кладбищенская Кузайя, которую оторвали отъ могилъ ея родни, сидѣла на повозкѣ съ другими дряхлыми и, махая покрываломъ, подтягивала хвалебной пѣсни, которую запѣли Элкана и Авіасавъ, сыны Корея. Такъ выступили они; мы-же, оставшіеся, упали другъ другу въ объятія и не знали, съ горя-ли наполнялись глаза наши слезами, или съ радости что видимъ счастливыми и исполненными свѣтлой надежды тысячи людей, близкихъ и дорогихъ намъ.

Такъ-то вотъ оно было—и только, когда исчезли въ темнотѣ пылавшія корчаги со смолой, что несли впереди шествія и которыя, какъ мнѣ казалось, свѣтили ярче огней зажигаемыхъ для праздника Нейтъ на воротахъ храмовъ,—мы пошли домой, чтобы не задерживать отставшаго отъ шествія Аспра. И потомъ, идя въ ночной темнотѣ по улицамъ, оглашеннымъ жалобами и воплями жителей, мы запѣли тихимъ голосомъ хвалебную пѣснь сыновей Корея, и радостный покой снизошелъ на насъ; мы знали теперь, что Господь Богъ нашъ охраняетъ и ведетъ свой народъ.

Старикъ умолкъ, а жена и внучка, слушавшія его съ блестящими глазами, прижались одна къ другой и, не сговариваясь, запѣли хвалебную пѣснь сыновей Корея; слабый голосъ старухи трогательно сливался съ хриплымъ, но облагороженнымъ восторженностью голосомъ молодой дѣвушки.

Осія чувствовалъ, что было бы преступленіемъ прервать

изліянія этихъ переполненныхъ сердецъ; однако старикъ скоро велѣлъ имъ замолчать и съ напряженнымъ ожиданіемъ глянулъ въ сурово-строгія черты господскаго первенца. Понялъ-ли тотъ его?

Понялъ-ли воинъ, служившій фараону, что, при выступленіи, самъ Богъ овладѣлъ сердцами его единоплеменниковъ?

Или онъ отрекся отъ своего народа и своего Бога и такъ уже развратился среди египтянъ, что противится желанію и повелѣнію своего отца?

Неужели тотъ, на кого онъ возлагалъ величайшія надежды, сталъ отступникомъ и потерянъ навсегда для своего народа?

Старикъ не получилъ словеснаго отвѣта на эти вопросы, но когда Осія взялъ его старую, мозолистую руку въ обѣ свои и пожалъ ее, какъ руку друга, когда онъ со слезами на глазахъ простился съ нимъ и пробормоталъ: „Ты еще услышишь обо мнѣ!“—старику показалось, что онъ понялъ все и, охваченный порывистою радостью, онъ бросился цѣловать одежду и плечи молодаго воина.

Навинъ и Елишама на пиру.

Осія на молитвѣ.

Глава VII.

Съ поникшею головой возвращался Осія въ лагерь. Разладъ въ его душѣ улегся. Онъ зналъ теперь, что̀ ему нужно дѣлать. Отецъ звалъ его—надо было повиноваться.

А Богъ его народа!

При разсказѣ старика вновь ожило все то, что Осія слышалъ отъ него, въ дѣтствѣ, и теперь онъ зналъ, что Богъ этотъ не Сетъ азіатовъ Нижняго Египта и не „Единый“ или „Совокупность Всего“ посвященныхъ египтянъ. Молитвы, которыя онъ произносилъ мальчикомъ, отходя ко сну, повѣсть о сотвореніи міра, которой онъ никогда не могъ наслушаться, потому что она съ дивною ясностью показывала, какъ возникало одно за другимъ все, что̀ есть на землѣ и на небѣ, пока не явился на-

конецъ человѣкъ, чтобы взять все подъ свою власть и себѣ на пользу, разсказы о праотцахъ Авраамѣ и Исаакѣ, Іаковѣ, Исавѣ и его собственномъ предкѣ Іосифѣ,—все это онъ такъ охотно слушалъ, когда разсказывала кроткая женщина, давшая ему жизнь, или мамка, или дѣдъ Елишама, и все это онъ считалъ давно забытымъ.

Но въ хижинѣ стараго раба онъ могъ-бы повторить слово въ слово эти разсказы, и теперь онъ снова зналъ, что есть невидимый, всемогущій Богъ, который избралъ его племя изо всѣхъ другихъ и обѣщалъ сдѣлать великимъ народомъ.

То, что египтяне хранили въ величайшей тайнѣ, было общимъ достояніемъ его единоплеменниковъ. У нихъ каждый нищій и каждый рабъ могъ воздѣвать руки въ молитвѣ къ единому, невидимому Богу, который являлся Аврааму.

Египетскіе мудрецы, смутно догадывавшіеся объ Его существованіи, окружили Его естество порожденіями собственнаго воображенія и собственнаго мышленія, и подъ густою завѣсой скрывали его отъ толпы; только въ еврейскомъ народѣ Онъ былъ поистинѣ живымъ Богомъ и проявлялъ Себя въ своемъ могущественномъ, потрясающемъ сердце величіи.

Онъ не природа, съ которой отождествляли его посвященные въ храмахъ; нѣтъ выше всего сотвореннаго и всего видимаго міра вмѣстѣ съ человѣкомъ, Его послѣднимъ и совершеннѣйшимъ твореніемъ, созданнымъ по Его образу и подобію,— стоялъ Богъ отцовъ его, и все сотворенное покорялось Его волѣ. Будучи могущественнѣе всѣхъ царей, Онъ управлялъ съ правосудною строгостью всѣмъ живущимъ—и если Онъ былъ недоступенъ взорамъ человѣка, Его подобія, который даже не могъ представить Его себѣ, тѣмъ не менѣе Онъ былъ такимъ же живымъ, мыслящимъ, одушевленнымъ существомъ, какъ и люди, но предѣломъ Его бытія была вѣчность, Его духъ былъ — всевѣдѣніе, границы власти его — въ безконечности.

И этотъ Богъ сталъ вождемъ его народа. Нѣтъ военачальника, который отважился бы помѣряться съ Нимъ! Если Маріамь не обманулъ пророческій духъ, если Онъ дѣйствительно призвалъ Осію служить Ему своимъ мечомъ, то можетъ-ли смертный противиться такому повелѣнію и возможно-ли болѣе высокое назначеніе на землѣ?

А народъ его? Сбродъ, о которомъ онъ думалъ не иначе какъ съ пренебреженіемъ, какъ онъ преобразился теперь въ его глазахъ властію Всевышняго послѣ разсказа старика! Осія страстно желалъ теперь вести его, и остановясь на половинѣ обратнаго пути къ стану, на песчаномъ холмѣ, подъ которымъ безпредѣльная равнина моря сверкала при свѣтѣ догоравшаго неба, онъ въ первый разъ послѣ многихъ, многихъ лѣтъ, воздѣлъ руки и возвелъ очи къ Богу, котораго снова обрѣлъ.

Онъ началъ короткою молитвой — которой его выучила мать; но потомъ, сталъ призывать Всевышняго, какъ могущественнаго совѣтчика, и съ горячими слезами молилъ Его указать ему путь, на которомъ онъ могъ-бы повиноваться Ему и отцу, не нарушая данной царю присяги и не дѣлаясь безчестнымъ въ глазахъ тѣхъ, кому онъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ.

— Твой народъ восхваляетъ Тебя, воскликнулъ онъ, поднявъ голову къ высокому небу,—какъ Бога истины, который наказываетъ клятвопреступленіе! Неужели Ты потребуешь отъ меня, чтобы я сталъ измѣнникомъ и нарушилъ данную клятву? Все, чего я достигъ, все, что дано мнѣ свершить, принадлежитъ Тебѣ, Великій, а кровь свою и жизнь я готовъ отдать за свой народъ. Но не ввергай меня въ безчестіе и клятвопреступленіе, избавь меня отъ этого и поручи другому, не связанному священною клятвою, то дѣло, для котораго Ты избралъ Своего раба!

Такъ молился онъ, и казалось ему, точно онъ держитъ въ объятіяхъ друга, котораго считалъ потеряннымъ. Потомъ онъ тихо пошелъ дальше во мракѣ быстро бѣжавшей ночи, и когда

проснулась утренняя заря, бурный приливъ чувствъ отхлынулъ, и Осія превратился въ спокойнаго, твердаго военачальника.

Правда, онъ обѣщалъ себѣ ничего не дѣлать противъ воли отца и Бога, но не менѣе твердо рѣшилъ онъ, что не станетъ ни безчестнымъ, ни клятвопреступникомъ. Какъ надлежало ему поступать—теперь ясно и отчетливо рисовалось передъ его глазами. Онъ долженъ покинуть службу фараону, прямо объявивъ тѣмъ, кто стоялъ выше его, что, какъ покорный сынъ, онъ хочетъ исполнить приказаніе отца и раздѣлить судьбу своего народа.

При этомъ онъ вовсе не скрывалъ отъ себя, что ему могутъ отказать въ его просьбѣ, могутъ насильно удерживать его, угрожать смертью, если онъ будетъ настаивать на своемъ непоколебимо-твердомъ рѣшеніи и, въ крайнемъ случаѣ, предадутъ въ руки палача. Если такъ суждено ему, если его рѣшеніе будетъ стоить ему жизни, все-же онъ поступитъ правильно—и его соратники, которыхъ уваженіе дорого ему, вспомнятъ о немъ какъ о храбромъ товарищѣ; отецъ и Маріамь не будутъ имѣть права негодовать на него, а лишь пожалѣютъ благороднаго воина и сына, который предпочелъ смерть клятвопреступленію.

Ободрившись духомъ и успокоясь, онъ съ гордою осанкой сказалъ стражѣ пропускъ [1]) и вошелъ въ свою ставку.

[1]) Для читателей, которыхъ могутъ удивить такія тонкости военнаго дѣла въ столь отдаленныя времена, считаемъ нелишнимъ замѣтить что военное искусство было весьма развито у древнихъ египтянъ. У нихъ были крѣпости, боевыя колесницы, осадные снаряды и хорошее вооруженіе, которое выдавалось изъ оружейныхъ фараона. Воинамъ вообще не платили жалованья, но они владѣли третьею частью земли съ крестьянами, которыми распоряжались по произволу; жалованье же (хлѣбомъ, мясомъ и виномъ) давалось имъ только тогда, когда они попадали въ тѣлохранители фараона; эту службу они отбывали поочередно, по 1000 человѣкъ въ годъ. Кромѣ стрѣлковъ, составлявшихъ ядро арміи, была разнообразно вооруженная тяжелая пѣхота, которая въ бою строилась плотными массами въ родѣ фалангъ. На боевыхъ колесницахъ сражались знатнѣйшіе военачальники. Впослѣдствіи заведена была и конница. При осадѣ городовъ египтяне рыли подземныя траншеи къ стѣнамъ крѣпости.

Ефремъ спокойно лежалъ на ложѣ и улыбался, какъ бы охваченный сладкимъ сномъ. Осія также прилегъ на цыновку возлѣ него, чтобы подкрѣпиться къ наступающему тяжелому дню. Вскорѣ и его вѣки сомкнулись; послѣ часоваго крѣпкаго сна, онъ открылъ глаза и приказалъ подать себѣ лучшую праздничную одежду, шлемъ и позолоченныя чешуйчатыя латы, которыя надѣваютъ по большимъ праздникамъ и въ присутствіи царя.

Между тѣмъ Ефремъ также проснулся; любопытными и радостными глазами смѣрилъ онъ дядю, который стоялъ передъ нимъ, во всемъ блескѣ мужественной силы и великолѣпіи военнаго наряда; потомъ онъ вскочилъ на ноги и воскликнулъ:

— Съ какою гордостью должно-быть ведешь тысячи въ такомъ одѣяніи!

Осія пожалъ плечами и сказалъ:

— Повинуйся Богу, не давай ни высшимъ, ни низшимъ права относиться къ тебѣ иначе, какъ съ уваженіемъ,—и ты можешь держать голову такъ же высоко, какъ самый гордый витязь въ пурпуровой одеждѣ и золотой бронѣ.

— Однако ты достигъ многаго среди египтянъ, продолжалъ юноша. — Они ставятъ тебя очень высоко; вотъ и начальникъ стрѣлковъ Горнехтъ и его дочь Казана...

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ улыбаясь воинъ и затѣмъ велѣлъ племяннику лежать спокойно, такъ какъ лобъ его все еще горѣлъ, хотя и не пылалъ уже такъ сильно какъ вчера.

— Не выходи на воздухъ, сказалъ въ заключеніе Осія, — пока у тебя не побываетъ врачъ, и ожидай здѣсь моего возвращенія.

— А скоро-ли ты вернешься? спросилъ юноша.

Осія остановился въ раздумьи, посмотрѣлъ съ любовью въ лицо племянника и строго отвѣчалъ:

— Служащій господину своему никогда не знаетъ, сколько времени его задержатъ.

Затѣмъ онъ смягчилъ рѣчь и спокойно продолжалъ, какъ-бы говоря самыя обыкновенныя вещи:

— Можетъ-быть все рѣшится очень скоро—и я вернусь черезъ нѣсколько часовъ. Если же случится иначе, если я не вернусь къ тебѣ до вечера или до завтрашняго утра... тогда,—и тутъ онъ положилъ руку на плечо юношѣ,—тогда отправляйся какъ можно скорѣе въ обратный путь. Если придя въ Сокхоѳъ узнаешь, что народъ ушелъ оттуда раньше твоего прибытія, то въ дуплѣ смоковницы, что противъ дома Аминадава, ты найдешь письмо, которое сообщитъ тебѣ, куда народъ направился дальше. Когда ты доберешься до нашихъ, передай мой привѣтъ отцу моему, дѣду Елишамѣ, а также Маріами. Скажи ей и остальнымъ, что Осія будетъ помнить повелѣніе Бога и своего отца. Впредь онъ будетъ называться Іисусомъ! Слышишь-ли, Іисусомъ? Объ этомъ прежде всѣхъ другихъ сообщи Маріами. Наконецъ ты долженъ передать имъ, что если я не приду и если мнѣ не позволятъ послѣдовать за ними, несмотря на мое желаніе,—значитъ Всевышній судилъ иначе, и мечъ, который онъ вложилъ въ мои руки, сломился прежде чѣмъ я успѣлъ употребить его въ дѣло. Понимаешь-ли ты меня, мальчикъ?

Ефремъ кивнулъ головой и отвѣчалъ:

— Ты хочешь сказать, что только смерть воспрепятствуетъ тебѣ послѣдовать призыву Бога и приказанію твоего отца?

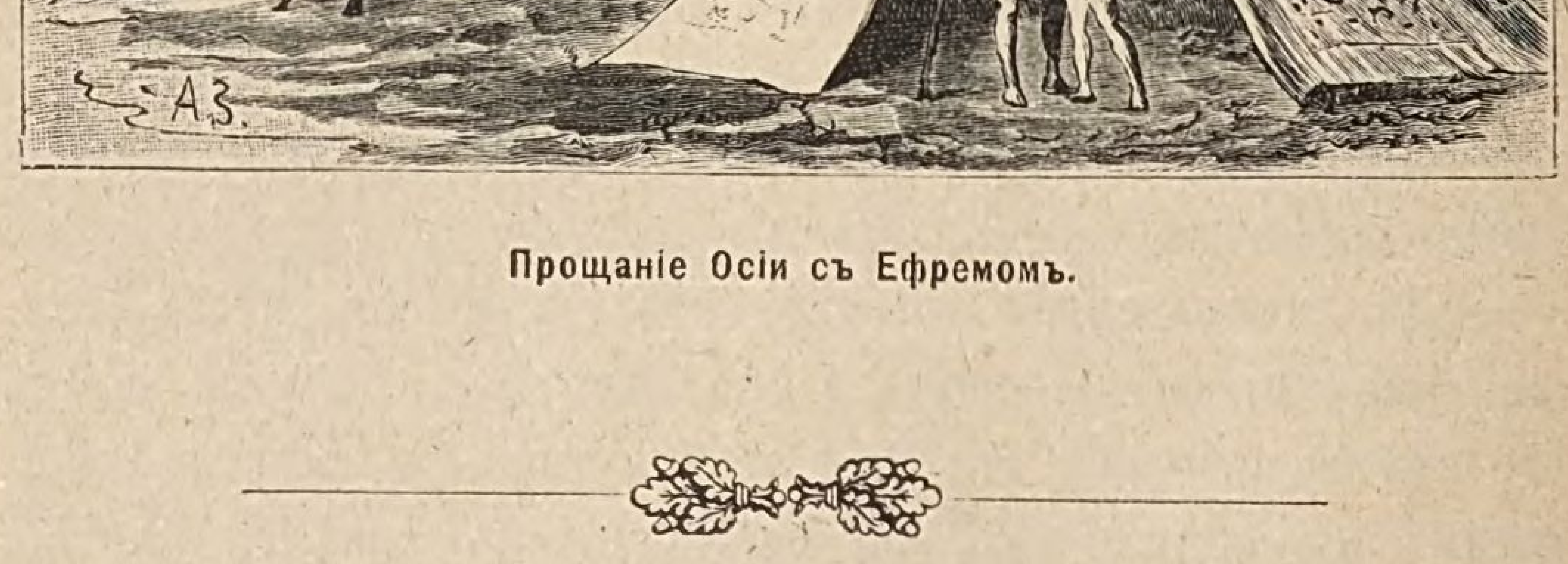
— Да, таковъ смыслъ моихъ словъ, отвѣчалъ Осія.—Если-же тебя спросятъ, почему я не бѣжалъ отъ фараона и отъ его власти, отвѣчай, что Осія хочетъ принять новыя обязанности незапятнаннымъ, не опозореннымъ измѣной клятвѣ, или если такова Божья воля, то незапятнаннымъ и умереть; а теперь повтори то, что̀ я тебѣ сказалъ.

Ефремъ повиновался, и очевидно рѣчь Осіи сильно запечатлѣлась въ его душѣ, такъ какъ онъ не забылъ и не исказилъ ни одного слова. Но исполнивъ обязанность гонца и повторивъ сказанное, онъ въ горячемъ порывѣ схватилъ руку Осіи и сталъ умолять, чтобы онъ довѣрился ему и сказалъ: имѣетъ-ли онъ причины бояться за свою жизнь.

Тогда воинъ горячо обнялъ юношу и высказалъ надежду, что довѣренное ему порученіе не придется выполнить.

— Можетъ-быть, заключилъ онъ, — меня будутъ стараться удержать силою, но, съ Божьею помощью, я скоро буду опять съ тобой, и мы вмѣстѣ поскачемъ въ Сокхоѳъ.

Съ этими словами онъ поспѣшно вышелъ изъ шатра, не обращая вниманія на вопросы, которыми закидалъ его племянникъ, такъ какъ послышался грохотъ колесъ, и двѣ колесницы, запряженныя прекрасными конями, быстро подъѣхали къ шатру и остановились передъ входомъ.

Прощаніе Осіи съ Ефремомъ.

Осія и посланцы фараона.

Глава VIII.

Осія хорошо зналъ обоихъ сошедшихъ съ колесницъ; это былъ первый комнатный сановникъ и одинъ изъ высшихъ писцовъ царя, и они пріѣхали съ тѣмъ чтобы везти Осію къ Высокимъ Вратамъ [1]).

Колебаться и отказываться не было возможности, и Осія, болѣе изумленный, чѣмъ обезпокоенный, взошелъ вмѣстѣ съ писцомъ во вторую колесницу.

На обоихъ сановникахъ были темныя похоронныя одежды и у каждаго надъ вискомъ черное страусовое перо, вмѣсто бѣлаго, служившаго отличительнымъ знакомъ ихъ достоинства. Кони и скороходы, шедшіе впереди двухколесныхъ повозокъ, также носили на себѣ всѣ знаки глубочайшаго горя; однако посланные царя казались скорѣе обрадованными, чѣмъ опе-

[1]) Дворецъ царя. Слово „фараонъ“ собственно значитъ „Высокія врата“. *Авт.*

чаленными, такъ какъ орелъ, котораго нужно было привезти къ фараону, ѣхалъ съ ними добровольно, а они боялись, что уже не найдутъ его въ гнѣздѣ.

Рослые гнѣдые кони, съ царской конюшни, быстрѣе вѣтра понесли легкія колесницы по направленію къ царскому дворцу по неровному проселку черезъ прибрежные песчаные холмы и по гладкой мощеной дорогѣ.

Съ любопытствомъ, свойственнымъ юности, Ефремъ вышелъ изъ шатра посмотрѣть на необычное зрѣлище. Присутствовавшимъ воинамъ очень понравилось, что фараонъ прислалъ за ихъ предводителемъ собственную колесницу; въ особенности-же было польщено тщеславіе молодаго еврея при видѣ почета, которымъ пользовался его дядя. Однако, пріятное зрѣлище продолжалось недолго; вскорѣ густыя облака пыли скрыли отъ его взоровъ отъѣзжавшія колесницы.

Дулъ палящій вѣтеръ пустыни, который такъ часто въ весенніе мѣсяцы свирѣпствуетъ въ долинѣ Нила и, совершенно ясное на разсвѣтѣ, голубое небо было покрыто теперь не облаками, а какою-то бѣловатою мглой.

Солнечный шаръ неподвижно, подобно глазу слѣпца, взиралъ на головы людей. Удушливый зной, казалось, поглотилъ всѣ исходящіе отъ него лучи. Сквозь окружающую мглу глазъ безпрепятственно могъ смотрѣть на кругъ солнца, а между тѣмъ жаръ никогда не былъ такъ силенъ. Даже легкій утренній вѣтерокъ, приносившій обыкновенно прохладу, походилъ сегодня на горячее дыханіе разсвирѣпѣвшаго чудовища. Онъ несъ съ собою раскаленныя песчинки пустыни, и вдыханіе его производило мучительныя страданія. Обыкновенно столь благовонный мартовскій воздухъ Египта стѣснялъ теперь грудь человѣка и животнаго. Онъ давилъ все живущее и какъ-бы останавливалъ жизнь.

Чѣмъ выше подымалось блѣдное, лишенное лучей солнце,

тѣмъ темнѣе становилась мгла, тѣмъ гуще и быстрѣе неслись тучи песковъ пустыни. Ефремъ стоялъ передъ шатромъ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ исчезли въ облакахъ пыли колесницы фараона. Колѣна его дрожали, но онъ приписывалъ это дѣйствію вѣтра Сета-Тифона, во время котораго даже самые сильные и здоровые ощущаютъ невидимую тяжесть въ ногахъ.

Осія уѣхалъ; но черезъ нѣсколько часовъ онъ вернется, Ефрему придется послѣдовать за нимъ въ Сокхоѳъ, и тогда всѣ блестящія ожиданія и надежды, которыя пробудилъ въ немъ вчерашній день, всѣ волшебныя картины, отъ которыхъ еще болѣе усиливалось его лихорадочное состояніе, исчезнутъ для него навсегда.

Не далѣе, какъ прошлою ночью, юноша рѣшилъ вступить въ войска фараона, для того чтобы остаться въ Танисѣ и быть поближе къ Казанѣ. Но если онъ и не совсѣмъ ясно понялъ слова дяди, то, во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что Осія намѣренъ отказаться отъ Египта и своего высокаго положенія и увести его, Ефрема, вмѣстѣ съ собою. И такъ, надо отречься отъ надежды еще разъ увидѣть Казану. Но мысль эта казалась ему невыносимой и тайный голосъ шепталъ, что не имѣя ни отца, ни матери, онъ въ правѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Опекунъ его, въ домѣ котораго онъ выросъ—братъ его отца — недавно умеръ, а новаго не назначали, такъ какъ Ефремъ успѣлъ выйти уже изъ дѣтскаго возраста. Впослѣдствіи ему предстояло сдѣлаться однимъ изъ вождей своего славнаго рода, и до вчерашняго дня онъ не мечталъ ни о чемъ лучшемъ.

Когда, наканунѣ, онъ съ высокомѣріемъ свободнаго стадовладѣльца отказался отъ предложенія жреца—вступить въ ряды войскъ фараоновыхъ, онъ дѣйствовалъ по внушенію своего сердца. Но теперь Ефремъ говорилъ себѣ, что было-бы неразумно и мальчишески-глупо отказываться отъ того, чего онъ не знаетъ, что̀ съ намѣреніемъ представляли ему въ извращенномъ и отталкивающемъ видѣ, для того чтобы крѣпче при-

вязать къ *своимъ*. Ему представляли египтянъ ненавистными врагами и притѣснителями, а между тѣмъ какъ привлекательно показалось ему все, что̀ онъ встрѣтилъ въ первомъ-же домѣ фараонова воина, въ который вступилъ.

А Казана!

Что̀ подумаетъ она о молодомъ человѣкѣ, если онъ безъ привѣта и прощальнаго слова покинетъ Танисъ? Развѣ не обидно ему будетъ остаться въ ея воспоминаніи грубымъ и неотесаннымъ пастухомъ? Наконецъ, было-бы просто нечестно не возвратить тѣхъ драгоцѣнныхъ одеждъ, которыми она снабдила его! Благодарность—и между евреями считалась первою обязанностью благороднаго сердца. Юноша показался-бы себѣ достойнымъ презрѣнія на всю жизнь, если-бы еще разъ не повидалъ ее.

Но надо торопиться; когда Осія вернется, ему надо быть готовымъ къ отъѣзду.

Ефремъ уже сталъ подвязывать къ ногамъ подошвы, но дѣло подвигалось медленно и онъ самъ не понималъ почему руки такъ плохо повинуются ему сегодня.

Ефремъ безпрепятственно прошелъ станомъ. Храмовые пилоны и обелиски, казалось, тихо дрожавшіе въ раскаленномъ, пыльномъ воздухѣ, указывали ему путь, и вскорѣ онъ шелъ уже по широкой дорогѣ, ведшей къ городскому рынку, какъ объяснилъ ему изнемогавшій отъ жары торговецъ, везшій въ станъ на ослахъ мѣхи съ виномъ.

Густая пыль покрывала изъѣзженную дорогу и носилась въ воздухѣ, а сверху солнце обдавало палящимъ зноемъ непокрытую голову юноши. Рана снова начала болѣть; наполненный песчаною пылью воздухъ проникалъ въ глаза и ротъ, жегъ и кололъ лицо и незащищенныя части тѣла. Мучительная жажда одолѣвала молодаго человѣка, и по временамъ онъ принужденъ былъ останавливаться, такъ какъ ноги отказывались служить ему. Наконецъ онъ подошелъ къ колодцу, вырытому какимъ-то

благочестивымъ египтяниномъ на пользу странниковъ и, хотя колодецъ былъ украшенъ изображеніемъ языческаго божества, которыхъ Маріамь учила его избѣгать какъ заразы, Ефремъ принялся пить не переставая, находя, что никогда еще съ такимъ наслажденіемъ не утолялъ своей жажды.

Боязнь потерять какъ вчера сознаніе—теперь покинула его и, хотя въ ногахъ ощущалась прежняя тяжесть, Ефремъ бодро зашагалъ къ привлекавшей его цѣли; однако это напряженіе силъ вскорѣ утомило его, потъ каплями выступилъ у него на лбу, рана стала ныть, будто по ней стучали молотками, а голову словно сжимало желѣзное кольцо; зоркіе глаза юноши также отказывались служить; все что̀ онъ видѣлъ—плыло предъ нимъ въ столбѣ дорожной пыли и небосклонъ, казалось, колыхался вверхъ и внизъ; въ то-же время явилось ощущеніе, какъ будто онъ ступаетъ не на твердый камень, а идетъ по мягкому болоту.

Однако все это мало заботило юношу, ибо внутренняя жизнь его никогда еще не была такъ полна и богата красками. Все, о чемъ онъ думалъ, съ необычайною ясностью представлялось его воображенію. Картина за картиной являлись мысленнымъ очамъ помимо его желанія, а какъ-бы повинуясь какой-то чужой волѣ. То ему казалось, что онъ лежитъ у ногъ Казаны, склонивъ голову на ея колѣна и глядя въ ея прекрасное лицо, — то онъ видѣлъ передъ собою Осію въ блестящемъ воинскомъ уборѣ, какъ вчера, но еще величественнѣе, и освѣщеннаго не слабымъ свѣтомъ въ шатрѣ, а краснымъ заревомъ пожара. Потомъ передъ нимъ проходили великолѣпнѣйшіе быки и бараны его стадъ и въ то-же время мелькали изреченія посланій, которыя онъ запечатлѣлъ въ своей памяти; по временамъ ему казалось, будто кто-то громко произноситъ ихъ возлѣ него; но не успѣвалъ юноша вслушаться въ нихъ, какъ что либо новое, необычайно блестящее вставало передъ его глазами или въ ушахъ раздавался громкій шумъ и звонъ.

Такъ шелъ онъ впередъ, качаясь какъ пьяный, съ каплями пота на лбу и пересохшимъ горломъ. По временамъ онъ безсознательно поднималъ руку, чтобы отмахнуть пыль отъ воспаленныхъ глазъ; но въ сущности его мало огорчало, что глаза его такъ плохо и неясно видятъ, ибо все окружающее было ничто въ сравненіи съ тѣми восхитительными картинами, которыя рисовались его воображенію. Правда, по временамъ онъ сознавалъ, что сильно страдаетъ, и у него являлась мысль броситься въ изнеможеніи на землю; но каждый разъ какой-то непонятный приливъ бодрости подталкивалъ его впередъ. Наконецъ ему стало казаться, что голова его все растетъ и растетъ; вотъ она доросла уже до высоты громаднаго истукана, который онъ видѣлъ вчера передъ вратами храма, потомъ достигла вышины пальмъ, стоявшихъ на дорогѣ, наконецъ доросла до мглы окутавшей небо, и поднялась выше... И вдругъ ему показалось, что эта голова, все-таки его собственная, обнимаетъ весь земной шаръ; онъ прижималъ руки къ вискамъ и ко лбу, желая поддержать эту голову, тяжесть которой становилась невыносимою для слабой шеи и плечъ; не сладивъ съ этимъ впечатлѣніемъ, Ефремъ громко вскрикнулъ, колѣна его подкосились, и онъ безъ чувствъ упалъ на пыльную дорогу.

Осія простерся ницъ...

Глава IX.

Въ эту самую минуту, одинъ изъ придворныхъ сановниковъ вводилъ Осію въ пріемный покой.

Между тѣмъ какъ всѣ подданные, являясь предъ лицо фараона, обыкновенно ждали по нѣскольку часовъ, терпѣніе еврея не нашли нужнымъ подвергать испытанію. Въ это время глубокой скорби обширные дворцовые покои, всегда кипѣвшіе шумной и пестрой жизнью, казались вымершими. Не только рабы и стража, но даже придворные того и другаго пола, изъ приближенныхъ къ царственной четѣ, бѣжали отъ заразы и скрылись безъ всякаго разрѣшенія.

Лишь кое-гдѣ, прислонившись къ колоннѣ, одиноко стоялъ жрецъ, чиновникъ или придворный, или, закрывъ лицо руками,

сидѣлъ на корточкахъ, въ ожиданіи приказаній. Стражники шагали взадъ и впередъ, опустивъ оружіе и тупо смотря передъ собой. Иногда, по опустошеннымъ заразою покоямъ проходили неслышными шагами молодые жрецы, покачивая серебряныя жаровни, въ которыхъ курился можжевельникъ и благовонныя смолы.

Казалось, какой-то страшный гнетъ лежитъ на дворцѣ и его обитателяхъ; и дѣйствительно, къ общей скорби о любимомъ царскомъ сынѣ, примѣшивался страхъ смерти и полный упадокъ силъ, тѣлесныхъ и нравственныхъ, вызванный удушливымъ вѣтромъ пустыни.

Здѣсь, у ступеней престола, гдѣ всегда можно было видѣть лица горѣвшія надеждой и честолюбіемъ, преданностью и страхомъ, одушевленіемъ и ненавистью, Осія встрѣчалъ сегодня лишь понуренныя головы и потупленные взоры.

На одного лишь Бай, втораго жреца Аммуна, казалось, не дѣйствовали ни горе, ни страхъ, ни удушливый воздухъ. Онъ бодро и весело привѣтствовалъ Осію въ первомъ изъ покоевъ и тотчасъ сталъ увѣрять его—конечно едва слышнымъ шепотомъ — что никто не думаетъ ставить ему въ вину поступка его единоплеменниковъ. Когда-же еврей откровенно сознался, что въ ту минуту когда его потребовали во дворецъ, онъ былъ уже на пути къ верховному военачальнику, у котораго намѣревался испросить увольненіе отъ воинской службы, жрецъ перебилъ его и заговорилъ о благодарности, которою онъ, Бай, обязанъ ему, своему спасителю. Затѣмъ снова сталъ увѣрять, что сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы удержать его при войскѣ и доказать ему, что въ Египтѣ и помимо воли фараона — о которомъ онъ скажетъ ему нѣсколько словъ наединѣ—умѣютъ цѣнить истинныя заслуги, не по наружности только и не обращая вниманія на происхожденіе.

Осія хотѣлъ было продолжать, но его прервалъ главный

комнатный сановникъ, подошедшій чтобы вести его предъ лицо „добраго бога“ [1]).

Фараонъ ожидалъ еврея въ нѣсколько меньшей пріемной, примыкавшей къ внутреннимъ покоямъ царской семьи.

Эта была великолѣпная комната, казавшаяся сегодня еще больше, чѣмъ во дни большихъ пріемовъ, ибо была почти пуста; лишь нѣсколько придворныхъ, жрецовъ и приближенныхъ къ царицѣ женщинъ, въ печальныхъ нарядахъ, окружали престолъ. Напротивъ него, расположившись на полу кружкомъ и поджавъ ноги, сидѣли, украшенные страусовыми перьями, писцы и совѣтчики фараона.

И здѣсь, во дворцѣ, смерть нашла себѣ жертву, что̀ доказывалось какъ печальными нарядами присутствующихъ, такъ и однообразнымъ, жалобнымъ причитаніемъ плакальщицъ, доносившимся въ общемъ затишьѣ изъ внутреннихъ покоевъ царскаго жилища. По временамъ одинъ какой-либо громкій, рѣзкій и дрожащій вопль выдѣлялся среди общаго однообразнаго хора.

Фараонъ и его супруга занимали сѣдалище изъ золота и слоновой кости, обитое черными тканями. Вмѣсто обычныхъ блестящихъ украшеній, на обоихъ были темныя одежды. Царственная жена и мать, оплакивавшая своего первенца, сидѣла безъ движенія, опустивъ голову и прислонясь къ плечу своего высокаго супруга.

Погруженный въ глубокую думу, фараонъ также безучастно опустилъ глаза въ землю. Царскій жезлъ выпалъ у него изъ рукъ и лежалъ на его колѣняхъ.

Царицу только-что увели отъ тѣла умершаго сына, переданнаго на руки бальзамировщиковъ, и лишь на порогѣ пріемнаго зала она успѣла овладѣть своими слезами. Неумоли-

[1]) Эфемистическое названіе фараона. *Авт.*

мый придворный уставъ требовалъ ея присутствія на всѣхъ болѣе важныхъ пріемахъ — противиться такому обычаю она и не пыталась. Хотя сегодня возможно было бы избѣжать его, но фараонъ потребовалъ ея присутствія, и сама она, зная цѣль пріема и сочувствуя ей, нашла необходимымъ явиться; ибо страхъ предъ могуществомъ еврея Мезу—котораго единоплеменники звали Моисеемъ—и предъ его Богомъ совершенно овладѣлъ ею. Вѣдь у нея есть и еще дѣти, которыхъ она могла потерять, и царица, знавшая Мезу еще ребенкомъ, хорошо помнила какъ высоко цѣнилъ умъ этого чужеземца, воспитывавшагося вмѣстѣ съ его сыновьями, великій Рамзесъ, отецъ и предшественникъ ея супруга.

О, еслибы удалось умилостивить этого человѣка! Но Мезу ушелъ вмѣстѣ со своими; она знала его желѣзную волю и боялась что страшный человѣкъ останется недоступенъ ни угрозамъ фараона, ни ея собственнымъ горячимъ мольбамъ.

Теперь она ожидала Осію, думая, что только ему, сыну Навина, перваго человѣка среди евреевъ Таниса, удастся можетъ-быть устроить то, что̀ считаютъ за лучшее для обѣихъ сторонъ и ея супругъ, и престарѣлый верховный жрецъ и первый прорицатель Аммуна—Руи. Глава всего жреческаго сословія въ странѣ, послѣдній въ то же время исполнялъ должности главнаго судьи, главнаго хранителя казны, намѣстника, и вмѣстѣ со дворомъ послѣдовалъ изъ Ѳивъ въ Танисъ.

Передъ тѣмъ какъ ее призвали въ пріемную залу, царица была занята плетеніемъ вѣнковъ для своего дорогаго покойника и, по ея желанію, все необходимое для этого было перенесено вслѣдъ за нею въ пріемный покой. Цвѣты лотоса, шпорника, мальвы и листья ивы лежали на ея колѣнахъ и на столикѣ рядомъ; но она чувствовала себя какъ-бы разбитою ударомъ, и рука, протягивавшаяся за цвѣтами, отказывалась служить ей.

По лѣвую руку фараона, на цыновкѣ сидѣлъ поджавъ ноги Руи, первый жрецъ Аммуна, старецъ давно уже достигшій девяносто-лѣтняго возраста. На его потемнѣвшемъ лицѣ, морщинистомъ и потрескавшемся точно кора стараго дуба, изъ-подъ густыхъ бѣлыхъ бровей блистали умные, живые глаза, подобно свѣжимъ цвѣтамъ среди засохшей зелени, являя странную противоположность дряхлому, сморщенному и согбенному тѣлу старца.

Общее веденіе дѣлъ Руи уже передалъ съ нѣкоторыхъ поръ второму прорицателю Баи, но сохранилъ за собою свой санъ, свое мѣсто возлѣ фараона и кресло въ совѣтѣ, и хотя говорилъ рѣдко, но мнѣніе его чаще имѣло рѣшающее значеніе, чѣмъ мнѣніе пылкаго, краснорѣчиваго и гораздо болѣе молодаго, втораго прорицателя.

Не смотря на то, что старецъ не покидалъ фараона съ тѣхъ поръ, какъ зараза проникла во дворецъ, онъ сегодня чувствовалъ себя свѣжѣе обыкновеннаго. Палящій вѣтеръ пустыни, разслаблявшій другихъ, дѣйствовалъ на него благотворно. Онъ постоянно чувствовалъ ознобъ, не смотря на шкуру леопарда, покрывавшую ему спину и плечи, а сегодняшній зной согрѣлъ его старую застывающую кровь.

Еврей Моисей былъ его ученикомъ, и никогда Руи не приходилось руководить болѣе сильною душой и болѣе одареннымъ умомъ. При посредствѣ стараго ученаго, юноша былъ посвященъ во всѣ высшія таинства. Многаго ожидалъ старый жрецъ для Египта и для своей вѣры отъ молодаго еврея, и когда тотъ убилъ приставника, жестоко истязавшаго одного изъ его соплеменниковъ, и потомъ бѣжалъ въ пустыню, это нечестивое дѣяніе такъ глубоко огорчило старика, какъ будто собственный сынъ его совершилъ это и собственному же сыну приходилось нести послѣдствія. Только благодаря заступничеству жреца, Мезу былъ помилованъ; но

когда онъ вернулся въ Египетъ и съ нимъ произошло то, что̀ другіе жрецы называли его „отступничествомъ“,—это нанесло старику еще болѣе тяжкій ударъ, чѣмъ бѣгство молодаго еврея. Еслибы онъ, Руи, былъ моложе, онъ возненавидѣлъ бы того, кто обманулъ его лучшія надежды; но старецъ, для котораго сердце человѣческое было открытою книгой и который съ трезвымъ безпристрастіемъ яснаго ума умѣлъ переноситься въ души другихъ людей, обвинялъ прежде всего себя самого въ томъ, что не замѣтилъ перелома, совершавшагося въ его ученикѣ.

По воспитанію и образованію, еврей Мезу былъ настоящимъ египетскимъ жрецомъ; но послѣ того какъ онъ, ради своего народа, поднялъ руку на тѣхъ, къ которымъ принадлежалъ въ силу человѣческаго разума и воли,—онъ былъ потерянъ для египтянъ и сталъ истымъ сыномъ своего племени; а тамъ, гдѣ этотъ человѣкъ, съ твердой волей и сильнымъ умомъ, пойдетъ впереди, другіе неизбѣжно послѣдуютъ за нимъ.

Верховный жрецъ хорошо зналъ, что̀ отступникъ намѣренъ дать своему племени; Мезу самъ сознавался ему въ этомъ. Онъ хотѣлъ дать своему народу вѣру во единаго Бога. Въ то время Мезу отринулъ упрекъ въ клятвопреступленіи, утверждая, что онъ отнюдь не выдавалъ евреямъ тайны „Единаго“, а только привелъ ихъ обратно къ тому Богу, которому они служили прежде, чѣмъ Іосифъ и его братья пришли въ Египетъ. Положимъ, Единый посвященныхъ во многомъ походилъ на Единаго евреевъ, но это именно и успокаивало стараго мудреца. Онъ зналъ по опыту, что толпа не удовольствуется единымъ, истиннымъ Богомъ, понятіе о которомъ трудно давалось даже развитымъ умамъ многихъ изъ его учениковъ. Человѣку изъ народа нужны олицетворенія всего важнаго, совершающагося въ немъ и вокругъ него, а это давала ему религія египтянъ.

Что̀ значила для любящей молодой дѣвушки созидающая и управляющая мірами невидимая сила? Ее влекло къ ласковой, близкой ей Хаторѣ, съ веревками въ щедрой рукѣ, которыми она привязывала сердце къ сердцу,—прекрасной, могущественной и притомъ женщинѣ, такой же какъ она сама: передъ ней она могла откровенно высказать все, что̀ лежало у нея на сердцѣ. Что̀ значило маленькое горе матери, оспаривающей у смерти своего ребенка, для необъятно великой и всемогущей невидимой силы? Другое дѣло, добрая Изида, которая сама докрасна наплакала себѣ глаза отъ горя, — та съумѣетъ ее понять. А не надо забывать, что женское вліяніе очень много значитъ въ отношеніяхъ и мужчины къ божеству!

Верховному жрецу часто приходилось видѣть въ египетскихъ святилищахъ молящихся евреевъ и евреекъ. Если Мезу и удастся обратить ихъ къ своему Богу, то опытный старецъ ясно видитъ, что они очень скоро отвернутся отъ невидимаго Духа, который навсегда останется имъ непонятнымъ, и цѣлыми толпами вернутся къ болѣе доступнымъ для нихъ богамъ.

Теперь Египту угрожала потеря рабочихъ рукъ, въ которыхъ онъ такъ нуждался, но Руи надѣялся, что онѣ скоро могутъ быть возвращены странѣ.

— Тамъ, гдѣ можно подѣйствовать словомъ, не слѣдуетъ употреблять въ дѣло мечъ и стрѣлы, возразилъ онъ второму прорицателю Баи, на требованіе того преслѣдовать и избить евреевъ. — Мертвыхъ тѣлъ у насъ и безъ того избытокъ; мы терпимъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Постараемся лучше удержать то, что̀ грозитъ уйти отъ насъ!

Эти мягкія слова совершенно пришлись по сердцу фараону, который довольно испыталъ уже бѣдствій и думалъ что безопаснѣе войти безоружнымъ въ клѣтку льва, чѣмъ бороться съ гнѣвомъ страшнаго еврея.

И потому онъ на этотъ разъ не слушалъ поджигающихъ словъ втораго прорицателя,—твердый и рѣшительный образъ дѣйствій котораго всегда тѣмъ сильнѣе вліялъ на фараона, чѣмъ нерѣшительнѣе былъ онъ самъ,—но успокоенный и освѣженный новой надеждой, тотчасъ согласился на предложеніе престарѣлаго Руи послать военачальника Осію къ его единоплеменникамъ для веденія съ ними переговоровъ отъ имени фараона.

Въ концѣ концовъ и второй прорицатель, Баи, одобрилъ эту затѣю, дававшую ему въ руки новый рычагъ для низверженія престола, подъ который онъ подкапывался Когда выходцы снова утвердятся въ странѣ, царскій жезлъ можетъ-быть перейдетъ изъ рукъ трусливаго Менеѳты въ руки князя Сиптаха, ненавидящаго евреевъ и не считающаго никакія кары слишкомъ тяжелыми для нихъ.

Но прежде всего надо удержать бѣглецовъ, а на это всѣхъ пригоднѣе Осія; надо только снискать довѣріе прямодушнаго воина, чего никто, по мнѣнію Баи, не могъ достичь такъ успѣшно, какъ самъ фараонъ и его супруга. Мнѣніе это раздѣлялъ и престарѣлый верховный жрецъ Руи, не принимавшій, однако, участія въ заговорѣ. Вслѣдствіе такого рѣшенія царскую чету убѣдили прервать оплакиваніе умершаго и лично принять еврея.

Осія простерся ницъ передъ царскимъ престоломъ и,. поднявшись, встрѣтилъ на себѣ утомленный и опечаленный, но вмѣстѣ съ тѣмъ милостивый взглядъ своего царя.

Волосы на бородѣ и головѣ фараона были обриты, какъ того требовалъ обычай отъ родителя, лишившагося своего первенца. Когда-то лицо Менеѳты обрамляли черные, блестящіе волосы; но въ теченіе двадцатилѣтняго, исполненнаго заботъ, царствованія они успѣли посѣдѣть; прямой и стройный станъ фараона сгорбился и свидѣтельствовалъ объ утомленіи и сла-

бости, хоть онъ едва достигъ пятидесятилѣтняго возраста. Правильныя черты его были все еще прекрасны и чувствовалось что-то внушавшее состраданіе въ ихъ грустномъ, мягкомъ выраженіи, напоминавшемъ о слабости характера, но скрашиваемомъ по временамъ доброю, чарующею улыбкой. Привычная лѣнивая медлительность движеній не скрывала, свойственнаго фараону, природнаго величія, но его благозвучный голосъ раздавался почти всегда слабо и безпомощно. Менеѳта не былъ рожденъ для царствованія; тринадцать старшихъ братьевъ должны были умереть прежде, чѣмъ право престолонаслѣдія перешло къ нему, и потому онъ почти до зрѣлаго возраста безпечно пользовался жизнью, въ качествѣ красивѣйшаго юноши въ странѣ, любимца женщинъ и легкомысленнаго баловня счастья. Наслѣдовавъ своему отцу, великому Рамзесу, онъ не успѣлъ принять бразды правленія, какъ ливійцы, въ союзѣ съ другими племенами, возстали противъ Египта. Испытанныя въ бояхъ его предшественниковъ, войска фараона и вожди ихъ скоро доставили ему побѣду, но, въ теченіе двадцати лѣтъ, послѣдовавшихъ за смертью Рамзеса, войскамъ этимъ рѣдко выпадалъ отдыхъ. То на западѣ, то на востокѣ приходилось усмирять мятежи и, вмѣсто того, чтобы жить въ Ѳивахъ, гдѣ Менеѳта провелъ столько лѣтъ, сообразно своимъ вкусамъ и склонностямъ, въ великолѣпномъ дворцѣ, пользуясь благами міра и обществомъ выдающихся мужей, — занимавшихся науками и искусствами, — фараону приходилось теперь не только ходить въ походъ вмѣстѣ съ войсками, но даже перенести свое мѣстопребываніе въ главный городъ Нижняго Египта, Танисъ, въ виду затруднительности управленія этою пограничною страною. Такъ рѣшилъ престарѣлый Руи, и царь охотно ему повиновался. Въ послѣдніе годы жизни Рамзеса государственная святыня въ Ѳивахъ, а вмѣстѣ съ нею и ея верховный жрецъ стали богаче и мо-

гущественнѣе царскаго дома, а слабый Менеѳта предпочиталъ быть орудіемъ въ рукахъ другаго, чѣмъ руководителемъ, лишь бы ему воздавались всѣ царскія почести. За послѣднимъ онъ слѣдилъ съ такою настойчивостью, на которую былъ совершенно неспособенъ въ болѣе важныхъ дѣлахъ.

Милостивое вниманіе, съ которымъ фараонъ принялъ Осію, обрадовало и вмѣстѣ съ тѣмъ смутило его. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ въ себѣ мужество прямо высказать просьбу объ увольненіи его отъ службы и отъ присяги, принесенной имъ царю.

Фараонъ равнодушно выслушалъ своего полководца и лишь когда Осія чистосердечно сознался, что къ этому шагу побуждаетъ его приказаніе отца, Менеѳта сдѣлалъ знакъ верховному жрецу, и тотъ заговорилъ тихимъ, едва внятнымъ голосомъ:

— Сынъ, отказывающійся отъ великихъ благъ для того, чтобы не выйти изъ повиновенія отцу, будетъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ „добраго бога". Иди съ миромъ на зовъ Навина. Сынъ солнца, властитель Верхняго и Нижняго Египта, освобождаетъ тебя отъ присяги; но при посредствѣ меня, своего раба, онъ ставитъ тебѣ одно условіе...

— Какое же? спросилъ Осія.

Фараонъ снова сдѣлалъ знакъ верховному жрецу и откинулся на спинку сѣдалища, между тѣмъ какъ старецъ, поднявъ свои ясные глаза на Осію, продолжалъ: — То, чего требуетъ отъ тебя властитель обоихъ міровъ, легко исполнимо. Оно заключается въ томъ, чтобы ты опять сдѣлался его слугой, опять сдѣлался нашимъ, какъ только народъ твой и его вожди — навлекшіе на нашу страну столько бѣдствій — примутъ божественную руку сына солнца, миролюбиво протянутую имъ, и снова вернутся подъ благословенную сѣнь царскаго престола. „Добрый богъ" привлечетъ ихъ къ себѣ и къ своему государству богатыми знаками своей милости,

какъ только они возвратятся изъ пустыни, куда ушли приносить жертвы своему Богу. Пойми меня! Все, что доселѣ служило къ утѣсненію народа, среди котораго ты родился, будетъ отмѣнено. „Добрый богъ", новымъ закономъ, даруетъ имъ широкія права и вольности и то, что мы обѣщаемъ, будетъ начертано и засвидѣтельствовано съ нашей и вашей стороны, въ видѣ новаго договора, имѣющаго силу для дѣтей и внуковъ вашихъ. Но если все это будетъ обѣщано съ нашей стороны, съ честнымъ намѣреніемъ сдержать данное слово до конца дней, и народъ твой согласится принять наши предложенія, обѣщаешь-ли ты тогда снова стать нашимъ?

— Возьми на себя обязанности посредника, тихимъ голосомъ перебила первосвященника царица, съ умоляющимъ видомъ взглянувъ въ лицо еврея своими грустными глазами. — Я думаю съ ужасомъ о гнѣвѣ Мезу, и, насколько отъ насъ зависитъ, мы сдѣлаемъ все, чтобы вернуть себѣ его прежнее расположеніе. Назови ему мое имя и напомни тѣ дни, когда онъ объяснялъ мнѣ, маленькой Изидѣ - Нефертъ, названія растеній, которыя я ему приносила, и толковалъ мнѣ и моей сестрѣ ихъ вредъ или пользу, въ тѣ дни, когда навѣщалъ на женской половинѣ царицу, свою вторую мать. Да простятся и забудутся всѣ раны, которыя онъ нанесъ сердцамъ египтянъ! Будь нашимъ посломъ, Осія, не откажи намъ въ этомъ!

— Такія слова изъ такихъ устъ, отвѣчалъ воинъ,—строжайшій приказъ; но тѣмъ не менѣе они пріятны моему сердцу. Я принимаю обязанность посредника.

Престарѣлый верховный жрецъ одобрительно кивнулъ ему головой и воскликнулъ:

— И такъ я надѣюсь, что этотъ краткій часъ бесѣды поведетъ къ продолжительному благоденствію. Вы же замѣтьте вотъ что: гдѣ помогаетъ лекарство, тамъ надо избѣгать ножа

и прижиганій. Гдѣ черезъ рѣку перекинутъ мостъ, нѣтъ надобности переплывать пучину!

— Да, конечно, надо избѣгать пучины, подтвердилъ фараонъ.

Царица повторила то же самое и снова посмотрѣла на цвѣты, лежавшіе у нея на колѣняхъ.

Началось совѣщаніе.

Три тайныхъ писца сѣли на полъ возлѣ верховнаго жреца, чтобы лучше слышать его тихій голосъ, а сдвинувшіеся въ кружокъ законовѣды и совѣтники взялись за письменные приборы и, держа въ лѣвой рукѣ папирусъ, быстро двигали тростниковыми палочками или кистями. Все что̀ вершилось и рѣшалось предъ лицомъ фараона—надлежало записывать.

Во время наступившаго совѣщанія кругомъ раздавались только приглушенные голоса; стража и придворные застыли на своихъ мѣстахъ, а царская чета, какъ бы погруженная въ свои думы, молча и неподвижно смотрѣла на происходившее передъ нею.

Ни фараонъ, ни его супруга не могли слышать тихаго говора совѣщавшихся, однако египтяне послѣ каждой фразы взглядывали на царя, какъ-будто желая удостовѣриться въ его одобреніи. Осія слѣдовалъ хорошо ему извѣстному обычаю и, подобно другимъ, понижалъ свой голосъ; когда же рѣчь втораго прорицателя или главы законниковъ раздавалась громче, фараонъ поднималъ голову и повторялъ фразу верховнаго жреца: „Гдѣ черезъ рѣку перекинутъ мостъ, избѣгайте опасности переплывать пучину", такъ какъ эти слова выражали то именно, чего желали онъ и царица: избѣжать борьбы, помириться съ евреями, не опасаться болѣе гнѣва ихъ грознаго вождя и его Бога и, въ то же время, не лишиться множества рабочихъ рукъ ушедшаго народа.

Совѣщаніе подвигалось; уже цѣлый часъ продолжался ше-

потъ говорившихъ и скрипъ тростниковыхъ палочекъ, а царица все оставалась въ прежнемъ положеніи, фараонъ же сталъ обнаруживать признаки безпокойства и возвысилъ голосъ: онъ опасался, что второй прорицатель, ненавидѣвшій того, у кого царь просилъ благословенія и чья враждебность ему казалась столь опасною, поставитъ посреднику невыполнимыя условія.

Однако фараонъ только снова повторилъ совѣтъ вспомнить о мостѣ, а на вопросительный взглядъ брошенный имъ на главнаго законовѣда, послѣдній успокоилъ его, сказавъ, что дѣло идетъ самымъ лучшимъ образомъ. Осія просилъ только, чтобы наблюдавшіе за работавшимъ народомъ надсмотрщики впредь назначались не изъ стражниковъ ливійскаго племени, а изъ евреевъ, выбираемыхъ народными старѣйшинами и утверждаемыхъ египетскимъ правительствомъ.

Тутъ фараонъ бросилъ испуганно-просительный взглядъ на Баи, втораго прорицателя, и на другихъ совѣтниковъ; Баи съ сожалѣніемъ пожалъ плечами и, объявивъ, что подчиняетъ свое мнѣніе божественной мудрости фараона, согласился на условіе Осіи.

Земной богъ съ благодарнымъ наклоненіемъ головы принялъ эту уступку человѣка, желанія котораго уже много разъ противорѣчили его собственнымъ. Послѣ того какъ „чтецъ" или глашатай прочелъ вслухъ отдѣльныя статьи договора, Осію заставили дать торжественную клятву въ томъ, что онъ во всякомъ случаѣ вернется въ Танисъ и сообщитъ Высокимъ Вратамъ, какъ приняли его единоплеменники условія царя.

Осторожный полководецъ, хорошо знавшій ловушки и сѣти, разставлявшіяся здѣсь въ изобиліи, неохотно далъ клятву—и то лишь послѣ того, какъ его письменно удостовѣрили, что, каковъ бы ни былъ исходъ переговоровъ, его свобода ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ опасности, если только онъ дока-

жетъ, что сдѣлалъ со своей стороны все возможное, дабы побудить народныхъ вождей къ принятію договора.

Наконецъ фараонъ протянулъ воину руку для цѣлованія; Осія прикоснулся губами и къ краю одежды царицы. Тогда верховный жрецъ Руи сдѣлалъ знакъ первому комнатному сановнику, а этотъ фараону, и властитель понялъ, что можетъ удалиться. Онъ сдѣлалъ это охотно и съ радостью въ сердцѣ, убѣжденный, что позаботился наилучшимъ образомъ о собственномъ благополучіи и о благѣ своего народа.

Его прекрасное, усталое лицо освѣтилось какъ бы лучомъ солнца, и когда царица тоже встала и увидѣла его пріятную улыбку, улыбнулась и она.

На порогѣ пріемнаго покоя властитель глубоко вздохнулъ и сказалъ, обращаясь къ своей супругѣ:

— Если Осія сдѣлаетъ свое дѣло, мы перейдемъ по мосту.

— А не черезъ пучину, продолжала въ томъ же тонѣ царица.

— А если полководцу удастся примирить съ нами Мезу, прибавилъ фараонъ, — и онъ убѣдитъ своихъ остаться на нашей землѣ...

— Тогда ты примешь этого Осію — у него такая важная осанка и честное лицо — въ число царскихъ родственниковъ, прервала фараона его супруга.

Но тутъ фараонъ впервые отрѣшился отъ своей вялости и подчиненія и возразилъ съ горячностью:

— Развѣ это возможно? Еврея-то! Если мы примемъ его въ число „друзей“ или „носителей опахала“, то это ужъ самое большее! Не легкая задача въ этомъ случаѣ найти золотую середину между чрезмѣрнымъ и слишкомъ малымъ!

Чѣмъ дальше подвигалась чета во внутренніе покои, тѣмъ громче навстрѣчу ей раздавались вопли плакальщицъ. Это вызвало новыя слезы на глаза царицы, а фараонъ продолжалъ

размышлять о томъ, какое мѣсто въ сонмѣ придворныхъ онъ можетъ предложить Осіи въ случаѣ если удастся его посольство.

Бальзамированіе фараонова первенца.

Прощаніе Осіи съ войскомъ.

Глава X.

Осія долженъ былъ торопиться, чтобы во время догнать своихъ единоплеменниковъ, ибо чѣмъ дальше они уйдутъ, тѣмъ труднѣе будетъ уговорить Моисея и старѣйшинъ, чтобъ они вернулись и заключили договоръ.

Все случившееся съ нимъ въ это утро казалось ему настолько чудеснымъ, что онъ видѣлъ здѣсь волю Бога, котораго снова позналъ; вспомнилось ему также имя „Іисусъ“, то есть „тотъ, кому въ помощь Іегова“, полученное имъ чрезъ посредство Маріами. Онъ охотно будетъ носить это имя; хотя и нелегко ему отказаться отъ того, которое онъ прославилъ, но вѣдь многіе изъ его товарищей по оружію поступали такъ-же. А данное ему прозвище такъ чудесно оправдалось сегодня: Божья помощь никогда не

обнаруживалась для него такъ ясно, какъ въ это утро. Онъ вступилъ во дворецъ фараона, ожидая, что его лишатъ свободы или отдадутъ въ руки палача, если онъ будетъ настаивать на своемъ желаніи послѣдовать за единоплеменниками, а между тѣмъ какъ скоро оказались разбитыми цѣпи, приковывавшія его къ военной службѣ! Затѣмъ на него возложили задачу, которая казалась ему великою и прекрасною, и онъ готовъ былъ вѣрить, что самъ Богъ его отцовъ призвалъ его къ выполненію этого дѣла.

Онъ любилъ Египетъ. Это была великолѣпная страна. Гдѣ же народъ его могъ найти лучшее мѣсто для поселенія? Только тѣ условія, въ которыхъ евреямъ приходилось жить, были невыносимы. И вотъ теперь предстояли лучшія времена. Его единоплеменникамъ предоставлялась свобода вернуться въ Гесемъ или поселиться къ западу отъ Нила въ странѣ озеръ, которая, какъ онъ зналъ, была плодородна и изобиловала водою. Никто не будетъ въ правѣ принуждать ихъ къ тягловымъ работамъ, да и надъ тѣми, кто наймется по собственному желанію, будутъ приставниками евреи-же, а не суровые, жестокіе иноплеменники.

Что евреи должны оставаться подданными фараона, съ этимъ соглашался и Осія; вѣдь и его предки: Іосифъ, Ефремъ и сыновья его были такими-же подданными, а жилось имъ хорошо въ качествѣ египтянъ.

Если договоръ состоится, то старѣйшины въ каждомъ колѣнѣ будутъ сами управлять внутренними дѣлами народа. Намѣстникомъ новыхъ поселеній, не смотря на возраженіе втораго прорицателя, Баи, имѣлось въ виду назначить Моисея; самъ-же Осія долженъ былъ начальствовать тамъ вооруженною силою, защищать границы, и изъ еврейскихъ наемниковъ, уже въ нѣсколькихъ войнахъ выказавшихъ свою храбрость, навербовать новые тысячные отряды. Но прежде, чѣмъ онъ вышелъ изъ дворца, второй прорицатель, Баи, сдѣлалъ ему нѣсколько

таинственныхъ намековъ, которые хотя въ общемъ оставались неясными, но однако давали понять, что у Бап были весьма важные замыслы; что, какъ только управленіе государствомъ изъ рукъ престарѣлаго Руи перейдетъ къ нему, онъ имѣетъ въ виду для Осіи весьма важныя задачи, можетъ-быть, даже завѣдываніе всѣми наемными войсками, которыми теперь начальствовалъ спріецъ Аарсу. Это болѣе обезпокоило Осію, чѣмъ обрадовало; зато ему пріятно было сознавать, что по его настоянію каждый третій годъ восточныя границы страны будутъ открыты для его единоплеменниковъ, и они получатъ возможность уходить въ пустыню и совершать тамъ жертвоприношенія. Моисей считалъ это въ высшей степени важнымъ, а между тѣмъ, по дѣйствовавшимъ доселѣ законамъ, никто не имѣлъ права безъ разрѣшенія правительства переходить за узкую полосу замкнутую съ восточной стороны укрѣпленіями. Можетъ быть такая уступка евреямъ склонитъ великаго вождя на сторону благодѣтельнаго для евреевъ договора.

Во время этихъ совѣщаній Осія снова почувствовалъ, насколько онъ сталъ чуждъ своимъ: онъ не съумѣлъ-бы даже объяснить, на что̀ нужно это жертвоприношеніе въ пустынѣ. Онъ также откровенно признался совѣтникамъ фараона, что не знаетъ ни обидъ, ни требованій своего народа, и сдѣлалъ это съ тѣмъ, чтобы сохранить за своими право измѣнять и дополнять тѣ предложенія, которыя онъ передастъ имъ.

Чего-же лучшаго могли пожелать его единоплеменники и ихъ вожди?

Будущность была полна надеждъ на новое благополучіе для народа и для него самого. Если соглашеніе состоится, то и для него придетъ пора свить собственное гнѣздо; образъ Маріами снова возставалъ передъ нимъ во всемъ своемъ величіи и прелести. Мысль о завоеваніи этой дивной женщины казалась ему упоительною, и онъ спрашивалъ себя, достоинъ-ли онъ ея и

не дерзость-ли съ его стороны мечтать объ обладаніи боговдохновенною, чудною дѣвой-пророчицей.

Онъ извѣдалъ жизнь и хорошо зналъ въ какой мѣрѣ можно полагаться на обѣщанія слабаго человѣка, которому не подъ силу тяжелый жезлъ правленія. Поэтому онъ принялъ мѣры предосторожности, и если народные старѣйшины примутъ условія, то договоръ, статья за статьей, какъ и всякій союзный договоръ Египта съ другими народами, будетъ вырѣзанъ на металлическихъ доскахъ и, за подписью фараона и уполномоченныхъ еврейскаго народа, повѣшенъ въ государственномъ храмѣ въ Өивахъ. Такіе документы—Осія узналъ это при заключеніи мира съ Хетами [1])—обезпечивали на болѣе или менѣе продолжительный срокъ кратковременную „вѣчность" международныхъ договоровъ. Онъ навѣрное не упустилъ изъ вида ничего, чтобы обезпечить своихъ отъ обмана и вѣроломства! Никогда Осія не чувствовалъ себя сильнѣе, увѣреннѣе и бодрѣе, какъ въ ту минуту, когда онъ снова взошелъ на колесницу фараона, чтобы проститься со своими подчиненными. Даже таинственные намеки и предложенія Баи озабочивали его лишь въ легкой степени, ибо онъ привыкъ предоставлять заботы о будущемъ будущему. Но въ станѣ его ожидала непріятность, относившаяся къ настоящему. Съ изумленіемъ, досадою и безпокойствомъ узналъ онъ тамъ, что Ефремъ ушелъ изъ шатра тайкомъ и никому не сказавъ — куда. Торопливо произведенные разспросы выяснили, что юношу видѣли на дорогѣ въ Танисъ, и Осія, не теряя времени, послалъ своего вѣрнаго щитоносца въ городъ разыскивать мальчика и, если найдетъ его, передать ему приказъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за дядею въ Сокхоөъ.

Простившись со своими воинами, полководецъ двинулся въ

[1]) *Хеты*—Хититы, въ Библіи Хеттеяне, воинственный народъ семитскаго племени, жившій отъ Оронта до Ефрата; у нихъ была сильная крѣпость Кадешъ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

путь, приказавъ сопровождать себя одному только старому конюху.

Ему было пріятно видѣть, что адоны [1]) и низшіе начальники, изъ его приближенныхъ,—суровые бойцы, съ которыми онъ все дѣлилъ и на войнѣ, и въ мирное время, въ опасностяхъ и въ лишеніяхъ, такъ явно показывали, насколько тяжела была для нихъ разлука съ любимымъ начальникомъ. Свѣтлыя слезы катились по смуглымъ щекамъ иного посѣдѣвшаго воина, когда Осія въ послѣдній разъ протягивалъ ему руку; обросшія бородой уста цѣловали край его одежды, его ногу или блестящую шерсть благороднаго ливійскаго коня, который, изогнувъ шею, рвался впередъ и, крѣпко сдерживаемый всадникомъ, несъ его по рядамъ воиновъ. Впервые послѣ смерти матери глаза его увлажнились, когда изъ многотысячнаго отряда зазвучали ему вслѣдъ искренніе и громкіе прощальные крики и пожеланія.

Никогда еще Осія не чувствовалъ въ такой мѣрѣ, какъ крѣпко сросся онъ съ этими людьми и какъ высоко цѣнитъ онъ свое благородное призваніе.

Однако долгъ, исполняемый имъ теперь, былъ также великъ и высокъ, и Богъ, разрѣшившій его отъ присяги и облегчившій ему путь, на которомъ онъ, оставаясь правдивымъ и честнымъ человѣкомъ, могъ повиноваться волѣ отца,—можетъ-быть приведетъ его обратно къ боевымъ товарищамъ, сердечныя пожеланія которыхъ, казалось ему, онъ слышалъ еще, хотя станъ давно уже скрылся изъ виду.

Но сознаніе прекрасной стороны довѣреннаго ему дѣла, возвышенное настроеніе человѣка, который ревностно взялся за выполненіе трудной задачи, полное блаженство любящаго, который съ разумною надеждою на исполненіе своихъ луч-

[1]) Почти то же что у насъ адъютанты. *Авт.*

шихъ, сокровенныхъ желаній, спѣшитъ навстрѣчу своей избранницѣ—все это лишь тогда вполнѣ охватило его, когда онъ оставилъ за собой городъ и крупною рысью двинулся къ юго-востоку по прекрасной равнинѣ, изобиловавшей водой и растительностью.

Но пока онъ еще сдерживалъ коня на улицахъ столицы и въ окрестностяхъ гавани, онъ былъ такъ полонъ воспоминаніями о только-что пережитомъ и заботой о бѣжавшемъ мальчикѣ, что мало обратилъ вниманія на многочисленныя, стоявшія на якорѣ суда, на пеструю смѣсь стекавшихся сюда судохозяевъ, купцовъ, моряковъ и носильщиковъ, самыхъ различныхъ народностей Африки и передней Азіи, искавшихъ здѣсь наживы, — на чиновниковъ, воиновъ и просителей, послѣдовавшихъ за фараономъ изъ Өивъ въ городъ Рамзеса.

Онъ не замѣтилъ также двухъ людей болѣе высокаго чина, хотя одинъ изъ нихъ, начальникъ стрѣлковъ Горнехтъ, дѣлалъ ему знаки.

Оба они стояли подъ глубокими воротами пилоновъ храма Сета, укрываясь отъ пыли, которую гналъ по дорогѣ вѣтеръ пустыни.

Въ то время, какъ начальникъ стрѣлковъ тщетно пытался обратить на себя вниманіе проѣзжавшаго, второй прорицатель Аммуна, Баи, шепнулъ ему:

— Оставь его! Онъ и безъ того скоро узнаетъ, куда дѣвался его племянникъ.

— Какъ прикажешь, возразилъ воинъ, и горячо продолжалъ начатый передъ тѣмъ разсказъ. — Когда мальчика принесли, онъ былъ похожъ на кусокъ глины изъ мастерской горшечника.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, перебилъ его жрецъ,—вѣдь онъ довольно таки долго пролежалъ на дорогѣ въ пыли тифона. Но зачѣмъ же ходилъ къ воинамъ твой домоправитель?

— Черезъ моего адона, котораго я посылалъ вчера вечеромъ, мы узнали, что бѣдный малый схватилъ жестокую лихорадку—и Казана, уложивъ вино и бальзамъ своей кормилицы, послала старика въ станъ.

— Къ мальчику или къ полководцу? спросилъ прорицатель съ лукавою улыбкою.

— Къ больному, рѣзко отвѣтилъ воинъ, и чело его грозно нахмурилось.

Однако онъ сдержался и продолжалъ, какъ бы оправдываясь:

— Ея сердце—мягкій воскъ, а еврейскій мальчикъ... ты вѣдь видѣлъ его вчера?..

— Красавецъ-мальчикъ, какъ разъ по сердцу женщинамъ! засмѣялся жрецъ.—Ну, а ласки племяннику—пріятны и дядѣ.

— Едва-ли это было у нея на умѣ, съ горечью проговорилъ Горнехтъ.—Впрочемъ, кажется неосязаемый еврейскій Богъ бодрствуетъ надъ своими не меньше, чѣмъ безсмертные которымъ ты служишь, потому что Онъ привелъ Готепу къ мальчику въ то самое время, когда тотъ почти погибалъ. Разсѣянный Готепу навѣрное прошелъ бы мимо, такъ какъ пыль уже...

— Превратила мальчика въ кусокъ горшечной глины. Что-жь дальше?

— Дальше, старикъ увидѣлъ, что изъ сѣрой кучи блеснуло что-то золотое...

— А за этимъ нагибается и самый крѣпкій затылокъ.

— Совершенно вѣрно! Мой Готепу такъ и сдѣлалъ, и такимъ образомъ широкое золотое запястье, на рукѣ у мальчика, засверкавъ на солнцѣ, вторично спасло ему жизнь.

— А главное—хорошо, что мальчишка теперь у насъ.

— Да, я тоже обрадовался, когда увидѣлъ, что онъ снова открылъ глаза. Потомъ ему скоро стало лучше; врачъ говоритъ, что онъ живучъ какъ котенокъ и жизнь его внѣ опас-

ности. Но онъ сильно бредитъ и кричитъ всевозможныя безсмыслицы на своемъ языкѣ, даже старая мамка моей дочери не вполнѣ понимаетъ ихъ, хотя она родомъ изъ Аскалона. Ей кажется только, что она слышитъ имя Казаны.

— Стало-быть опять женщина—причина зла.

— Оставь эти шутки, святой отецъ, возразилъ Горнехтъ и закусилъ себѣ губы.—Благонравная вдова—и этотъ птенецъ съ пушкомъ на подбородкѣ!

— Въ такіе юные годы, невозмутимо возразилъ жрецъ,—молодыхъ жуковъ больше привлекаютъ пышныя розы, чѣмъ расцвѣтающія почки, а въ этомъ случаѣ, прибавилъ онъ уже безъ шутокъ,—оно намъ на руку. Мы захватили въ сѣти племянника Осіи—и твое дѣло не выпускать его.

— Ты полагаешь, вскричалъ воинъ,—что мы должны задержать его?

— Да, именно.

— Но вѣдь ты такъ преданъ его дядѣ!

— Конечно. Но государству еще болѣе.

— Этотъ мальчикъ...

— Для насъ желанный заложникъ. Мечъ Осіи былъ намъ въ высшей степени полезнымъ орудіемъ; но если руку его будетъ направлять тотъ, чья власть даже надъ высшими намъ хорошо извѣстна...

— Ты разумѣешь еврея Мезу?

— Тогда Осія будетъ наносить намъ самимъ такія же глубокія раны, какъ прежде нашимъ врагамъ.

— Но я уже нѣсколько разъ слышалъ изъ твоихъ же собственныхъ устъ, что онъ не способенъ ни на какое клятвопреступленіе.

— Я остаюсь при томъ же мнѣніи, и еще сегодня онъ прекрасно его подтвердилъ. Онъ сунулъ свою голову въ пасть крокодила, лишь бы добиться разрѣшенія отъ присяги. Но если

сынъ Навина—левъ, то въ Мезу онъ нашелъ укротителя. Этотъ человѣкъ—заклятый врагъ Египта, и при одной мысли о немъ во мнѣ подымается вся желчь.

— Печальные вопли плакальщицъ за этими воротами, конечно, побуждаютъ насъ ненавидѣть его.

— И несмотря на это, немощь сидящая на престолѣ хочетъ забыть о мести и посылаетъ Осію...

— Съ твоего согласія, однако?

— Еще-бы! подтвердилъ жрецъ съ насмѣшливой улыбкой.— Вѣдь мы его посылаемъ строить мостъ! О, этотъ мостъ! Изсякшій умъ старикашки предлагаетъ его построить, а жалкій сынъ такого отца, который не побоялся бы переплыть самую бурную пучину, лишь бы отомстить во что бы то ни стало, съ радостью хватается за эту мысль! Пусть же Осія попытается выстроить! Если мостъ проведетъ его черезъ потокъ обратно къ намъ, я буду тепло и искренно его привѣтствовать; но о томъ, чтобы мостовые устои обрушились подъ вождями его народа, какъ только этотъ *одинъ* человѣкъ перейдетъ на нашъ берегъ, должны позаботиться мы, доблестные египтяне.

— Конечно, конечно! Но я боюсь, что мы лишимся и полководца, если съ его единоплеменниками случится то, чего они заслуживаютъ.

— Пожалуй что такъ.

— Ты умнѣе меня...

— Однако, въ этомъ случаѣ ты думаешь, что все-таки я ошибаюсь?

— Какъ могу я осмѣлиться...

— Какъ членъ военнаго совѣта, ты обязанъ высказать свое мнѣніе, и я считаю своимъ долгомъ объяснить тебѣ, куда ведетъ тотъ путь, по которому до сихъ поръ ты слѣпо шелъ за нами. Слушай же и руководись этимъ, когда до тебя дойдетъ очередь въ совѣтѣ. Верховный жрецъ Руи старъ...

— И ты уже теперь исполняешь половину его обязанностей.

— Пусть бы его избавили и отъ остальной части! Не ради меня, конечно, такъ какъ я люблю борьбу, но для благоденствія моей родины. Во всѣхъ насъ глубоко вкоренилась привычка считать мудростью все то, что̀ говоритъ и приказываетъ старость; вотъ почему не много нашлось совѣтниковъ, которые не присоединились къ мнѣнію старика, а между тѣмъ его мудрость, подобно ему самому, ходитъ на костыляхъ. Все хорошее вязнетъ въ тинѣ подъ его слабымъ, вялымъ управленіемъ.

— Вотъ поэтому-то и располагай моимъ голосомъ! вскричалъ воинъ.—Я обѣими руками помогу свергнуть спящаго на престолѣ и тупоумныхъ совѣтниковъ что поддакиваютъ ему.

Прорицатель приложилъ палецъ къ губамъ, напоминая объ осторожности, затѣмъ ближе подвинулся къ начальнику стрѣлковъ и проговорилъ тихо и быстро, указывая на свои носилки:

— Меня ждутъ въ Высокихъ Вратахъ, а потому выслушай только вотъ что̀: если Осіи удастся дѣло примиренія, то его единоплеменники, какъ виновные, такъ и невиновные, — вернутся назадъ, и первые будутъ наказаны. Къ послѣднимъ мы должны причислить весь родъ полководца—называющій себя сынами Ефрема — отъ стараго Навина до мальчика, который у тебя въ домѣ.

— Мы должны щадить ихъ; но вѣдь и Мезу—еврей, и то, что̀ мы присудимъ ему...

— Будетъ сдѣлано не на большой дорогѣ; а посѣять вражду между двумя людьми, которымъ придется дѣлить между собою власть — дѣтская игра, не болѣе. Я позабочусь о томъ, чтобы Осія отнесся равнодушно къ гибели другаго; но для этого нужно, чтобы фараонъ, все равно, будь то Менеѳта или—тутъ онъ понизилъ голосъ, — или уже Сиптахъ такъ возвысилъ Осію (а онъ этого вполнѣ заслуживаетъ) чтобы закру-

жившаяся голова уже не могла распознать, чего намъ отъ него надо. Есть одно лакомое блюдо, отъ котораго трудно отказаться тому, кто отвѣдалъ его хоть одинъ разъ.

— Блюдо?

— Да, власть, хочу я сказать, Горнехтъ, — большая, могущественная власть! Сдѣлавшись намѣстникомъ цѣлой провинціи, начальникомъ всѣхъ наемныхъ отрядовъ, вмѣсто Аарсу, Осія конечно поостережется порвать съ нами. Я его знаю. Если удастся его убѣдить, что Мезу несправедливъ къ нему, а властолюбивый человѣкъ дастъ къ тому поводъ — и если вполнѣ увѣрить его, что самъ законъ предписываетъ тѣ наказанія, которымъ мы подвергнемъ чародѣя и худшихъ изъ его единоплеменниковъ, то онъ допуститъ это и даже одобритъ насъ.

— А если посольство не удастся?

— Тогда онъ во всякомъ случаѣ снова явится къ намъ: онъ ни за что̀ не нарушитъ клятвы. Въ томъ же случаѣ, если Мезу, отъ котораго всего можно ожидать, насильно удержитъ его, намъ пригодится мальчикъ, — такъ какъ Осія любитъ его, единоплеменники высоко цѣнятъ его жизнь, и онъ принадлежитъ къ ихъ знатнѣйшему роду. Во всякомъ случаѣ фараонъ долженъ угрожать мальчику, а мы будемъ его защищать; это соединитъ съ нами дядю новыми узами и заставитъ его перейти на сторону тѣхъ, которые недовольны фараономъ.

— Превосходно!

— А вѣрнѣе всего мы достигнемъ цѣли, если намъ удастся завязать еще одинъ узелъ; короче сказать — но я прошу тебя на этотъ разъ выслушать спокойно, сѣдовласый юноша: короче сказать, еврей, нашъ общій собратъ по оружію, спасшій мнѣ жизнь, сильнѣйшій человѣкъ въ войскѣ, которому по праву будутъ принадлежать величайшія почести, долженъ быть твоимъ зятемъ. Казана расположена къ нему; я знаю это отъ моей хозяйки.

Чело военачальника снова омрачилось, и онъ съ трудомъ овладѣлъ собой. Онъ видѣлъ, что не можетъ долѣе отказываться отъ выбора своимъ зятемъ человѣка, происхожденіе котораго претило ему, но котораго онъ въ то же время высоко цѣнилъ и уважалъ. Горнехтъ не могъ сдержать произнесенныхъ про себя проклятій, но отвѣтъ, данный жрецу, звучалъ разумнѣе и спокойнѣе, чѣмъ тотъ могъ ожидать.

— Если ужь въ Казану вселились злые духи, влекущіе ее къ чужеземцу, пусть она поступаетъ какъ ей угодно. Но Осія и не думаетъ просить ея руки. Какъ бы то ни было, клянусь краснымъ Сетомъ и его семьюдесятью помощниками! воскликнулъ Горнехтъ съ яростью,—ни тебѣ, ни кому другому не удастся убѣдить меня, чтобы я самъ предложилъ мою дочь—руки которой добиваются двадцать искателей—тому кто, называя себя нашимъ другомъ, никакъ не выберетъ времени посѣтить нашъ домъ! Удержать мальчика—это другое дѣло; это я беру на себя.

Отъѣздъ Осіи изъ Таниса.

Разграбленіе запаснаго двора въ Сокхоѳѣ.

Глава XI.

Бездонно-прозрачнымъ покровомъ, усѣяннымъ безчисленными звѣздами, простерлось полночное небо надъ плоскою мѣстностью восточной дельты и надъ мѣстечкомъ Сокхоѳомъ, называемымъ у египтянъ по храму, къ которому принадлежалъ округъ, „градомъ бога Тума“ или Пиѳомомъ.

Мартовская ночь близилась къ концу и бѣловатые пары клубились надъ каналомъ, прорѣзывавшимъ равнину. Онъ былъ сооруженъ руками евреевъ, съ помощью принудительныхъ работъ, и орошалъ прилегавшіе поля и луга, тянувшіеся на необозримое пространство.

Съ юга и востока небо было покрыто густымъ туманомъ,

который поднимался съ большихъ озеръ и узкаго морскаго заводья, глубоко врѣзавшагося въ перешеекъ. Раскаленный вѣтеръ пустыни, пронесшійся вчера съ пескомъ и пылью по изсохшей травѣ, по домамъ и шатрамъ Сокхоѳа, стихъ предъ наступленіемъ ночи, и теперь въ воздухѣ чувствовалась та утренняя свѣжесть, которая въ мартѣ передъ восходомъ солнца замѣчается даже въ Египтѣ.

Тотъ кому раньше уже случалось подъ утро посѣщать это скромное пограничное мѣстечко — съ его пастушьими шатрами и жалкими хижинами изъ нильскаго ила — теперь едва-ли узналъ-бы его. Даже обширный, укрѣпленный запасный дворъ, единственное значительное строеніе городка, за исключеніемъ величественнаго храма Тума — бога солнца, представлялъ въ эту минуту необычное зрѣлище. Хотя длинныя, выбѣленныя стѣны кладовыхъ выдѣлялись какъ всегда свѣтлымъ пятномъ во мракѣ ночи, но, обыкновенно мертвенно и безмолвно возвышавшіяся надъ окрестностью, онѣ сегодня кипѣли жизнью. Зданіе это имѣло еще и другое назначеніе. Оно служило крѣпостью противъ разбойничьихъ шаекъ шазу [1]), которымъ удавалось обойти укрѣпленія на перешейкѣ. За неприступными стѣнами складовъ помѣщался египетскій крѣпостной отрядъ, который могъ противостоять даже превосходнымъ силамъ непріятеля.

Но сегодня можно было подумать, что дѣтямъ пустыни удалось-таки взять запасный дворъ. Однако мужчины и женщины, копошившіеся у подошвы и на широкихъ стѣнахъ громаднаго зданія, были не шазу, а евреи. Съ громкимъ крикомъ и радостными ужимками, грабили они тысячи огромныхъ грузовъ ячменя и пшеницы, ржи и проса, стручковыхъ плодовъ, финиковъ и луку, найденныя ими въ полныхъ закромахъ. Еще до

1) Бедуины, кочевавшіе въ сосѣдней съ Египтомъ, причисляемой къ Азіи, пустынѣ.

захода солнца начали они опустошать кладовыя и, нагрузивъ содержимое въ мѣшки, ведра и мѣха, въ корыта, кувшины и даже въ собственные передники, принялись таскать запасы внизъ по лѣстницамъ или спускать сверху на веревкахъ.

Знатнѣйшіе не участвовали въ этой работѣ, но зато, несмотря на поздній часъ, среди копошившихся вокругъ зданія, видны были дѣти всѣхъ возрастовъ, которыя тащили все, что могли, въ горшкахъ и блюдахъ взятыхъ на кухнѣ у матерей.

Наверху, возлѣ непокрытыхъ отверстій въ житницы, въ которыя безпрепятственно смотрѣли звѣзды, и у подошвы лѣстницъ толпились женщины, освѣщая работу другихъ свѣточами и факелами.

Ярко горящія смоляныя плошки были поставлены передъ тяжелыми, запертыми воротами крѣпости и, при свѣтѣ ихъ, виднѣлись шагавшіе взадъ и впередъ вооруженные пастухи. Когда изнутри, въ обитые мѣдью врата, сыпались удары ногъ или камней и раздавались угрозы на египетскомъ языкѣ, стоявшіе снаружи евреи отвѣчали насмѣшками и бранью.

Въ день праздника жатвы, во время вечерней смѣны стражей, въ Сокхоѳъ прибыли нѣсколько гонцовъ-скороходовъ; они вышли утромъ изъ Таниса, дабы сообщить живущимъ въ Сокхоѳѣ сынамъ Израиля, которыхъ было въ двадцать разъ болѣе нежели египтянъ, что народъ вечеромъ выступаетъ изъ Таниса и здѣшніе друзья и родные должны быть готовы присоединиться къ нему. Тогда среди собравшихся въ каждомъ домѣ евреевъ началось громкое ликованіе; въ этотъ день — перваго новолунія послѣ весенняго равноденствія—они, подобно своимъ единоплеменникамъ въ городѣ Рамзеса, справляли праздникъ жатвы. При этомъ старѣйшинами колѣнъ израильскихъ было объявлено, что день освобожденія наступилъ и Господь намѣренъ вести свой народъ въ землю обѣтованную.

Какъ въ Танисѣ, такъ и здѣсь, многіе выказывали малодушіе и упорство; многіе пытались отдѣлиться отъ другихъ и остаться дома, но и здѣсь, также какъ и тамъ, они были увлечены большинствомъ. Какъ въ Танисѣ Ааронъ и Навинъ, такъ здѣсь сынъ перваго Элеазаръ и знатнѣйшіе вожди племени Іудова Оръ и Наассонъ увѣщевали толпу. Маріамь-же, сестра Моисея, ходила изъ дома въ домъ и вездѣ пылкими рѣчами пробуждала пламень воодушевленія въ сердцахъ мужей и увѣряла женщинъ, что вмѣстѣ съ солнцемъ завтрашняго утра взойдетъ день счастья, радости и свободы для нихъ и ихъ дѣтей. Лишь немногіе оставались глухи къ словамъ пророчицы. Было что-то величественное, требовавшее повиновенія во всемъ существѣ этой дѣвушки. Ея большіе, черные глаза съ густыми, темными, сросшимися бровями проникали въ глубину сердецъ и какъ бы грозили упорствующимъ своимъ мрачнымъ блескомъ.

Съ веселымъ сердцемъ, исполненные надежды, отошли ко сну, послѣ пира, жители каждаго дома. Но какая перемѣна произошла въ нихъ въ теченіе слѣдующаго дня, ночи и вновь наступившаго утра! Казалось, что вѣтеръ пустыни занесъ своими песками всѣ ихъ надежды и доблести. Страхъ передъ неизвѣстнымъ закрался въ ихъ сердца и многіе изъ тѣхъ, что такъ самоувѣренно и отважно потрясали посохомъ, теперь чувствовали себя накрѣпко привязанными къ дому отцовъ, къ заботливо воздѣланному садику и къ жатвѣ на поляхъ, которую только на половину успѣли убрать.

Отъ вниманія египетскихъ воиновъ, находившихся въ укрѣпленномъ запасномъ дворѣ, не ускользнуло особое оживленіе, охватившее евреевъ; но они приписывали его празднику жатвы. Начальникъ твердыни слышалъ, что Моисей намѣренъ вести единоплеменниковъ въ пустыню для жертвоприношеній своему Богу,—и потому просилъ подкрѣпленія. Никакихъ другихъ по-

дробностей онъ не зналъ, ибо до того утра, когда поднялся вѣтеръ пустыни, ни одинъ еврей не выдалъ намѣреній своего народа. Но чѣмъ удушливѣе становился зной, тѣмъ сильнѣе росъ въ малодушныхъ сердцахъ ужасъ въ виду странствованія по раскаленной, песчаной и безводной пустынѣ. Страшный нынѣшній день былъ какъ бы предвкушеніемъ предстоящихъ мученій и когда, около полудня, пыль начала сгущаться въ тучи, а воздухъ становился все удушливѣе, — одинъ еврейскій разнощикъ, у котораго и египетскіе воины покупали товаръ, проникъ въ крѣпость и сталъ умолять начальника, чтобъ онъ помѣшалъ его единоплеменникамъ идти на вѣрную гибель.

Между тѣмъ и среди знатнѣйшихъ послышались недовольные голоса. Завидовавшіе власти Моисея и Аарона, Азарія и Михаилъ, вмѣстѣ со своими сыновьями, ходили даже изъ дома въ домъ, убѣждая евреевъ созвать еще разъ старѣйшинъ и потребовать, чтобъ они вошли въ переговоры съ египтянами.

Въ то время, какъ недовольные съ успѣхомъ вербовали себѣ послѣдователей, а предатель проникъ къ начальнику египетскаго крѣпостнаго отряда, еще два скорохода пришли въ Сокхоѳъ и объявили, что выступившіе прибудутъ сюда передъ разсвѣтомъ...

Безъ словъ и безъ дыханія, обливаясь пòтомъ и съ выступившей на губахъ кровью, упалъ старшій изъ гонцовъ на порогѣ дома Аминадава, въ которомъ нашла пріютъ и Маріамь. Лишь послѣ того, какъ утомленнымъ вѣстникамъ было предложено вино и прохладительная закуска, менѣе обезсиленный изъ нихъ въ состояніи былъ объяснить, зачѣмъ они пришли. Хриплымъ голосомъ, но исполненный благодарности и пламеннаго воодушевленія, передалъ онъ, какъ произошло выступленіе и какъ Богъ праотцовъ вселилъ духъ Свой въ сердце каждаго, вновь укрѣпивъ надеждой робкія души.

Маріамь съ сіяющими глазами слушала разсказъ; по окончаніи его, она накинула покрывало на голову и приказала слугамъ Аминадава, окружавшимъ гонцовъ, собрать весь народъ подъ старую, тысячелѣтнюю смоковницу, вѣтви которой защищали обширное пространство отъ палящихъ лучей солнца.

Хотя вѣтеръ пустыни еще не прекратился, но радостная вѣсть, повидимому, сломила его власть надъ людьми. Многія сотни сыновъ Израиля собрались подъ смоковницу, и Маріамь, при помощи племянника своего Элеазара, сына Аарона, ставъ на скамью, прислоненную къ мощному, дуплистому дереву, вдохновенно подняла глаза и руки къ небу и, какъ будто очамъ ея даровано было узрѣть Всевышняго, обратилась къ Нему съ громкой молитвой.

Потомъ она предоставила слово гонцу, и когда тотъ еще разъ описалъ все, что̀ произошло въ городѣ Рамзеса, и объявилъ, что черезъ нѣсколько часовъ выступившіе прибудутъ сюда, громкіе радостные клики послышались въ толпѣ. Въ то же время Элеазаръ, сынъ Аарона, съ пламеннымъ краснорѣчіемъ пояснялъ, что̀ Господь уже совершилъ для своихъ сыновъ и что̀ обѣщалъ имъ и дѣтямъ и внукамъ ихъ.

Какъ свѣжая утренняя роса на поблекшую траву, западали вдохновенныя слова Элеазара въ сердца его соплеменниковъ. Вѣрующіе сопровождали его рѣчь ликующими возгласами, а у маловѣрныхъ и малодушныхъ выростали крылья надеждъ. Азарія, Михаилъ и ихъ приверженцы не роптали болѣе и, когда еврейскій наемникъ изъ крѣпостнаго отряда, успѣвшій пробраться къ своимъ, сообщилъ имъ объ измѣнѣ еврея разнощика, Элеазаръ, Наассонъ, Оръ и другіе составили совѣтъ. Собравъ вокругъ себя всѣхъ бывшихъ тутъ пастуховъ, они пламенными рѣчами убѣждали своихъ соплеменниковъ выказать истинное мужество и, при помощи Всемогущаго Бога, сразиться за свой народъ и за его

освобожденіе. Въ топорахъ, дубинахъ, серпахъ и мѣдныхъ копьяхъ, равно какъ и въ тяжелыхъ кольяхъ и пращахъ, лукахъ и стрѣлахъ, составляющихъ оружіе пастуха противъ дикихъ звѣрей, не было недостатка, а потому, какъ только порядочная кучка сильныхъ людей присоединилась къ Ору, онъ ринулся противъ египетскихъ приставниковъ, наблюдавшихъ за нѣсколькими сотнями евреевъ на тягловой работѣ.

Съ крикомъ: „Идутъ! Долой притѣснителей! Господь Богъ нашъ — вождь нашъ!" бросились они на ливійскую стражу, одолѣли ее и освободили своихъ единовѣрцевъ-землекоповъ и каменьщиковъ. Когда знатный, уважаемый Наассонъ братски прижалъ къ своему сердцу старѣйшаго изъ этихъ несчастливцевъ, то и другіе освобожденные поденщики бросились на грудь къ пастухамъ, и такимъ образомъ, съ кликами: „Идутъ!" и „Господь, Богъ отцовъ нашихъ—вождь нашъ!" подвигались они впередъ все увеличивавшейся толпой. Когда, наконецъ, горсть пастуховъ доросла до нѣсколькихъ тысячъ, Оръ повелъ ихъ противъ египетскихъ войскъ, значительно уступавшихъ имъ въ числѣ.

Египетскіе стрѣлки уже сыпали дождемъ стрѣлъ и смертоносные камни изъ пращи силачей-пастуховъ разили уже передній рядъ непріятеля, когда раздался звукъ трубы, отзывавшій египтянъ за отвѣсныя стѣны и крѣпкіе ворота. Численное превосходство евреевъ показалось начальнику слишкомъ большимъ, а между тѣмъ онъ считалъ своимъ долгомъ удержать въ своихъ рукахъ твердыню до прибытія затребованныхъ подкрѣпленій.

Оръ однако не удовольствовался этою первою побѣдою. Какъ рѣзкій порывъ вѣтра раздуваетъ тлѣющій огонь, такъ успѣхъ воспламенилъ духъ его воиновъ, и лишь только египтянинъ показывался между стѣнными зубцами запаснаго двора, круглый камень изъ пращи пастуха мѣтко поражалъ его. По при-

казанію Наассона принесли лѣстницы. Мигомъ сотни людей вскарабкались на ограду, и послѣ короткаго, почти безкровнаго боя, склады были въ рукахъ евреевъ. Египтянамъ удалось только удержать за собою внутреннее укрѣпленіе.

Между тѣмъ вѣтеръ, дувшій изъ пустыни, утихъ. Наиболѣе ожесточенные изъ освобожденныхъ поденщиковъ навалили соломы, дерева и хворосту передъ воротами двора, въ который были оттѣснены египтяне, и были уже готовы спалить враговъ до послѣдняго человѣка, но Оръ, Наассонъ и другіе благоразумные вожди народа не допустили до этого, дабы не сжечь вмѣстѣ съ тѣмъ и продовольственныхъ припасовъ, находившихся еще въ кладовыхъ.

Не легко, конечно, было удержать отъ этого мщенія молодежь изъ поденщиковъ, однако каждый изъ нихъ принадлежалъ къ семьѣ, и когда отцы и матери присоединили къ увѣщаніямъ Ора свои, то молодые рабочіе не только дали усмирить себя, но и помогли старшимъ подѣлить между главами семействъ бывшіе въ закромахъ запасы и нагрузить ихъ на вьючныхъ животныхъ и на повозки, которыя должны были идти съ переселенцами.

При яркомъ свѣтѣ факеловъ закипѣла работа и скоро перешла въ новое пиршество, ибо ни Оръ, ни Наассонъ, ни Элеазаръ не могли помѣшать мужчинамъ и женщинамъ раскупорить кувшины и мѣха съ виномъ. Тѣмъ не менѣе, львиную долю драгоцѣнной добычи удалось сохранить про черный день. Такимъ образомъ, пьяныхъ было не слишкомъ много, но винные пары и радость по поводу богатой добычи довели до высшей степени общее благодарно-восторженное настроеніе. Когда Элеазаръ снова вошелъ въ толпу и сталъ говорить о землѣ обѣтованной, мужчины и женщины внимали ему, воспрянувъ духомъ, и единодушно подхватили хвалебную пѣснь, которую запѣла Маріамь.

Какъ передъ выступленіемъ изъ Таниса, такъ и теперь въ Сокхоѳѣ набожное одушевленіе охватило сердца народа. Около семидесяти евреевъ, мужчинъ и женщинъ, которые скрывались во храмѣ Тума, услышавъ торжественное пѣніе, вышли изъ храма, присоединились къ другимъ и стали укладывать свое имущество съ такою радостною надеждою и съ такою теплою вѣрою въ Бога отцовъ своихъ, какъ будто они никогда не боялись похода.

По мѣрѣ того, какъ меркли звѣзды, радостное возбужденіе усиливалось. Мужчины и женщины толпами двинулись по дорогѣ въ Танисъ, навстрѣчу приближавшихся единоплеменниковъ. Отцы вели за руку подростающихъ сыновей, матери несли на рукахъ малютокъ; вѣдь между подходившими было столько дорогихъ друзей, а наступавшее утро должно было принести съ собою такую радость, которой нельзя лишить никого изъ милыхъ сердцу и которая должна будетъ откликаться въ душѣ младенцевъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ самихъ будутъ дѣти и внуки.

Ни въ шатрахъ, ни въ хижинахъ, ни въ домахъ никто не думалъ объ отдыхѣ, ибо всѣ хотѣли окончить сборы. Толпа работавшихъ у склада порѣдѣла, такъ какъ многіе уже вволю набрали съѣстныхъ припасовъ, сколько могли увезти.

У иныхъ шатровъ и хижинъ уже собравшіеся въ путь мужчины и женщины разложили быстро разгорѣвшіеся костры, а пастухи согнали скотъ въ болѣе обширные дворы и били тѣхъ быковъ и овецъ, которые не могли выдержать далекаго путешествія. Передъ многими домами раздавались удары топоровъ и визгъ пилы; необходимо было приготовить носилки для хворыхъ и слабыхъ. Возы и повозки были уже нагружены, а хозяева все еще никакъ не могли поладить съ женами: разставаться съ имуществомъ всегда тяжело, а женское сердце привязывается къ ничтожнымъ повидимому ве-

щамъ нерѣдко сильнѣе, чѣмъ къ самымъ дорогимъ. Можно-ли было, напримѣръ, упрекнуть ткачиху Ревекку за то, что она настойчиво желала уложить на возъ грубо сколоченную люльку, въ которой умеръ ея любимый ребенокъ, предпочитая ее выложенному слоновою костью ларцу изъ чернаго дерева, отданному однимъ египтяниномъ въ залогъ ея мужу.

Во всѣхъ окнахъ и дверяхъ виднѣлся свѣтъ, а на крышахъ самыхъ высокихъ домовъ зажглись факелы и свѣтильники навстрѣчу приближавшимся.

На пиршествѣ, которое было устроено въ ночь праздника жатвы, въ каждомъ домѣ былъ на столѣ жареный ягненокъ, но и въ эти часы ожиданія, хозяйки снова угощали своихъ, чѣмъ могли.

По узкимъ улицамъ скромнаго пограничнаго мѣстечка кипѣла теперь оживленная дѣятельность, и никогда еще потухавшія звѣзды не видѣли здѣсь такихъ ясныхъ взоровъ, такихъ свѣтлыхъ, вдохновенно сверкавшихъ глазъ, такихъ озаренныхъ надеждою и благочестивою вѣрою лицъ.

Евреи дѣлятъ добычу.

Аминадавъ и семья его.

Глава XII.

На крышѣ одного изъ самыхъ большихъ домовъ Сокхоѳа всѣ еще оставались въ сборѣ до зари, дабы привѣтствовать странниковъ, которые здѣсь должны были сдѣлать первый продолжительный привалъ.

Предшествуя имъ, въ Сокхоѳъ являлись одинъ за другимъ лучшіе ходоки и подростки. Большинство направлялось прямо въ домъ Аминадава. Онъ состоялъ изъ двухъ строеній: въ одномъ изъ нихъ жилъ Наассонъ, сынъ владѣльца, и его семья; въ другомъ, бо́льшемъ, кромѣ престарѣлаго хозяина и его жены, помѣщался его зять Ааронъ съ женою, дѣтьми и внуками, а также Маріамь. Престарѣлый, именитый князь отъ колѣна Іуды, передавшій обязанности

своего сана сыну Наассону, протягивалъ дрожащія руки навстрѣчу каждому гонцу и слушалъ его разсказы съ блестящими, часто туманившимися отъ слезъ глазами. Онъ убѣдилъ свою старушку-жену сѣсть теперь же въ кресло, въ которомъ ее будутъ нести за шествіемъ, чтобы она заранѣе успѣла привыкнуть къ нему, и самъ съ этою же цѣлью помѣстился въ своемъ креслѣ.

Слушая, какъ гонцы восхваляли удачное выполненіе того, что̀ сулило народу блестящую будущность, старица часто взглядывала въ глаза мужу и восклицала: „Да, вотъ каковъ Моисей!“ Она питала высокое уваженіе къ брату своего зятя и съ радостью видѣла исполненіе того, что̀ онъ ей предсказывалъ. Старики съ гордостью смотрѣли и на своего зятя Аарона; но всю свою любовь они отдавали Элеазару, своему внуку, въ которомъ видѣли подростающаго втораго Моисея. Съ нѣкоторыхъ поръ они нашли новаго, пріятнаго члена семьи въ лицѣ Маріами. Расположеніе добросердечныхъ стариковъ къ сосредоточенной въ себѣ дѣвушкѣ конечно не переходило въ родительскую нѣжность, а дочь ихъ Елизавета, дѣятельная жена Аарона, такъ же мало желала дѣлиться съ пророчицей заботами по обширному домашнему хозяйству, какъ и жена ихъ сына Наассона, которая и безъ того жила со своими ближайшими родными подъ одною крышей. Однако старики были очень благодарны Маріами за ея заботы объ ихъ внучкѣ Милкѣ, дочери Аарона и Елизаветы, которую тяжелое горе обратило изъ веселаго ребенка въ унылую, умершую для всякой радости женщину.

Черезъ нѣсколько дней послѣ брака, горячо любимый ею мужъ позволилъ себѣ забыться и поднялъ руку на одного египетскаго сборщика податей, который, во время поѣздки фараона на востокъ, черезъ Сокхоѳъ, хотѣлъ угнать у него большое стадо прекраснѣйшихъ быковъ для „кухни властителя обоихъ міровъ“. За это самоуправство не-

счастный былъ отправленъ въ рудники, какъ государственный преступникъ, а всякому хорошо было извѣстно, что сосланные гибли тамъ отъ непосильныхъ работъ. Только благодаря вліянію стараго Навина, отца Осіи, жена и родственники осужденнаго не подверглись тому же наказанію, какъ то предписывалъ египетскій законъ; но съ тѣхъ поръ Милка все хилѣла, и только одна Маріамь умѣла вывести изъ оцѣпенѣнія безмолвную блѣднолицую женщину. Покинутая жена привязалась къ ней своимъ разбитымъ сердцемъ и всегда сопровождала ее, когда Маріамь примѣняла изученное ею врачебное искусство въ хижинахъ бѣдняковъ и носила имъ лекарство и милостыню.

Послѣдніе изъ гонцовъ, которыхъ принялъ Аминадавъ на крышѣ своего дома, рисовали мрачными красками трудности странствованія и тѣ бѣдствія, коихъ они были свидѣтелями. Но когда кто-нибудь изъ наиболѣе мягкосердыхъ распространялся о тяжкихъ страданіяхъ, перенесенныхъ женщинами и дѣтьми въ то время, когда свирѣпствовалъ вѣтеръ пустыни, и о всѣхъ ужасахъ, запечатлѣвшихся въ его памяти, съ грустью и страхомъ взирая на будущее,—старецъ утѣшалъ его, указывая на всемогущество Господа и на привычку, которая не замедлитъ войти въ свои права. На его лицѣ выражалась непоколебимая твердость, тогда какъ въ строгихъ, но прекрасныхъ чертахъ Маріами не замѣтно было той радостной надежды, которая обыкновенно отличаетъ юность отъ старости.

Пока гонцы приходили и уходили, Маріамь ни на минуту не отлучалась отъ стариковъ, предоставивъ невѣсткѣ своей Елизаветѣ и ея прислужницамъ угощать утомленныхъ гонцовъ; сама-же лишь слушала напряженно и тяжело дыша; но то, что̀ она узнала, показалось ей весьма мало успокоительнымъ. Ей было хорошо извѣстно, что въ домъ, давшій пріютъ Аарону, имѣли доступъ только тѣ, кто былъ преданъ вождямъ

народа, ея братьямъ. Если у этихъ уже изсякло радостное настроеніе, то чего-же ждать отъ равнодушныхъ или упорствовавшихъ!

Лишь изрѣдка присоединяла она свои вопросы къ вопросамъ старика, и каждый разъ гонцы, впервые видѣвшіе Маріамь, съ удивленіемъ взглядывали на нее, пораженные ея необычайно густымъ, хотя и пріятнымъ голосомъ.

Когда нѣсколько скороходовъ на ея разспросы отвѣтили, что Осіи, сына Навина, нѣтъ среди выступившихъ, она поникла головой и не спрашивала болѣе, пока блѣднолицая Милка, вездѣ слѣдовавшая за ней, не подняла на нее умоляющаго взгляда своихъ черныхъ глазъ и не повторила ей шепотомъ имя Рувима, своего пропавшаго безъ вѣсти мужа. Тогда Маріамь поцѣловала бѣдную покинутую женщину, взглянувъ на нее такими глазами, какъ-будто упрекала себя въ чемъ-то, и потомъ горячо принялась разспрашивать посланцевъ, не знаютъ-ли они чего о Рувимѣ, который былъ сосланъ въ рудники. Одинъ изъ гонцовъ сталъ припоминать, будто слышалъ отъ одного выпущеннаго на свободу каторжника, что мужъ Милки находится въ мѣдныхъ рудникахъ округа Бехъ, въ окрестностяхъ горы Синая. Маріамь воспользовалась этимъ извѣстіемъ и съ жаромъ стала увѣрять молодую женщину, что народъ, двинувшись на востокъ, навѣрное пройдетъ мимо рудниковъ и освободитъ находящихся тамъ въ неволѣ евреевъ.

Милка бросилась на грудь утѣшительницы и не могла наслушаться ея ободряющихъ словъ.

Но вдругъ всѣ находившіеся на крышѣ дома Аминадава заволновались: съ сѣвера приближалось густое облако и вскорѣ можно было уже разобрать какой-то неясный гулъ, который становился все громче и громче, наконецъ перешелъ въ смѣшанный тысячеголосый гамъ криковъ и возгласовъ, рева и блеянья, какого не приходилось слышать никому изъ присут-

ствующихъ, — и вотъ потянулась, извиваясь, многосоставная и многоголосая толпа, тотъ необозримый потокъ людей и животныхъ, что внукъ гороскопа принялъ съ вышки Танисскаго храма за адскаго змѣя.

И теперь еще, при слабомъ свѣтѣ брезжущаго утра, потокъ этотъ можно было принять за сонмище безплотныхъ духовъ, изгнанныхъ изъ селенія мертвыхъ; бѣловато-сѣрый столбъ пыли, достигавшій тверди небесной, шелъ впереди его, и въ этой мощной, многосоставной и многоголосой совокупности, окутанной песчаными облаками, не было возможности различить отдѣльныхъ образовъ. Лишь по временамъ сверкалъ при первыхъ солнечныхъ лучахъ наконечникъ копья или мѣдный котелъ и выдѣлялся чей-нибудь болѣе громкій голосъ.

Передовыя волны потока уже достигли дома Аминадава, передъ которымъ разстилались необозримые луга выгона.

Послышались громко отдаваемые приказы, шествіе остановилось и стало растекаться какъ горное озеро весною, которое, переполнившись, дѣлится на множество ручьевъ и ручейковъ. Но вскорѣ мелкіе потоки снова соединились вмѣстѣ, заняли значительныя пространства обрызганныхъ росою луговъ, и тамъ, гдѣ останавливались эти отдѣльныя части могучаго потока, тотчасъ исчезало пыльное покрывало, дотолѣ скрывавшее ихъ отъ глазъ.

Улица долго еще оставалась закутана облакомъ пыли, но на лугахъ уже ясно виднѣлись, въ лучахъ утренняго солнца, мужчины, женщины и дѣти, волы и ослы, овцы и козы, и вскорѣ на лужайкахъ противъ домовъ Аминадава и Наассона закипѣла работа; возникали одинъ за другимъ цѣлые ряды шатровъ, скотъ отдѣлялся загородками, вбивались въ твердую землю столбы и колья, натягивались наметы; тамъ привязывали корову, здѣсь вели стадо воловъ или овецъ на водопой, разводили огонь, и длинныя вереницы женщинъ и дѣвушекъ,

съ кувшиномъ на головѣ и красиво изогнутой, для сохраненія равновѣсія, рукой, направлялись къ колодцу позади старой смоковницы или къ берегу ближайшаго канала.

Тамъ, какъ и во всѣ дни недѣли, пѣгій волъ съ высокимъ горбомъ вертѣлъ водоподъемное колесо. Оно орошало землю, которую владѣлецъ вола готовился покинуть завтра; но рабъ, приставленный къ колесу, не заглядывалъ такъ далеко и, не получивъ другихъ приказаній, тупо, по старой привычкѣ, продолжалъ поливать луга, которые завтра же достанутся врагу...

Понадобилось нѣсколько часовъ на то, чтобы всей толпѣ расположиться станомъ, и Маріамь, описывая все происходившее внизу Аминадаву, плохо видѣвшему вдаль, была при этомъ свидѣтельницей многаго, чего предпочла бы не видѣть вовсе.

Она не рѣшалась передавать старцу всего сполна, чтобы не омрачить его свѣтлаго настроенія.

Маріамь, уповавшая всѣми силами своей возвышенной души на Бога отцовъ своихъ и Его всемогущество, вчера еще раздѣляла увѣренность старика; но Господь далъ ей роковой даръ прозрѣвать вещи и слышать слова невидимыя и непонятныя для другихъ. Чаще всего она слышала такія слова во снѣ, а иногда и на яву, въ часы уединенія, когда, глубоко сосредоточившись въ себѣ, она думала о прошломъ или будущемъ.

То, что̀ Ефремъ передалъ отъ ея имени Осіи, какъ откровеніе Всевышняго, она услышала изъ невидимыхъ устъ, одиноко сидя подъ старой смоковницей, погруженная въ мысли объ исходѣ евреевъ и о человѣкѣ, котораго любила съ дѣтства. Сегодня, передъ разсвѣтомъ, когда она опять сидѣла подъ вѣтвями священнаго для нея дерева, задремавъ отъ усталости,—она опять ясно услышала тотъ же голосъ. Хотя самыя слова вышли у нея изъ памяти при пробужденіи, но она знала, что они звучали скорбнымъ предостереженіемъ.

Предостереженіе это, при всей своей неопредѣленности, встревожило ее, и теперь она ясно понимала, что возгласы, доносившіеся съ луговъ, не были кликами радости по поводу счастливо совершеннаго перваго перехода и соединенія съ братьями,—какъ полагалъ стоявшій рядомъ съ нею старецъ,—нѣтъ, это были бранные крики освирѣпѣвшихъ, необузданныхъ людей, спорившихъ съ злобнымъ ожесточеніемъ за удобное мѣсто для шатра и дравшихся въ тѣснотѣ у водопоя, на берегу наполненнаго водою рва.

Гнѣвъ, разочарованіе, отчаяніе слышались въ этихъ возгласахъ. Отъискивая глазами то мѣсто, откуда неслись самые громкіе крики, Маріамь замѣтила мертвое тѣло женщины, которое съ бранью и проклятіями несли на парусинѣ тягловые поденщики, въ то время какъ оборванный, растерзанный еврей, очевидно мужъ умершей, поднималъ въ одной рукѣ мертваго младенца, а другою грозилъ въ ту сторону, гдѣ, какъ видѣла Маріамь, находились ея братья.

Въ слѣдующее мгновеніе она увидѣла, какъ согнувшійся отъ тяжелой работы сѣдой старикъ поднялъ руку на самого Моисея и ударилъ бы его, еслибы другіе не опрокинули старика на землю.

Маріамь не выдержала долѣе и, въ сопровожденіи Милки, блѣдная, тяжело дыша, поспѣшила въ станъ. Встрѣчавшіеся на пути жители Сокхоѳа привѣтствовали ихъ почтительными поклонами.

Пришедшіе изъ Зоана, какъ евреи называли Танисъ, и примкнувшіе къ шествію въ Фа-косѣ и Бубастидѣ, не знали Маріами, но, глядя на высокій ростъ и гордую осанку пророчицы, почтительно давали ей дорогу и съ готовностью отвѣчали на ея разспросы.

Маріамь услышала грустныя, потрясающія вѣсти. Насколько радостно было настроеніе, съ которымъ шествіе тронулось въ

первый день, настолько-же вяло и безнадежно двигалось оно далѣе. Вѣтеръ пустыни сломилъ твердость и мужество многихъ сильныхъ и здоровыхъ. Подобно женѣ поденщика съ ея новорожденнымъ младенцемъ, подъ вліяніемъ пыли и палящаго зноя, схватили горячку и другія родильницы—и вотъ, цѣлая вереница тянется къ сокхоѳскому еврейскому кладбищу. Туда, откуда нѣтъ возврата, несутъ не только женщинъ и дѣтей, не только тѣхъ кого повезли уже больными, чтобы не бросить однихъ въ Танисѣ, но и многихъ мужчинъ, вчера еще здоровыхъ и сильныхъ, а нынѣ изнемогшихъ подъ непосильною ношей, или слишкомъ неосторожно подвергавшихъ себя лучамъ полуденнаго солнца.

Въ одномъ изъ шатровъ, гдѣ злая лихорадка трясла молодую родильницу, Маріамь просила блѣднолицую Милку распорядиться чтобы принесли ея ящикъ съ лекарствами, и молодая женщина быстро и охотно исполнила данное ей порученіе. По пути она, конечно, останавливала всякаго и робко спрашивала о пропавшемъ мужѣ, но никто не могъ дать ей отвѣта. Маріамь же успѣла узнать въ это время, что Навинъ получилъ извѣстія отъ бывшаго раба своего Эліава о томъ, что сынъ его, Осія, намѣренъ присоединиться къ своимъ. Она услышала также, что раненый Ефремъ нашелъ убѣжище въ шатрѣ своего дяди.

Болѣзнь-ли мальчика или что̀ другое задерживало Осію въ Танисѣ? Вопросъ этотъ наполнялъ сердце Маріами тоской и тревогой, но она тѣмъ не менѣе съ удивительнымъ самообладаніемъ расточала помощь и утѣшеніе тамъ гдѣ могла. Сердечный привѣтъ стараго Навина нѣсколько ободрилъ ее. Болѣе привѣтливаго, достойнаго любви и бодраго старика трудно было себѣ представить.

Уже одинъ видъ почтенной головы его съ густыми, бѣлоснѣжными, курчавыми волосами и бородой, съ правильными

чертами лица и юношески ясно смотрѣвшими глазами, дѣйствовалъ на нее благотворно. Со свойственной ему бьющею черезъ край живостью и привѣтливостью, старикъ выразилъ свою радость, что снова видитъ молодую женщину. Когда-же Маріамь сообщила ему, что во имя Всевышняго нарекла Осію—Іисусомъ и призвала его обратно къ своимъ для того, чтобы онъ велъ войско евреевъ, и Навинъ, прижавъ дѣвушку къ сердцу, поцѣловалъ ее въ лобъ, ей казалось, что она обрѣла въ немъ своего умершаго отца. Послѣ этого Маріамь съ новыми силами отдалась тяжелымъ обязанностямъ, которыя со всѣхъ сторонъ требовали ея присутствія.

Не легко было великодушной дѣвушкѣ самоотверженно ухаживать за людьми, грубость и одичалость которыхъ больно отзывались въ ея сердцѣ. Правда, женщины принимали ея помощь охотно; но мужчины, взросшіе подъ палкой приставниковъ, не знали ни уваженія, ни страха; какъ внѣшность, такъ и внутренній складъ ихъ говорили о полномъ одичаніи. Узнавъ, кто она, они грубо стали упрекать Маріамь за то, что братъ ея сманилъ ихъ, заставилъ промѣнять сносное положеніе на самое ужасное. Проклятія и брань, которыми они сопровождали свои слова, зловѣщій блескъ черныхъ глазъ, потемнѣвшія лица, обрамленныя курчавыми, всклокоченными волосами, заставляли сжиматься ея сердце. Тѣмъ не менѣе Маріамь овладѣла своимъ страхомъ и отвращеніемъ и, съ бьющимся сердцемъ, готовая на все худшее, толковала тѣмъ которые особенно отталкивали и пугали ее — о Богѣ отцовъ ихъ и Его обѣтованіяхъ.

Теперь она, казалось ей, поняла, что предсказывалъ грустно предостерегавшій голосъ подъ смоковницей. У ложа молодой родильницы, только отнятой у смерти, Маріамь воздѣла руки къ небу и обѣщала Всевышнему отдать всю себя на борьбу съ маловѣріемъ и упорствомъ, которое могло повергнуть народъ

въ новыя бѣдствія. Богъ указалъ ему великую цѣль — и цѣль эта не должна быть утрачена благодаря близорукости и упрямству нѣсколькихъ заблудшихъ. Самъ Господь едва-ли могъ обратить гнѣвъ на тѣхъ людей, которые привыкли, подобно скоту, безропотно переносить побои и грубое обращеніе, ради удовлетворенія первыхъ потребностей тѣлесной жизни. Теперь толпа еще не сознавала, что должна побороть окружающій ее мракъ, дабы сдѣлаться достойною свѣтлаго дня, который ждетъ ее.

Лекарства, данныя больной, повидимому приносили ей пользу, и Маріамь, исполненная новой твердости и надежды, вышла изъ шатра, чтобы отыскать своихъ братьевъ.

Въ станѣ все оставалось попрежнему. Ей снова пришлось видѣть возмутительныя зрѣлища, которыя заставили ее пожалѣть, что она взяла съ собою робкую Милку. Пойманные на кражѣ чужой утвари и скота, самые отчаянные изъ поденщиковъ были повѣшены на пальмѣ, и вороны, слѣдовавшіе за шествіемъ и уже на пути находившіе себѣ богатую добычу, съ жадными криками кружились надъ мѣстомъ живо поконченнаго самосуда.

Не извѣстно, кто тутъ былъ судьей и кто исполнителемъ приговора; но владѣльцы похищеннаго, принимавшіе участіе въ быстрой расправѣ, чувствовали себя справедливо удовлетворенными.

Быстрыми шагами и стараясь не глядѣть на страшное зрѣлище, повлекла Маріамь за собою дрожащую молодую женщину и передала ее Наассону, ея дядѣ, чтобы отвести ее домой. Послѣдній только что разстался съ человѣкомъ, который дѣлилъ съ нимъ начальство надъ сынами Іуды, въ качествѣ такого-же князя отъ колѣна Іудина. Это былъ тотъ самый Оръ, что во главѣ пастуховъ одержалъ первую побѣду надъ египтянами; не безъ самодовольства подвелъ онъ къ молодой дѣвушкѣ статнаго мужа и юношу, своего сына и внука. Какъ тотъ, такъ и другой состояли на египетской службѣ и были въ Мемфисѣ золотыхъ дѣлъ мастерами и ли-

тейщиками при дворѣ фараона. Первому, за его искусство, дано было имя Урiи, чтò значитъ по египетски *великій*; о сынѣ же этого мастера, внукѣ Ора, Веселiилѣ, говорили, что онъ еще превосходитъ отца дарованiемъ, хотя едва вышелъ изъ юношескаго возраста.

Съ весьма понятною гордостью взиралъ Оръ на сына и внука; оба они успѣли достичь многаго среди египтянъ, но тѣмъ не менѣе безъ возраженій покинули то, къ чему лежало ихъ сердце и, по зову отца, присоединились къ странствующему народу, чтобы раздѣлить его невѣрную участь.

Марiамь горячо привѣтствовала этихъ трехъ человѣкъ, представителей трехъ поколѣній, и дѣйствительно они являли зрѣлище, на которомъ съ удовольствiемъ могъ остановиться взглядъ каждаго.

Дѣду еще не было шестидесяти лѣтъ, и хотя много серебристыхъ нитей примѣшивалось къ его чернымъ волосамъ, онъ держался прямо, какъ молодой человѣкъ, и въ его сухощавыхъ, рѣзкихъ чертахъ выражалась непреклонная воля, вполнѣ объяснявшая ту поспѣшность, съ которой сынъ и внукъ исполнили его приказанiе.

Урiя также былъ статнымъ и красивымъ мужемъ, а Веселiилъ—юношей, который видимо не безъ пользы прожилъ свои девятнадцать лѣтъ и уже твердо стоялъ на собственныхъ ногахъ. Въ глазахъ его сверкала искра истиннаго художественнаго дарованiя и, когда юноша и отецъ его простились съ Марiамью, отправляясь на поклонъ къ Халеву, прадѣду одного и дѣду другаго, дѣвушка отъ всего сердца поздравила Ора, лучшаго друга ея братьевъ, съ такими продолжателями его рода.

Тогда Оръ взялъ ее за руку и заговорилъ съ мягкостью и теплотой, мало свойственными суровому, властительному вождю неукротимаго пастушьяго племени:

— Да, они остались добрыми, вѣрными и покорными. Господь

сохранилъ ихъ и даровалъ мнѣ радость увидѣть ихъ сегодня здѣсь. Но я хочу сдѣлать этотъ день еще болѣе радостнымъ и счастливѣйшимъ въ моей жизни. Ты давно уже могла замѣтить, что глаза мои безпрестанно слѣдятъ за тобою и что ты дорога моему сердцу. Для меня, какъ мужа, и для тебя, какъ женщины, нѣтъ большаго блага чѣмъ благо нашего народа, и это составляетъ между нами крѣпкую связь. Но я бы желалъ, чтобы мы были связаны еще болѣе крѣпкими узами, а такъ какъ родителей твоихъ нѣтъ болѣе въ живыхъ и я уже не могу обратиться къ Амраму со свадебными дарами, чтобы выкупить тебя, то обращаюсь къ тебѣ самой, великая дѣва. Прежде, чѣмъ ты скажешь мнѣ *да* или *нѣтъ*, ты должна узнать, что сынъ мой и внукъ готовы признать тебя, наравнѣ со мною, главою нашего дома и что братья твои охотно дали свое согласіе на то, чтобъ я искалъ твоей руки.

Въ нѣмомъ изумленіи слушала Маріамь эту рѣчь; она глубоко уважала человѣка выказывавшаго ей такую горячую привязанность и была расположена къ нему. Не смотря на его зрѣлые годы, онъ стоялъ передъ ней въ полной мужественной красѣ и съ видомъ гордаго величія. Молящій взглядъ его глазъ, полныхъ обыкновенно властной самоувѣренности, тронулъ ее до глубины души.

Но въ сокровенныхъ мечтахъ своего сердца Маріамь ждала другаго—и потому, въ отвѣтъ на слова Ора, лишь печально покачала головой.

Однако зрѣлый мужъ, вождь своего племени, привыкшій настойчиво доводить до конца разъ задуманное, не остановился передъ этимъ нѣмымъ отказомъ и продолжалъ еще горячѣе:

— Не разрушай въ одинъ мигъ долго сдерживаемую мечту моей жизни! Можетъ быть тебѣ претятъ мои лѣта?

Маріамь снова отрицательно покачала головой, и Оръ продолжалъ:

— А между тѣмъ, именно это меня тревожило, хотя въ мужествѣ и силѣ я могу поспорить со многими изъ младшихъ. Но если только можешь примириться съ моими сѣдинами, взвѣсь хорошенько мои слова. О вѣрности и преданности съ моей стороны нечего и говорить. Въ мои годы сватаются лишь по сильному влеченію сердца. Но есть еще нѣчто, по-моему не менѣе важное. Я сказалъ, что введу тебя въ свой домъ. Вотъ онъ стоитъ передъ тобою, просторный и прочный. Но съ завтрашняго дня нашимъ домомъ будетъ шатеръ, мѣстожительствомъ—станъ, а ты видишь, какъ грубо и небезопасно сложилась тамъ жизнь. Посмотри только на несчастныхъ, которые висятъ тамъ на пальмѣ! Никакой судья не разслѣдовалъ дѣло обвиненныхъ. Произволъ толпы служилъ имъ закономъ. Никто не можетъ быть увѣренъ въ безопасности своей жизни, а тѣмъ менѣе женщина, какъ бы сильна она ни была, взявшаяся за то дѣло, противъ котораго ропщутъ тысячи. Родители твои умерли; братья твои могли бы, правда, охранить тебя, но если народъ наложитъ на нихъ руку—тѣ самые камни, по которымъ ты думаешь пройти черезъ потокъ, потянутъ тебя въ глубину.

— А если я стану твоей женой, то и тебя вмѣстѣ со мною! возразила Маріамь, и густыя брови ея мрачно сдвинулись.

— Эту отвѣтственность я беру на себя, отвѣчалъ Оръ.—Судьба наша въ рукахъ Божіихъ; вѣра моя такъ же сильна, какъ твоя, а за мною стоитъ колѣно Іудино, которое повинуется мнѣ и Наассону, какъ стадо своему пастырю. Старый Навинъ и колѣно Ефремово держится насъ и, въ крайнемъ случаѣ, намъ предстоитъ одно изъ двухъ: или погибнуть по волѣ Господа, или въ вѣрномъ союзѣ власти и благополучіи дожить до глубокой старости въ странѣ обѣтованной.

Маріамь взглянула прямо и смѣло въ суровое лицо Ора, положила руку на его локоть и проговорила:

— Это рѣчи достойнаго мужа, который воспиталъ такихъ

сыновей и котораго я глубоко чту съ дѣтскаго возраста; но женой твоей я не могу быть.

— Не можешь?

— Нѣтъ, господинъ мой, не могу!

— Суровое рѣшеніе, а все-же я долженъ имъ довольствоваться, возразилъ вождь и печально опустилъ голову; но Маріамь воскликнула:

— Нѣтъ, Оръ, ты имѣешь право спросить о причинѣ моего отказа и, почитая тебя, я должна сказать всю правду. Другой человѣкъ изъ нашего народа овладѣлъ моимъ сердцемъ. Я встрѣтила его первый разъ, когда была ребенкомъ. Подобно твоему сыну и внуку, онъ служилъ египтянамъ. Призывъ Бога и его отца дошелъ до него, и если онъ окажетъ такое же повиновеніе какъ Урія и Веселіилъ и попрежнему будетъ стремиться ко мнѣ, я стану его женой, если допуститъ Богъ, Которому я служу и гласъ Котораго мнѣ дано слышать. О тебѣ же я всегда буду вспоминать съ благодарностью.

Большіе глаза дѣвушки сверкнули при этихъ словахъ влажнымъ блескомъ, а у сѣдѣющаго Ора дрогнулъ голосъ, когда онъ смущенно и нерѣшительно проговорилъ:

— А если человѣкъ котораго ты ждешь — я не спрашиваю объ его имени—если онъ останется глухъ къ этому зову? если онъ откажется раздѣлить невѣрную участь нашего народа?

— Этого никогда не случится! прервала его Маріамь, и холодная дрожь пробѣжала по ея жиламъ.

— Никто, кромѣ Бога, не можетъ сказать: „*никогда*“ и „*навѣрное*“! воскликнулъ Оръ.—И если, несмотря на твою увѣренность, случится не такъ какъ ты думаешь, если Господь откажетъ тебѣ въ исполненіи того желанія, которое возникло въ тебѣ, когда ты была еще неразумнымъ ребенкомъ...

— Тогда Тотъ, Кто до сихъ поръ велъ меня, укажетъ мнѣ истинный путь.

— Да будетъ такъ, проговорилъ Оръ, — зижди на Немъ твою судьбу. Если избранный тобою окажется достоинъ тебя и станетъ твоимъ господиномъ — сердце мое будетъ радоваться безъ всякой зависти союзу, благословенному Самимъ Господомъ. Но если Богъ судитъ иначе, если тебѣ понадобится крѣпкая рука, чтобы опереться на нее, я буду на лицо—шатеръ и сердце Ора всегда открыты для тебя.

Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ; а Маріамь долго задумчиво глядѣла ему вслѣдъ, любуясь величественною осанкой пожилаго вождя.

Погруженная въ глубокую думу, она пошла наконецъ къ дому своихъ гостепріимныхъ друзей; но достигнувъ дороги, ведущей изъ Таниса, она остановилась и обратила взоры къ сѣверу. Пыль уже улеглась; дорога была видна на далекое пространство, но тотъ, кого ждала Маріамь, не показывался. Съ глубокимъ вздохомъ, поникнувъ головою, пошла она далѣе и вздрогнула, когда со стороны старой смоковницы ее окликнулъ глухой голосъ ея брата, Моисея.

Навинъ и Урія.

Глава XIII.

Пламенныя рѣчи Аарона и Элеазара опять пробудили въ упавшемъ духомъ, ропщущемъ народѣ мысли о Богѣ и Его обѣтованіяхъ. Освѣживъ усталое тѣло сномъ и подкрѣпивъ себя пищей и питьемъ, многіе вновь обрѣли прежнюю твердость. Когда освобожденнымъ тягловымъ напомнили о тяжелыхъ работахъ и унизительныхъ побояхъ, отъ которыхъ они теперь избавились, они, вмѣстѣ съ другими, признали волю Божію въ томъ, что фараонъ не преслѣдовалъ ихъ. Но еще болѣе способствовала поднятію общаго духа богатая добыча, взятая изъ отбитаго у египтянъ запаснаго двора. Тягловые поденщики и прокаженные — изъ числа послѣднихъ также многіе присоединились къ выступившимъ и теперь

расположились особо, внѣ становища, — словомъ, всѣ тѣ, пропитаніе коихъ зависѣло отъ фараона, видѣли себя обезпеченными на долгое время отъ нужды и лишеній. Однако и теперь не было недостатка въ недовольныхъ, и то здѣсь, то тамъ обсуждался вопросъ,—неизвѣстно кѣмъ поднятый, — не благоразумнѣе-ли будетъ вернуться обратно и поручить себя милосердію фараона. Подстрекатели старались дѣлать это незамѣтно, но тѣмъ не менѣе имъ нерѣдко приходилось слышать въ отвѣтъ рѣзкія слова и угрозы.

Маріамь присоединилась къ братьямъ и дѣлила ихъ трудныя обязанности. Какъ могъ знойный вѣтеръ пустыни такъ скоро убить мужество народа! Какимъ нетерпѣливымъ, маловѣрнымъ и строптивымъ выказалъ себя этотъ народъ при первой превратности судьбы, какимъ необузданнымъ въ своихъ дикихъ порывахъ! Когда въ пути, передъ восходомъ солнца, странствующіе были собраны на вечернюю молитву, одни обратили взоръ къ дневному свѣтилу, восходившему на востокѣ, другіе вытащили небольшаго истукана, котораго захватили съ собой, третьи стали молиться нильской акаціи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Египта считающейся священнымъ деревомъ. Что имъ было до Бога, который повелѣлъ имъ покинуть такъ много и возложить на себя такія тяготы? Они уже выказывали робость, хотя въ сущности еще не видѣли настоящихъ опасностей. Моисей намѣревался вести свой народъ изъ Сокхоѳа, по пути, ведущемъ чрезъ землю филистимскую, прямо въ Палестину, т. е. въ страну обѣтованную; но настроеніе народа принудило его отказаться отъ этого замысла и избрать другой.

Для того чтобы достичь великаго пути, соединяющаго Африку съ Азіей, надо было пройти по узкому перешейку, который скорѣе разъединялъ, чѣмъ связывалъ обѣ части свѣта. Онъ былъ сильно защищенъ противъ вторженій и, частью естественными, частью искусственными преградами, отрѣзы-

валъ путь бѣглецамъ. Почва была пересѣчена глубокими озерами, а между ними возвышались сильныя укрѣпленія, въ которыхъ стояли крѣпостные отряды опытныхъ египетскихъ войскъ.

Эта цѣпь укрѣпленій называлась Хетамомъ или, какъ евреи произносили, Эѳамомъ, и первое изъ нихъ, наиболѣе сильное, находилось всего въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Сокхоѳа.

Когда народъ, полный мыслью о своемъ Богѣ, вдохновенный и готовый на все, сбросилъ свои цѣпи и радостно ринулся въ походъ къ землѣ обѣтованной, Моисей, а съ нимъ вмѣстѣ и большинство старѣйшинъ думали, что онъ, какъ горный потокъ, разорветъ плотины и преграды, опрокинетъ и разрушитъ все, что̀ встрѣтится ему на пути. Съ этими рьяными отрядами, которымъ смѣлый натискъ обѣщалъ полный успѣхъ, тогда какъ рабская нерѣшительность могла принести лишь смерть и гибель, они разсчитывали перейти линію эѳамскихъ укрѣпленій, словно кучу хворосту. Теперь-же, когда послѣ небольшаго ряда препятствій и лишеній уже успѣлъ угаснуть пылъ въ сердцахъ народа,—теперь, когда на одного восторженно настроеннаго еврея приходилось два равнодушныхъ и пять недовольныхъ или робкихъ, взятіе съ бою эѳамской линіи стоило-бы потоковъ крови и могло бросить на ставку все уже достигнутое.

Одолѣніе пиѳомскаго крѣпостнаго отряда произошло при столь благопріятныхъ условіяхъ, что трудно было ожидать вторично чего-либо подобнаго, а потому первоначальный замыселъ пришлось измѣнить и попытаться обойти укрѣпленія. Вмѣсто того, чтобы держать путь къ сѣверо-востоку, приходилось теперь идти къ югу.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, Моисей хотѣлъ, при помощи нѣсколькихъ благонадежныхъ мужей, изслѣдовать новый путь и рѣшить: удобенъ-ли онъ для прохожденія всѣмъ народомъ.

Все это обсуждалось подъ старою смоковницей передъ домомъ Аминадава, и Маріамь, въ качествѣ безмолвной свидѣтельницы, присутствовала при всѣхъ этихъ переговорахъ.

На совѣтѣ мужей женщина, даже такая какъ Маріамь, не имѣла права голоса; но ей было очень тяжело оставаться безмолвною, когда совѣтъ рѣшилъ отказаться отъ нападенія на крѣпостцы, даже въ томъ случаѣ, если опытный полководецъ Осія, которому самъ Богъ вручилъ мечъ Свой, вернется къ своему народу.

— Что̀ значитъ лучшій полководецъ, если нѣтъ войска, которое бы ему повиновалось?!.. воскликнулъ Наассонъ.

И всѣ прочіе согласились съ его мнѣніемъ.

Когда собраніе разошлось, Моисей братски нѣжно простился съ сестрой. Маріамь, зная, что онъ готовъ отважиться на новыя опасности, высказала ему свою тревогу съ тою скромностью съ которою всегда обращалась къ брату, стоявшему умомъ и силой выше всего окружающаго. Моисей съ ласковымъ упрекомъ взглянулъ ей въ лицо и указалъ рукой на небо; сестра поняла его, съ горячей благодарностью поцѣловала ему руку и проговорила:

— Тебя хранитъ Всевышній; я не боюсь болѣе за тебя.

Моисей поцѣловалъ ее въ лобъ, просилъ подать ему дощечку, на которой написалъ нѣсколько словъ, и бросилъ ее въ дупло смоковницы, проговоривъ:

— Это Осіи, то есть Іисусу, сыну Навинову, когда онъ прибудетъ сюда въ мое отсутствіе. Господь судилъ ему великое назначеніе, если онъ научится уповать на Бога, а не на сильныхъ земли.

Съ этими словами онъ отошелъ прочь; Ааронъ же, въ качествѣ главы рода, остался съ Маріамью и сообщилъ ей, что одинъ достойный мужъ проситъ ея руки.

— Знаю, отвѣчала она, поблѣднѣвъ.

Ааронъ съ удивленіемъ взглянулъ на сестру и продолжалъ наставительнымъ тономъ:

— Каково бы ни было твое рѣшеніе, оно будетъ справедливо, если ты запомнишь одно: сердце твое принадлежитъ твоему Богу и твоему народу, и мужъ, которому ты отдашь свою руку, долженъ быть готовъ служить обоимъ; ибо сказано: да будутъ два въ плоть едину. Если-же высшая цѣль одной не будетъ цѣлью и другаго, они останутся разъединены на вѣкъ. Голосъ плоти, соединившій ихъ, скоро умолкнетъ и останется лишь разладъ.

Съ этими словами Ааронъ удалился, и Маріамь готовилась послѣдовать за нимъ. Можетъ-быть помощь ея нужна въ домѣ, гостепріимствомъ котораго она пользовалась. Но тутъ новое обстоятельство съ непреодолимою силой удержало ее подъ смоковницей.

Что̀ значила укладка тлѣнной утвари и повседневныя домашнія заботы, когда дѣло шло о вопросахъ всецѣло завладѣвшихъ ея душою! То могла исполнить и Елизавета, жена Наассона, и первая попавшаяся ключница или вѣрная рабыня. Здѣсь же дѣло шло о самомъ высшемъ — о благѣ или гибели ея народа.

Къ старѣйшинамъ, собравшимся подъ смоковницей, присоединились и другіе выдающіеся мужи. Оръ же удалился вмѣстѣ съ Моисеемъ.

Появился подъ старымъ деревомъ и Урія, сынъ Ора. Литейщикъ, только что вернувшійся изъ Египта, говорилъ въ Мемфисѣ съ людьми стоявшими близко къ Высокимъ Вратамъ и слышалъ, что фараонъ готовъ снять съ евреевъ непомѣрныя тяготы и даровать имъ новыя милости, если только Моисей умилостивитъ Бога, которому служитъ, и вернетъ народъ въ Египетъ, послѣ жертвоприношеній въ пустынѣ. Поэтому Урія находилъ болѣе благоразумнымъ отправить посланцевъ въ

Танисъ и еще разъ войти въ переговоры съ Высокими Вратами.

Эти предложенія, которыя онъ не осмѣливался еще сообщить своему отцу, литейщикъ передалъ старѣйшинамъ съ самымъ добрымъ намѣреніемъ. Онъ надѣялся, что принятіе ихъ отстранитъ отъ народа великія бѣдствія. Но едва онъ высказалъ свои ясно и краснорѣчиво изложенные взгляды, какъ старый Навинъ, отецъ Осіи, до сихъ поръ съ трудомъ сдерживавшій себя, выступилъ впередъ.

Обыкновенно ясное и спокойное лицо старца пылало теперь гнѣвомъ, рѣзко выдѣляясь своей краснотой изъ обрамлявшихъ его густыхъ, бѣлыхъ кудрей. Нѣсколько часовъ тому назадъ онъ слышалъ, какъ Моисей отвергъ подобныя же предложенія съ неумолимою рѣзкостью и безпощадными доводами—и вотъ теперь онъ слышитъ ихъ снова; мало того, онъ замѣчаетъ между собравшимися нѣкоторые признаки сочувствія, грозящіе подорвать великое предпріятіе, ради успѣха котораго онъ принесъ такія жертвы и такъ много бросилъ на ставку.

Пылкому старцу стало невтерпежъ; онъ разразился гнѣвными словами, сверкая взоромъ и грозно поднявъ кулакъ:

— Это что за рѣчи?! Неужели намъ вновь связывать концы веревки, которую разорвалъ самъ Господь Богъ нашъ? Ты совѣтуешь снова связать ее непрочнымъ узломъ, который будетъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока того захочетъ нерѣшительный, слабый человѣкъ, двадцать разъ уже нарушавшій слово, данное намъ и Моисею? Ты хочешь снова запереть насъ въ клѣтку, изъ которой Всевышній освободилъ насъ чудомъ? Ты хочешь, чтобы мы отнеслись къ Господу Богу нашему какъ къ неисправному должнику, и предпочли предлагаемое намъ поддѣльнаго золота кольцо тѣмъ царскимъ сокровищамъ, которыя Онъ обѣщаетъ намъ? О ты, подосланный египтянами — желалъ-бы я...

При этихъ словахъ пылкій старецъ гнѣвно поднялъ кулакъ, но опустилъ руку, не выговоривъ угрозы, которая готова была сорваться съ его устъ, ибо тутъ Гавріилъ, старѣйшій изъ колѣна Завулона, воскликнулъ:

— Вспомни лучше о своемъ сынѣ, который и посейчасъ благоденствуетъ среди враговъ нашего народа!

Эти слова попали въ цѣль; однако самообладаніе пылкаго старца поколебалось лишь на мигъ; прерывая тѣхъ, кто выражалъ свое неудовольствіе на злобныя слова Гавріила, и тѣхъ немногихъ, которые одобряли завулонянина, Навинъ воскликнулъ:

— Именно потому, что вмѣстѣ съ десятью тысячами десятинъ земли мнѣ предстоитъ можетъ-быть, повинуясь Всевышнему, потерять и любимаго сына, я имѣю право говорить здѣсь!

Старецъ тяжко переводилъ духъ, причемъ широкая грудь его поднималась какъ-бы волнами, а глаза, осѣненные густыми бѣлыми бровями, обратились уже со смягчившимся выраженіемъ на сына Ора, который сильно поблѣднѣлъ во время его запальчивой рѣчи. Навинъ продолжалъ:

— Вотъ это — добрый, послушный отцу сынъ; онъ также лишился многаго, оставивъ въ Мемфисѣ свои прославленныя мастерскія и собственный домъ, за то благословеніе Всевышняго всегда будетъ надъ нимъ. Но именно потому, что до сихъ поръ онъ исполнялъ данный Имъ завѣтъ, онъ и не долженъ посягать на то, что̀ мы начали съ помощью Всевышняго. Тебѣ же, Гавріилъ, я скажу, что мой сынъ вовсе не благоденствуетъ среди враговъ, а послушный моему призыву, придетъ къ намъ такъ же, какъ первенецъ Ора, Урія. Причины, задерживающія его, навѣрное чрезвычайно важны, и не могутъ быть постыдными какъ для Осіи, такъ и для меня, его отца. Я знаю своего сына и увѣренъ въ немъ; тѣхъ же, кто ожидаетъ отъ него чего-либо другаго, поведеніе моего сына рано или поздно выставитъ лжецами.

Навинъ остановился, чтобы откинуть бѣлую гриву съ разгоряченнаго чела, и такъ какъ никто не возражалъ ему, онъ снова обратился къ литейщику и продолжалъ съ сердечною лаской въ голосѣ:

— Ты, конечно, говорилъ не затѣмъ, чтобы прогнѣвить меня, Урія. У тебя добрыя намѣренія; но только величіе и славу Бога отцовъ нашихъ ты мѣрилъ мѣркою лживыхъ египетскихъ боговъ, которые умираютъ и воскресаютъ и, какъ недавно сказалъ Ааронъ, изображаютъ лишь въ малой мѣрѣ Того, Кто вездѣсущъ, всесиленъ, всюду дѣйствуетъ и все превосходитъ. Пока Моисей не научилъ меня лучшему, я также думалъ, что служить Богу—значитъ убивать на жертвенникѣ быка, ягненка или гуся, какъ это дѣлаютъ египтяне; но когда,—подобно тому, какъ было со мной, при помощи Моисея,—твои глаза откроются и ты постигнешь Того, Кто управляетъ міромъ и сдѣлалъ насъ Своимъ народомъ, ты зажжешь, какъ я и какъ всѣ мы, а конечно скоро и сынъ мой, въ своей собственной груди тотъ жертвенный огонь, который никогда не угасаетъ, истребляя все, что̀ не относится къ Богу съ любовью, преданностью, вѣрою и почтеніемъ. Черезъ Моисея, раба своего, Богъ обѣтовалъ намъ величайшія блага: освобожденіе отъ рабства и возможность жить и властвовать на своей собственной землѣ, въ прекрасной странѣ, принадлежащей намъ и дѣтямъ нашимъ! Мы находимся на пути къ его дарамъ, и тотъ, кто захочетъ остановить насъ на этомъ пути, кто побудитъ насъ вернуться снова въ желѣзныя сѣти, которыя мы разорвали, тотъ совѣтуетъ своему народу, какъ овцамъ, броситься въ огонь, изъ котораго онѣ спаслись. Я не сержусь на тебя; у тебя на лицѣ написано, что ты понимаешь, какъ безумно заблуждался; но знайте всѣ вы, здѣсь присутствующіе, вотъ что̀ я слышалъ изъ собственныхъ устъ Моисея нѣсколько часовъ тому назадъ: Того, кто посовѣтуетъ возвратиться и вступить въ переговоры съ египтя-

нами, онъ объявитъ измѣнникомъ Іеговѣ, Богу нашему, губителемъ и заклятымъ врагомъ своего народа!

Тогда литейщикъ подошелъ къ старцу, протянулъ ему руку и, глубоко убѣжденный въ справедливости его упрековъ, воскликнулъ:

— Никакихъ переговоровъ, никакихъ соглашеній съ египтянами! Благодарю, что ты открылъ мнѣ глаза! И для меня, конечно, настанетъ часъ, когда ты или кто другой, ближе меня къ Нему стоящій, научитъ меня вполнѣ познать твоего Бога, который также и мой!

Съ этими словами онъ удалился вмѣстѣ со старцемъ, который шелъ обнявъ его плечи себѣ въ опору; а Маріамь слушала, затаивъ дыханіе, послѣднія заявленія Уріи, и когда онъ высказалъ желаніе вполнѣ познать Бога своего народа, ея глаза засверкали вдохновеніемъ. Она почувствовала, что душа ея исполнилась величіемъ Всевышняго, и ощутила въ себѣ силу вселять въ другихъ вѣру въ Его откровеніе. Но и на этотъ разъ обычай заставлялъ ее молчать. Съ болью въ сердцѣ вошла она снова въ толпу, но убѣдившись, что Осія еще не вернулся, отправилась домой, такъ какъ начинало уже смеркаться, и взошла на кровлю, гдѣ собрались всѣ члены пріютившей ее семьи.

Тамъ, казалось, никто не замѣтилъ ея отсутствія, даже бѣдная, унылая Милка,—и Маріамь почувствовала себя безконечно одинокою въ этомъ домѣ.

О, если-бы пришелъ Осія, если бы она нашла крѣпкую руку, на которую могла бы опереться, какъ хотѣлось бы ей избавиться отъ этого сознанія отчужденности въ своей семьѣ, отъ этого безполезнаго прозябанія подъ кровлей, которую ей приходилось называть своею, хотя въ душѣ она никогда не чувствовала себя подъ нею вполнѣ дома.

Моисей и Ааронъ ушли и взяли съ собою внука Ора; ей-же,

которая жила и дышала лишь для народа и его благополучія, никто изъ нихъ не счелъ нужнымъ довѣрить подробности о томъ, куда они направились и какова цѣль ихъ странствованія.

Зачѣмъ Богъ, которому она вполнѣ посвятила себя и свою жизнь, сдѣлалъ ее женщиною, давъ ей умъ и душу мужчины?

Она ждала, не заговоритъ-ли съ нею кто-нибудь изъ окружавшихъ ее взрослыхъ и дѣтей, чтобы испытать, любятъ-ли ее въ этомъ кружкѣ хорошихъ людей, къ которому и она принадлежала. Но дѣти Элеазара тѣснились къ дѣду и бабушкѣ, а Маріамь никогда не умѣла привлечь къ себѣ дѣтей. Елизавета руководила рабами, которые оканчивали укладку того, что̀ бралось съ собою; Милка сидѣла, держа на колѣняхъ свою кошку, и смотрѣла въ пространство; а старшіе мальчики куда-то ушли. Никто не обратилъ на нее вниманія и не заговорилъ съ нею.

Глубокая скорбь овладѣла ею; поужинавъ со всѣми, причемъ она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы своимъ мрачнымъ настроеніемъ не нарушить радостнаго возбужденія дѣтей, предвидѣвшихъ большое удовольствіе въ предстоящемъ путешествіи, — Маріамь снова поспѣшила на воздухъ.

Плотно закутавшись покрываломъ, она пошла одна-одинехонька въ станъ, и то, что̀ увидѣла тамъ, конечно не могло облегчить ея тягостнаго гнета. Тамъ было довольно шумно, и если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навстрѣчу ей восторженно и съ радостною надеждою звучали набожныя пѣсни, то гораздо чаще ей приходилось слышать дикую брань и возмутительныя рѣчи. Тамъ, гдѣ слышались угрозы и проклятія ея великому брату, она ускоряла шаги; но не могла убѣжать отъ безпокойства о томъ, что̀ будетъ завтра на разсвѣтѣ, при выступленіи, если недовольные возьмутъ верхъ.

Она знала, что народъ вынужденъ идти впередъ; но страхъ передъ боевыми силами фараона всегда тревожилъ ее: она какъ бы воплощала ихъ въ богатырскомъ образѣ Осіи. Если

самъ Господь не станетъ въ ряды несчастныхъ поденщиковъ и пастуховъ, кричащихъ и спорящихъ вокругъ нея, то развѣ могутъ они сопротивляться привычнымъ къ войнѣ, хорошо вооруженнымъ отрядамъ египтянъ, ихъ конямъ и колесницамъ?

Маріамь слышала, что во всѣхъ концахъ стана выставлена стража съ приказаніемъ трубить въ рога или ударять въ металлическія доски при приближеніи непріятеля до тѣхъ поръ, пока люди не соберутся на условленный призывъ.

Она уже давно прислушивалась, не раздастся-ли этотъ призывъ, но еще напряженнѣе ждала топота копытъ одинокаго коня, твердой поступи и звучной рѣчи воина, котораго такъ страстно желала видѣть.

Ради него она все возвращалась къ сѣверному концу стана, который примыкалъ къ дорогѣ отъ Таниса, и гдѣ, по приказанію Моисея, стояли шатры лучшихъ бойцовъ. Здѣсь она надѣялась найти лишь твердую увѣренность; однако, подслушавъ рѣчи вооруженныхъ людей, которые тѣснымъ кругомъ сидѣли у сторожеваго огня, она поняла, что предложеніе Уріи нашло сторонниковъ и между ними. Большинство изъ нихъ были мужья и отцы семействъ; они покинули за собой, кто домъ, кто клочекъ земли, кто дѣло или службу, и если нѣкоторые и ссылались на повелѣніе Всевышняго и новое, прекрасное отечество, обѣщанное Богомъ, то весьма многіе готовы были вернуться. Какъ охотно вступила бы Маріамь въ толпу этихъ ослѣпленныхъ и убѣждала-бы ихъ съ новой вѣрой и надеждой исполнить повелѣніе Господа и идти за ея братомъ! Но и здѣсь она должна была наложить на себя молчаніе. Только слушать другихъ имѣла она право, и ее все сильнѣе влекло туда, гдѣ она разсчитывала услышать пылкія, возбуждающія духъ, слова и предложенія.

Маріамь находила какую-то неизъяснимую прелесть въ этомъ горячечномъ возбужденіи, и ей казалось, что у нея от-

шяли что-то хорошее, дорогое, когда совѣщавшіеся удалились на покой и споры замолкли.

Она еще разъ взглянула на дорогу, ведшую въ Танисъ; но тамъ не видно было ничего, кромѣ ходившихъ взадъ и впередъ стражниковъ.

До сихъ поръ она не сомнѣвалась въ прибытіи Осіи; ибо знала, что посланный ему призывъ во имя Всевышняго—дошелъ до него. Но теперь, когда звѣзды гасли одна за другой, когда полночь уже миновала, ей вдругъ съ необычайной ясностью пришло на умъ, что Осія уже столько лѣтъ прожилъ среди египтянъ, и что можетъ-быть онъ найдетъ недостойнымъ мужа пойти на призывъ женщины, даже если призывъ этотъ сдѣланъ во имя Всевышняго. Она сегодня пережила уже столько разочарованій; почему ей не суждено пережить и этого?

КАРТА
ИСХОДА ЕВРЕЕВЪ
ИЗЪ
ЕГИПТА

Осія, Оръ и Маріамь подъ смоковницей.

Глава XIV.

Глубоко встревоженная такими мыслями, Маріамь направилась къ дому пріютившихъ ее друзей, чтобы предаться ночному покою. Но, вступивъ уже на порогъ, она остановилась и снова начала прислушиваться по направленію къ сѣверу.

Осія долженъ прибыть оттуда.

Но она не услышала ничего кромѣ шаговъ стражи да голоса Ора, обходившаго станъ съ вооруженнымъ отрядомъ.

И этотъ также не могъ усидѣть дома.

Ночь была теплая и звѣздная, какъ бы созданная для того, чтобы предаваться тихимъ размышленіямъ. Скамья подъ старой смоковницей была пуста, и Маріамь, опустивъ голову, направилась къ любимому мѣсту отдохновенія, которое она завтра покинетъ навсегда.

Но не успѣла она дойти до скамьи, какъ невольно остановилась и прижала руку къ высоко подымавшейся груди. На этотъ разъ дѣйствительно былъ слышенъ топотъ копытъ, и онъ раздавался съ сѣвера.

Можетъ-быть это колесницы фараона, преслѣдующія выходцевъ? Можетъ-быть ей слѣдуетъ поднять тревогу, чтобъ разбудить бойцовъ? Или это тотъ, кого она ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ? Да, да, да! Это одинъ всадникъ, и всадникъ только что прибывшій въ станъ евреевъ; ибо среди шатровъ поднялся шумъ, послышался лай собакъ, говоръ, вопросы и отвѣты.

Это Осія, она знаетъ теперь навѣрное!

Если онъ освободился отъ узъ привязывавшихъ его къ фараону и соратникамъ и спѣшитъ одинъ во мракѣ ночи, то это признакъ его повиновенія. Любовь закалила его волю, ускорила бѣгъ его коня—и нѣтъ причинъ сдерживать долѣе благодарность и отдалять награду, которую онъ заслужилъ. Въ ея объятіяхъ онъ пойметъ, что если отказался отъ многаго, то найдетъ еще лучшее, сладчайшее! Маріами казалось, будто окрестная ночь превратилась въ яркій день, когда она разслышала, что всадникъ направляется прямо къ дому Аминадава, пріютившему ее. Она знала теперь, что онъ прибылъ на *ея* призывъ, прибылъ за *нею.*

Онъ спѣшитъ къ ней раньше, чѣмъ къ своему родителю, который остановился въ обширномъ, пустомъ домѣ своего внука, Ефрема.

Онъ, конечно, стремится къ ней, насколько это допускаетъ бѣгъ коня; но вѣдь нельзя такъ скоро миновать станъ. О, какъ долго тянулись мгновенія! Наконецъ, она увидѣла всадника; вотъ онъ соскочилъ съ коня, вотъ проводникъ его бросилъ поводья лошади другому, слѣдовавшему за нимъ.

Это Осія, да—это онъ!

Но проводникъ его—Маріамь сразу узнала его и невольно вздрогнула — проводникъ его былъ Оръ, тотъ самый Оръ, что нѣсколько часовъ тому назадъ сваталъ ее.

Вотъ они стоятъ рядомъ, оба искателя ея руки, при свѣтѣ звѣздъ и неравномъ мерцаніи смоляныхъ плошекъ, горѣвшихъ близъ повозокъ и утвари, приготовленной къ завтрашнему походу.

Старшій превосходилъ крѣпыша-воина ростомъ и, будучи простымъ стадовладѣльцемъ, держался не менѣе прямо, чѣмъ египетскій военачальникъ. Голоса обоихъ звучали благородно и мужественно; но голосъ любимаго человѣка казался ей полнѣе и ниже. Они подошли уже такъ близко, что разговоръ ихъ былъ ясно слышенъ.

Оръ сообщилъ вновь прибывшему, что Моисей отправился развѣдывать путь, и Осія выражалъ свое сожалѣніе, такъ какъ имѣлъ передать ему нѣчто весьма важное.

Далѣе Оръ объяснилъ, что ему придется выступить завтра съ народомъ, а Моисей присоединится къ нимъ въ пути. Потомъ Оръ указалъ на домъ Аминадава, въ которомъ всѣ огни были потушены, и пригласилъ Осію провести остатокъ ночи подъ его кровомъ, такъ какъ онъ, конечно, не пожелаетъ будить своего отца въ такой поздній часъ.

Маріамь замѣтила, что другъ ея медлитъ отвѣтомъ, нерѣшительно посматривая на женскую половину и на крышу дома Аминадава. Хорошо зная, чего ищутъ его взоры, и не будучи въ состояніи долѣе сдерживать порывовъ своего сердца, она вышла изъ-подъ смоковницы и горячо привѣтствовала вновь прибывшаго.

Онъ также не сталъ скрывать своей радости, и Оръ видѣлъ, какъ молодые люди сначала безмолвно подали другъ другу руки, затѣмъ обмѣнялись горячими привѣтствіями.

— Я знала, что ты придешь! воскликнула Маріамь.

И Осія отвѣчалъ радостно взволнованнымъ голосомъ:

— Тебѣ не трудно было угадать это, пророчица; вѣдь въ числѣ голосовъ призывавшихъ меня, былъ также и твой.

Потомъ продолжалъ спокойнѣе:

— Я надѣялся, кромѣ тебя, застать здѣсь и твоего брата, такъ какъ привезъ вѣсть имѣющую огромное значеніе для него, для тебя и для всего народа. Я вижу, что вы всѣ здѣсь готовы къ выступленію, а между тѣмъ жаль было бы потревожить твоихъ старыхъ хозяевъ и поспѣшить съ дѣломъ, которое еще можетъ измѣниться.

— Что ты хочешь сказать? спросилъ Оръ и пододвинулся ближе къ говорившимъ.

— Я хочу сказать, возразилъ Осія,—что если Моисей останется при своемъ рѣшеніи вести народъ къ востоку, то будетъ пролито много ненужной крови. Я слышалъ въ Танисѣ за вѣрное, что эѳамскіе крѣпостные отряды получили приказаніе не пропускать ни единаго человѣка, а тѣмъ болѣе такія несмѣтныя скопища, которыя сейчасъ на проѣздѣ станомъ удивили меня своей многочисленностью. Я знаю начальника крѣпостей Апу и знаю его войска. Произошла бы страшная и безплодная рѣзня нашихъ необученныхъ, полубезоружныхъ... Однимъ словомъ, я долженъ немедленно говорить съ Моисеемъ, немедленно, не теряя ни мгновенія, чтобы предотвратить величайшее бѣдствіе, пока еще не поздно.

— Все, чего ты опасаешься, не ускользнуло и отъ нашего вниманія, возразилъ Оръ,—именно затѣмъ, чтобы предотвратить бѣдствіе, отправился Моисей въ опасный путь.

— Куда? спросилъ Осія.

— Это тайна вождей народа.

— Мой отецъ также въ числѣ ихъ.

— Совершенно вѣрно; потому я и предлагаю провести тебя къ нему. Если онъ возьметъ на себя открыть тебѣ...

— Если онъ связанъ словомъ, то конечно промолчитъ. Кто начальствуетъ завтра надъ выступающими?

— Я.

— Ты? повторилъ Осія съ изумленіемъ, но тотъ продолжалъ спокойно:

— Тебя удивляетъ дерзость пастуха, который берется начальствовать надъ ополченіемъ? Но Владыка всѣхъ воинствъ, держащій въ рукахъ Своихъ судьбы наши, Самъ будетъ вести насъ. Я же вполнѣ полагаюсь на Его водительство.

— Я также, возразилъ Осія. — Ни кто какъ Богъ, именемъ котораго Маріамь призвала меня сюда, далъ мнѣ—я не сомнѣваюсь въ этомъ — то высокое порученіе, съ которымъ я прибылъ сюда. Я долженъ видѣть Моисея, пока еще не поздно.

— Ты уже слышалъ, что до завтра, а пожалуй и долѣе его не удастся увидѣть никому изъ насъ. Можетъ-быть ты желаешь пока поговорить съ Аарономъ?

— А онъ здѣсь въ станѣ?

— Нѣтъ; но мы ожидаемъ, что онъ возвратится къ нашему выступленію, то-есть черезъ нѣсколько часовъ.

— Имѣетъ-ли онъ власть рѣшать важные вопросы въ отсутствіе Моисея?

— Нѣтъ, онъ только велерѣчиво передаетъ народу приказанія своего великаго брата.

Полководецъ досадливо потупилъ взоръ, но, послѣ краткаго размышленія, заговорилъ съ новой горячностью, обращаясь къ Маріами:

— Господь Богъ нашъ открываетъ Свою волю черезъ Моисея; но вѣдь и тебѣ, великой дѣвѣ, его сестрѣ, вѣщаетъ Всевышній...

— Ахъ, Осія! перебила его пророчица и съ умоляющимъ видомъ, какъ-бы желая остановить его, протянула къ полководцу

руки. Но тотъ, не обращая вниманіе на ея возраженіе, продолжалъ еще съ большею горячностью:

— Тебѣ Господь Богъ нашъ повелѣлъ призвать меня, слугу Своего, къ своему народу; тебѣ приказалъ Онъ дать мнѣ имя, на которое я хочу промѣнять данное мнѣ родителями, тридцать лѣтъ съ честью носимое мной. Повинуясь *твоему* призыву, я бросилъ все, что могло возвеличить меня между людьми. Но въ то самое время, какъ тамъ въ Египтѣ я шелъ на смертельную опасность, съ именемъ Бога моего и твоимъ образомъ въ сердцѣ, на мою долю выпало порученіе, которое я долженъ здѣсь исполнить—и потому я думаю, что оно исходитъ отъ Самого Всевышняго. Я обязанъ передать это порученіе вождямъ народа; но такъ какъ не нашелъ здѣсь Моисея, то считаю за лучшее и справедливѣйшее передать его тебѣ, ибо ты, хотя и женщина, стоишь ближе всѣхъ ко Всевышнему послѣ своего брата. Я прошу тебя выслушать меня. Но третій пока еще не долженъ слышать того, что я имѣю сказать тебѣ.

При этихъ словахъ Оръ выпрямился во весь свой высокій ростъ и, прерывая рѣчь полководца, спросилъ Маріамь, желаетъ-ли она выслушать сына Навинова безъ свидѣтелей, на что пророчица отвѣчала едва слышнымъ: „Да".

Тогда Оръ холодно и гордо обратился къ воину:

— Я полагаю, проговорилъ онъ, — Маріамь знаетъ волю Господа и волю ея брата, и ей извѣстно, что приличествуетъ женамъ Израиля. Если я не ошибаюсь, то подъ этой самой смоковницей, досточтимый Навинъ, твой родитель, далъ сыну моему Урію единственный отвѣтъ, который можетъ дать Моисей носителю подобнаго порученія.

— А тебѣ оно извѣстно? рѣзко спросилъ воинъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ,—но я догадываюсь, и вотъ—смотри сюда!

Оръ наклонился съ юношеской легкостью, сильными руками

поднялъ два громадныхъ камня, прислонилъ ихъ одинъ къ другому, сложилъ вокругъ нихъ нѣсколько меньшихъ и заговорилъ тяжело дыша:

— Да будетъ камень этотъ свидѣтелемъ между мною и тобою, какъ памятникъ Мицпа, поставленный Іаковомъ и Лаваномъ; какъ Лаванъ призвалъ Господа въ свидѣтели между имъ и Іаковомъ, такъ и я призываю Его.—Ты-же помни о камнѣ этомъ, когда мы разойдемся въ разныя стороны. Я возлагаю руку на этотъ памятникъ и свидѣтельствую, что я, Оръ, сынъ Халева и Ефраты, ни на кого другаго не уповаю, кромѣ Бога отцовъ нашихъ, и готовъ слѣдовать Его волѣ, вызывающей насъ изъ царства фараонова въ землю обѣтованную. — Тебя-же, Осію, сына Навинова, спрашиваю я—и Господь Богъ услышитъ отвѣтъ твой. Не ожидаешь-ли ты иной помощи, кромѣ помощи Бога Авраамова, избравшаго *нашъ* народъ Своимъ народомъ? И еще свидѣтельствуй: считаешь-ли ты египтянъ, нашихъ притѣснителей, отъ ига коихъ Господь Богъ обѣтовалъ освободить насъ, считаешь-ли ты ихъ смертельными врагами твоего Бога и твоего народа? [1])

Мужественныя черты воина передернуло при этихъ словахъ; онъ хотѣлъ опрокинуть камень и гнѣвно отвѣтить на докучный допросъ, но Маріамь прикоснулась къ камню и воскликнула, схвативъ правую руку Осіи:

[1]) Обычай ставить камни памятниками какихъ либо событій или обстоятельствъ— одинъ изъ древнѣйшихъ и ведетъ начало отъ каменнаго вѣка. Упоминаемое Оромъ событіе въ Библіи излагается такъ: И отвѣчалъ Лаванъ и сказалъ Іакову: „Теперь заключимъ союзъ, и это будетъ свидѣтельствовать между мною и тобою“. При семъ Іаковъ сказалъ ему: „вотъ съ нами нѣтъ никого; смотри, Богъ свидѣтель между мною и тобою“. И взялъ Іаковъ камень и поставилъ его памятникомъ... И сказалъ Іаковъ родственникамъ своимъ: „наберите камней“. Они взяли камни и сдѣлали холмъ; и ѣли, и пили тамъ на холмѣ. И сказалъ ему Лаванъ: „Холмъ сей свидѣтель сего дня между мною и тобою“. И назвалъ его Лаванъ Іегар-Сагадуѳа; а Іаковъ назвалъ его Галаадомъ. И сказалъ Лаванъ Іакову: „сегодня этотъ холмъ и памятникъ, который я поставилъ, между мною и тобой свидѣтель; почему и наречено ему имя: Галаадъ“, также: Мицпа, оттого что Лаванъ сказалъ: „да надзираетъ Господь надо мною и тобою, когда мы скроемся другъ отъ друга“.

— Онъ спрашиваетъ тебя предъ лицомъ Господа Бога нашего, призваннаго въ свидѣтели между вами.

Осія овладѣлъ своимъ гнѣвомъ, и, крѣпко сжавъ руку дѣвушки, сдержанно возразилъ:

— Онъ спрашиваетъ, но отвѣтъ останется за мной. Тутъ недостаточно сказать *да* или *нѣтъ.* Но и я также призываю Бога въ свидѣтели и передъ этимъ Богомъ ты — но только одна ты, Маріамь—должна услышать чего я хочу и съ какою цѣлью я прибылъ сюда. Ты же, Оръ, смотри сюда! Подобно тебѣ я возлагаю руку на этотъ камень и свидѣтельствую, что я, Осія, сынъ Навина, ни на кого не уповаю кромѣ Господа Бога отцовъ нашихъ. Да будетъ Онъ свидѣтелемъ между мной и тобою и да рѣшитъ: стою-ли я на Его пути или на пути заблуждающагося человѣка. Его волѣ, завѣщанной Имъ Моисею и этой великой дѣвѣ, буду я слѣдовать. Слова эти я скрѣпляю клятвой—и Господь Богъ нашъ да охранитъ ее.

Оръ выслушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и воскликнулъ, потрясенный искренностью этой рѣчи:

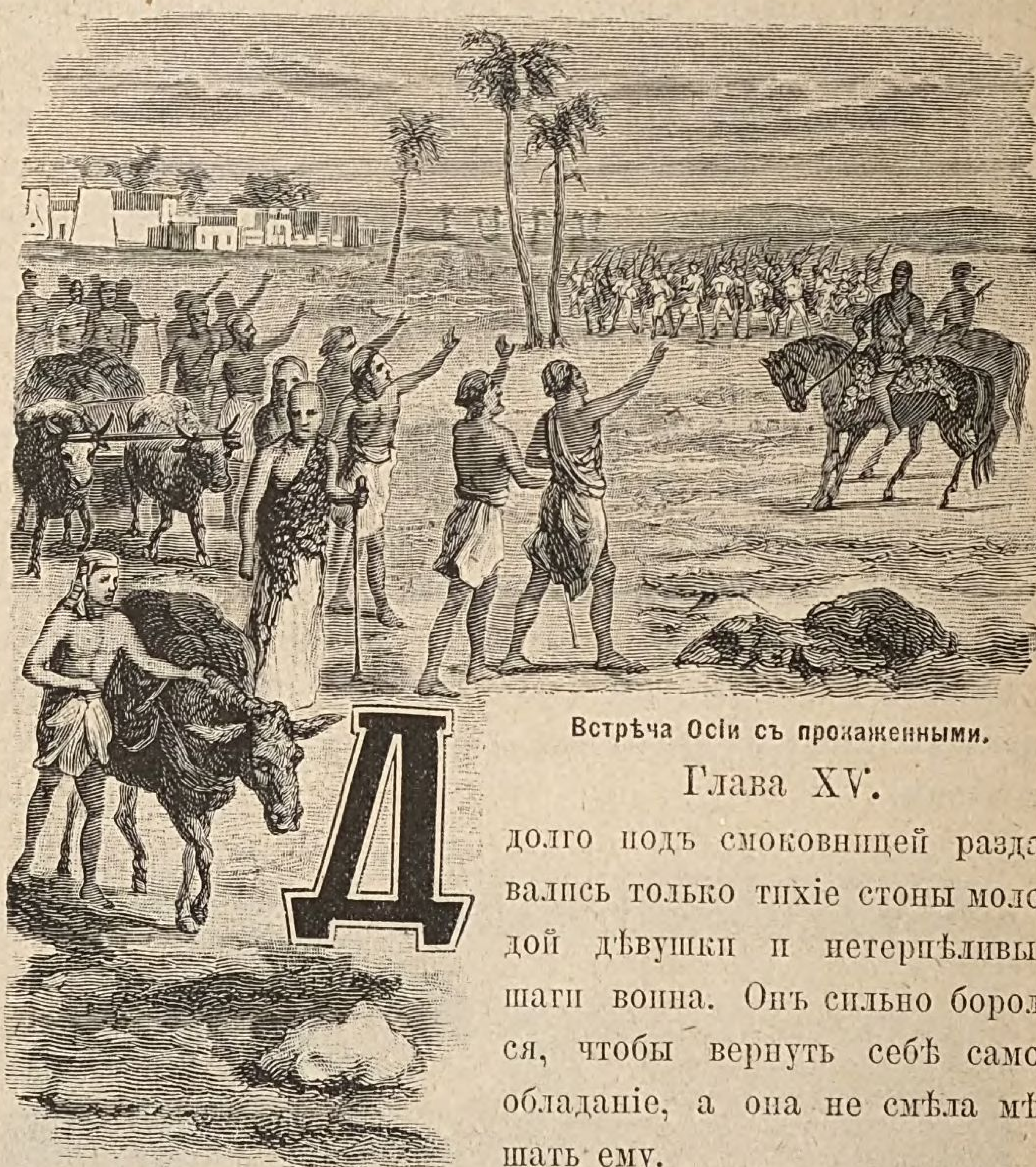
— Господь Богъ нашъ слышалъ твою клятву—и въ отвѣтъ на нее я клянусь еще вотъ въ чемъ: если настанетъ часъ, когда ты, памятуя о семъ камнѣ, дашь то показаніе, въ которомъ нынѣ отказалъ мнѣ, то да не будетъ между нами гнѣва и неудовольствія. Я добровольно передамъ тебѣ, если такова будетъ воля Господа, главное начальствованіе надъ вооруженными силами, какъ болѣе опытному и искусному чѣмъ я, вѣдавшій лишь стада и пастуховъ. Ты же, Маріамь, помни, что камень этотъ будетъ также свидѣтелемъ тѣхъ словъ, которыми ты обмѣняешься съ этимъ человѣкомъ, предъ лицомъ Бога. Помни тѣ карающія слова, которыя ты слышала подъ этимъ самымъ деревомъ изъ устъ отца этого человѣка. Я же призываю Бога въ свидѣтели, что проклялъ бы

Урію, роднаго сына моего, радость моего сердца, если бы онъ пришелъ къ нашему народу съ тѣми предложеніями, которыя принесъ намъ Осія; ибо они могутъ отвратить маловѣрныхъ отъ истиннаго Бога. Помни же, Маріамь, и выслушай еще вотъ что̀: если обратишься ко мнѣ, я всегда откликнусь, и та дверь, которую я отверзъ тебѣ, останется отверстою, что̀ бы ни случилось!

Съ этими словами Оръ удалился.

Оба оставшіеся не могли разобрать, что̀ въ нихъ происходило; но тотъ, кто только что совершилъ долгій, опасный путь, съ пылкою страстью ожидая мгновенія, когда онъ снова увидитъ любимую дѣвушку, теперь въ смущеніи и тревогѣ понурилъ голову; Маріамь же, готовившая къ его встрѣчѣ всѣ горячія ласки, которыми любящая женщина вознаграждаетъ любовь и вѣрность, опустилась на землю передъ камнемъ, припавъ челомъ къ дуплистому, узловатому стволу старой смоковницы.

Встрѣча Осіи съ прокаженными.

Глава XV.

Долго подъ смоковницей раздавались только тихіе стоны молодой дѣвушки и нетерпѣливые шаги воина. Онъ сильно боролся, чтобы вернуть себѣ самообладаніе, а она не смѣла мѣшать ему.

Онъ все еще не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что внезапно, горой вставало между нимъ и его возлюбленною.

Изъ словъ Ора онъ заключилъ, что и отецъ его и Моисей отвергаютъ всякое посредничество и соглашеніе; а между тѣмъ привезенныя имъ предложенія казались ему неизреченною милостью Всевышняго. Никто здѣсь еще ничего не зналъ о нихъ, и если Моисей дѣйствительно тотъ, за кого онъ его почитаетъ,

то Господь, конечно, откроетъ ему глаза и укажетъ на него, Осію, какъ на Своего избранника, который долженъ уготовать народу лучшую будущность. Въ отцѣ своемъ онъ тоже не сомнѣвался. Онъ полагалъ, что ему не трудно будетъ склонить его на свою сторону. Осія еще разъ съ убѣжденіемъ повторилъ себѣ, что Всевышній указываетъ ему этотъ путь; еще разъ все мысленно взвѣсилъ и, когда Маріамь наконецъ поднялась, онъ приблизился къ ней съ новою надеждой. Любящее сердце побуждало его заключить дѣвушку въ объятія, но она отстранила его. Ей измѣнилъ ея обычный, чистый и густой голосъ, она угрюмо и беззвучно спросила его, почему онъ такъ долго не являлся и что̀ намѣренъ теперь сообщить ей.

Во прахѣ подъ смоковницей, она не только собиралась съ духомъ и молилась, но еще заглянула въ глубь своей души. Она любитъ Осію. Но ей чуется, что онъ пришелъ сюда съ такимъ же точно порученіемъ, какъ Урія, и въ сердцѣ ея грознѣе, чѣмъ когда-либо, отозвалась гнѣвная рѣчь старца Навина. Опасенія что ея возлюбленный на ложномъ пути и нежданный поступокъ Ора усмирили въ ней волненія страсти, отрезвленный умъ ея весь устремился на то, чтобы узнать, почему Осія, котораго она призывала именемъ Господа, такъ долго не являлся, а теперь явился одинъ, безъ Ефрема.

Ясное небо было усѣяно звѣздами. Казалось-бы, онѣ должны были взирать съ высоты на счастье возлюбленной четы, которая вновь свидѣлась послѣ разлуки; на самомъ же дѣлѣ онѣ были свидѣтелями робкихъ вопросовъ взволнованной дѣвушки и нетерпѣливыхъ отвѣтовъ пылкаго, горько обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ мужа.

Онъ заговорилъ о своей любви, о томъ, что прибылъ съ тѣмъ чтобы назвать ее своею. Она не отнимала у него руки, но молила пока оставить сватовство и прежде всего повѣдать то, что̀ она такъ страстно желала знать.

Дорогою Осія кое-что узналъ объ Ефремѣ отъ встрѣчнаго соратника изъ Таниса и могъ сообщить Маріами, что непослушный юноша, должно быть мучимый любопытствомъ, больной и раненый, отправился въ городъ, гдѣ и нашелъ пріютъ и попеченія въ одномъ дружескомъ домѣ. Но это извѣстіе встревожило дѣвушку и вызвало въ ней укоры совѣсти: неопытный юноша, сиротою выросшій у ней на глазахъ, теперь, по ея винѣ, попалъ въ египетскій домъ.

Осія клялся, что вернетъ его къ своимъ. Она же все оставалась озабоченною—и онъ, наконецъ, спросилъ: неужто она не довѣряетъ ему и его любви. Маріамь и на это не дала ему утѣшительнаго отвѣта, но приступила къ нему съ новыми разспросами о причинѣ его замедленія. Для успокоенія ея Осіи ничего не оставалось, какъ начать разсказъ и именно съ конца того, что испыталъ онъ за послѣднее время.

Она слушала его, прислонясь къ стволу смоковницы. Онъ, горя нетерпѣніемъ, почти внѣ себя, порывисто ходилъ взадъ и впередъ. Ему казалось, что въ настоящую минуту ни о чемъ другомъ не стоило говорить, кромѣ страсти и надежды, которыя наполняли его душу. Еслибъ онъ навѣрное узналъ, что ея сердце чуждается его, онъ, открывъ душу отцу, поспѣшилъ бы снова удалиться и смѣло пустился бы въ неизвѣстное странствованіе на поиски за Моисеемъ. Обрѣсти Маріамь и избѣжать клятвопреступленія—вотъ все, къ чему онъ стремился. Какъ ни важно было все пережитое и перечувствованное имъ за послѣдніе дни, теперь это казалось ему пустяками—и онъ торопливо, неохотно отвѣчалъ на разспросы дѣвушки.

Осія велъ свой разсказъ отрывисто и небрежно, и чѣмъ чаще прерывала его Маріамь, тѣмъ раздраженнѣе и нетерпѣливѣе становилась его рѣчь, а чело покрывалось глубокими морщинами.

Осія, сопровождаемый конюхомъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ бодро ѣхалъ по направленію къ югу, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Съ приближеніемъ сумерокъ, онъ замѣтилъ толпу народа, которая шла впереди. Сначала онъ подумалъ, что наткнулся на отсталый отрядъ выступившихъ въ походъ евреевъ, и ускорилъ шагъ своего коня. Но не успѣлъ онъ еще нагнать странниковъ, какъ мимо него пробѣжало нѣсколько поселянъ и погонщиковъ, которые, покинувъ свои возы съ вьючными животными, оглашали воздухъ громкими и настоятельными криками предостереженія. Это надоумило Осію, что отрядъ передъ нимъ состоялъ изъ прокаженныхъ. Предостереженія бѣглецовъ оказались вполнѣ основательными. Уже первые изъ настигнутыхъ имъ странниковъ носили всѣ признаки ужаснаго недуга. Они встрѣтили его раздирающимъ сердце воплемъ: „проказа! проказа!“ обратили къ нему искаженныя струпьями и покрытыя бѣлою пылью лица и смотрѣли на него тусклыми, безжизненными глазами.

Вскорѣ Осія сталъ различать между ними и отдѣльныя личности. Вотъ египетскій жрецъ съ бритою головой, а вотъ и еврейскіе мужи и жены. Соблюдая строгое самообладаніе военноначальника, Осія обратился къ нимъ съ должными вопросами и узналъ, что они шли изъ своего отдѣльнаго мѣстожительства на восточномъ берегу Нила, какъ разъ противъ мемфисскихъ каменоломенъ. Нѣкоторые изъ евреевъ между ними узнали, что ихъ народъ покинулъ Египетъ и отправился на поиски самимъ Господомъ обѣтованной имъ земли. Тогда они рѣшились тоже отдать себя въ руки всемогущаго Бога своихъ праотцевъ и послѣдовать за соплеменниками. Къ нимъ примкнули и египетскіе жрецы, которыхъ съ ними связывало ихъ общее несчастье. Они пробирались въ Сокхоѳъ, куда, какъ слышали, первоначально направился Моисей. Но всѣ, къ кому они обращались за указаніемъ пути, при встрѣчѣ съ ними, отъ

нихъ бѣжали. Такимъ образомъ они зашли слишкомъ далеко на сѣверъ и теперь блуждали около крѣпости Ѳавны. Осія настигъ ихъ на разстояніи часа пути отъ нея. Онъ обратился къ вожакамъ прокаженныхъ съ совѣтомъ вести ихъ обратно, дабы не занести заразы въ станъ странствующихъ евреевъ.

Пока шли эти переговоры, изъ крѣпости выступилъ отрядъ египетскихъ воиновъ, съ цѣлью преградить прокаженнымъ путь. Начальникъ отряда былъ знакомъ Осіи, и ему не пришлось прибѣгать къ силѣ. Обоимъ удалось склонить вожаковъ чтобъ они вели больныхъ на Синайскій полуостровъ, гдѣ въ горахъ, недалеко отъ рудниковъ, существовалъ поселокъ прокаженныхъ. Вожаки сдались на увѣщанія Осіи, который обѣщалъ, когда евреи двинутся на востокъ, явиться въ поселокъ и взять съ собою всѣхъ выздоровѣвшихъ. Въ случаѣ-же, еслибъ евреи остались въ Египтѣ, всѣмъ очищеннымъ отъ проказы предоставлено будетъ вернуться на родину. А пока чистый воздухъ незаселенной мѣстности можетъ многимъ вернуть здоровье.

Все это потребовало времени, и къ первоначальной задержкѣ присоединило новую. Осія былъ въ близкомъ соприкосновеніи съ прокаженными и теперь долженъ былъ заѣхать въ Ѳавны, чтобы подвергнуться очищенію. Ему надлежало спрыснуться птичьей кровью, перемѣнить одежду и исполнить еще кое-какіе обряды, которые онъ самъ считалъ необходимыми. А все это обыкновенно совершалось только при дневномъ свѣтѣ. Конюха же его задержали въ крѣпости на болѣе продолжительное время: сердобольный малый, завидѣвъ въ числѣ прокаженныхъ своего родственника, не вытерпѣлъ и подалъ ему руку.

Причина остановки была непріятная и печальная. Осія покинулъ Ѳавны послѣ полудня и лишь на пути Сокхоѳу опять оживился надеждой на свиданіе съ Маріамью и отдался от-

радной мысли, что везетъ единоплеменникамъ много-обѣщающія вѣсти.

Во время ночной ѣзды, приближавшей его къ отцу и къ возлюбленной, сердце его учащенно билось отъ радостныхъ ожиданій. Но вотъ онъ у цѣли и, вмѣсто великаго блаженства, на которое расчитывалъ, до сихъ поръ испытываетъ только горькія разочарованія.

Отрывочно, нехотя повѣствовалъ онъ о своей встрѣчѣ съ прокаженными. По крайнему своему разумѣнію, онъ сдѣлалъ все что̀ могъ для блага этихъ несчастныхъ. Соратники его за то хвалили. Но та, одобреніемъ которой онъ всего больше дорожилъ, выслушавъ его, указала ему на одно мѣсто въ станѣ и смущенно проговорила: „они одной съ нами крови и у насъ одинъ Богъ съ ними. Прокаженные изъ Зоана, Фа-коса и Фибсееа [1]) слѣдовали за нами на нѣкоторомъ разстояніи и теперь шатры ихъ раскинуты за чертой стана. Находящіеся въ Сокхоѳѣ—ихъ не много—выступятъ вмѣстѣ съ ними. Когда Господь обѣщалъ своему народу землю, куда мы теперь стремимся, Онъ разумѣлъ всѣхъ, великихъ и малыхъ, бѣдныхъ и слабыхъ, не исключая конечно и тѣхъ несчастныхъ, которые однако остаются въ рукахъ враговъ. Не лучше-ли сдѣлалъ-бы ты, еслибъ отдѣлилъ евреевъ отъ египтянъ и привелъ къ намъ тѣхъ, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нами?“

Въ воинѣ внезапно вспыхнула мужская гордость. Отвѣтъ его былъ строгъ и суровъ. — „На войнѣ должно жертвовать сотнями, чтобы спасать тысячи. И пастырь отдѣляетъ отъ стада паршивыхъ овецъ, дабы не заразить остальныхъ“.

— Вѣрно, съ жаромъ перебила дѣвушка,—но вѣдь пастырь слабый человѣкъ, не знающій средства противъ заразы. Господь же, призывая къ себѣ цѣлый народъ, конечно не допуститъ, чтобъ изъ покорности Его волѣ выросло зло.

1) Еврейское названіе греческой Бубастиды.

— Такъ думаетъ женщина, возразилъ Осія.—Но то что̀ ей внушено состраданіемъ—мало вѣситъ во мнѣніи мужчины. Вы охотно повинуетесь голосу сердца и вамъ вообще лучше подчиняться, помня что это всего приличнѣе вашему полу.

Густая краска разлилась по лицу Маріами. Скрытое въ этихъ словахъ жало вдвойнѣ укололо ее, такъ какъ оно исходило отъ Осіи. Какъ много перенесла она уже сегодня, ради своего пола, а вотъ и онъ даетъ ей чувствовать, что она только женщина и не ровня ему! Но, вѣдь онъ же, въ виду воздвигнутаго Оромъ памятника, обращался къ ней затѣмъ, чтобы выслушать ея мнѣніе, очевидно признавая въ ней тоже одного изъ народныхъ вождей, а теперь вдругъ возвращаетъ ее въ тѣсныя рамки, — ее, которая ни умомъ, ни способностями не уступаетъ ни одному мужчинѣ.

Онъ, со своей стороны, тоже чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ достоинствѣ. Обхожденіе Маріами давало ему понять, что настоящій часъ рѣшаетъ, кому изъ нихъ будетъ принадлежать главенство въ ихъ будущемъ союзѣ. Онъ стоялъ передъ ней въ своей мужественной красотѣ, гордый и величественный, какимъ она еще никогда не видала его. Но это не умалило въ ней желанія постоять за свое оскорбленное женское достоинство, и желаніе это въ заключеніе превозмогло въ ней всѣ другія чувства. Она первая прервала томительное молчаніе, которое наступило вслѣдъ за ея упрекомъ. Маріамь, призвавъ на помощь все свое самообладаніе, спокойно сказала:

— Мы оба совсѣмъ забыли о томъ, что̀ такъ поздно удерживаетъ насъ здѣсь. Ты хотѣлъ сообщить мнѣ вѣсти, которыя принесъ сюда своимъ, и выслушать мнѣніе не Маріами, слабой женщины, а повѣренной Господа.

— Но я разсчитывалъ также и на сердечный привѣтъ любящей дѣвушки.

— И ты получишь его, быстро проговорила дѣвушка, снимая руку съ памятника. — Но вѣдь весьма возможно, что мое мнѣніе будетъ несогласно съ мнѣніемъ мужа, умъ и сила котораго настолько превосходятъ мои. Ты сейчасъ только доказалъ, что не выносишь ни моего, ни вообще женскаго противорѣчія.

— Маріамь! попытался онъ остановить ее.

Но она съ жаромъ продолжала:

— Не говори, я это почувствовала. Величайшимъ горемъ моей жизни было бы лишиться твоей любви. Но потому-то именно и надо, чтобъ ты вполнѣ узналъ меня прежде, чѣмъ услышишь мое рѣшеніе.

— Сначала выслушай мое порученіе....

— Нѣтъ, нѣтъ! съ живостью перебила она,—отвѣтъ замеръ бы у меня на губахъ! Дай мнѣ прежде разсказать тебѣ о женщинѣ съ любящимъ сердцемъ, но цѣнящей нѣчто выше любви. Ты усмѣхаешься? Ну что жь: ты правъ, пока не знаешь того, что̀ я намѣрена тебѣ сказать.

— Въ такомъ случаѣ, говори! сказалъ онъ съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ ясно слышалось, какъ трудно ему было владѣть собой.

— Благодарю! горячо воскликнула она.

Маріамь прислонилась къ стволу стараго дерева, а онъ опустился на скамью. Взоръ его то устремлялся въ землю, то скользилъ по ея лицу.

— Дѣтство мое ужь прошло, начала она,—скоро то же будетъ и съ моей юностью. Въ младенчествѣ я почти ничѣмъ не отличалась отъ другихъ дѣвочекъ. Какъ онѣ, забавлялась я игрой, и хотя мать учила меня молиться Богу нашихъ праотцевъ, я не менѣе охотно слушала и разсказы моихъ подружекъ объ Изидѣ. Тайкомъ пробиралась я иногда въ храмъ богини, покупала благовонныя травы, опустошала нашъ садикъ,

украшала ея алтарь и приносила ей въ жертву цвѣты. Я была рослѣе и сильнѣе многихъ, къ тому же—дочь Амрама, и потому за мной охотно слѣдовали другія и дѣлали то, что я указывала. Мнѣ было восемь лѣтъ, когда мы покинули Зоанъ и переселились сюда. Я еще не успѣла обзавестись подругами, а тѣмъ временемъ явился ты и поселился въ домѣ Гамаліила, мужа твоей сестры: ты тамъ лѣчился отъ раны, нанесенной тебѣ ливійскимъ копьемъ. Помнишь-ли то время, когда ты, уже юноша, выбралъ себѣ въ подруги маленькую дѣвочку? Я исполняла твои порученія и, какъ умѣла, съ тобой болтала. Ты же занималъ меня разсказами о кровавыхъ битвахъ и побѣдахъ, о блестящихъ воинскихъ доспѣхахъ, боевыхъ коняхъ и колесницахъ. Ты показывалъ мнѣ кольцо, которое получилъ въ награду за храбрость, а когда рана твоя закрылась, мы вмѣстѣ бродили по пастбищамъ.

„Здѣсь былъ храмъ Изиды, которую и ты почиталъ. Часто прокрадывалась я въ преддверіе этого храма молиться за тебя и приносила въ даръ богинѣ мои праздничныя сласти. Я такъ много наслышалась отъ тебя о фараонѣ и окружающемъ его блескѣ, объ египтянахъ, ихъ мудрости, искусствѣ и пышной жизни, что всей силой моего маленькаго сердца начала стремиться въ столицу. До меня, кромѣ того, доходили слухи, что мой братъ Моисей пользуется большими милостями въ царскомъ дворцѣ и почетомъ среди жрецовъ. Я охладѣла къ своему народу, который мнѣ казался, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо хуже египетскаго.

„А тамъ настала разлука съ тобой. Я была благочестива. Мое сердце привыкло видѣть въ божественной силѣ — какъ бы она ни называлась—источникъ всякихъ благъ, и я усердно молилась за фараона и его войско, въ рядахъ котораго ты сражался.

„Мать попрежнему иногда говорила мнѣ о Богѣ нашихъ

праотцевъ, какъ о Всемогущемъ Покровителѣ, Которому народъ нашъ обязанъ многими милостями въ прошломъ, и разсказывала мнѣ о Немъ дивныя вещи. Но тѣмъ не менѣе, она сама по временамъ совершала жертвоприношенія Сету и лакомила цвѣтами трилистниковъ священнаго быка, посвященнаго богу солнца. Къ тому же и она была расположена къ египтянамъ, которые окружали уваженіемъ гордость и радость ея сердца, нашего Моисея.

„Такъ минуло мнѣ пятнадцать лѣтъ; я жила весело, какъ всѣ мои подруги. Вечеромъ, когда съ пастбищъ возвращались пастухи, я любила, вмѣстѣ съ молодежью, сидѣть у пылавшаго костра. Мнѣ бывало пріятно, когда сыновья стадовладѣльцевъ, отдавая мнѣ предпочтеніе передъ другими дѣвушками, за мной ухаживали и за меня сватались. Но я всѣмъ отказывала, не исключая и египетскаго сотника, который заправлялъ празднествами на запасномъ дворѣ, — я думала о тебѣ одномъ, другѣ моего дѣтства. Ни одной изъ своихъ драгоцѣнностей не пожалѣла бы я отдать за то, чтобы ты какимъ-нибудь чудомъ очутился среди насъ, когда я на пиршествахъ плясала и пѣла подъ звуки бубна и меня со всѣхъ сторонъ громко хвалили. Когда толпы внимали моимъ пѣснямъ, я думала о тебѣ и, заливаясь, какъ жаворонокъ, передавала то, чтò наполняло мое сердце. Пѣснь моя была для тебя, а не для Всевышняго, Которому предназначалась".

При этомъ счастливящемъ признаніи молодой дѣвушки, новый приливъ страсти закипѣлъ въ сердцѣ Осіи. Онъ вскочилъ со скамьи и простеръ къ ней объятія. Но она сурово ихъ отстранила, не желая уступать волненію, которое грозило увлечь и ее.

Дрогнувшимъ, точно не своимъ голосомъ, продолжала она говорить, сначала едва слышно и торопливо, потомъ все громче и выразительнѣе:

— Элеазаръ, сынъ Аарона, выучилъ меня читать. Онъ приносилъ мнѣ книги съ повѣствованіями о несбыточномъ, но тѣмъ не менѣе глубоко трогающемъ сердце. Иногда то были хвалебные гимны богамъ, или пламенныя пѣсни влюбленныхъ. Онѣ хватали меня за сердце и часто, вечеромъ или въ полдень, когда кругомъ все было тихо и стада съ пастырями паслись на пастбищахъ, я, оставаясь одна, повторяла эти пѣсни или слагала новыя — всего чаще хвалебные гимны божеству. Въ нихъ прославляла я то Аммуна съ головой овна, то Изиду съ головой коровы, а иногда и Великаго, Всемогущаго Бога, являвшагося Аврааму, о Которомъ все чаще и чаще мнѣ говорила мать, по мѣрѣ того какъ я росла. Любимымъ моимъ занятіемъ было въ тишинѣ слагать такія пѣсни или мысленно созерцать черты величія и могущества Божія, свѣтлыхъ ангеловъ и страшныхъ демоновъ. Изъ рѣзваго ребенка я превратилась въ мечтательную дѣвушку. Никто мнѣ не мѣшалъ жить по своему и некому было меня предостеречь. Мать послѣдовала за покойнымъ отцомъ: я жила одна съ престарѣлою родственницей Рахилью, никого, ни даже самое себя не радуя. Старшій братъ, Ааронъ, переселился къ своему тестю Аминадаву. Унаслѣдованный имъ домъ Амрама былъ для него слишкомъ малъ и бѣденъ, и онъ уступилъ его мнѣ. Подруги тоже меня избѣгали. Веселость моя исчезла, и я смотрѣла на нихъ свысока, потому что могла слагать пѣсни и была дальновиднѣе всѣхъ ихъ.

„Но вотъ мнѣ минуло девятнадцать лѣтъ. Вечеромъ въ день моего рожденія, о которомъ всѣ позабыли, кромѣ Милки, дочери Элеазара, Всевышній впервые послалъ мнѣ вѣстника. Онъ мнѣ явился въ образѣ ангела и велѣлъ приготовить домъ къ пріему гостя, который мнѣ дороже всѣхъ на свѣтѣ.

„Утро застало меня подъ этимъ деревомъ. Я вернулась домой, вмѣстѣ съ Рахилью прибрала домъ, приготовила ложе,

пищу и питье — словомъ, сдѣлала все, чѣмъ можно почтить гостя. Наступилъ и миновалъ полдень; вечеръ перешелъ въ ночь; опять настало утро: я все еще ожидала гостя. Передъ солнечнымъ закатомъ въ этотъ день вдругъ громко залаяли собаки. Я подошла къ дверямъ и увидѣла быстро приближавшагося мощнаго мужа, со всклокоченной бородой и сѣдыми волосами, въ изодранномъ бѣломъ одѣяніи жреца. Собаки съ визгомъ отъ него отшатнулись, я же признала въ немъ моего брата.

„Наше свиданье послѣ долгой разлуки сначала принесло мнѣ больше страха, чѣмъ радости. Моисей скрывался отъ сыщиковъ, которые преслѣдовали его за убійство приставника. Тебѣ это извѣстно.

„Въ глазахъ его еще сверкалъ зловѣщій блескъ. Онъ въ своемъ гнѣвѣ уподоблялся для меня богу Сету, и каждое слово его медленной рѣчи, какъ молотомъ и рѣзцомъ, врѣзывалось мнѣ въ сердце. Трижды семь дней провелъ онъ подъ моимъ кровомъ. Я была одна съ нимъ и съ глухою Рахилью. Онъ у меня скрывался, и никто посторонній намъ не мѣшалъ. Тутъ-то черезъ него познала я Бога нашихъ праотцевъ.

„Робко, съ трепетомъ внимала я его мощной рѣчи. Вѣскія слова его, какъ камни, падали мнѣ на сердце, когда онъ раскрывалъ передо мной то, чего отъ меня требуетъ Господь, или изображалъ величіе и грозную силу Того, Кого ни чей умъ не можетъ постигнуть и никто не дерзаетъ назвать. Да, когда онъ говорилъ о Немъ и объ египетскихъ божествахъ, Богъ моего народа возставалъ передо мной какъ исполинъ, темя котораго поддерживаетъ сводъ небесный, а другіе боги казались мнѣ пресмыкающимися у ногъ Его подобно псамъ визжащимъ.

„Еще повѣдалъ мнѣ Моисей, что нашъ народъ единствен-

ный, Богомъ избранный. Тогда сердце мое впервые ощутило гордость отъ того, что и я тоже отрасль Авраама, и съ этихъ поръ каждый еврей сталъ мнѣ братомъ, каждая дочь Израиля — сестрою. Тогда только поняла я, въ какой жестокой неволѣ томился нашъ народъ. Прежде я была слѣпа къ его страданіямъ, но Моисей раскрылъ мнѣ глаза и вселилъ въ мое сердце ненависть — ту великую ненависть къ притѣснителямъ моего народа, изъ которой выросла любовь къ притѣсненнымъ. Я поклялась, что послѣдую за братомъ какъ только повелитъ Господь. И вотъ Онъ не заставилъ меня ждать, и голосъ Іеговы мнѣ такъ же понятенъ, какъ языкъ человѣческій.

„Тѣмъ временемъ умерла старая Рахиль. Покорная волѣ Моисея, я перестала жить въ одиночествѣ и, по приглашенію Аарона и Аминадава, переселилась къ нимъ. Я была гостьей въ ихъ домѣ, но жила своею отдѣльною жизнью. Они мнѣ не мѣшали, и эта смоковница на ихъ землѣ была какъ-бы моею собственностью. Подъ ея сѣнью Господь повелѣлъ мнѣ призвать тебя и наречь именемъ „того, кому въ помощь Іегова". И ты—отнынѣ не Осія больше, а Іисусъ—повиновался призыву Господа и Его пророчицы".

Тутъ воинъ прервалъ рѣчь дѣвушки, которую слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и возраставшимъ разочарованіемъ:

— Да, воскликнулъ онъ,—я повиновался тебѣ и Всевышнему, но ты не удостоиваешь меня спросить, чего мнѣ это стоило. Ты довела твой разсказъ до настоящаго времени, но, умолчала о тѣхъ дняхъ, которые ты, по смерти моей матери провела у насъ въ Танисѣ. Или ты забыла о томъ, что̀ мнѣ повѣдали тогда твои глаза и уста? Неужели у тебя изгладился изъ памяти день разлуки и вечеръ у моря, когда ты мнѣ приказала надѣяться и считать себя твоимъ? Можетъ-

быть ненависть, внушенная тебѣ Моисеемъ, вмѣстѣ съ другими чувствами, убила въ тебѣ и любовь?

— Любовь? повторила Маріамь и устремила на него грустный взоръ.—О, нѣтъ! Развѣ я могу забыть это время, самое счастливое въ моей жизни? Но съ тѣхъ поръ, какъ Моисей вернулся изъ пустыни, чтобы, по волѣ Божьей, освободить народъ,—это было три мѣсяца спустя послѣ нашей разлуки— я перестала считать годы и мѣсяцы, дни и ночи.

— Въ такомъ случаѣ, ты и то время забудешь! съ горечью замѣтилъ Осія.

— Нѣтъ, возразила Маріамь, съ мольбой смотря на него.— Любовь, зародившуюся и выросшую въ сердцѣ ребенка и не увядшую въ сердцѣ дѣвушки, нельзя убить. Но тотъ, кто посвящаетъ себя Богу...

Она внезапно остановилась и, въ порывѣ вдохновенія, воздѣвъ руки и глаза къ небу, воскликнула:

— Ты здѣсь, со мной, Всемогущій, Великій! Ты видишь мое сердце! Ты знаешь, почему Маріамь перестала считать дни и годы! Ты знаешь, что она хочетъ одного: быть Твоимъ орудіемъ, доколѣ ея народъ, и въ то же время народъ этого человѣка, не обрѣтетъ того, чтò Ты обѣтовалъ ему!

Во время этого воззванія, вырвавшагося изъ глубины души молодой дѣвушки, подулъ легкій вѣтерокъ, обычный предвѣстникъ разсвѣта, и зашелестилъ въ листвѣ смоковницы надъ головой Маріами. Осія впился глазами въ полусокрытый еще сумерками, полуозаренный трепетнымъ свѣтомъ зарождающейся зари, величественный обликъ дѣвушки. Она казалась ему чудеснымъ видѣніемъ. То благо, котораго она ждала для народа, то великое чтò должно совершиться прежде, чѣмъ она согласится опять отдаться своему сердцу—онъ это совершитъ! Увлеченный и самъ высокимъ полетомъ ея духа, онъ бросился къ ней, схватилъ ее за руку и въ радостномъ воз-

бужденіи воскликнулъ: „Онъ уже насталъ, желанный тобою часъ, и тебѣ возвращается право опять считать дни, мѣсяцы и годы и слѣдовать голосу твоего сердца! Я больше не Осія— я Іисусъ, Божій избранникъ! Я научусь любить народъ мой, какъ ты его любишь. Я дамъ ему счастье, я дамъ ему новое отечество, если такъ судилъ Господь!"

Глаза Маріами ярко вспыхнули. Въ порывѣ благодарной радости она воскликнула:—Ты поведешь насъ въ обѣтованную землю?!.. О, Всевышній, безмѣрна Твоя благость! Вотъ онъ, Божій посолъ, онъ идетъ къ намъ...

„Онъ здѣсь!" вдохновенно докончилъ за нее Іисусъ. Она не противилась больше, когда онъ привлекъ ее къ себѣ, и трепеща отъ восторга возвратила его поцѣлуй.

Моисей убиваетъ приставника.

Маріамь и Оръ у колодца.

Глава XVI.

Боясь собственной слабости, Маріамь вырвалась изъ объятій своего возлюбленнаго, — и счастливая, радостная, ожидая новыхъ милостей Божіихъ, стала слушать краткій разсказъ его о томъ что̀ онъ пережилъ послѣ ея призыва.

Описавъ тотъ страшный разладъ, который терзалъ его душу, онъ разсказалъ, какъ онъ снова обрѣлъ прежнюю вѣру и, покорный Богу своего народа и призыву родителя, пошелъ во дворецъ, чтобы, не взирая на возможность заточенія или казни, просить объ освобожденіи его отъ данной присяги.

Потомъ онъ сообщилъ, какъ милостиво встрѣтила его скор-

бящая царская чета и какъ онъ принялъ на себя порученіе убѣдить вождей народа, чтобъ они сводили своихъ соплеменниковъ лишь на короткое время въ пустыню, а затѣмъ привели ихъ обратно въ Египетъ и поселили на новой превосходной землѣ, къ западу отъ Рѣки. Тамъ уже ни одинъ иноземный приставникъ не будетъ угнетать рабочихъ; свои же старѣйшины станутъ управлять дѣлами евреевъ и во главѣ ихъ будетъ стоять человѣкъ, ими же избранный.

Въ концѣ концовъ онъ объявилъ, что самъ онъ назначенъ начальникомъ вооруженныхъ силъ евреевъ и, въ качествѣ намѣстника, будетъ брать на себя въ случаѣ необходимости посредничество между ними и египтянами.

Счастливый, въ союзѣ съ любимою женщиной, будетъ онъ ревностно заботиться въ новой странѣ о послѣднемъ изъ своихъ соплеменниковъ. На пути въ Сокхоѳъ ему казалось, будто онъ послѣ кровавой битвы услышалъ звуки побѣдной трубы; и теперь онъ думаетъ, что имѣетъ полное право считать себя вѣстникомъ и посломъ Всевышняго.

Но тутъ онъ прервалъ свою рѣчь; ибо Маріамь, которая до тѣхъ поръ слушала его съ радостно блистающими глазами, при послѣднихъ словахъ все пугливѣй и тревожнѣе слѣдила за его рѣчью. Когда же онъ высказалъ надежду, въ союзѣ съ нею, осчастливить свой народъ, она отняла у него руку, со страхомъ взглянула въ его мужественное, радостно возбужденное лицо и, какъ бы стараясь овладѣть собою, опустила взоры.

Не понимая, что происходитъ въ душѣ Маріами, онъ еще ближе подвинулся къ ней. Сначала онъ думалъ, что стыдъ и смущеніе послѣ первой ласки, оказанной мужчинѣ, связываютъ языкъ дѣвушки. Но когда, послѣ того какъ онъ самъ называлъ себя истиннымъ посломъ Божіимъ, она неодобрительно

и отрицательно покачала головой, онъ снова вспылилъ и, едва владѣя собою, воскликнулъ съ горечью:

— Такъ ты думаешь, что Господь, чудомъ охранивъ меня отъ ярости сильнаго и допустивъ принять изъ могущественныхъ рукъ такіе дары, которыхъ сильнѣйшій никогда добровольно не дастъ слабѣйшему, сдѣлалъ это для того только чтобы насмѣяться надъ горячей, искренней вѣрой человѣка, котораго Онъ Самъ избралъ Своимъ слугой?

Глухимъ голосомъ, едва сдерживая слезы, перебила его Маріамь:

— Сильнѣйшій, слабѣйшему! Думая такъ, ты заставляешь меня повторить вопросъ твоего отца: Кто же по твоему сильнѣе, Господь-ли Богъ нашъ, или сидящій на престолѣ слабый человѣкъ, первенецъ котораго увялъ какъ трава, по одному мановенію Всевышняго? Ахъ, Осія, Осія!

— Іисусъ! перебилъ онъ ее, внѣ себя. — Или ты отказываешь мнѣ и въ имени данномъ мнѣ Богомъ? Я уповалъ на Его помощь въ ту минуту когда вступалъ во дворецъ сильнаго; подъ Его руководствомъ искалъ я спасенія и блага нашему народу, которое и нашелъ дѣйствительно, а ты... ты...

— Ни отецъ твой, ни Моисей, ни кто изъ вѣрующихъ старѣйшинъ не ждетъ ничего добраго отъ египтянъ, возразила Маріамь, тяжело переводя духъ.—На гибель евреямъ служитъ все то, что̀ даютъ они; злаки, посѣянные нами, сохнутъ, лишь только нога египтянина коснется ихъ. Ты же, чьей честностью они злоупотребляютъ, ты служишь для нихъ свисткомъ, которымъ птицеловъ заманиваетъ въ сѣти неразумныхъ пташекъ. Они обманомъ дали тебѣ въ руки молотъ, чтобы ты еще крѣпче сковалъ цѣпи, которыя мы расторгли съ Божьею помощью. Моими духовными очами я вижу...

— Не въ мѣру много! перебилъ ее воинъ, скрежеща отъ

гнѣва.—Ненависть говоритъ твоими устами и затемняетъ твой ясный умъ. И если птицеловъ дѣйствительно — какъ ты сейчасъ сказала — сдѣлалъ изъ меня свистокъ и злоупотребляетъ мною, вводя меня въ заблужденіе, то этому онъ лучше всего могъ научиться у тебя... да, у тебя! Ты сама подавала мнѣ надежды на твою любовь и вѣрность. Отъ твоей любви ждалъ я всего,—а гдѣ она, эта любовь? Какъ ты не щадила меня, нанося мнѣ удары, такъ и я, не щадя самого себя, сознаюсь тебѣ во всемъ. Я пришелъ не потому, что Богъ отцовъ нашихъ звалъ меня, но потому что призывъ этотъ дошелъ ко мнѣ черезъ тебя и моего отца. Вы ищете далекой, неизвѣстной страны, которую обѣщалъ вамъ Господь; я же открываю народу врата новаго, вѣрнаго отечества. Но не ради народа я это сдѣлалъ—ибо, что̀ значилъ онъ для меня до сихъ поръ!—а прежде всего, чтобы въ этой новой странѣ быть счастливымъ съ тобою, которую я любилъ, и съ престарѣлымъ отцомъ! Ты же, чье холодное сердце не знаетъ любви, ты, съ моимъ неостывшимъ лобзаньемъ на устахъ, отвергаешь всѣ мои предложенія изъ ненависти къ рукѣ, которой я всѣмъ этимъ обязанъ. По образу жизни и стремленіямъ, ты перестала быть женщиной! То, что для другихъ женъ выше и дороже всего, ты отталкиваешь отъ себя ногой.

Но тутъ Маріамь не выдержала и разразилась рыданіями, закрывъ руками судорожно исказившееся лицо.

Между тѣмъ, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, въ проснувшемся станѣ снова началось движеніе. На порогѣ дома Аминадава и Наассона показались прислужники, мужчины и женщины, и все возставшее отъ сна потянулось къ колодцу и водопою. Но Маріамь ничего не замѣчала.

Какъ радостно забилось и расцвѣло ея сердце, когда возлюбленный сказалъ ей, что поведетъ ее съ собою въ землю обѣтованную Господомъ! Она не колеблясь бросилась ему на

грудь, чтобъ на одинъ короткій мигъ вкусить величайшее блаженство; но какъ скоро счастье смѣнилось разочарованіемъ! Когда утренній вѣтерокъ зашумѣлъ въ верхушкахъ смоковницы, въ то время какъ Іисусъ объявлялъ о томъ, что̀ даруетъ фараонъ народу, ей показалось, что съ вершины дерева вѣщаетъ гнѣвный голосъ Самого Бога, и что она снова слышитъ карающую рѣчь престарѣлаго Навина. Какъ громъ и молнія поразила эта рѣчь Урію; а чѣмъ же отличались его требованія отъ требованій Іисуса?

Народъ, какъ она слышала изъ устъ Моисея, погибнетъ, если, измѣнивъ своему Богу, сдастся на обѣщанія фараона. Заключить союзъ съ человѣкомъ, который пришелъ уничтожить все то, для чего жили и къ чему стремились ея братья и его же родной отецъ, было бы предательствомъ и измѣной. А между тѣмъ она любила Іисуса — и какъ охотно, вмѣсто того, чтобы рѣзко оттолкнуть его, она бы снова прильнула къ его сердцу, которое билось для нея одной!

Но листья въ верхушкѣ дерева продолжали шумѣть; Маріами казалось, что они повторяютъ предостереженіе Аарона, и это предостереженіе придало ей новую твердость. Шелестъ въ вершинѣ смоковницы очевидно исходилъ отъ Бога, избравшаго ее Своей рабой, и когда Іисусъ, въ страстномъ порывѣ, сознался что прежде всего желаніе обладать любимою женщиной побудило его служить народу, который былъ столь же чуждъ ему, сколь дорогъ ей, —Маріами показалось, что сердце ея перестало биться и, объятая смертельнымъ страхомъ, она невольно разразилась громкими рыданіями.

Не обращая вниманія на Іисуса и на проснувшійся станъ, она снова опустилась на землю съ воздѣтыми горѣ руками и устремила широко раскрытые, влажные глаза къ небу, какъ бы ожидая новаго откровенія. Утренній вѣтерокъ попрежнему шумѣлъ въ вершинѣ смоковницы, и вдругъ Ма-

ріами показалось, что неожиданно возсіяло солнце, не только въ ея душѣ, но и на всемъ окружающемъ, какъ всегда бывало, когда ей, пророчицѣ, являлось какое-либо видѣніе. Но въ этомъ солнечномъ свѣтѣ она увидѣла образъ, который испугалъ ее; каждый листъ на смоковницѣ шепталъ ей его имя, но человѣкъ этотъ былъ не Іисусъ, а другой—тотъ, кого не жаждало ея сердце. Онъ стоялъ передъ ея духовными очами, весь залитый свѣтомъ и блескомъ, во всей своей величественной красѣ, торжественно возложивъ руку на воздвигнутый имъ камень.

Едва переводя духъ, взирала Маріамь на этотъ образъ; какъ охотно закрыла бы она глаза и уши, чтобы не видѣть его и не слышать голоса, исходящаго изъ смоковницы! Но вотъ, видѣніе исчезло, голоса смолкли, и, въ яркомъ заревѣ, она увидѣла *его*, того человѣка который первый коснулся своими устами ея дѣвственныхъ устъ: съ поднятымъ мечомъ, предводительствуя соплеменными ему пастухами, стремился онъ на невидимаго врага.

Подобно блеску молніи явилось и угасло это видѣніе, но не успѣло еще оно исчезнуть, какъ Маріамь уже поняла его значеніе.

Мужъ, котораго она назвала Іисусомъ, который соединяетъ въ себѣ все, чтобы сдѣлаться вождемъ и защитникомъ своего народа, не долженъ быть отвлекаемъ любовью отъ высокаго назначенія, къ которому призвалъ его Всевышній. Привезенное имъ порученіе должно остаться неизвѣстно евреямъ, для того, чтобы они не дали совратить себя съ опаснаго пути, на который вступили по указанію Господа. Съ той же ясностью, съ которой Маріамь видѣла исчезнувшее видѣніе, она прозрѣла теперь, какъ ей должно поступить. И, какъ будто Всевышній хотѣлъ показать пророчицѣ, что она правильно поняла Его волю, прежде чѣмъ она успѣла встать и нанести

своему возлюбленному новый ударъ, который готовила ему и себѣ, раздался неподалеку отъ смоковницы голосъ, приказывавшій стекавшимся со всѣхъ сторонъ толпамъ строиться въ походъ.

И такъ, путь на которомъ можно было спастись отъ самой себя, открылся передъ Маріамью. Между тѣмъ Іисусъ все еще не дерзалъ прервать благоговѣйное настроеніе молящейся.

Онъ былъ до глубины души оскорбленъ и возмущенъ ея отказомъ. Но, когда, взглянувъ на Маріамь, онъ увидѣлъ, какъ все ея тѣло дрожало отъ внезапно охватившаго ее озноба, какъ ея глаза и руки, словно зачарованные, поднялись къ небу,— онъ почувствовалъ, что въ душѣ молодой дѣвушки совершается что-то великое и святое и что было-бы преступленіемъ помѣшать ей. Мало того, у него невольно явилась мысль, что желаніе обладать женщиной, стоящей такъ близко къ Господу, само по себѣ есть уже величайшая дерзость. Правда, было-бы великимъ наслажденіемъ назвать это возвышенное существо своимъ, но не легко было-бы также видѣть, что возлюбленному и супругу она предпочитаетъ другаго, хотя-бы этотъ другой былъ Самъ Всевышній.

Люди и стада потянулись уже мимо смоковницы, и воинъ наконецъ рѣшился заговорить съ пророчицей и указать ей на мимо-идущихъ. Маріамь поднялась на ноги, обратилась къ нему и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Я бесѣдовала съ Господомъ, Іисусъ, и знаю теперь Его волю. Помнишь-ли ты еще тѣ слова, которыми Богъ призвалъ тебя?

Онъ утвердительно кивнулъ головой, и Маріамь продолжала:

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ знать, что̀ Всевышній открылъ отцу твоему, Моисею и мнѣ: Онъ хочетъ вывести насъ изъ страны египетской и поселить въ землѣ, гдѣ не бу-

детъ надъ нами ни фараона, ни его намѣстника, и гдѣ самъ Господь будетъ нашимъ царемъ. Такова Его воля, и если ты хочешь служить Ему, то долженъ идти за нами и, въ случаѣ надобности, вести въ бой своихъ соплеменниковъ.

Тогда онъ ударилъ себя въ грудь и воскликнулъ въ сильномъ волненіи:

— Я связанъ клятвой вернуться въ Танисъ и сообщить фараону, какъ вожди народа приняли предложенія, съ которыми онъ послалъ меня. Хотя-бы сердце мое разрывалось на части, клятвопреступникомъ я не буду!

— А мое да разорвется прежде чѣмъ измѣню своему Богу! проговорила Маріамь.—Каждый изъ насъ избралъ себѣ путь и да будетъ передъ этимъ камнемъ расторгнуто то, что̀ связывало насъ между собою.

Онъ внѣ себя бросился къ Маріами, стараясь схватить ея руку, но она повелительнымъ движеніемъ остановила его, повернулась и пошла къ толпѣ, которая съ волами и возами тѣснилась у колодца.

Старые и малые почтительно разступились, когда Маріамь, гордо выпрямившись, направилась къ Ору, отдававшему приказанія пастухамъ. Оръ пошелъ ей навстрѣчу и, выслушавъ то, что̀ она вполголоса сообщила ему, положилъ руку ей на голову и произнесъ торжественно:

— Господь да благословитъ союзъ нашъ!

Рука объ руку съ пожилымъ вождемъ, которому она обѣщала отдать свою жизнь, шла Маріамь навстрѣчу Іисусу и ничто не обличало ея волненія, за исключеніемъ прерывистаго дыханія, вздымавшаго ея грудь; ибо, хотя лицо ея поблѣднѣло, за то глаза были такъ же сухи и осанка такъ же величественна, какъ всегда.

Она предоставила Ору сообщить новость возлюбленному, отъ котораго навсегда отказалась. Іисусъ, услышавъ его сло-

ва, отшатнулся, какъ будто передъ нимъ разверзлась пропасть.

Съ побѣлѣвшими отъ волненія губами, смотрѣлъ онъ на неравную чету и язвительная насмѣшка готова была сорваться съ его устъ, но, при видѣ строгаго выраженія лица Маріами, онъ подавилъ свой гнѣвъ и старался ничтожными, заурядными словами прикрыть свое волненіе.

Чувствуя однако, что ему не удастся надолго сохранить показное равнодушіе, онъ поспѣшилъ проститься съ Маріамью, заявивъ, что ему надо повидать отца и чрезъ него созвать старѣйшинъ.

Но не успѣлъ онъ еще кончить своей рѣчи, какъ подбѣжали спорившіе пастухи, прося Ора указать какое мѣсто подобаетъ въ шествіи тому или другому колѣну; Оръ послѣдовалъ за ними, а молодая дѣвушка, оставшись наединѣ съ Іисусомъ, заговорила тихимъ, но твердымъ голосомъ, смотря на него умоляющими глазами:

— То, что̀ насъ соединяло, расторгнуто внезапнымъ поступкомъ, но мы связаны болѣе высокими узами. Какъ я отказалась отъ того, что̀ было для меня самаго дорогаго, такъ и ты пожертвуй тѣмъ, къ чему стремилось твое сердце. Вспомни волю Всевышняго, назвавшаго тебя Іисусомъ! Одна минута превратила величайшее счастіе въ великое горе; пусть-же оно послужитъ на благо нашему племени! Оставайся сыномъ народа, къ которому ты принадлежишь по рожденію! Будь тѣмъ, къ чему призываетъ тебя Господь, будь вождемъ своихъ единоплеменниковъ! Я не сомнѣваюсь, что ты привлечешь старѣйшинъ на свою сторону, если пожелаешь сдержать данную фараону клятву и откроешь имъ привезенныя тобою предложенія. Воспротивятся имъ лишь немногіе, но прежде всѣхъ, конечно, твой родитель. Я уже слышу его громкую, гнѣвную рѣчь, направленную противъ любимаго сына. Если ты оста-

нешься глухъ къ его увѣщаніямъ, народъ забудетъ призывъ Бога и пойдетъ за тобой; ты станешь могуществен и будешь властвовать надъ евреями. Но когда наступитъ часъ, въ который египтянинъ размечетъ по вѣтру свои обѣщанія, когда ты убѣдишься, что онъ еще сильнѣе прежняго давитъ твоихъ соплеменниковъ, а они отпадаютъ отъ Бога отцовъ своихъ, чтобы служить звѣроподобнымъ истуканамъ,—тогда проклятіе отца твоего настигнетъ тебя, гнѣвъ Всевышняго поразитъ ослѣпленныхъ—и одно отчаяніе будетъ удѣломъ того кто повергъ въ бѣдствія слабую толпу, на защиту коей призвалъ его Господь. И потому я, слабая женщина, но служительница Господа и дѣва, которой ты былъ дороже жизни, взываю къ тебѣ: Страшись проклятія родительскаго и гнѣва Господа! Бойся совращенія народа̀ съ пути истиннаго!

Тутъ подошла рабыня, которая пришла звать Маріамь отъ имени ея друзей, и пророчица проговорила торопливымъ шепотомъ:

— Еще два слова. Если ты не хочешь быть слабѣе женщины, которой противорѣчія раздражали тебя, пожертвуй собственными желаніями на благо многимъ тысячамъ твоихъ единокровныхъ! Положи руку на этотъ камень и поклянись мнѣ...

Но тутъ голосъ измѣнилъ пророчицѣ. Руки ея тщетно искали опоры и, слабо вскрикнувъ, она упала на колѣни у воздвигнутаго Оромъ памятника.

Сильная рука Іисуса поддержала ее, и нѣсколько женщинъ, подоспѣвшихъ на его зовъ, вскорѣ привели ее въ чувство.

Маріамь окинула блуждающими глазами окружающее и только встрѣтивъ озабоченное лицо друга, вспомнила, гдѣ находится и что̀ произошло. Потомъ она торопливо выпила воды, поданной ей женой одного изъ пастуховъ, отерла полные слезъ глаза, тяжело вздохнула и прошептала, обращаясь со слабой улыбкой къ Іисусу:

— Я все-таки слабая женщина.

Затѣмъ она направилась къ дому, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, опять остановилась, подозвала воина и сказала ему вполголоса:

— Видишь, народъ выстраивается. Скоро онъ двинется въ путь. Остаешься-ли ты при своемъ намѣреніи? Еще есть время созвать старѣйшинъ.

Онъ отрицательно покачалъ головой и, встрѣтивъ благодарный взглядъ ея влажныхъ глазъ, проговорилъ вполголоса:

— Я буду помнить этотъ часъ и этотъ камень, жена Ора. Передай мой привѣтъ отцу и скажи ему, что я люблю его. Назови ему также имя, которое, по велѣнію Всевышняго, отнынѣ будетъ носить его сынъ. Пусть изъ этого имени, обозначающаго помощь Іеговы, онъ почерпнетъ увѣренность, когда узнаетъ куда я иду, чтобы сдержать данную мною клятву.

Съ этими словами онъ кивнулъ головой Маріами и направился къ стану, гдѣ успѣли уже напоить и накормить его коня; но она закричала ему вслѣдъ:

— Еще одно слово: Моисей оставилъ тебѣ посланіе въ дуплѣ этого дерева.

Воинъ подошелъ къ смоковницѣ и прочиталъ предназначенное ему краткое посланіе великаго еврея: „Будь твердъ и мужественъ“, гласило оно. Іисусъ поднялъ голову и весело воскликнулъ:

— Вотъ эти слова мнѣ по душѣ! Если мы видимся сегодня въ послѣдній разъ, жена Ора, если мнѣ придется идти на смерть, то знай, что я съумѣлъ умереть твердо и мужественно. Ты же утѣшь моего престарѣлаго родителя, какъ съумѣешь.

Съ этими словами онъ вскочилъ на коня, и въ то время какъ, вѣрный данной клятвѣ, мчался въ Танисъ, въ душѣ его не было страха, хотя онъ хорошо сознавалъ, навстрѣчу какой великой опасности онъ идетъ. Лучшія надежды его

рушились, но тѣмъ не менѣе глубокая скорбь боролась въ его душѣ съ радостнымъ подъемомъ духа. То было новое сильное чувство, наполнявшее все его существо—и чувство это было лишь слегка омрачено, хотя испытанная имъ обида могла-бы другому испортить всю жизнь. Онъ обрѣлъ высокую цѣль, и въ то же время имѣлъ право сказать себѣ, что не будетъ ниже Ора, ни кого-либо другаго. Надъ нимъ не будетъ никого, кромѣ двухъ высокихъ силъ, которымъ онъ самъ хотѣлъ посвятить свою кровь и жизнь: его Бога и его народа. Съ удивленіемъ ощущалъ онъ это новое чувство, которое было въ состояніи далеко оттѣснить въ груди мужа все прочее и даже любовь.

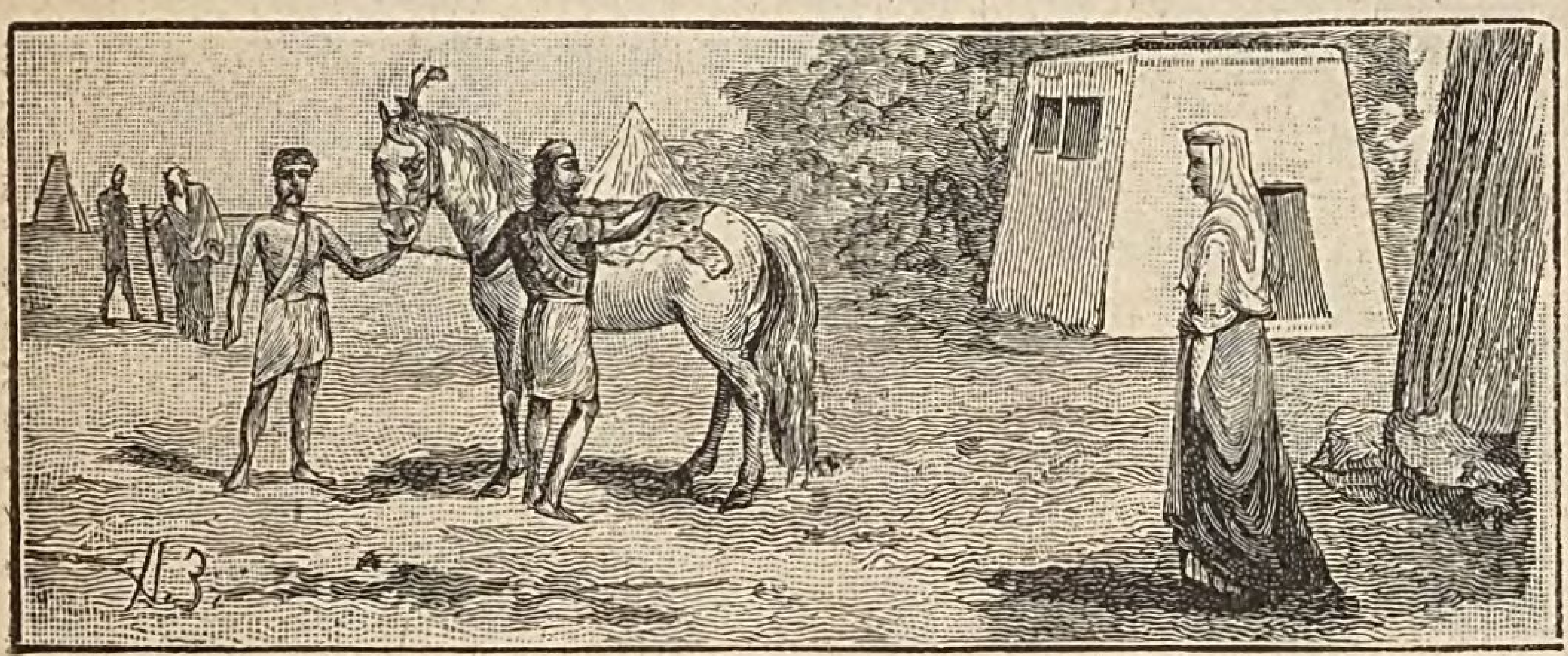
Правда, по временамъ онъ съ грустью опускалъ голову, вспоминая о своемъ старомъ отцѣ; но онъ хорошо сдѣлалъ, что подавилъ въ себѣ горячее желаніе еще разъ прижать его къ своему сердцу. Старикъ едва-ли понялъ-бы его побужденія, и гораздо лучше было для обоихъ разстаться не видавшись, чѣмъ въ открытой ссорѣ.

Часто ему казалось, что все пережитое былъ одинъ только сонъ; Іисусъ былъ какъ-бы опьяненъ волненіями послѣднихъ часовъ, и, крѣпкій тѣломъ, едва ощущалъ то напряженіе силъ, которому подвергалъ себя.

На одномъ знакомомъ постояломъ дворѣ по пути, гдѣ онъ засталъ много воиновъ и между ними нѣсколько хорошо знакомыхъ начальниковъ, далъ онъ наконецъ себѣ и коню отдыхъ, и когда, подкрѣпившись, поѣхалъ дальше, то дѣйствительная жизнь снова вступила въ свои права, ибо до самыхъ воротъ града Рамзеса, Таниса, онъ проѣзжалъ мимо отрядовъ воиновъ и узналъ, что они получили приказаніе соединиться съ тѣми тысячами, которыя онъ самъ привелъ изъ Ливіи.

Наконецъ онъ достигъ города и, проѣзжая мимо храма Аммуна, услышалъ громкіе вопли, хотя и слыхалъ дорогою,

что чума почти прекратилась. Проходившая мимо стража подтвердила то, къ чему подготовили его нѣкоторые признаки: первый прорицатель и верховный жрецъ боговъ, престарѣлый Руи, умеръ на девяносто восьмомъ году жизни, а Баи, второй прорицатель, такъ горячо завѣрявшій полководца въ своей дружбѣ и благодарности, сдѣлался преемникомъ умершаго и вмѣстѣ съ тѣмъ верховнымъ жрецомъ и судьей, хранителемъ печати и главнымъ казначеемъ, словомъ, могущественнѣйшимъ сановникомъ въ государствѣ.

Отъѣздъ Іисуса изъ Сокхоѳа.

Іисусъ, Ефремъ и Казана.

Глава XVII.

Тотъ, кому въ помощь Іегова!“ шепталъ пять дней спустя, съ горькою усмѣшкой, обремененный цѣпями государственный преступникъ, котораго, вмѣстѣ съ сорока товарищами по несчастію, вели изъ побѣдныхъ вратъ Таниса по направленію къ востоку.

Эти несчастные предназначались въ рудники на Синайскомъ полуостровѣ, гдѣ нужны были новые каторжники.

Лишь мимолетною была усмѣшка ссыльнаго; онъ выпрямилъ свой мощный станъ, и съ обросшихъ бородою устъ его прозвучали слова:

— Твердъ и мужественъ!

Какъ будто желая передать и шедшему около него юношѣ тотъ подъемъ духа, который онъ снова обрѣлъ, онъ шепнулъ:

— Мужайся, Ефремъ, мужайся! Что бы ни случилось, не надо опускать головы, гляди смѣлѣе!

— Не разговаривать на ходу! крикнулъ старшему ссыльному одинъ изъ вооруженныхъ ливійскихъ стражниковъ, сопровождавшихъ отрядъ каторжниковъ, и внушительно поднялъ плеть; тотъ, кому онъ грозилъ, былъ Іисусъ, а его товарищъ по несчастію — Ефремъ, котораго приговорили раздѣлить его участь.

Въ чемъ она состояла, зналъ каждый ребенокъ въ Египтѣ, такъ какъ выраженіе: „пусть меня сошлютъ въ рудники!" было однимъ изъ самыхъ ужасныхъ народныхъ заклятій, а участь всякаго другаго преступника была вдвое легче участи осужденныхъ за государственное преступленіе.

Въ рудникахъ ихъ ожидалъ рядъ ужаснѣйшихъ униженій и мукъ. Силы здороваго человѣка надрывались тамъ неслыханными трудами; а истощеннаго принуждали къ такимъ работамъ, что онъ скоро находилъ тотъ вѣчный покой, котораго давно жаждала его измученная душа. Ссылка въ рудники равнялась осужденію на медленную, мучительную смерть, и все-таки человѣкъ цѣнитъ свою жизнь такъ высоко, что ссылка эта считалась болѣе мягкимъ наказаніемъ, чѣмъ смертная казнь отъ руки палача.

Ободряющія слова Іисуса мало подѣйствовали на Ефрема; но когда, нѣсколько мгновеній спустя, преступниковъ обогнала колесница съ наметомъ, на которой позади возницы и пожилой женщины стояла стройная, знатная молодая особа, Ефремъ быстрымъ движеніемъ обернулся и слѣдилъ за повозкой блестящими глазами, пока дорожная пыль не скрыла ее изъ виду.

Молодая женщина была плотно закутана покрываломъ; однако Ефрему казалось, что въ ней онъ узналъ ту, ради которой гибнетъ и малѣйшему знаку которой онъ и теперь еще готовъ былъ повиноваться.

И юноша не ошибся: знатная женщина въ колесницѣ была Казана, дочь начальника стрѣлковъ Горнехта, а старуха—ея мамка.

Когда колесница значительно опередила колодниковъ, Казана приказала старухѣ ждать ее возлѣ маленькаго храма у дороги, близь котораго, въ рощѣ нильскихъ акацій, былъ вырытъ колодецъ для путниковъ, а сама быстро спрыгнула на дорогу и стала ходить взадъ и впередъ въ тѣни деревьевъ, пока налетавшее облако пыли не показало ей, что колодники уже близко.

Тогда она сняла золотыя кольца, заранѣе приготовленныя ею для этой цѣли, и пошла навстрѣчу вождю печальнаго шествія, который ѣхалъ впереди его на ослѣ. Въ то время, какъ она разговаривала съ нимъ, указывая на Іисуса, приставъ бросилъ украдкой взглядъ на скользнувшія въ его руку кольца, увидѣлъ пріятный желтый блескъ и, такъ какъ скромность его разсчитывала лишь на серебро, то лицо его тотчасъ приняло дружелюбно предупредительное выраженіе.

Правда, просьба, съ которою обратилась къ нему Казана, опять омрачила его лицо, но при новыхъ обѣщаніяхъ молодой женщины оно вторично просіяло. Онъ быстро обернулся къ своимъ подчиненнымъ и закричалъ:

— Эй, люди! ведите кротовъ къ колодцу! Дать имъ напиться! Доставимъ ихъ въ нѣдра земли свѣжими и здоровыми!

Потомъ онъ подъѣхалъ къ колодникамъ и закричалъ Іисусу:

— Ты должно-быть самъ распоряжался въ былое время и кажешься мнѣ строптивѣе, чѣмъ бы слѣдовало и для твоей и для моей пользы. Эй, стража! смотрѣть за прочими! А этому мнѣ нужно сказать словечко наединѣ.

При этомъ онъ захлопалъ въ ладоши, точно выгонялъ куръ изъ огорода, и пока колодники тянули ведра, вмѣстѣ со стражниками наслаждаясь освѣжавшимъ питьемъ, приставъ

отвелъ въ сторону отъ дороги Іисуса и Ефрема; разлучить ихъ было нельзя, такъ какъ они были скованы у щиколки общею цѣпью.

Маленькій храмъ скоро закрылъ ихъ отъ взоровъ толпы, а приставъ опустился на ступеньку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ обоихъ евреевъ, предварительно показавъ имъ вполнѣ понятнымъ движеніемъ руки на тяжелую метательную палицу, бывшую въ его правой рукѣ, и на барсучью собаку, улегшуюся у его ногъ.

Во время послѣдовавшаго затѣмъ разговора онъ не спускалъ съ нихъ глазъ. Пусть ихъ говорятъ себѣ, что̀ угодно; онъ знаетъ свою обязанность; и хотя за хорошія деньги готовъ смотрѣть сквозь пальцы на послѣднее прощанье, но въ теченіе двадцати лѣтъ, несмотря на множество попытокъ къ побѣгу, ни одному изъ его кротовъ—такъ любилъ онъ называть будущихъ рудокоповъ—не удалось обмануть его бдительности.

Эта красавица, по всей вѣроятности возлюбленная того виднаго молодца, который, какъ ему говорили, былъ прежде военачальникомъ. Но и гораздо болѣе знатныхъ людей ему приходилось уже называть кротами, а если закутанная женщина пріѣхала для того, чтобы сунуть въ руку колодника напильникъ или золото, то приставу это могло быть только на руку; вѣдь вечеромъ, на привалѣ, оба будутъ обысканы, даже черные волосы младшаго, котораго не успѣли остричь только потому, что все было сдѣлано кое-какъ, второпяхъ, при отправленіи колодниковъ, которое должно было совершиться раньше выступленія войскъ фараона.

Приставъ не могъ слышать, о чемъ шепотомъ разговаривала женщина съ бывшимъ военачальникомъ, но ея покорный видъ и смущеніе невольно заставляли полагать, что она-то и погубила добраго молодца. Охъ, эти женщины! А молодой-то малый на цѣпи... Взоры, которые онъ устремляетъ на строй-

ную женщину, такъ жгучи, какъ будто онъ хочетъ спалить ими ея покрывало. Погоди, пріятель! Великій отче Аммунъ! Вѣдь у этихъ кротовъ впереди такая школа, гдѣ ихъ научатъ скромности!

Вотъ женщина откинула покрывало. Что за красавица! Тяжело, должно быть, разставаться съ такою возлюбленной! А вонъ она и плачетъ вдобавокъ!

У суроваго пристава сердце размякло, насколько допускала его служба; но онъ съ величайшимъ удовольствіемъ угостилъ бы плетью старшаго преступника,—развѣ не позоръ имѣть такую возлюбленную и стоять камень-камнемъ! Негодяй съ самаго начала не протянулъ даже руки женщинѣ, которая очевидно любила его, хотя онъ, приставъ, отъ всего сердца простилъ бы имъ даже поцѣлуй или объятіе.

А не то, пожалуй, эта красавица—жена воина, обманувшая его? Но нѣтъ, нѣтъ! Вонъ онъ — съ какою добротой наклонился теперь къ ней! Такъ говоритъ только отецъ со своимъ ребенкомъ; но его кротъ слишкомъ молодъ, чтобы имѣть такую дочь. Загадка! Однако приставъ не трудился надъ ея рѣшеніемъ, ибо во время пути въ его рукахъ была полная возможность сдѣлать изъ самаго скрытнаго колодника открытую книгу.

Впрочемъ, не только простаго пристава надъ ссыльными, но и всякаго заинтересовалъ бы, конечно, вопросъ: что побудило эту прекрасную, знатную женщину выѣхать на разсвѣтѣ на большую дорогу, къ несчастному, обремененному цѣпями колоднику?

И дѣйствительно, Казану могъ побудить къ этой поѣздкѣ только мучительный страхъ, что любимый ею человѣкъ будетъ презирать ее и проклинать, какъ низкую предательницу. Ужасная участь ожидала его, и живое воображеніе Казаны представляло ей Іисуса въ рудникахъ, истомленнаго,

разбитаго, осунувшагося, умирающаго, съ проклятіемъ ей на устахъ.

Вечеромъ того дня, когда въ домъ ихъ принесли Ефрема, дрожавшаго въ лихорадкѣ, полузадохшагося отъ дорожной пыли, отецъ сообщилъ ей, что въ молодомъ евреѣ они нашли залогъ, который заставитъ Осію вернуться въ Танисъ и подчиниться требованіямъ прорицателя Баи, съ которымъ начальникъ стрѣлковъ былъ связанъ тайнымъ заговоромъ. Потомъ, отецъ довѣрилъ ей, что не только отличія и высокій санъ, но также и бракъ съ нею должны были привязать Осію къ египтянамъ и къ одному дѣлу, отъ котораго онъ, Горнехтъ, ожидалъ величайшихъ благъ для себя, для своей семьи и для страны.

Все это наполняло ее радостною надеждой на давно желанное счастье. Казана призналась въ этомъ колоднику, стоя около маленькаго придорожнаго храма, поникнувъ головою и проливая обильныя слезы, такъ какъ теперь онъ уже навсегда для нея потерянъ; если Осія не отвѣчаетъ на любовь, которую она съ дѣтскихъ лѣтъ отдала ему, то не долженъ, по крайней мѣрѣ, ее ненавидѣть и осуждать, не выслушавъ предварительно.

Іисусъ охотно и внимательно выслушалъ ее и увѣрилъ, что ничто не можетъ въ такой мѣрѣ облегчить ему сердце, какъ возможность ея оправданія отъ тяжелаго упрека и увѣренность, что не она предала его и юношу ихъ ужасной участи.

Молодая женщина, громко зарыдавъ, долго и напрасно старалась превозмочь себя; наконецъ ей удалось нѣсколько успокоиться и вернуться къ разсказу.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Осіи умеръ верховный жрецъ, и въ тотъ же самый день Баи, второй прорицатель Аммуна, сдѣлался его преемникомъ. Тогда многое измѣнилось, и могущественнѣйшій человѣкъ въ государствѣ вселилъ въ фараонѣ

ненависть къ евреямъ и ихъ вождю—Мезу, котораго до этихъ поръ какъ царь, такъ и царица защищали и боялись. Онъ убѣдилъ также государя преслѣдовать бѣглецовъ, и немедленно было собрано войско, чтобы принудить ихъ къ возвращенію. Она тотчасъ поняла, что Осія не согласится принять назначеніе противъ своихъ единоплеменниковъ, и что онъ долженъ быть возмущенъ своимъ посольствомъ для заключенія договора, который теперь нарушили, еще не узнавъ, приняли-ли его евреи.

Когда онъ вернулся, то фараонъ—Осія слишкомъ хорошо зналъ это—приказалъ заключить его подъ стражу и не пускать себѣ на глаза, пока Осія не поклянется снова принять начальство надъ своими тысячами и остаться вѣрнымъ слугою царя. Однако Баи, новый верховный жрецъ, не забылъ о спасителѣ своей жизни и отнесся къ нему съ расположеніемъ и благодарностью; она знаетъ, что Баи надѣялся также вовлечь его въ тайное предпріятіе, въ которомъ участвуетъ и ея отецъ. Тотъ же Баи требовалъ, чтобы фараонъ, въ случаѣ если Осія снова дастъ клятву въ вѣрности, освободилъ его отъ битвъ съ его народомъ, назначилъ его начальникомъ чужеземныхъ наемниковъ и возвелъ его въ число друзей царя. Впрочемъ, все это, конечно, извѣстно Осіи—вѣдь новый верховный жрецъ самъ предлагалъ ему эти лакомые куски, которые онъ отвергъ съ такимъ гордымъ и мужественнымъ негодованіемъ.

Ея отецъ сначала также былъ на сторонѣ Осіи и впервые пересталъ ставить ему въ упрекъ его происхожденіе.

Но на третій день по возвращеніи Осіи, начальникъ стрѣлковъ пошелъ переговорить съ нимъ, и съ тѣхъ поръ все измѣнилось къ худшему. Осіи лучше знать, что̀ побудило того, о которомъ она, какъ дочь, не смѣетъ думать ничего дурнаго, изъ друга сдѣлаться его смертельнымъ врагомъ.

При этомъ Казана вопросительно взглянула на воина, и онъ не замедлилъ отвѣтомъ. Начальникъ стрѣлковъ приходилъ объявить, что Осія былъ бы для него желаннымъ зятемъ.

— И ты отвѣтилъ? спросила Казана, робко взглянувъ ему въ лицо.

— Я отвѣчалъ, что ты мнѣ мила и дорога съ дѣтства, но что обстоятельства запрещаютъ мнѣ связывать судьбу женщины съ моею.

Глаза Казаны сверкнули, и она воскликнула:

— Потому что ты любишь другую, женщину своего племени, ту самую, которая послала къ тебѣ Ефрема.

Колодникъ покачалъ головою и ласково отвѣчалъ:

— Ошибаешься, Казана! Та, о которой ты думаешь, теперь уже стала женой другаго.

— Но въ такомъ случаѣ, воскликнула вдова, оживая и глядя на него съ нѣжною мольбой,—почему же ты... о, прости меня... почему же ты такъ обидно отказалъ отцу?

— Я былъ далекъ отъ этого, дорогое дитя, ласково отвѣчалъ воинъ и положилъ руку на ея голову.—Но я все-таки не могъ исполнить его желанія, потому, что суровая необходимость не позволяетъ мнѣ помышлять о мирномъ счастьѣ у собственнаго очага, къ которому стремятся другіе. Если бы даже мнѣ оставили свободу, моя жизнь была бы во всякомъ случаѣ полна волненій и борьбы.

— Сколько людей, однако, возразила Казана,—владѣютъ мечомъ и щитомъ, и вернувшись домой, отдыхаютъ съ женой и наслаждаются всѣмъ, что̀ даетъ родной кровъ.

— Конечно, конечно, задумчиво отвѣчалъ онъ. — Но меня призываютъ другія обязанности, которыхъ вы, египтяне, не вѣдаете. Я сынъ своего народа.

— И ему ты готовишься служить? спросила Казана.—О, я хорошо понимаю тебя. Но все-же... Зачѣмъ же въ такомъ

случаѣ ты вернулся въ Танисъ? Зачѣмъ ты отдался въ руки фараона?

— Потому что меня связывала священная клятва, бѣдное дитя, ласково отвѣчалъ онъ.

— Клятва, воскликнула Казана, — которая ставитъ смерть и неволю между тобою и тѣми, кого ты любишь и кому желаешь служить! О, если бы ты никогда не возвращался въ это царство несправедливости, предательства и неблагодарности! Какъ многимъ эта клятва принесла горе и слезы! Но что̀ нужды вамъ, мужамъ, до тѣхъ страданій, которыя вы доставляете другимъ? Мнѣ, злосчастной, ты отравилъ всѣ радости жизни, а среди твоихъ единоплеменниковъ скорбитъ почтенный отецъ, у котораго ты единственный сынъ. Сколько разъ видала я Навина, величественнаго старца съ блестящимъ взоромъ и бѣлоснѣжными сѣдинами! Такимъ будетъ и Осія, если ему суждена глубокая старость, говорила я себѣ, встрѣчая его на пристани или у входа въ Высокія Врата, когда онъ распоряжался пастухами, гнавшими быковъ и тонкорунныхъ овецъ въ даръ къ столу сборщика податей. А теперь упорство сына будетъ отравлять ему каждый день его старости!

— Теперь у него есть сынъ, отвѣчалъ Іисусъ, — который идетъ на муки, обремененный цѣпями, но можетъ держать голову выше, чѣмъ предавшіе его. Они вмѣстѣ съ фараономъ забыли, что онъ не разъ проливалъ за нихъ свою кровь на полѣ брани и при всѣхъ опасностяхъ оставался вѣренъ своему царю. Менефта, его намѣстникъ и главный судья, которому я спасъ жизнь, и многіе другіе, называвшіе меня своимъ другомъ, теперь покинули меня и ввергли въ бѣдствіе, а вмѣстѣ со мною и этого, ни въ чемъ неповиннаго, отрока. Но да падетъ на тѣхъ, кто совершилъ все это, кто рѣшился на такія преступленія...

— Не проклинай ихъ, перебила Казапа съ пылающимъ лицомъ.

Но Іисусъ, не внимая ея словамъ, воскликнулъ:

— Развѣ я не мужъ, чтобы мнѣ забыть о мести!

Тогда молодая женщина, боязливо прижимаясь къ его рукѣ, заговорила умоляющимъ голосомъ:

— Ты конечно не можешь простить моему отцу, но не проклинай его. Онъ сдѣлался твоимъ врагомъ изъ любви ко мнѣ. Ты знаешь его горячую кровь, которая часто завлекаетъ его въ крайности, не смотря на его годы. Онъ даже отъ меня скрылъ то, что̀ считаетъ для меня позоромъ; ибо многіе искали моей руки и у него нѣтъ ничего дороже меня. Скорѣе фараонъ проститъ бунтовщику, чѣмъ отецъ мой отвергшему меня, его сокровище. Онъ вернулся домой, словно бѣсноватый. Каждое слово изъ его устъ было проклятіемъ. Онъ не могъ усидѣть дома, но и за стѣнами его продолжалъ бушевать попрежнему. Конечно, въ концѣ концовъ, онъ успокоился-бы, какъ всегда бываетъ съ нимъ, но, къ несчастію, въ преддверіи Высокихъ Вратъ онъ встрѣтился съ человѣкомъ, которому выгодно было подлить масла въ огонь. Я знаю все это отъ супруги верховнаго жреца; она не менѣе меня возмущена тѣмъ зломъ, что тебѣ причинили. Ея мужъ сдѣлалъ все возможное, чтобы спасти тебя; она-же, твердостью не уступающая мужчинѣ, готова была помочь ему отворить тебѣ двери темницы; она хорошо помнитъ, что ты въ Ливіи спасъ ея мужа. Вмѣстѣ съ твоими должны были пасть и цѣпи Ефрема и все было уже готово, чтобы облегчить вамъ бѣгство...

— Я знаю все это, мрачно перебилъ Іисусъ, — и вознесу хвалу Богу отцовъ моихъ, если невѣрны были дошедшіе до меня слухи, будто именно ты, Казана, виновница того, что двери нашей темницы замкнулись крѣпче прежняго.

— Развѣ я пріѣхала бы сюда, если-бъ слухи эти были вѣрны!?

съ жаромъ воскликнула взволнованная красавица.—Конечно и въ моей душѣ шевельнулась ненависть, какъ въ каждой женщинѣ, которую отвергъ любимый человѣкъ; но постигшее тебя бѣдствіе вскорѣ обратило гнѣвъ мой въ состраданіе и раздуло прежнее пламя въ моемъ сердцѣ. Клянусь милостивымъ судьей, котораго я жду́ на судилищѣ мертвыхъ, неповинна я въ этомъ и никогда не переставала надѣяться на твое освобожденіе. Только вчера вечеромъ, когда было уже слишкомъ поздно, я узнала, что замыслы Баи разстроены. Верховный жрецъ можетъ много сдѣлать; но именно тому, кто вступилъ теперь въ союзъ съ моимъ отцомъ, онъ не захочетъ стать поперекъ дороги.

— Ты разумѣешь князя Сиптаха, племянника фараона! гнѣвно воскликнулъ Іисусъ. — Мнѣ намекали, что они затѣваютъ что-то въ его пользу. Меня самого хотѣли поставить на мѣсто сирина Аарсу, начальника наемныхъ войскъ, если я не помѣшаю имъ расправиться съ моимъ народомъ и отрекусь отъ своихъ единокровныхъ. Но я лучше перенесу двадцать смертей, чѣмъ запятнаю себя такимъ предательствомъ. Аарсу пригоднѣе меня для ихъ мрачныхъ замысловъ, но въ концѣ концовъ онъ измѣнитъ и имъ. Что касается меня, то князь Сиптахъ имѣетъ основаніе ненавидѣть меня...

Казана приложила палецъ къ губамъ, озабоченно указала на Ефрема и пристава и прошептала:

— Побереги отца! Князь... ненависть его къ тебѣ...

— Сластолюбецъ хочетъ и тебя опутать своими сѣтями, а теперь узналъ, что ты благоволишь ко мнѣ, перебилъ ее воинъ.

Казана покраснѣла и утвердительно кивнула головой:

— Вотъ потому-то Аарсу, котораго онъ успѣлъ привлечь на свою сторону, такъ строго и охранялъ васъ, проговорила она.

— Сиринъ дѣйствительно смотрѣлъ въ оба, сказалъ Іисусъ.— Но довольно объ этомъ! Я вѣрю тебѣ и отъ всего сердца бла-

годарю за то, что ты послѣдовала за нами. Какъ охотно я вспоминалъ всегда въ походахъ о прелестномъ ребенкѣ, который расцвѣталъ на моихъ глазахъ!

— Обѣщаешь-ли ты и впредь думать о немъ безъ гнѣва и ненависти?

— Обѣщаю, отъ всего сердца.

Молодая женщина въ страстномъ порывѣ схватила руку колодника, чтобы поднести ее къ губамъ; но онъ отнялъ руку, и Казана, взглянувъ на него влажными глазами, проговорила съ горечью:

— Ты отказываешь мнѣ въ милости, которой не отнимаютъ и у послѣдняго нищаго, просящаго милостыню?

Потомъ, гордо выпрямившись, она воскликнула такъ громко, что приставъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на солнце, не пора-ли двигаться въ путь.

— Я-же говорю тебѣ: наступитъ время, когда ты самъ, какъ милости, будешь просить позволенія облобызать эту руку! Когда придетъ гонецъ и принесетъ свободу тебѣ и этому отроку, знай — что вы будете обязаны ею Казанѣ.

Отъ сильнаго волненія прекрасное лицо молодой египтянки покрылось яркимъ румянцемъ. Іисусъ схватилъ ея руку и воскликнулъ:

— О, еслибъ тебѣ удалось то, къ чему стремится твоя преданная душа! Могу-ли я воспретить тебѣ смягченіе того великаго несчастія, которое постигло этого юношу въ твоемъ домѣ? Но, какъ честный человѣкъ, я долженъ сказать тебѣ, что никогда, ни въ какомъ случаѣ, не поступлю на службу египтянъ. Что̀ бы ни случилось, я, отнынѣ, душою и тѣломъ буду принадлежать народу, который вы преслѣдовали и презирали и къ которому я принадлежу по крови и по рожденію.

Казана поникла прелестною головкой, но тотчасъ же снова подняла ее и проговорила:

— Никто не можетъ сравниться съ тобою въ величіи и благородствѣ; это я знаю съ дѣтства. И если я среди своего народа не найду никого достойнаго уваженія, я буду думать о тебѣ, въ которомъ все правда и доблесть, безъ малѣйшаго пятна. Но когда бѣдной Казанѣ удастся освободить тебя, не презирай ее, если найдешь ее хуже чѣмъ оставляешь теперь, ибо какъ бы она ни унизилась, какимъ бы позоромъ ни покрыла себя...

— Что ты замышляешь? съ тревогою перебилъ ее Іисусъ.

Но онъ не успѣлъ получить отвѣта, ибо приставъ поднялся и, хлопнувъ въ ладоши, закричалъ:

— Впередъ, кроты, живѣе въ путь!

Тогда сердце воина сжалось подъ наплывомъ грустнаго чувства и, повинуясь мгновенному порыву, онъ поцѣловалъ опечаленную красавицу въ лобъ и въ темя, шепнувъ ей:

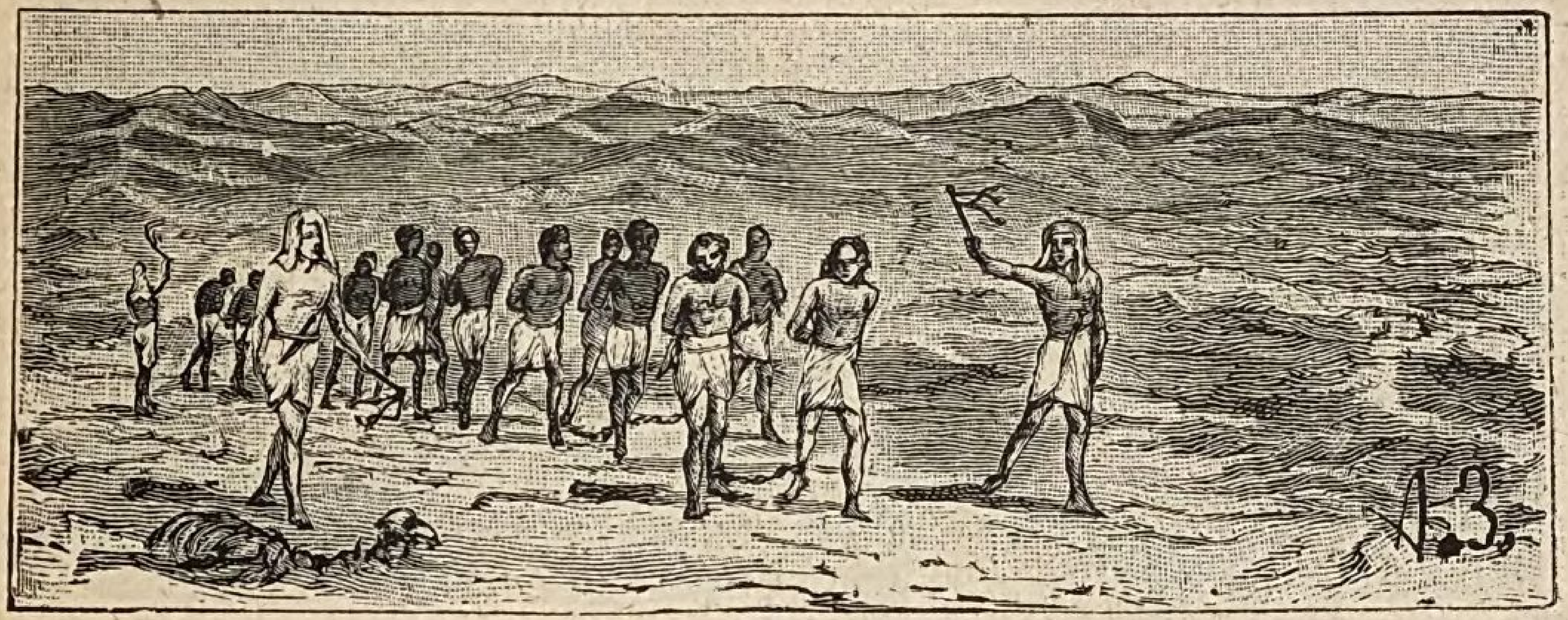
— Оставь меня въ моемъ несчастіи, если наша свобода будетъ стоить твоего униженія. Во всякомъ случаѣ для насъ не расцвѣтетъ уже радость свиданія; ибо, что̀ бы ни случилось, жизнь моя будетъ отнынѣ лишь борьбой и самоотреченіемъ. Окружающая насъ ночь будетъ все темнѣе и темнѣе, но какъ бы ни была она мрачна и непроглядна, одна звѣзда будетъ всегда сіять мнѣ и этому отроку: воспоминаніе о тебѣ, милое, дорогое дитя!

Іисусъ указалъ на Ефрема—и юноша, внѣ себя, припалъ устами къ рукѣ и плечу рыдавшей молодой женщины.

— Впередъ! крикнулъ еще разъ приставъ, ухмыляясь, благодарно посматривая на щедрую женщину въ колесницѣ и дивясь тому сіяющему счастіемъ взгляду ея влажныхъ глазъ, которымъ она провожала колодниковъ.

Кони тронули, послышались новыя приказанія, раздалось нѣсколько ударовъ бича по обнаженнымъ спинамъ, нѣсколько стоновъ огласили утренній воздухъ—и шествіе осужденныхъ

снова заволновалось по направленію къ востоку. Цѣпь, прикрѣпленная къ ногѣ товарища по несчастію, поднимала дорожную пыль, которая окутывала толпу колодниковъ такимъ же густымъ облакомъ, какимъ горе, ненависть и страхъ охватывали душу каждаго изъ этихъ несчастныхъ.

Каторжники на пути къ рудникамъ.

Походъ фараона.

Глава XVIII.

Лишь на разстояніи часа пути отъ небольшаго храма, у котораго отдыхали ссыльные, дорога развѣтвлялась: одна вѣтвь вела къ югу на Сокхоѳъ и къ западному заливу Чермнаго моря, другая въ юго-восточномъ направленіи, чрезъ укрѣпленный перешеекъ—къ рудникамъ.

Вскорѣ послѣ отправленія колодниковъ, выступило изъ города Рамзеса и войско, собранное для преслѣдованія евреевъ; а такъ какъ ссыльные довольно долгое время отдыхали у колодца, то войска почти настигли ихъ. Не успѣли ссыльные отойти отъ колодца, какъ показались уже гонцы, очищавшіе путь для приближающихся военныхъ силъ. Они приказали

ссыльнымъ остановиться и отойти въ сторону, пока не пройдетъ мимо легкій обозъ съ царскими шатрами и кухней, грохотъ котораго уже слышался вдали.

Проводники ссыльныхъ были довольны этою остановкой. Они никуда не спѣшили; день былъ жаркій, и если они опоздаютъ къ мѣсту назначенія, то виноваты будутъ не они, а войска.

Іисусъ также порадовался этой остановкѣ. Юный товарищъ его по цѣпи—тупо смотрѣлъ передъ собою и давалъ такіе безсвязные отвѣты, что дядя не на шутку встревожился. Онъ хорошо зналъ, что многіе изъ приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ впадаютъ въ уныніе и безуміе. Теперь же, когда часть войска должна пройти мимо, зрѣлище это — новое для юноши — развлечетъ его и можетъ-быть положитъ конецъ нѣмому отчаянію.

Въ сторонѣ отъ дороги высился песчаный холмъ, поросшій тамарисковыми кустами, и къ нему-то направилъ приставъ своихъ ссыльныхъ. Онъ былъ суровъ, но не жестокъ, и потому охотно разрѣшилъ своимъ „кротамъ" растянуться на пескѣ, ибо шествіе обѣщало занять довольно долгое время.

Едва колодники расположились на отдыхъ, какъ послышался стукъ колесъ, ржаніе горячихъ коней, громко отдаваемыя приказанія и непріятный крикъословъ.

Уже съ появленіемъ первыхъ колесницъ, Ефремъ спросилъ дядю, гдѣ самъ фараонъ. Но Іисусъ отвѣчалъ съ улыбкой, что когда царь выступаетъ въ походъ во главѣ войска, то прежде всего за передовымъ отрядомъ слѣдуютъ обозъ и кухня; ибо фараонъ и его приближенные любятъ найти разбитыя ставки и накрытые столы послѣ дневнаго перехода, когда ратники и ихъ вожди отойдутъ на покой.

Не успѣлъ Іисусъ окончить свою рѣчь, какъ показалось множество пустыхъ повозокъ и ненавьюченныхъ ословъ. Они

должны были поднять подати хлѣбомъ и мукой, убоиной и птицей, виномъ и пивомъ, которыя доставлялись каждою деревней, и уже наканунѣ были вручены сборщикамъ.

Вскорѣ затѣмъ показался отрядъ бойцовъ на колесницахъ. По двѣ лошади были запряжены въ небольшія, двухколесныя, окованныя бронзою колесницы, и на каждой стоялъ боецъ и возница. Къ передку колесницъ были прикрѣплены большіе колчаны, а воины опирались на копья или на огромные луки. Рубашка, покрытая мѣдными чешуями, или стеганый панцырь съ пестро расшитымъ плащемъ, шлемъ и передокъ колесницы защищали бойцовъ отъ метательныхъ снарядовъ врага. Медленною рысью прошелъ этотъ отрядъ, который Іисусъ назвалъ передовой охраной, а за нимъ слѣдовало множество повозокъ и телѣгъ, везомыхъ лошадьми, мулами или волами, и цѣлыя стада высоко нагруженныхъ ословъ.

Дядя указывалъ племяннику на длинные столбы, шесты и тяжелые свертки дорогихъ тканей, изъ которыхъ составлялись царскія ставки; все это было нагружено на множество вьючныхъ животныхъ, затѣмъ слѣдовали ослы и телѣги съ кухонною утварью и походною кузницей.

Между поклажею ѣхали на ослахъ врачи, хранители царскихъ одеждъ, составители мазей, повара, цвѣточники, прислужники и рабы, — словомъ все, что̀ принадлежало къ царскому стану. Только что выступивъ въ походъ, всѣ были еще свѣжи и склонны къ шуткамъ; поэтому замѣчавшіе колодниковъ отпускали имъ ѣдкія шутки въ египетскомъ вкусѣ, которыя иные старались однако загладить милостынею. Другіе, не затрогивавшіе ссыльныхъ, также посылали имъ нѣсколько плодовъ или мелкое подаяніе, потому что всякій, свободный сегодня, завтра могъ послѣдовать за этими несчастными. Приставъ ихъ не препятствовалъ принятію подаяній, а когда проходившій мимо рабъ, котораго Іисусъ когда-то продалъ за не-

добросовѣстность, назвалъ имя Осіи и съ оскорбительными ужимками указалъ на него, то добрый сердцемъ, хотя и суровый съ виду приставъ предложилъ обиженному глотокъ вина изъ собственной походной баклажки.

Ефремъ, взявшій на дорогу отъ Сокхоѳа до Таниса лишь посохъ да маленькій узелокъ съ хлѣбомъ, сушеной бараниной, рѣдькою и финиками, высказалъ удивленіе по поводу безчисленнаго множества людей и вещей, которые были нужны для удобствъ одного человѣка; потомъ онъ снова впалъ въ прежнюю задумчивость, пока дядя не пробудилъ его новыми объясненіями.

Какъ только прошелъ обозъ царскаго стана, приставъ ссыльныхъ хотѣлъ приказать своему отряду двигаться далѣе, но „очищавшіе путь", шедшіе впереди стрѣлковъ, не позволили ему этого, такъ какъ колодникамъ не подобало смѣшиваться съ воинами. Поэтому ссыльные остались на холмѣ и продолжали смотрѣть на двигавшееся мимо шествіе.

За стрѣлками слѣдовали тяжело вооруженные, съ большими щитами изъ крѣпкой бычачьей кожи, которые даже самымъ рослымъ воинамъ доходили почти по шею; Осія разсказывалъ юношѣ, что эти щиты ставятся на ночь одинъ къ другому и ими, какъ заборомъ, окружаютъ царскій станъ. Кромѣ такой обороны, у каждаго тяжело вооруженнаго было еще копье, короткій, кинжалообразный мечъ или боевой серпъ. Когда за этимъ родомъ войскъ показался отрядъ пращниковъ, Ефремъ впервые заговорилъ самъ и сталъ увѣрять, что тѣ пращи, которыя онъ выучился дѣлать у пастуховъ, гораздо лучше, чѣмъ пращи воиновъ; подзадориваемый дядей, онъ принялся разсказывать съ такимъ оживленіемъ, что даже расположившіеся возлѣ колодники прислушивались къ разсказамъ о томъ, какъ ему удавалось камнемъ изъ пращи убивать не только шакаловъ, волковъ и пантеръ, но даже коршуновъ. Въ то же

время онъ разспрашивалъ дядю о значеніи знаменъ и о названіяхъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Многія тысячи прошли уже мимо, когда показался новый отрядъ воиновъ на колесницахъ, и приставъ ссыльныхъ воскликнулъ:

— Добрый Богъ! Властелинъ обоихъ міровъ! Живи, благоденствуй и здравствуй! При этомъ онъ опустился на колѣни какъ бы на молитву, а преступники растянулись во весь ростъ и готовились крикнуть по первому знаку пристава:

— Живи, благоденствуй и здравствуй!

Но еще долго пришлось ожидать фараона, ибо когда проѣхали бойцы на колесницахъ, показались сначала тѣлохранители, чужеземные наемники съ своеобразными нашлемными украшеніями и большими мечами у бедра; за ними несли сперва многочисленныя изображенія боговъ, а потомъ двигалась большая толпа жрецовъ и секретарей. За ними шли опять тѣлохранители, и тогда только показался фараонъ со своими приближенными. Впереди послѣднихъ ѣхалъ верховный жрецъ Баи на позолоченной боевой колесницѣ, которую везли великолѣпные гнѣдые жеребцы. Онъ уже прежде начальствовалъ войсками на войнѣ, а потому и теперь принялъ на себя водительство въ походѣ по велѣнію боговъ и, хотя оставался въ жреческомъ одѣяніи, но при этомъ носилъ шлемъ и боевую сѣкиру полководца. Наконецъ, тотчасъ за Баи появился самъ фараонъ, но не на боевой колесницѣ, какъ его воинственные предшественники; нѣтъ, онъ предпочиталъ чтобы его несли на царскомъ сѣдалищѣ. Сверху великолѣпный наметъ, а сбоку большія и плотныя круглыя опахала, прикрѣпленныя къ длиннымъ древкамъ и несомыя вѣероносцами, защищали царя отъ палящихъ лучей солнца.

Оставивъ за собой городъ съ его побѣдными вратами и восторженными привѣтствіями толпы, поддерживавшими его въ

бодрствующемъ состояніи, Менеѳта заснулъ, и охраняющія отъ солнца опахала не дали бы ссыльнымъ возможности увидѣть его ликъ, если бы крики колодниковъ не были такъ громки, что фараонъ проснулся и повернулъ голову въ ихъ сторону. Милостивое движеніе правой руки показало однако, что онъ принялъ ихъ за другихъ, а не за колодниковъ, и прежде чѣмъ смолкли крики несчастныхъ, фараонъ снова закрылъ глаза.

Молчаливая задумчивость Ефрема перешла теперь въ живѣйшее вниманіе, и когда провезли пустую золотую колесницу царя, передъ которой борзились такіе великолѣпные кони, какихъ ему никогда еще не случалось видѣть, онъ громко сталъ выражать свое восхищеніе.

Благородныя животныя, надъ умными головами которыхъ качались густые пучки перьевъ, и богатая сбруя, осыпанная золотомъ и драгоцѣнными камнями, дѣйствительно представляли прекрасное зрѣлище. Большіе золотые, украшенные изумрудами колчаны, сбоку колесницы, были наполнены стрѣлами.

Разслабленный человѣкъ, немощной рукѣ котораго было ввѣрено управленіе великимъ народомъ; нѣженка, котораго пугало всякое усиліе, пріобрѣталъ снова потерянную силу мышцъ, когда дѣло шло объ охотѣ; а на этотъ походъ онъ смотрѣлъ, какъ на звѣриную травлю въ большихъ размѣрахъ. Пускать стрѣлы, вмѣсто дичи, въ тѣхъ людей, которыхъ онъ такъ недавно страшился, казалось ему царскою забавою; поэтому онъ охотно согласился на требованіе верховнаго жреца и присоединился къ выступившимъ войскамъ. Походъ былъ предпринятъ по велѣнію великаго бога Аммуна, и потому царю нечего было бояться страшнаго могущества Мезу. Онъ отплатитъ еврею, какъ только захватитъ его въ свои руки, за тотъ страхъ, который испытали онъ и жена, и за всѣ пролитыя изъ-за него слезы.

Іисусъ принялся было объяснять юношѣ, въ какомъ финикійскомъ городѣ приготовляютъ золотыя колесницы, какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что Ефремъ схватилъ его за руку и воскликнулъ:

— Она, она! Смотри! Это она!

Юноша покраснѣлъ до корня волосъ. И онъ не ошибся — въ той самой колесницѣ, въ которой недавно догоняла ссыльныхъ, приближалась теперь въ числѣ придворныхъ фараона прекрасная Казана; кромѣ нея, еще много женщинъ принимало участіе въ походѣ, который начальникъ пѣхоты, старый, храбрый рубака временъ великаго Рамзеса, назвалъ „увеселительною поѣздкою".

Въ походы, предпринимаемые въ пустыню и далѣе въ Сирію, Ливію и Эѳіопію, властителя сопровождала лишь часть избранныхъ любимицъ въ завѣшанныхъ со всѣхъ сторонъ колесницахъ, охраняемыхъ евнухами; но на этотъ разъ не царица, оставшаяся дома, а жена верховнаго жреца присоединилась къ войскамъ и подала примѣръ другимъ знатнымъ женщинамъ. И, конечно, для многихъ было весьма заманчиво, не подвергаясь опасностямъ, испытать волненія военнаго времени.

Съ часъ тому назадъ Казана изумила своимъ появленіемъ супругу Баи, такъ какъ еще вчера молодую вдову не могли убѣдить чтобъ она послѣдовала за войсками. Повинуясь какому-то вдохновенію, не спросясь у отца, собравшись такъ наскоро что съ нею не было даже необходимыхъ въ пути вещей, Казана присоединилась къ шествію войскъ, и повидимому притягивающею силою для нея сдѣлался человѣкъ котораго она до сихъ поръ избѣгала, хотя человѣкъ этотъ былъ не кто иной, какъ Сиптахъ, племянникъ царя.

Когда Казана проѣзжала мимо колодниковъ, князь стоялъ на колесницѣ, возлѣ прекрасной молодой женщины, на мѣстѣ

ея кормилицы, и шутя объяснялъ значеніе поднесенныхъ ей цвѣтовъ, а Казана утверждала, что цвѣты эти ни въ какомъ случаѣ не могли предназначаться ей, такъ какъ часъ съ четвертью тому назадъ она еще и не думала отправляться въ походъ. Но Сиптахъ увѣрялъ, что Аторы еще при восходѣ солнца сообщили ему, какое счастье ждетъ его, и выборъ каждаго цвѣтка доказываетъ справедливость его словъ.

Ихъ окружили нѣсколько молодыхъ придворныхъ, ушедшихъ впередъ отъ своихъ колесницъ, и присоединились къ ихъ болтовнѣ, вмѣстѣ съ веселою женой верховнаго жреца, которая сошла со своей большой дорожной колесницы и велѣла нести себя въ носилкахъ.

Отъ Іисуса ничто не ускользнуло изъ всего этого; когда онъ увидѣлъ, какъ весело и шаловливо Казана ударила опахаломъ по рукѣ князя, о которомъ она такъ недавно вспоминала съ отвращеніемъ, его чело омрачилось, и онъ спрашивалъ себя, неужели молодая женщина лишь дерзко смѣялась надъ его несчастьемъ.

Но тутъ приставъ ссыльныхъ замѣтилъ кудри на вискахъ Сиптаха, что́ служило отличительнымъ признакомъ принадлежности къ царскому дому, и громкія восклицанія пристава „Благоденствуй, благоденствуй!“ къ которымъ присоединились также стражники и ссыльные, были услышаны Казаною и ея спутниками. Они взглянули на тамарисковую рощицу, откуда раздавались эти восклицанія, и тогда Іисусъ замѣтилъ, какъ молодая женщина, поблѣднѣвъ, быстрымъ движеніемъ указала на ссыльныхъ. Вѣроятно она что-то приказывала Сиптаху, потому что сначала онъ съ неудовольствіемъ пожалъ плечами, но потомъ, послѣ довольно продолжительнаго, то шуточнаго, то дѣловаго разговора съ нею, соскочилъ съ колесницы и знакомъ подозвалъ къ себѣ пристава ссыльныхъ.

— Видѣли-ли эти люди, закричалъ онъ съ дороги такъ громко, что Казана могла его слышать,—видѣли-ли эти люди ликъ Добраго Бога, Властителя обоихъ міровъ?

На нерѣшительный отвѣтъ пристава, онъ продолжалъ высокомѣрно:

— Все равно! За-то они видѣли мои черты и черты прекраснѣйшей изъ женщинъ. Если колодники вслѣдствіе этого надѣются на милость, то они правы. Ты знаешь, кто я. Расковать колодниковъ!

Онъ сдѣлалъ знакъ приставу и добавилъ вполголоса:

— Тѣмъ не менѣе, смотри въ оба! Вонъ этого, что въ кустахъ, бывшаго военачальника Осію, я не долюбливаю. По возвращеніи, явись ко мнѣ и доложи о немъ. Чѣмъ безгласнѣе онъ станетъ, тѣмъ глубже я запущу руку въ кошель. Понялъ?

Начальникъ поклонился и подумалъ:

„Постараюсь, князь, но постараюсь также и о томъ, чтобы никто не могъ посягнуть на жизнь моихъ кротовъ. Чѣмъ выше эти господа, тѣмъ кровожаднѣе и диковиннѣе ихъ желанія! Ужь сколькіе приходили ко мнѣ съ такими предложеніями! Вотъ и этотъ! Снимаетъ бѣднымъ малымъ кандалы, а мнѣ хочетъ отягчить душу безчестнымъ убійствомъ. Не на такого напалъ, Сиптахъ!“

— Эй, Гэтеръ, давай мѣшокъ съ кузнечнымъ наборомъ и снять съ кротовъ цѣпи!

Пока на песчаномъ придорожномъ холмѣ визжали пилы, колодники освобождались отъ ножныхъ кандаловъ и затѣмъ, ради безопасности, каждому поодиночкѣ связывались руки, войска фараона продолжали идти мимо.

Казана приказала князю Сиптаху освободить несчастныхъ, влекомыхъ на страданія, отъ цѣпей, и при этомъ открыто созналась, что ее возмущаетъ жестокое униженіе военачальника, который такъ часто бывалъ гостемъ въ ея домѣ. Жена

верховнаго жреца поддержала ея желаніе, и князь долженъ былъ уступить.

Іисусъ зналъ, кому онъ и Ефремъ обязаны этой милостью—и принялъ ее съ благодарностью.

Съ ногъ его сняли излишнюю тяжесть, но душу его все тяжелѣе давила тревога и безпокойство:

Войскъ, проходившихъ теперь мимо, хватило бы ему, чтобы уничтожить до послѣдняго человѣка вдесятеро бо̀льшія силы, чѣмъ ополченіе его единоплеменниковъ. Его народъ, отецъ, Маріамь, хотя и причинившая ему страданія, но тѣмъ не менѣе указавшая ему тотъ путь, который онъ еще въ темницѣ признавалъ единственно вѣрнымъ, — всѣ они несомнѣнно обречены избіенію. Какъ ни великъ Богъ, о величіи Котораго такъ пламенно говорила ему пророчица, и на Котораго онъ самъ научился взирать съ благочестивымъ восторгомъ, но при натискѣ такого войска, необученныя и плохо вооруженныя толпы пастуховъ должны несомнѣнно и безповоротно погибнуть. Эта увѣренность, все болѣе подтверждавшаяся съ каждымъ проходившимъ отрядомъ, глубоко терзала душу Іисуса. Никогда еще онъ не испытывалъ такой жгучей боли, которая все усиливалась, по мѣрѣ того, какъ онъ различалъ знакомыя лица такъ недавно подчиненныхъ ему тысячъ, которыми теперь начальствовалъ другой, а шли они на этотъ разъ затѣмъ, чтобы уничтожить его единокровныхъ. Все это тяжело было видѣть, да къ тому же и состояніе Ефрема внушало опасенія; со времени появленія Казаны, ея заступничества за него и другихъ товарищей по несчастію, юноша снова замолкъ и растерянными глазами смотрѣлъ вдаль или вслѣдъ войску.

Когда мальчика освободили отъ оковъ, Іисусъ спросилъ его потихоньку, не рвется-ли онъ душою поскорѣе къ своимъ, чтобы помочь имъ въ борьбѣ противъ такихъ силъ. Но Ефремъ отвѣтилъ только:

— Противъ такихъ войскъ имъ все равно придется положить оружіе. Чего намъ недоставало до ухода? Ты былъ такой-же еврей, какъ и они, а между тѣмъ сталъ среди египтянъ знатнымъ полководцемъ, пока не послѣдовалъ призыву Маріами. Я бы на твоемъ мѣстѣ не такъ поступилъ.

— А какъ-же? сурово спросилъ Іисусъ.

— Какъ? повторилъ юноша, и весь пылъ его молодой души пробился наружу. — Какъ? Я бы остался тамъ гдѣ честь и слава и все прекрасное. Величайшимъ изъ великихъ міра, счастливѣйшимъ изъ счастливцевъ могъ бы ты сдѣлаться,—я знаю это; но ты рѣшилъ иначе.

— Потому что этого требовалъ долгъ, возразилъ Іисусъ строгимъ голосомъ, — потому что отнынѣ я хочу служить только народу, среди котораго я родился.

— Народу? съ презрѣніемъ переспросилъ юноша. — Я знаю его, этотъ народъ, и ты самъ видѣлъ его недавно въ Сокхоѳѣ. Бѣдняки—пропащая голь, которая гнетъ спину подъ палкой; а состоятельные ничего знать не хотятъ, кромѣ своихъ стадъ, да еще ссоръ между собою, если они принадлежатъ къ вождямъ колѣнъ. Ничто ласкающее глазъ и сердце недоступно имъ. Меня считаютъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ, а между тѣмъ я съ ужасомъ думаю объ унаслѣдованномъ мною отцовскомъ домѣ, хотя онъ одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ. Кто видѣлъ лучшее, тотъ и глядѣть на это не станетъ.

На челѣ Іисуса напряглись жилы и онъ принялся, въ гнѣвныхъ выраженіяхъ, упрекать мальчика за то, что тотъ отрекается отъ своего племени и предательски измѣняетъ своему народу.

Но тутъ, услышавъ громкій голосъ Іисуса, приставъ приказалъ ему молчать, и приказаніе это было видимо пріятно своенравному юношѣ. Когда, на дальнѣйшемъ пути, дядя съ

упрекомъ глядѣлъ ему въ лицо или спрашивалъ, бодумалъ-ли мальчикъ его слова, Ефремъ съ неудовольствіемъ отворачивался и упорно молчалъ до тѣхъ поръ, когда на небосклонѣ затеплилась первая звѣзда, шествіе остановилось на ночлегъ подъ открытымъ небомъ и колодникамъ роздали ихъ скудную пищу.

Тогда Іисусъ вырылъ себѣ руками въ пескѣ ямку для ночевки и заботливо помогъ отроку сдѣлать то же самое.

Ефремъ молча принималъ услуги дяди; но когда они улеглись рядомъ и послѣдній заговорилъ о Богѣ своего народа, на Чью помощь они должны уповать, чтобы не поддаться въ рудникахъ мрачному отчаянію, юноша перебилъ его тихо, но съ злобною рѣшимостью:

— Живымъ они не притащатъ меня въ рудники! Лучше умереть на побѣгѣ, чѣмъ сгинуть тамъ медленною смертью.

Іисусъ шепотомъ сталъ увѣщевать его и снова указалъ на его обязанности къ народу; мальчикъ просилъ оставить его въ покоѣ. Однако, черезъ нѣсколько времени, онъ толкнулъ дядю и тихо спросилъ:

— Чтó они тамъ замышляютъ съ княземъ Сиптахомъ?

— Не знаю, врядъ-ли что-нибудь хорошее.

— А гдѣ-же Аарсу, сиринъ, что начальствуетъ надъ азіатскими наемниками? Твой врагъ, который съ такимъ злобнымъ усердіемъ стерегъ насъ? Я не видалъ его среди войска.

— Онъ остался со своими отрядами въ Танисѣ.

— Охранять дворецъ?

— Да, конечно.

— Значитъ, у него много войска и фараонъ довѣряетъ ему?

— Вполнѣ; хотя онъ врядъ-ли этого заслуживаетъ.

— А между тѣмъ, онъ—сиринъ, значитъ нашъ по крови?

— По крайней мѣрѣ по наружности и по языку онъ ближе къ намъ, чѣмъ къ египтянамъ.

— Я бы самъ принялъ его за одного изъ нашихъ. А между тѣмъ, онъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ войскахъ, какъ и ты прежде?

— Мало-ли сиріянъ и ливійцевъ начальствующихъ и надъ бо̀льшими отрядами. А глашатай Бенъ Мецана, одинъ изъ знатнѣйшихъ придворныхъ — египтяне называютъ его Рамзесомъ въ святилищѣ Ра — тоже сынъ еврея.

— И имъ не ставятъ въ вину ихъ происхожденія?

— Было-бы несправедливо утверждать это. Но къ чему такіе вопросы?

— Мнѣ не спится.

— И потому тебѣ приходятъ эти мысли? Нѣтъ, у тебя есть что-то на умѣ, и мнѣ будетъ очень больно, если я не ошибусь. Ты хочешь поступить на службу фараона?

Нѣкоторое время оба молчали. Потомъ Ефремъ заговорилъ снова, и хотя онъ обращался къ Іисусу, но скорѣе казалось, что онъ говоритъ самъ съ собою:

— Они уничтожатъ нашихъ, а тѣхъ кто останется въ живыхъ—ждетъ рабство и позоръ. Домъ мой уже разрушенъ; ни одной головы моего великолѣпнаго скота не уцѣлѣетъ, а унаслѣдованное мною серебро и золото, котораго, говорятъ, такъ много, они увезутъ съ собой. Оно осталось на сохраненіи у твоего отца и станетъ добычею египтянъ. Неужели я, получивъ свободу, долженъ мириться съ жестокимъ обращеніемъ и подставлять спину свою подъ удары?

Іисусъ съ жаромъ прошепталъ ему:

— Ты долженъ молить Бога отцовъ своихъ, чтобы Онъ защитилъ и охранилъ твой народъ. Если-же Всевышній судилъ намъ погибель, будь мужемъ и научись ненавидѣть всѣми силами юной души тѣхъ, чья пята раздавила твоихъ единоплеменниковъ. Бѣги къ сирійцамъ, предложи имъ свою сильную, юношескую руку и не знай отдыха и покоя, пока не

отомстишь тѣмъ, кто пролилъ кровь твоего народа и тебя самого, неповиннаго, заковалъ въ цѣпи.

Снова все замолкло на нѣкоторое время, лишь глухіе, тихіе стоны раздавались съ ложа Ефрема; но вотъ опять послышался его тихій шепотъ:

— Вотъ, напримѣръ, насъ не отягощаютъ болѣе цѣпи; неужели я долженъ ненавидѣть ту, которая освободила насъ отъ нихъ?

— Будь благодаренъ Казанѣ, послышался тихій отвѣтъ,— и ненавидь ея единоплеменниковъ.

Юноша промолчалъ, но Іисусъ слышалъ, какъ онъ мечется на своемъ ложѣ, тяжело дыша и глубоко вздыхая.

Полночь минула, мѣсяцъ высоко стоялъ на небѣ, а бодрствующій колодникъ не переставалъ прислушиваться къ движеніямъ своего юнаго товарища. Но тотъ молчалъ, хотя сонъ бѣжалъ и его. Однако съ его ложа слышалось что-то въ родѣ скрипа зубовъ. Не мыши-ли забрели въ пустынную мѣстность, поросшую желтою сухою травой, среди солончаковъ и безплодныхъ пустырей, и теперь грызутъ черствый хлѣбъ колодниковъ?

Однихъ этихъ скрипящихъ звуковъ было уже достаточно, чтобы прогнать сонъ; но Іисусъ и не хотѣлъ спать; онъ все еще надѣялся открыть глаза ослѣпленному. Однако юноша не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

Наконецъ Іисусъ изловчился было нащупать плечо племянника; но тотчасъ-же оставилъ свое намѣреніе, увидѣвъ, при свѣтѣ луны, что Ефремъ поднимаетъ руку, тогда какъ на ночь всѣмъ плѣнникамъ руки были связаны накрѣпко.

Іисусъ понялъ, что скрипъ происходилъ отъ острыхъ зубовъ юноши, перегрызавшихъ веревки. Онъ приподнялся и взглянулъ на небо, потомъ вокругъ себя.

Затаивъ дыханіе, слѣдилъ онъ за движеніями мальчика и

сердце его тревожно билось. Ефремъ помышлялъ о бѣгствѣ, и первый шагъ къ освобожденію уже сдѣланъ! Дай Богъ, чтобы и послѣдующіе удались ему! Но Іисусъ боялся, что бѣглецъ изберетъ не тотъ путь. Этотъ отрокъ—единственный сынъ его любимой покойной сестры, круглый сирота, никогда не знавшій тѣхъ совѣтовъ и указаній, которые можетъ дать только мать и которые упрямый, молодой умъ готовъ принять только отъ матери. Чужія руки подвязывали молодое деревцо къ подпоркѣ и если оно выросло прямымъ и стройнымъ, то материнская любовь не облагородила его добрыми прививками. Мальчикъ росъ не у роднаго очага, столь необходимаго для юности. Что-жь удивительнаго, если онъ чувствовалъ себя чужакомъ среди своихъ?

Подъ вліяніемъ такихъ размышленій, Іисусъ ощутилъ глубокую жалость къ мальчику вмѣстѣ съ сознаніемъ нѣкоторой виновности передъ нимъ; ибо не ради-ли его, не ради-ли порученія къ нему, Іисусу, юношу постигли столь великія бѣдствія? И потому, несмотря на все свое желаніе еще разъ предостеречь юношу отъ измѣны и нарушенія долга, онъ не рѣшался на это, боясь помѣшать его замысламъ. Каждый звукъ могъ привлечь вниманіе стражниковъ. Іисусъ уже съ такимъ участіемъ слѣдилъ за приготовленіями къ побѣгу, какъ будто мальчикъ началъ ихъ по его приказанію.

Поэтому, вмѣсто всякихъ предостереженій, онъ сталъ высматривать за племянника всю окрестность, хорошо зная, что добрые совѣты очень рѣдко достигаютъ цѣли и только жизненный опытъ способенъ давать неотразимыя наставленія.

Вскорѣ опытный взглядъ полководца указалъ ему путь, на которомъ Ефремъ, при удачѣ, могъ бы скрыться отъ преслѣдованія.

Онъ потихоньку окликнулъ племянника и въ отвѣтъ тотчасъ-же раздался шепотъ:

— Я развяжу и тебѣ веревки, только протяни ко мнѣ руки. Мои уже свободны!

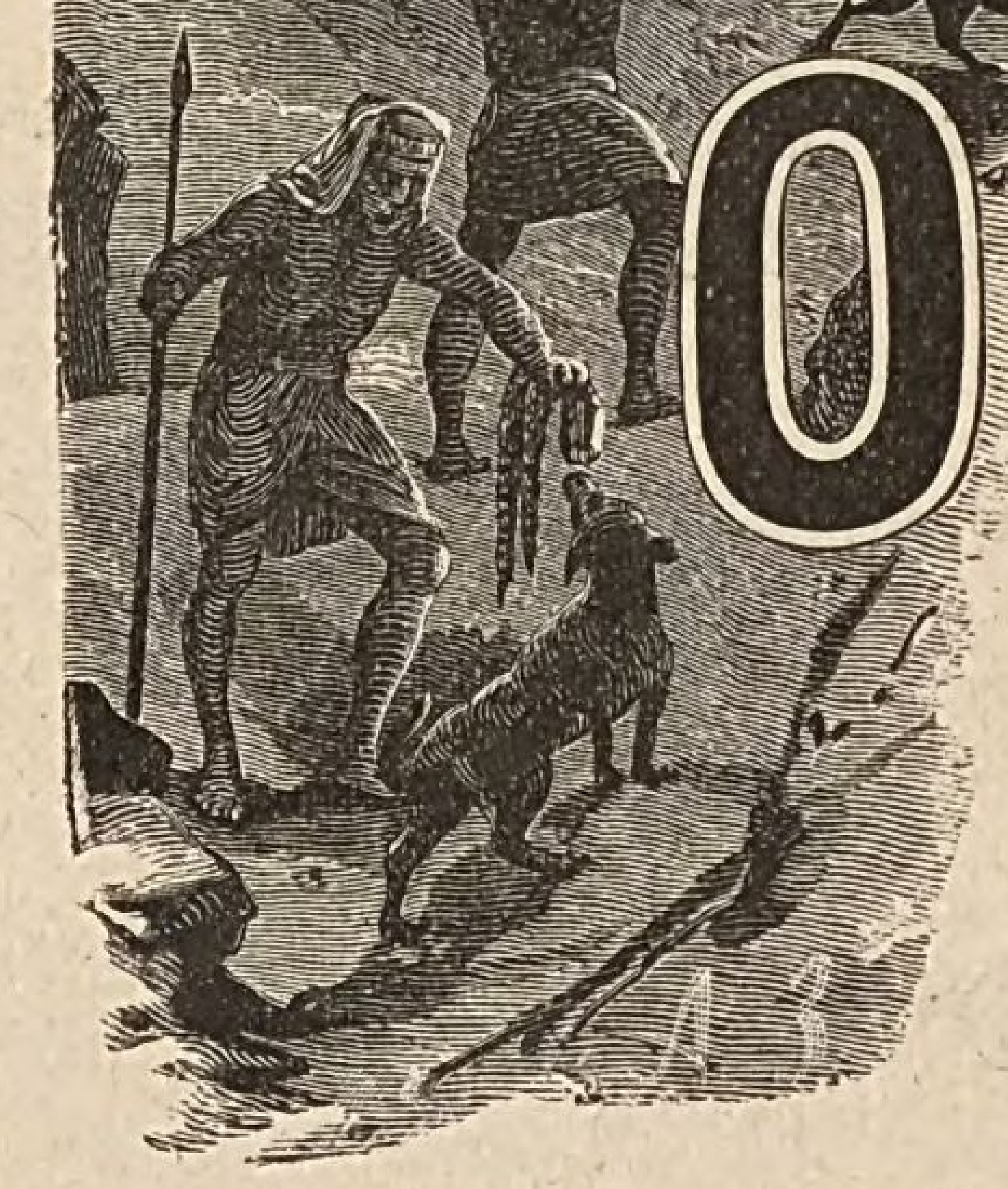
Напряженныя черты Інсуса просіяли.

Этотъ упрямый юноша все-таки славный малый; онъ подвергалъ опасности свое предпріятіе, чтобы спасти того, кто, освободившись, навѣрное постарается закрыть ему тотъ путь, на которомъ онъ, въ своемъ юношескомъ увлеченіи, надѣялся найти счастье.

Роды оружія въ египетской арміи на древнѣйшихъ памятникахъ. [1])

[1]) 1. Тяжело-вооруженный. 2. Пращникъ. 3. Легко-вооруженный. 4. Стрѣлокъ. 5. Боевая колесница. 6. Трубачъ.

Побѣгъ Ефрема.

Глава XIX.

Осмотрѣвшись внимательно кругомъ, Іисусъ убѣдился, что на небѣ еще не стемнѣло, но если продержится поднявшійся съ моря сѣверный вѣтеръ, онъ нагонитъ тучи, которыя закроютъ мѣсяцъ.

Стало душно. Стража однако не смыкала глазъ и правильно смѣнялась. Трудно было обмануть ея бдительность. Но рядомъ съ ложемъ Ефрема, которое дядя его, для бо́льшаго удобства, устроилъ на легкомъ скатѣ холма, начиналось и шло къ долинѣ узкое ущелье. Облитые луннымъ свѣтомъ, обнаженные края его бѣлѣли гипсомъ и сверкали жилками слюды. Ущелье примыкало къ солончаковому болоту, окаймленному высокимъ хвощемъ и взъеро-

шеннымъ кустарникомъ. Еслибъ ловкому юношѣ удалось незамѣтно пробраться ущельемъ и затѣмъ сползти къ солончаку, — побѣгъ, особенно подъ прикрытіемъ тучъ, могъ бы удаться.

Убѣдясь въ этомъ, Іисусъ такъ же хладнокровно, какъ еслибъ дѣло шло не о собственномъ спасеніи, а просто объ указаніи пути одному изъ воиновъ нѣкогда состоявшей подъ его начальствомъ тысячи, обсудилъ, могъ-ли бы и онъ, съ развязанными руками, послѣдовать за Ефремомъ, не подвергая опасности послѣдняго. Онъ принужденъ былъ сознаться, что нѣтъ. Стражникъ на вершинѣ холма, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, то сидѣлъ, то ходилъ взадъ и впередъ. Онъ, при свѣтѣ луны, легко могъ бы замѣтить усилія юноши освободить Іисуса отъ путъ. Облако, которое въ этотъ мигъ набѣгало на мѣсяцъ, могло разсѣяться прежде чѣмъ юноша окончитъ эту работу. Такимъ образомъ Ефремъ подвергался опасности упустить, можетъ-быть единственную, удобную для побѣга минуту. Было бы преступно и достойно презрѣнія, ради невѣрной надежды на собственное избавленіе, преградить путь къ свободѣ тому, чьимъ естественнымъ покровителемъ онъ былъ. Іисусъ шепнулъ Ефрему:

— Мнѣ нельзя съ тобой бѣжать. Ты же сползи по ущелью къ солончаку. Какъ только тучи закроютъ мѣсяцъ, я кашляну—и ты бѣги. Въ случаѣ удачи, спѣши къ нашему народу Кланяйся моему престарѣлому отцу; снеси ему мои увѣренія въ любви и преданности и увѣдомь его, куда меня ведутъ. Слушайся его и Маріами: ихъ совѣты лучшіе. Смотри, облако приближается къ мѣсяцу. Ни слова больше.

Но Ефремъ не унимался и все еще шепотомъ просилъ его протянуть къ нему связанныя руки, чтобы онъ могъ ихъ развязать. Іисусъ приказалъ ему молчать. Стражникъ наверху вступилъ въ разговоръ съ другимъ, пришедшимъ къ не-

му на смѣну. Іисусъ закашлялъ, а потомъ напряженно, притаивъ дыханіе, съ сильно бьющимся сердцемъ сталъ прислушиваться.

Онъ уловилъ легкій шорохъ, а огонь, пылавшій на вершинѣ холма, разведенный и поддерживаемый стражей для удаленія дикихъ звѣрей, вспыхнувъ, показалъ ему опустѣвшее ложе Ефрема.

Онъ съ облегченіемъ перевелъ духъ: ущелье, безъ сомнѣнія, приняло юношу въ свои нѣдра. Но потомъ, какъ ни настораживалъ онъ ухо, чтобъ уловить еще какой-нибудь звукъ, онъ ничего не слышалъ, кромѣ шаговъ и голоса стражника.

Смыслъ рѣчи послѣдняго, однако, для него пропадалъ: все вниманіе его было поглощено бѣглецомъ. Какъ проворно и осторожно должно-быть подвигался ловкій юноша! Но онъ еще не показывался изъ ущелья. Мѣсяцъ, тѣмъ временемъ, побѣдоносно боролся съ облакомъ. Его серебристый кругъ выглянулъ изъ-за скрывавшей его темной завѣсы, и трепетный столбъ свѣта заигралъ на неподвижной поверхности солончака. Іисусъ, напряженно за всѣмъ слѣдившій, могъ теперь разглядѣть, что̀ тамъ дѣлалось: но онъ не видѣлъ ничего, похожаго на человѣческій образъ.

Не наткнулся-ли бѣглецъ въ ущельѣ на какое-нибудь препятствіе — на груду камней, или на пропасть, которая поглотила его? При этой мысли у Іисуса замирало сердце.

Какъ жадно ловилъ онъ малѣйшій шорохъ со стороны ущелья! Ничего! Царившее тамъ безмолвіе ужасало его. Но вотъ... О, лучше-бъ это безмолвіе вовсе не нарушалось! Ночной воздухъ внезапно огласился грохотомъ падающихъ камней и шуршаніемъ обваливающейся земли. Когда мѣсяцъ снова выглянулъ изъ-за облачной завѣсы, Іисусъ разглядѣлъ внизу, у болота, живое существо, которое можно было одинаково

принять за звѣря и за человѣка: оно ползло на четверенькахъ. Вдругъ вода въ болотѣ всколыхнулась и разсыпалась блестками. Что-то съ берега прыгнуло въ болото. Мѣсяцъ скрылся за новымъ облакомъ и все погрузилось во мракъ.

Съ трудомъ переводя духъ, Іисусъ подумалъ, что то былъ Ефремъ. Юноша, во всякомъ случаѣ, уже успѣлъ намного опередить погоню, которая теперь, безъ сомнѣнія, будетъ за нимъ послана.

Стража дѣйствительно не дремала и не далась больше въ обманъ, когда Іисусъ сдѣлалъ еще попытку отвлечь ея вниманіе, громко крикнувъ: „Шакалъ!“ Раздался пронзительный свистъ, который мгновенно поднялъ на ноги всѣхъ спавшихъ. Мигъ спустя, приставъ съ горящею лучиной стоялъ надъ Іисусомъ и тревожно заглядывалъ ему въ лицо. Увидя его на мѣстѣ, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Не напрасно же онъ его передъ тѣмъ такъ крѣпко связалъ: убѣги именно этотъ узникъ—не сдобровать бы ему самому.

Пока приставъ осматривалъ веревки на рукахъ колодника, свѣтъ лучины упалъ на опустѣвшее ложе Ефрема. Тамъ, какъ бы въ насмѣшку, еще валялись концы перегрызенныхъ веревокъ. Приставъ схватилъ ихъ, швырнулъ въ ноги Іисусу, далъ пронзительный свистокъ и, что̀ было мочи, крикнулъ:

— Бѣжалъ! Еврей! Курчавый малецъ!

Оставивъ въ покоѣ Іисуса, онъ принялся снаряжать погоню. Хриплымъ отъ гнѣва голосомъ раздавалъ онъ приказанія, которымъ другіе молча и быстро повиновались.

Одни изъ стражниковъ торопливо собирали въ кучу, пересчитывали и связывали попарно колодниковъ. Другіе, съ начальникомъ во главѣ, спускали собакъ на слѣдъ бѣглеца и готовились сами за ними слѣдовать.

На глазахъ у Іисуса, понятливыя животныя, обнюхавъ ло-

же и веревки Ефрема, со всѣхъ ногъ бросились въ ущелье. Съ трудомъ переводя дыханіе, видѣлъ онъ потомъ, какъ, пробывъ довольно долго въ ущельѣ, онѣ оттуда выскочили и понеслись по направленію къ солончаку. Счастливая мысль внушила Ефрему не огибать болота по землѣ, а перебраться черезъ него въ бродъ. На берегу собаки потеряли слѣдъ. Прошло нѣсколько минутъ, пока онѣ, усердно нюхая землю, сновали взадъ и впередъ около болота. Наконецъ раздался ихъ радостный лай: онѣ опять напали на слѣдъ. Но Іисусъ уже не боялся худыхъ послѣдствій. Ефремъ конечно теперь уже настолько опередилъ погоню, что его можно было считать въ безопасности. Тѣмъ не менѣе у храбраго воина сильно билось сердце и время казалось ему безконечно длиннымъ, пока не вернулся приставъ — ни съ чѣмъ и въ полномъ изнеможеніи.

Уже не молодыхъ лѣтъ, приставъ конечно не разсчитывалъ самъ словить быстроногаго юношу. Но въ погоню были посланы еще двое младшихъ, ловкихъ и проворныхъ стражниковъ. Самъ приставъ объявилъ о томъ со злою усмѣшкой.

Дотолѣ добродушный, человѣкъ этотъ совсѣмъ измѣнился. Происшествіе это казалось ему нестерпимымъ позоромъ, несчастіемъ.

Колодникъ, пытавшійся обмануть стражу крикомъ: „Шакалъ!“ конечно, помогалъ бѣглецу! Не мало проклятій выпало и на долю принца Ситаха, который ни съ того, ни съ сего вздумалъ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Нѣтъ, онъ, приставъ, никогда больше этого не допуститъ и теперь выместитъ на узникахъ всѣ непріятности, какія могутъ постигнуть его по милости Ефрема. Онъ приказалъ снова заковать преступниковъ попарно, и бывшаго военачальника соединилъ съ дряхлымъ старикомъ, который сильно кашлялъ. Кромѣ того, выстроивъ

колодниковъ въ рядъ, онъ до зари заставилъ ихъ неподвижно стоять передъ огнемъ.

Іисусъ не въ состояніи былъ отвѣчать на разспросы своего новаго товарища по цѣпи. Онъ съ тревогой ожидалъ возвращенія тѣхъ, которые еще продолжали погоню за Ефремомъ. Онъ возносился духомъ къ Богу, Который обѣщалъ ему Свою помощь. Онъ отдавалъ въ руки Всевышняго судьбу свою и убѣжавшаго юноши. Но молитва его часто прерывалась грубыми нападками пристава, вымещавшаго на немъ свою злобу.

Мужъ, нѣкогда стоявшій во главѣ тысячъ, переносилъ все молча. Онъ старался принимать сыпавшуюся на него брань, какъ неотвратимое зло, въ родѣ града или дождя. Но всего больше труда стоило ему скрыть радость, охватившую его, когда на зарѣ вернулись младшіе стражники, измученные, запыхавшіеся, со всклоченными волосами и съ пустыми руками — если не считать одной изъ собакъ, которую принесли съ раздробленнымъ черепомъ.

Приставу ничего больше не оставалось, какъ направиться къ ближайшей изъ крѣпостей на укрѣпленной линіи Эѳама, которая и безъ того лежала на пути колодниковъ, и заявить тамъ о случившемся.

Послѣ Ефремова побѣга, грубостямъ и жестокостямъ стражниковъ не было конца. Наканунѣ еще приставъ предоставлялъ несчастнымъ идти спокойнымъ, ровнымъ шагомъ; сегодня же заставляли ихъ непосильно торопиться. Воздухъ былъ душный. Жгучіе лучи солнца боролись съ грозными тучами, которыя тяжелыми клубами надвигались съ сѣвера.

Мощное тѣло Іисуса, привыкшее къ разнаго рода тягостямъ и лишеніямъ, безъ труда выносило муки ускоренной ходьбы. За то слабый товарищъ его, посѣдѣвшій за писцовыми книгами, то и дѣло выбивался изъ силъ и наконецъ совсѣмъ свалился.

Приставъ былъ вынужденъ посадить несчастнаго на осла и сковать Іисуса съ другимъ преступникомъ. Этотъ новый товарищъ бывшаго военачальника оказался братомъ старика. Сильный и крѣпкій египтянинъ, онъ былъ осужденъ на каторгу за то только, что, по несчастной случайности, состоялъ въ кровномъ родствѣ съ однимъ изъ государственныхъ преступниковъ.

Съ этимъ бодрымъ и свѣжимъ товарищемъ легче было идти. Іисусъ съ участіемъ слушалъ его довѣрчивый шепотъ. Египтянинъ повѣрялъ ему свое горе, сѣтовалъ на разлуку съ женой и дѣтьми, которыхъ оставилъ въ нуждѣ и отчаяніи. Два сына умерли у него отъ моровой язвы, и онъ глубоко скорбѣлъ о томъ, что не успѣлъ похоронить ихъ какъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ онъ терялъ своихъ любимцевъ не только въ жизни, но и въ вѣчности.

На второмъ привалѣ огорченный отецъ заговорилъ еще откровеннѣе. Душа его была переполнена жаждой мести. Онъ полагалъ, что то же чувство должно воодушевлять и его товарища по несчастію, строгая, благородная наружность котораго обличала человѣка занимавшаго нѣкогда высокое положеніе. У бывшаго смотрителя царскихъ конюшенъ была свояченица въ числѣ любимицъ фараона. Отъ нея и отъ сестры ея, своей собственной жены, онъ слышалъ, что во „дворцѣ затворницъ“ [1]) затѣвается противъ фараона заговоръ. Онъ даже знаетъ, кѣмъ именно хотятъ эти женщины замѣнить Менефту.

Когда же Іисусъ недовѣрчиво и вопросительно посмотрѣлъ на него, смотритель шепотомъ продолжалъ:

— Во главѣ заговора—племянникъ фараона, Сиптахъ, и его высокопоставленная мать. Получивъ свободу, я и тебя не забуду. Меня же, конечно, не забудетъ моя свояченица.

1) Гаремъ нынѣшнихъ египетскихъ мусульманъ.

Затѣмъ онъ пожелалъ узнать, что было причиной несчастья его товарища. Іисусъ откровенно сказалъ ему, кто онъ. Египтянинъ внезапно воспылалъ негодованіемъ и сталъ проклинать судьбу, осудившую его на столь тѣсное товарищество съ евреемъ. Гнѣвъ его, однако, скоро стихъ, подавленный самообладаніемъ, съ какимъ этотъ еврей переносилъ всѣ испытанія. Іисусъ же радъ былъ, что смотритель царскихъ конюшенъ наконецъ оставилъ его въ покоѣ и пересталъ осаждать его жалобами и разспросами.

Теперь онъ цѣлыми часами могъ безпрепятственно отдаваться собственнымъ мыслямъ. Онъ приводилъ въ порядокъ ощущенія и чувства, вызванныя въ немъ послѣдними событіями, и старался овладѣть собой и своимъ положеніемъ въ новыхъ, тяжелыхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ очутился.

Спокойное размышленіе и углубленіе въ самого себя принесло ему пользу. Всю слѣдующую ночь онъ спалъ крѣпкимъ, освѣжающимъ сномъ.

Когда онъ проснулся, звѣзды еще слабо мерцали на небѣ. Ему невольно вспомнилась смоковница въ Сокхоѳѣ. Онъ опять пережилъ то печальное утро, когда навсегда лишился своей возлюбленной—той, которая обратила его къ Богу и къ своему народу. Надъ нимъ разстилался свѣтлый небосклонъ, и никогда еще не ощущалъ Іисусъ такъ ясно близости Всевышняго. Онъ думалъ о Его безконечномъ могуществѣ и въ немъ впервые зародилась надежда, что Всевышній Творецъ неба и земли, конечно, найдетъ способъ защитить Свой народъ отъ десятитысячной египетской рати.

Іисусъ пламенно молилъ Господа, чтобы Онъ простеръ десницу Свою надъ безпомощнымъ народомъ, который, повинуясь Его волѣ, покинулъ свои пепелища и съ вѣрою устремился въ неизвѣстную даль. Молился онъ и о престарѣ-

ломъ своемъ отцѣ, котораго не могла уже защищать сыновняя рука. Молитва укрѣпила Іисуса, и въ душѣ его водворился миръ.

Оклики стражниковъ, зловѣщій звукъ цѣпей, видъ несчастныхъ товарищей, все, что̀ въ настоящее время окружало его, неизбѣжно должно было поддерживать въ немъ мысль объ ожидавшей его суровой долѣ. Онъ обреченъ отнынѣ на жизнь въ тѣсномъ, душномъ пространствѣ подъ землей, безъ воздуха и свѣта. Ему предстоитъ томиться голодомъ и жаждой, терпѣть оскорбленія и побои, влачить убійственно-однообразные дни и ночи. Ему грозила преждевременная старость въ цѣпяхъ и подневольномъ трудѣ. И не смотря на все это, Іисуса ни на мигъ не покидала увѣренность, что страшная участь минуетъ его, что явится неожиданная случайность, которая спасетъ его.

Когда на разсвѣтѣ колодниковъ погнали дальше въ путь по направленію къ востоку, Іисусъ видѣлъ всю несообразность своей увѣренности, но тѣмъ не менѣе ни за что̀ не хотѣлъ съ ней разстаться.

Путь ихъ лежалъ черезъ пустыню. Нѣсколько часовъ быстрой ходьбы привели ихъ къ первой крѣпости, которая называлась Твердыней Сети. Въ прозрачномъ воздухѣ пустыни она уже давно казалась имъ всего на разстояніи полета стрѣлы.

На обнаженной каменисто-песчаной почвѣ, гдѣ не росло ни пальмы, ни кустика, обнесенная частоколомъ, грозно высилась эта крѣпость съ ея валомъ, откосной стѣной, бойницей, широкою, плоскою крышей, на которой толпились вооруженные воины. Сюда было дано знать изъ Пиѳома, что евреи хотятъ пробиться черезъ рядъ крѣпостей на перешейкѣ, и приближающійся отрядъ колодниковъ первоначально былъ принятъ за передовое ополченіе переселенцевъ. По отвѣснымъ

стѣнамъ крѣпости со всѣхъ сторонъ выдавались выступы, въ видѣ вышекъ, съ которыхъ не давали непріятелю во время приступа приблизить къ стѣнѣ осадныя лѣстницы. На этихъ выступахъ воины, изъ-за зубцовъ, высматривали приближающихся. На этотъ разъ они очевидно успокоились: стрѣлки, уже державшіе наготовѣ стрѣлы, вложили ихъ обратно въ колчаны. Съ высоты башни успѣли замѣтить малочисленность приближавшагося отряда. Отъ послѣдняго отдѣлился посланный съ указомъ завѣдывавшаго оружейнымъ дворомъ фараона начальнику крѣпости: послѣдній уполномочивался дать свободный пропускъ колодникамъ.

Предъ ними растворились ворота и ихъ впустили за частоколъ, гдѣ приставъ предоставилъ имъ расположиться для отдыха на раскаленныхъ плитахъ, покрывавшихъ это пространство.

Побѣгъ отсюда былъ невозможенъ даже при ослабленномъ надзорѣ. Частоколъ здѣсь былъ почти неприступенъ. Но еслибъ смѣльчаку и удалось черезъ него перелѣзть, онъ, все равно, сдѣлался бы жертвою метательныхъ снарядовъ, дѣйствіе которыхъ было бы немедленно противъ него направлено съ крѣпостной крыши и изъ-за зубцовъ, вѣнчавшихъ стѣнные выступы.

Отъ привычныхъ глазъ бывшаго военачальника не ускользнуло, что въ крѣпости все было, какъ во время войны, готово къ оборонѣ. Всѣ воины были на своихъ мѣстахъ. У большаго мѣднаго щита на башнѣ стояла стража, съ тяжелой палицей наготовѣ, чтобы ударять въ этотъ щитъ, въ случаѣ приближенія непріятелей. Вокругъ, насколько глазъ могъ видѣть, нигдѣ не было ни дерева, ни зданія, но гулъ отъ ударовъ въ мѣдную доску доносился до ближайшей крѣпости на Эѳамской линіи и предупреждалъ ея отрядъ объ опасности или призывалъ на помощь.

Назначеніе на службу въ эту пустыню не считалось наказаніемъ, но было несчастіемъ, и военачальники обыкновенно заботились о томъ, чтобъ не держать тамъ слишкомъ долго однѣ и тѣ-же части войскъ.

Въ свое время Іисусъ тоже завѣдывалъ одною изъ такихъ крѣпостей на крайнемъ югѣ, которая называлась Южнымъ Мигдоломъ. Всѣ отдѣльныя крѣпости этого рода носили названіе Мигдола, что̀ на языкѣ семитовъ означаетъ крѣпостную башню.

Здѣсь все еще ожидали евреевъ. Нечего было и думать, чтобы Моисей повелъ народъ обратно въ Египетъ. Слѣдовательно, онъ или все еще оставался въ Сокхоѳѣ, или же двинулся дальше на югъ. Но тамъ было много соляныхъ озеръ и лежало Чермное море—какъ могли тысячи евреевъ переправиться черезъ ихъ глубокія воды?

При этихъ мысляхъ сердце Іисуса болѣзненно сжималось: всѣ его опасенія должны были осуществиться. Онъ слышалъ, какъ начальникъ крѣпости сообщилъ приставу, что евреи нѣсколько дней тому назадъ уже подходили близко къ чертѣ укрѣпленій, но потомъ вдругъ, не приступая къ осадѣ, круто повернули на югъ. Должно полагать, что они съ тѣхъ поръ скитаются въ пустынѣ, между Пиѳомомъ и Чермнымъ моремъ. Обо всемъ этомъ было доложено въ Танисъ, но царь приказалъ отложить выступленіе въ походъ египетскихъ войскъ до истеченія семи дней глубокой скорби по умершемъ наслѣдникѣ престола. Это могло быть на руку евреямъ. Но сегодня голубь принесъ письмо, съ извѣстіемъ, что ослѣпленные выходцы изъ Египта расположились лагеремъ у Пи-гахироѳа, по сосѣдству съ Чермнымъ моремъ. Такимъ образомъ египетскому войску не трудно будетъ ихъ, какъ стадо барановъ, загнать въ волны: всѣ другіе пути къ отступленію будутъ имъ отрѣзаны.

Приставъ съ удовольствіемъ слушалъ эти сообщенія. Онъ что-то шепнулъ на ухо начальнику крѣпости и указалъ пальцемъ на Іисуса. Послѣдній давно призналъ въ начальникѣ крѣпости одного изъ своихъ бывшихъ подчиненныхъ, сотника въ его тысячѣ, которому Іисусъ не разъ оказывалъ благодѣянія. Теперь онъ, въ своемъ бѣдственномъ положеніи, вовсе не желалъ обращать на себя вниманіе человѣка, который былъ ему многимъ обязанъ. Но тотъ, при взглядѣ на своего бывшаго военачальника, сильно покраснѣлъ и сдѣлалъ такое движеніе плечами, какъ будто-бы хотѣлъ выразить ему свое участіе, а въ то же время и свое безсиліе чѣмъ-нибудь помочь ему. Однако онъ сказалъ приставу такъ громко, что Іисусъ могъ его слышать:

— Законъ воспрещаетъ вступать въ разговоры съ государственными преступниками, но я зналъ этого человѣка въ лучшіе дни, я велю подать тебѣ вина, а ты—прошу тебя—раздѣли его съ нимъ.

Они разговаривая подошли къ воротамъ. Приставъ замѣтилъ, что Іисусъ меньше всѣхъ другихъ колодниковъ заслуживаетъ какого-либо снисхожденія: „вѣдь это онъ помогъ бѣжать молодому еврею!“

Начальникъ крѣпости провелъ рукой по волосамъ и сказалъ:

— Мнѣ хотѣлось удружить ему, хотя онъ мнѣ еще кое-что долженъ. Но въ такомъ случаѣ обойдемся и безъ вина: вы здѣсь и такъ уже слишкомъ долго отдыхали!

Приставъ съ досадой собралъ колодниковъ въ путь и погналъ ихъ дальше въ пустыню, по направленію къ рудникамъ.

На этотъ разъ Іисусъ шелъ съ поникшею головой. Онъ возмущался противъ судьбы, которая удерживала его здѣсь въ цѣпяхъ, въ то время какъ его народу и отцу грозила такая опасность. Подъ его водительствомъ, странники можетъ-быть

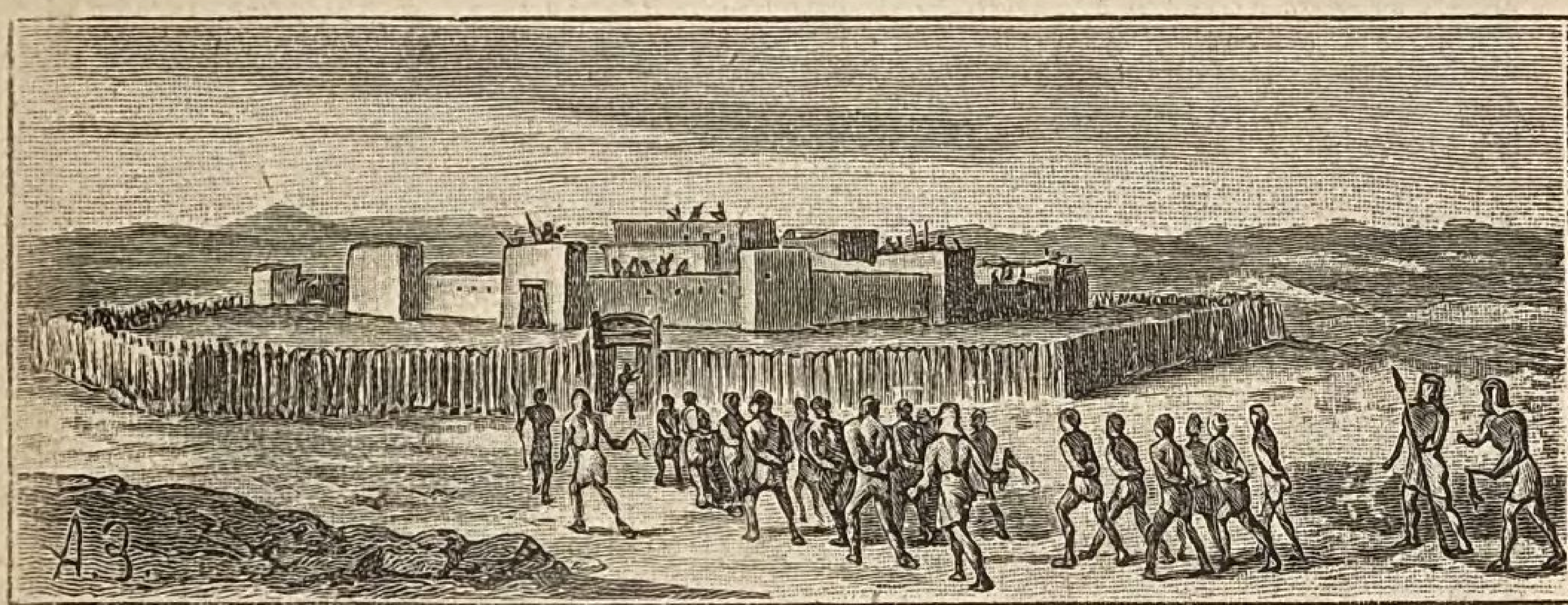
еще и нашли-бы какой-нибудь выходъ. Онъ терзался тѣмъ что узы тѣла мѣшали его духу подать помощь своимъ единокровнымъ. И все-таки онъ не хотѣлъ унывать. Онъ, правда, говорилъ себѣ, что все проиграно, что народъ его погибнетъ въ предстоящей борьбѣ. Но въ то же время, въ ушахъ его непрестанно звучало новое, Самимъ Богомъ данное ему имя, а въ сердцѣ его все сильнѣе разгорались ненависть и презрѣніе ко всему египетскому. Въ послѣднія мгновенія гнѣвъ его еще больше былъ возбужденъ недостойнымъ поведеніемъ съ нимъ начальника крѣпости. Его охватило сильное возбужденіе. Приставъ, замѣтивъ его пылающія щеки и мрачный блескъ его глазъ, подумалъ, что и этотъ силачъ не избѣгъ лихорадки, которою уже страдали многіе изъ колодниковъ.

Когда жалкій отрядъ ихъ, съ наступленіемъ сумерокъ, остановился на ночлегъ въ пустынѣ, Іисусъ съ трудомъ сдерживалъ свое волненіе. То, что̀ теперь вокругъ него дѣлалось, вполнѣ соотвѣтствовало настроенію его духа. Съ сѣвера, отъ моря, опять надвигались черныя тучи. Поднялся вѣтеръ. Порывы его, съ воемъ и свистомъ, вздымали клубы горячаго песку, которымъ и осыпали расположившихся на покой колодниковъ. Внезапно сверкнула молнія, загрохоталъ громъ и на землю бѣшено хлынули потоки дождя.

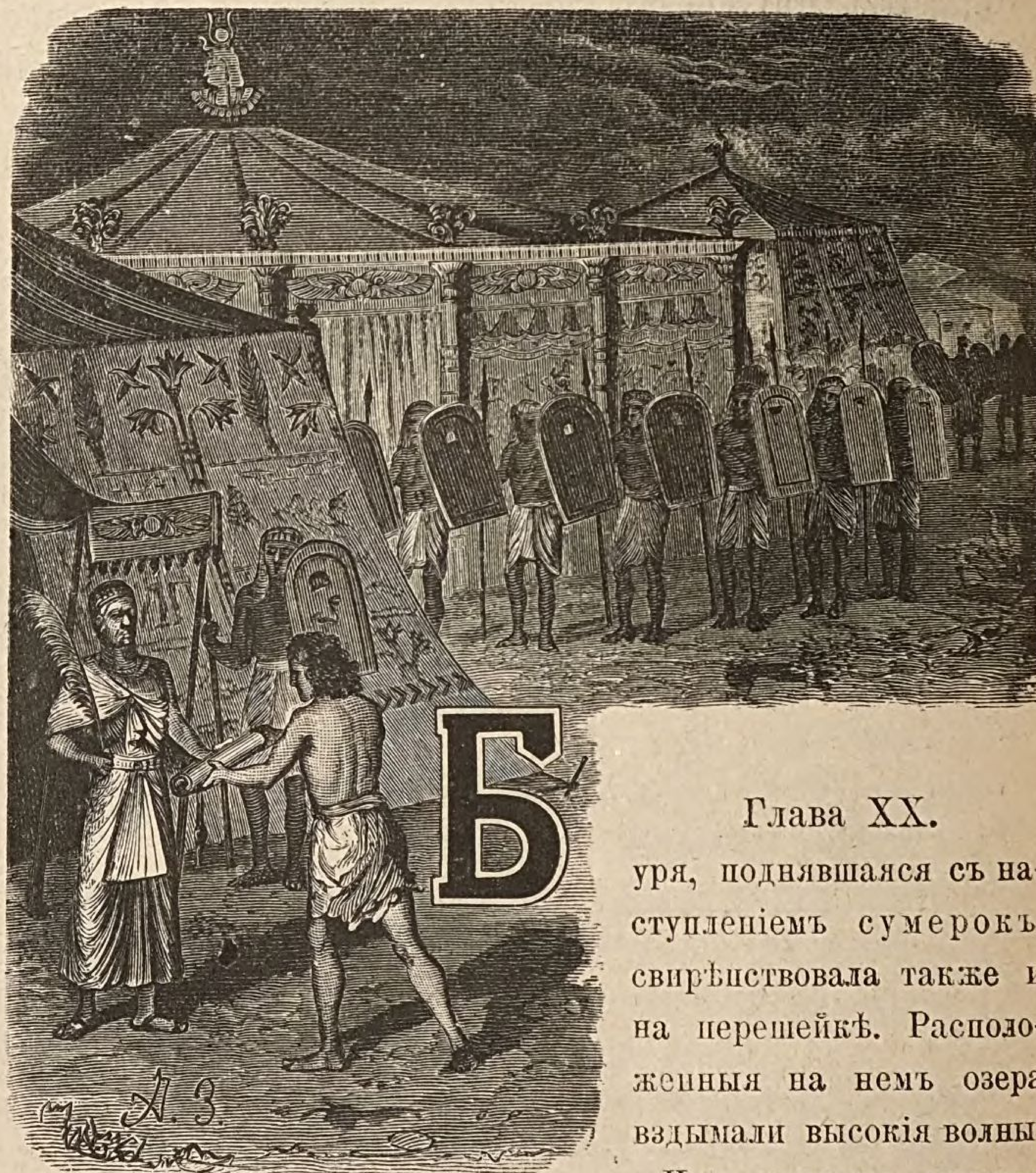
Сначала толстые слои пыли служили покровомъ несчастнымъ, потомъ ложа ихъ превратились въ пруды и озера. Стражники связали колодниковъ по рукамъ и ногамъ и, сами насквозь промокшіе и дрожащіе, придерживали ихъ еще за концы веревокъ. Ночь была чернѣе углей на залитомъ ливнемъ кострѣ: въ случаѣ побѣга, въ этомъ мракѣ, не было возможности преслѣдовать бѣглеца.

Но Іисусъ не помышлялъ о тайномъ побѣгѣ. Между тѣмъ какъ египтяне, при паденіи изъ тучъ ослѣпительнаго огня

молніи и при грохотѣ грома, принимаемомъ ими за голосъ Сета, трепетали и оглашали воздухъ стонами, онъ только ощущалъ близость разгнѣваннаго Бога и самъ раздѣлялъ Его гнѣвъ. Въ настоящемъ проявленіи Его всесокрушающаго могущества онъ видѣлъ знаменіе, и грудь его гордо вздымалась при мысли, что онъ призванъ служить мечомъ этому Сильнѣйшему изъ сильныхъ и Величайшему изъ великихъ.

Твердыня Сети.

Глава XX.

Буря, поднявшаяся съ наступленіемъ сумерокъ, свирѣпствовала также и на перешейкѣ. Расположенныя на немъ озера вздымали высокія волны, а Чермное море, которое на югѣ врѣзывается въ него бухтой, въ видѣ рожка улитки, сильно бурлило.

И дальше на сѣверъ, гдѣ фараоново войско недавно расположилось лагеремъ, подъ защитой Южнаго Мигдола — самой сильной изъ крѣпостей на линіи Эоама—въ воздухѣ тоже носился подгоняемый бурей песокъ. Въ станѣ царя и его

сановниковъ не переставалъ работать молотъ, вколачивая все глубже въ землю колья отъ шатровъ. Вихрь рвалъ и трепалъ шелковыя, шерстяныя и холщевыя ткани этихъ шатровъ и грозилъ повалить колья, поддерживавшіе походныя жилища царя и его приближенныхъ.

Надъ сѣверомъ висѣла черная туча, но мѣсяцъ и звѣзды по временамъ еще свѣтили. Вдали сверкала зарница и на мгновеніе также разгоняла постепенно сгущавшійся мракъ. Все еще можно было надѣяться, что дождь и нынѣ обойдетъ этотъ обыкновенно щадимый имъ уголокъ. Повсюду горѣли костры. Двойные ряды воиновъ, образуя вокругъ нихъ живую изгородь, защищали ихъ отъ напора бури.

Въ эту ночь стража несла тяжелую службу. Воздухъ былъ душный, несмотря на сѣверный вѣтеръ, который дулъ во всю силу и бросалъ людямъ въ лицо цѣлыя горсти песку.

Сѣверный входъ въ лагерь охранялся только двумя часовыми, но и ихъ было вполнѣ достаточно: благодаря дурной погодѣ, уже давно никто не являлся съ требованіемъ пропуска. Но три часа спустя послѣ солнечнаго заката, вдругъ показалась стройная фигура не то юноши, не то мальчика, который, предъявивъ значокъ, удостовѣрявшій въ немъ посланца, просилъ указать ему дорогу къ ставкѣ князя Сиптаха.

Все въ немъ говорило о длинномъ и томительномъ пути. Его густыя, черныя кудри были всклочены, а ноги покрыты густымъ слоемъ пыли и засохшаго ила. Но онъ тѣмъ не менѣе не внушалъ подозрѣній. Онъ держался просто и съ достоинствомъ. Значокъ, имъ предъявленный, былъ въ порядкѣ, а письмо было дѣйствительно на имя князя; это засвидѣтельствовалъ и писецъ при пріемѣ хлѣбныхъ запасовъ, который находился здѣсь въ числѣ другихъ чиновниковъ и теперь, вмѣстѣ съ нижними чинами, засѣдалъ у сосѣдняго костра.

Видъ юноши всѣмъ понравился. Къ тому же, онъ пришелъ

изъ Таниса и конечно принесъ свѣжія новости. Ему очистили мѣсто у огня и предложили раздѣлить ужинъ. Но онъ очень торопился.

Онъ съ благодарностью отвергъ приглашеніе, коротко отвѣчалъ на всѣ разспросы и просилъ дать ему проводника. Желаніе его было немедленно исполнено. Но ему скоро пришлось убѣдиться, что доступъ къ одному изъ членовъ царскаго дома не такъ-то легокъ. Шатры фараона, его родственниковъ и приближенныхъ стояли въ самомъ центрѣ стана, за цѣлымъ заборомъ изъ щитовъ, охраняемые тяжело вооруженными воинами. Прежде, чѣмъ допустить юношу за черту ихъ, его многократно посылали отъ одного къ другому и всякій разъ подвергали новому осмотру письмо къ князю. Проводникъ его былъ отпущенъ, а мѣсто его занялъ важный сановникъ, именовавшійся „царскими глазами и ушами". Онъ уже собирался сломать печать и вскрыть письмо, но юноша рѣшительно тому воспротивился. Наконецъ, ему указали двѣ рядомъ стоявшія и сильно колеблемыя вѣтромъ ставки: одна укрывала князя Сиптаха, другая—Казану, дочь Горнехта. Изъ первой палатки вышелъ комнатный сановникъ и, въ отвѣтъ на выраженное юношей желаніе проникнуть къ князю, взялся самъ доставить письмо. Сановникъ состоялъ при дворѣ князя, и Ефремъ — это былъ онъ—согласился поручить ему письмо, но съ тѣмъ, что самъ онъ за то будетъ немедленно допущенъ къ молодой вдовѣ.

Царедворецъ почему-то считалъ весьма важнымъ, чтобы письмо прошло черезъ его руки. Онъ смѣрилъ Ефрема взглядомъ и освѣдомился, знаетъ-ли его Казана. Юноша отвѣчалъ утвердительно и кромѣ того прибавилъ, что имѣетъ къ ней устное порученіе. Египтянинъ улыбнулся.

— Хорошо, сказалъ онъ въ заключеніе,—только мы не пускаемъ на наши ковры съ такими ногами. Да къ тому-же ты,

кажется, совсѣмъ изъ силъ выбился и нуждаешься въ подкрѣпленіи. Ступай за мной!

Онъ увелъ Ефрема въ маленькую палатку, гдѣ старый рабъ и другой, едва вышедшій изъ дѣтства, сидѣли у огня и заѣдали свой ужинъ пучкомъ чесноку.

При входѣ сановника, оба вскочили. Онъ приказалъ старику вымыть Ефрему ноги, а подростка отправилъ на кухню князя, съ требованіемъ отъ своего имени мяса, хлѣба и вина. Затѣмъ онъ увелъ юношу въ свою собственную ставку, освѣщенную свѣтильникомъ, и сталъ разспрашивать, почему юноша, не похожій ни на раба, ни на бродягу, имѣетъ однако такой плачевный видъ. Ефремъ объяснилъ, что дорогой наткнулся на тяжело раненаго человѣка и перевязалъ ему рану верхнею частью своего пояса. Сановникъ немедленно досталъ и подалъ ему кусокъ тонкой льняной ткани.

Отвѣтъ этотъ, впрочемъ близкій къ правдѣ, казался столь непринужденнымъ и правдоподобнымъ, что сановникъ легко повѣрилъ ему. А Ефремъ, тронутый его ласковымъ обращеніемъ, со своей стороны не противился, когда тотъ, не ломая печати, заглянулъ въ гибкій свертокъ папируса, чтобъ нѣсколько ознакомиться съ его содержаніемъ. Круглые, заплывшіе, жирные глаза царедворца при этомъ сверкнули такъ хитро, что юноша, готовый признать его за олицетвореніе добродушія, вдругъ открылъ въ немъ большое сходство съ кошкой.

Покончивъ съ письмомъ, царедворецъ удалился и предоставилъ юношѣ спокойно подкрѣпиться и привести себя въ порядокъ. Когда онъ вернулся, Ефремъ, умытый, опоясанный новой льняной тканью, съ тщательно расчесанными, умащенными, благоухающими кудрями, стоялъ передъ зеркаломъ, размышляя, надѣть ему, или нѣтъ, на руку широкое, золотое запястье.

Онъ долго колебался. Настоящее положеніе его было опасное: онъ это хорошо зналъ. Драгоцѣнный обручъ составлялъ все его состояніе. Съ какимъ трудомъ, во время неволи, скрывалъ онъ его въ складкахъ своего пояса! Запястье могло сослужить ему впредь еще не малую службу. Надѣвъ его, онъ можетъ обратить на себя вниманіе—и тогда опасность быть узнаннымъ увеличится.

Но собственное отраженіе въ зеркалѣ и тщеславное желаніе предстать передъ Казаной во всей красѣ, заглушило въ немъ осторожность и въ концѣ концовъ драгоцѣнное украшеніе засверкало у него надъ локтемъ.

Сановникъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на прекраснаго, горделиваго юношу, въ котораго такъ быстро превратился жалкій посланецъ. У него невольно вырвался вопросъ, не родственникъ-ли юноша Казанѣ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ вторично освѣдомился, изъ какого знатнаго дома происходитъ молодой человѣкъ.

Ефремъ въ смущеніи опустилъ глаза, потомъ попросилъ египтянина избавить его отъ отвѣта, пока онъ не повидается съ дочерью Горнехта.

Придворный еще разъ окинулъ юношу пытливымъ взглядомъ, покачалъ головой, но прекратилъ свои разспросы. То, что онъ успѣлъ подмѣтить въ письмѣ, составляло тайну, которая грозила смертью соучастнику, а знатный молодой посолъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ числу приверженцевъ его повелителя, князя Сиптаха.

Дрожь пробѣжала по объемистому, пухлому тѣлу придворнаго. Онъ робко и участливо смотрѣлъ на цвѣтущее, молодое существо, которое такъ смѣло вмѣшивалось въ опасную игру.

Его повелитель до сихъ поръ еще только намекалъ на какую-то тайну, и придворный еще могъ отдѣлить свою судьбу

отъ судьбы князя. Сдѣлай онъ это теперь—и его ожидаетъ обезпеченная старость. Но если онъ послѣдуетъ за княземъ, на какую высоту онъ можетъ вознестись, въ случаѣ удачи! Онъ былъ отцомъ многочисленной семьи и ему предстоялъ трудный выборъ. Съ увлаженнымъ лбомъ и безъ ясной мысли въ головѣ, проводилъ онъ Ефрема къ шатру Казаны и поспѣшилъ обратно къ своему повелителю.

Въ шатрѣ изъ легкихъ столбиковъ и тяжелыхъ пестрыхъ тканей, гдѣ помѣщалась прекрасная вдова, царило безмолвіе.

Съ сильно бьющимся сердцемъ стоялъ передъ нимъ Ефремъ. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и рѣшился отдернуть занавѣсъ, прикрѣпленный къ землѣ и надутый вѣтромъ какъ парусъ. Передъ юношей открылось темное пространство, къ которому слѣва и справа примыкали два другія. Во второмъ было также темно, какъ въ первомъ, но справа, сквозь щели, свѣтился огонь. Шатеръ состоялъ изъ трехъ отдѣленій, съ плоской крышей, какъ Ефрему не разъ случалось видѣть, и въ освѣщенномъ отдѣленіи находилась та, къ которой онъ стремился.

Во избѣжаніе подозрѣній, онъ рѣшился побѣдить въ себѣ робость. Онъ ужь наклонился и отстегнулъ петлю, которая придерживала занавѣсъ на крюкѣ, вбитомъ въ землю. Вдругъ дверь изъ освѣщеннаго отдѣленія распахнулась и оттуда вышла и погрузилась въ темноту женская фигура.

Она-ли это?

Дерзнуть-ли ему съ ней заговорить?

Да, такъ должно.

Стиснувъ руки, онъ съ трудомъ переводилъ духъ, точно готовясь, непризванный, переступить за порогъ святая-святыхъ въ храмѣ. Наконецъ онъ отдернулъ занавѣсъ. Замѣченная имъ передъ тѣмъ женщина встрѣтила его легкимъ крикомъ. Къ Ефрему мгновенно вернулось самообладаніе. Лучъ свѣта, скольз-

нувшій по лицу женщины, позволилъ ему узнать въ ней пе Казану, а ея мамку, сопровождавшую ее сначала къ колодникамъ, а потомъ и въ станъ. Мамка тоже признала его и смотрѣла на него, какъ на выходца съ того свѣта.

Они были въ хорошихъ отношеніяхъ. Когда Ефремъ въ первый разъ вступилъ подъ кровъ начальника стрѣлковъ, она помогала ему омыться и смачивала бальзамомъ его раны; а во второе его посѣщеніе ухаживала за нимъ вмѣстѣ со своей госпожей.

Они тогда часто по цѣлымъ часамъ весело разговаривали, и Ефремъ зналъ, что она къ нему хорошо расположена. Когда онъ, въ лихорадочномъ бреду, лежалъ съ отуманеннымъ сознаніемъ, она, съ материнской нѣжностью, гладила его по головѣ; позже—неутомимо разспрашивала его о евреяхъ и, въ заключеніе, сообщила ему, что сама происходитъ изъ сирійскаго племени, сроднаго съ народомъ Ефрема. Даже языкъ ея—и тотъ не былъ ему вполнѣ чуждъ. Ее—двадцатилѣтнею женщиной—вмѣстѣ съ другими плѣнниками великаго Рамзеса привели въ Египетъ. Ефремъ, говорила она, напоминалъ ей собственнаго ея сына въ ранней юности.

Юношѣ, слѣдовательно, нечего было бояться ея. Онъ схватилъ ее за руку, шепотомъ сообщилъ ей, что ему удалось бѣжать и что онъ теперь пришелъ сюда просить совѣта у ея госпожи.

Слово „бѣжать“ успокоило старушку. Стоявшее передъ ней привидѣніе могло обратить въ бѣгство другихъ, но не ее. Успокоенная, она погладила Ефрема по курчавой головѣ и, даже не дослушавъ его торопливаго разсказа, поспѣшила обратно въ освѣщенный покой, сообщить госпожѣ о своей находкѣ.

Мигъ спустя, Ефремъ стоялъ передъ тою, которая стала путеводною звѣздой его жизни. Съ пылавшими щеками смот-

рѣлъ онъ на прекрасное, но видимо заплаканное лицо молодой женщины. Его точно кольнуло въ сердце, когда она, еще не удостоивъ его самого привѣтствіемъ, поспѣшила освѣдомиться, не слѣдуетъ-ли за нимъ и Осія. Однако онъ скоро забылъ эту обиду, замѣтивъ, какъ молодая вдова ласково на него смотрѣла. А когда Казана обратила вниманіе мамки на его свѣжій, цвѣтущій видъ и замѣтила, что онъ возмужалъ, Ефрему показалось, что онъ дѣйствительно выросъ, и сердце его еще сильнѣе забилось.

Она хотѣла узнать все до малѣйшей подробности, что̀ касалось его дяди. И только пересказавъ ихъ, юноша, наконецъ, выразилъ ей свое желаніе поговорить съ ней и о собственной судьбѣ. Казана еще разъ перебила его. Надо было сговориться съ мамкой насчетъ мѣръ для безопасности Ефрема. Скоро все было придумано.

Прежде всего старуха, съ помощью юноши, закрыла какъ можно плотнѣе главный входъ въ шатеръ. Потомъ указала ему темный покой, куда онъ долженъ будетъ скрыться по первому ея знаку.

Казана, тѣмъ временемъ, наполнила кубокъ виномъ, а когда Ефремъ вернулся съ мамкой, приказала ему сѣсть у своихъ ногъ, на шкурѣ жирафа. Затѣмъ она пожелала узнать, какъ удалось ему обмануть бдительность стражи и что̀ намѣренъ онъ предпринять въ будущемъ. Предварительно, однако, она еще сообщила ему, что Горнехтъ остался въ Танисѣ, а потому юношѣ нечего бояться, что его здѣсь узнаютъ и предадутъ.

По всему видно было, какъ рада Казана свиданью съ Ефремомъ. Узнавъ, что онъ обязанъ успѣхомъ своего бѣгства приказанію князя Сиптаха снять съ колодниковъ цѣпи, она какъ ребенокъ захлопала въ ладоши. Вѣдь князь это сдѣлалъ по ея просьбѣ! Но лицо ея скоро опять омрачилось. Она

глубоко вздохнула и проговорила, что сердце ея, до прихода Ефрема, изныло отъ тоски и слезъ. Но она докажетъ Осіи, на что̀ способна женщина, задумавшая осуществить свое завѣтное желаніе.

Ефремъ, между прочимъ, упомянулъ и о своемъ намѣреніи освободить дядю, прежде чѣмъ самому бѣжать. Она за то поблагодарила его взглядомъ. А при разсказѣ о томъ, какъ Іисусъ отказался отъ его услугъ, чтобъ не затруднить такъ ловко подготовленнаго имъ бѣгства юноши, Казана съ влажными глазами обратилась къ мамкѣ и воскликнула:

— Кто другой поступилъ бы такъ!

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушала она дальнѣйшій разсказъ бѣглеца и часто прерывала его полными участія замѣчаніями.

А онъ въ упоеніи настоящихъ мгновеній, казавшихся ему чудеснымъ сномъ, теперь забылъ томительные дни и ночи, которые еще такъ недавно пережилъ. Его оживленный разсказъ не нуждался въ поощреніяхъ, и Казана напрасно то и дѣло подливала ему въ кубокъ вина.

Краснорѣчиво описалъ онъ, какъ наткнулся въ ущельѣ на груду камней, какъ тѣ покатились у него изъ-подъ ногъ и увлекли его съ собою въ пропасть. Онъ тогда подумалъ, что все потеряно. Свистокъ пристава раздался раньше, чѣмъ онъ успѣлъ выкарабкаться изъ-подъ камней и броситься въ солончакъ.

Но не даромъ же онъ ребенкомъ научился такъ шибко бѣгать по роднымъ полямъ и узнавать направленіе по звѣздному небу. Не оглядываясь и не осматриваясь, пустился онъ теперь изо всей мочи бѣжать—прямо на югъ. Не разъ въ темнотѣ спотыкался онъ о камни и падалъ въ ямы, которыхъ такъ много въ песчаной почвѣ пустыни. Но онъ мигомъ вскакивалъ и бѣжалъ дальше на югъ — все на югъ, гдѣ, какъ онъ

зналъ, находилась Казана. Ради нея пренебрегъ онъ совѣтами старѣйшихъ и мудрыхъ — ради нея готовъ онъ сейчасъ опять отдать свободу и жизнь.

Онъ самъ не понималъ, откуда бралась у него смѣлость ей все это высказывать. Но его не образумили ни ударъ опахаломъ по рукѣ, ни негодующее восклицаніе мамки: „Каковъ мальчуганъ-то!“ Онъ не спускалъ съ Казаны сверкающихъ глазъ и все говорилъ, говорилъ...

За нимъ въ погоню спустили собакъ. Одна изъ нихъ настигла его: онъ схватилъ ее и ударомъ о скалу раздробилъ ей черепъ. Другую онъ закидалъ каменьями и заставилъ съ визгомъ укрыться въ кустарникѣ. Другихъ преслѣдователей онъ и въ глаза не видалъ ни ночью, ни въ теченіе слѣдующаго дня. Но вотъ и большая дорога. Встрѣчные поселяне указали ему, куда направилось войско фараона. Около полудня, Ефремъ, изнемогая отъ усталости, заснулъ подъ смоковницей, а когда проснулся—солнце уже клонилось къ закату. Его терзалъ голодъ. Проходя мимо одного огорода, онъ вытащилъ изъ земли нѣсколько рѣпокъ. Вдругъ изъ сосѣдней канавы выскочилъ хозяинъ: Ефремъ едва отъ него убѣжалъ. Часть ночи онъ прошелъ дальше по большой дорогѣ, а затѣмъ подкрѣпилъ себя сномъ у колодца: онъ зналъ, что дикіе звѣри вообще избѣгаютъ людныхъ мѣстъ, и не боялся ихъ.

Съ восходомъ солнца, онъ опять пошелъ по слѣдамъ фараонова войска. Въ полдень, измученный ходьбой и голодомъ, Ефремъ добрался до деревушки въ плодоносной мѣстности, которую орошаетъ каналъ Сети. Тутъ онъ вздумалъ было продать свое золотое запястье, съ цѣлью часть денегъ употребить на покупку болѣе существенной пищи, а другую до поры до времени припрятать. Но онъ побоялся, чтобы его не приняли за вора и не взяли подъ стражу опять: поясъ его весь изодрался о колючки, а обувь давно свалилась съ ногъ.

Въ заключеніе онъ порѣшилъ, какъ это ни было ему тяжко, обратиться къ состраданію поселянъ. Онъ постучался у одной хижины; на него посмотрѣли и удивились, что такой молодой и сильный мужчина не работаетъ, а проситъ подаянія: лучше бы онъ предоставилъ это старымъ и слабымъ, насмѣшливо посовѣтовали ему. Въ другой хижинѣ ему просто-напросто пригрозили побоями. Ефремъ, понуривъ голову, ни съ чѣмъ, хотѣлъ идти дальше. Но присутствовавшая при этомъ молодая женщина остановила его и сунула ему въ руки кусокъ хлѣба и нѣсколько финиковъ. Она и больше охотно дала бы ему, да вся ихъ деревня была крайне истощена непосильными поборами въ пользу войска, которое только-что прошло здѣсь.

Никогда никакія яства не казались Ефрему такими вкусными, какъ это неожиданное подаяніе. Онъ у перваго же ручья расположился отдохнуть и утолить свой голодъ. Однако онъ скрылъ отъ Казаны, что настоящее удовольствіе было для него отравлено горькимъ сомнѣніемъ. Голосъ совѣсти упорно твердилъ ему, что не стремиться къ Казанѣ долженъ онъ, а повиноваться Іисусу и идти къ своимъ единокровнымъ.

Онъ нерѣшительно продолжалъ путь, но сама судьба положила конецъ его колебаніямъ. Съ полчаса шелъ онъ пустыней и вдругъ наткнулся на сидѣвшаго съ краю дороги юношу, почти однихъ съ нимъ лѣтъ. Бѣдный стоналъ и обѣими руками держалъ себя за ногу. Ефремъ поспѣшилъ къ нему, чтобы спросить, о чемъ онъ плачетъ, и, къ удивленію своему, узналъ въ нему слугу Горнехта, скорохода и гонца, съ которымъ въ былое время часто разговаривалъ.

— Неужели Апу, нашъ проворный нубійскій скороходъ?! воскликнула молодая женщина. Ефремъ отвѣчалъ утвердительно. Мальчикъ несъ письмо князю Сиптаху. Ему приказано

было торопиться. Привыкнувъ бѣгать передъ чистокровными конями своего повелителя, онъ, какъ стрѣла, мчался пустыней; но, всего на разстояніи двухъ часовъ ходьбы отъ стана, вдругъ наступилъ на острый черепокъ разбитой баклажки, которая валялась на дорогѣ, и жестоко поранилъ себѣ ногу.

— А ты не захотѣлъ оставить его безъ помощи? перебила Казана.

— Какъ же иначе? отвѣчалъ Ефремъ.—Бѣдный мальчикъ истекалъ кровью и былъ блѣденъ, какъ смерть. Я снесъ его къ ближайшему ручью, обмылъ ему зіявшую рану и смазалъ бальзамомъ, который нашелъ при немъ.

— Это я, годъ тому назадъ, дала ему сосудикъ съ бальзамомъ, замѣтила сердобольная мамка, утирая слезы. Ефремъ уже былъ на этотъ счетъ просвѣщенъ самимъ благодарнымъ Апу и теперь подтвердилъ замѣчаніе доброй старушки.

— Я изорвалъ свой верхній поясъ, продолжалъ онъ,—и сталъ, какъ умѣлъ, перевязывать ему рану. А онъ все торопилъ меня и совалъ въ руки свой значокъ посланца и свертокъ. Бѣдняжка не зналъ о постигшемъ меня несчастіи и умолялъ, вмѣсто него, доставить письмо князю. Я съ радостью взялся—и не прошло двухъ часовъ, какъ уже былъ въ станѣ. Письмо въ рукахъ князя, а я передъ тобой. По лицу твоему вижу, что и ты этому рада. Я же, сидя у твоихъ ногъ и наслаждаясь твоимъ лицезрѣніемъ, считаю себя счастливѣйшимъ изъ людей. Благодарность моя къ тебѣ безгранична. Пусть опять закуютъ меня въ цѣпи: я все спокойно перенесу—лишь-бы ты не лишала меня своихъ милостей. Я до сихъ поръ былъ очень несчастливъ! У меня нѣтъ ни отца, ни матери, никто не любитъ меня. Ты одна приласкала меня и, неправда ли, больше не оттолкнешь меня?

Онъ казался внѣ себя отъ страсти. Напряженіе послѣднихъ дней и все чтò онъ перечувствовалъ за послѣдніе часы, теперь

сказалось въ немъ такъ сильно, что лишило его всякаго самообладанія. Юноша, почти ребенокъ, безъ опоры и покровительства, вполнѣ предоставленный самому себѣ, онъ, какъ испуганный птенецъ, который ищетъ защиты подъ крыломъ матери, склонилъ голову въ колѣна Казаны и неудержимо зарыдалъ.

Жалость охватила сердце молодой женщины, и на ея глазахъ тоже выступили слезы. Она ласково положила руку на голову Ефрема. Рыданія потрясали его молодое, сильное тѣло. Тогда Казана обѣими руками приподняла его голову, поцѣловала его въ лобъ и щеки и, съ улыбкой заглядывая ему въ лицо, сказала:

— Глупый, глупый мальчикъ! Отчего же мнѣ не быть къ тебѣ доброю и зачѣмъ я стану гнать тебя? Твой дядя мнѣ несказанно дорогъ, а ты вѣдь замѣняешь ему сына! Развѣ не ради васъ обоихъ рѣшилась я уже на то, что̀ прежде казалось мнѣ невозможнымъ?.. Такъ будетъ и впредь. Пусть другіе обо мнѣ думаютъ и говорятъ что̀ хотятъ — мнѣ все равно, лишь бы удалось то единственное, чему я приношу въ жертву себя и свою жизнь и все, что̀ нѣкогда такъ высоко цѣнила. Погоди немного, бѣдный, пылкій юноша, продолжала она и вторично поцѣловала его въ щеку, — погоди, я и тебѣ расчищу дорогу! Ну, а теперь довольно.

Послѣднія слова звучали почти строго: Казана хотѣла положить границы все возраставшему волненію юноши. Но вдругъ она сама вскочила и въ испугѣ, торопливо проговорила:

— Ступай отсюда, ступай скорѣй!

Къ ставкѣ приближались мужскіе шаги. Стоявшая на-сторожѣ мамка подала условный знакъ. Самъ Ефремъ почуялъ что-то недоброе и безпрекословно послѣдовалъ за старухой въ темный покой. Еще мигъ — и было бы поздно. Занавѣсъ у шатра быстро отдернулся. Вошелъ мужчина и направился въ освѣ-

щенное отдѣленіе. Тамъ Казана — юноша это отчетливо слышалъ — дружески привѣтствовала гостя и выражала удивленіе его позднему посѣщенію.

Мамка, тѣмъ временемъ, схватила свой собственный плащъ и, прикрывая имъ обнаженныя плеча Ефрема, шепотомъ говорила:

— Передъ солнечнымъ восходомъ приходи къ шатру, но, если тебѣ дорога жизнь, не входи, пока я тебя не позову. У тебя нѣтъ ни отца, ни матери, а Казана... о, милое, золотое сердечко!.. она, конечно, лучшая изъ лучшихъ, но годится-ли она въ наставницы такому вѣтрогону, который воспламеняется какъ сухая солома—это другое дѣло. Во время твоего разсказа, я о многомъ передумала. Ты мнѣ любъ и потому говорю тебѣ: твой дядя — мое дитятко правду говоритъ — лучшій изъ людей, а я таки знаю толкъ въ людяхъ! Слушайся его! То, что онъ тебѣ совѣтуетъ, несомнѣнно къ твоему добру! Слѣдуй за нимъ повсюду! Если онъ сочтетъ нужнымъ отозвать тебя отъ Казаны и отъ нашихъ мѣстъ — тѣмъ лучше для тебя. Мы съ ней идемъ по опасной дорогѣ и, еслибъ дѣло шло не объ Осіи, я обѣими руками стала бы удерживать ее. Но его ради, я сама — а вѣдь я старуха—въ огонь пошла бы! Конечно, мнѣ жаль — жальче чѣмъ можно сказать словами — и ее, безцѣнное мое дѣтище, и тебя также. А потому повторяю: слушайся дяди, юноша! Иначе тебѣ не сдобровать!

Затѣмъ, не дожидаясь его отвѣта, она вытолкнула Ефрема изъ ставки, осушила глаза и, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулась въ освѣщенный покой.

Но Казана вела со своимъ позднимъ посѣтителемъ бесѣду, которая не терпѣла свидѣтелей. „Милое дитя“ приказало мамкѣ зажечь свѣтильникъ и идти спать.

Мамка молча повиновалась, но въ темной комнатѣ, гдѣ ея

ложе стояло рядомъ съ ложемъ Казаны, она закрыла лицо руками и горько заплакала.

Преданной женщинѣ казалось, что весь міръ перевернулся вверхъ дномъ. Какъ могла ея возлюбленная Казана отдать и честь свою, и чистоту человѣку который—мамка это знала—въ душѣ былъ ей противенъ!

Ефремъ и нубіецъ Апу.

Князь Сиптахъ и Казана.

Глава XXI.

Въ тѣни шатра, изъ котораго его только-что удалили, Ефремъ осторожно присѣлъ на корточки и, приложивъ ухо къ подвижной стѣнкѣ, весь превратился въ слухъ. Онъ распоролъ во швѣ шатерной ткани небольшое отверстіе и такимъ образомъ могъ видѣть и слышать все, что происходило въ освѣщенномъ покоѣ у любимой женщины.

Буря загнала въ шатры всѣхъ, кому обязанности службы не препятствовали тамъ оставаться. Ефрему почти не грозила опасность быть открытымъ, тѣмъ болѣе, что мѣсто, гдѣ онъ притаился, было въ тѣни. Плащъ мамки окутывалъ его съ головы до ногъ и, если по его молодому тѣлу иногда пробѣгала дрожь, то не отъ холода, а отъ нестерпимой боли въ сердцѣ

Человѣкъ, на груди котораго теперь покоилась голова Казаны, былъ князь, сильный и могущественный властелинъ. Когда онъ дерзко склонялся къ ея губамъ, ловя поцѣлуй, вѣтреная красавица не всегда отъ него уклонялась. Ефрему она, конечно, ничѣмъ не была обязана, но дядѣ его она отдала свое сердце. Его предпочла она всѣмъ прочимъ и на все рѣшилась, чтобы освободить его. А между тѣмъ, вотъ, на глазахъ Ефрема, измѣняетъ ему, отдаетъ другому то, что по праву принадлежитъ одному Осіи. Правда, и съ нимъ самимъ, съ Ефремомъ, она тоже была ласкова; но милости, которыя выпадали на его долю, были только крохами со стола его дяди: Ефремъ ихъ похищалъ. Юноша сознавалъ это, краснѣлъ отъ стыда и все-таки чувствовалъ себя обманутымъ, оскорбленнымъ и за себя тоже, не за одного дядю, котораго любилъ и уважалъ, хотя и пренебрегъ его совѣтами.

А Осія? Не смотря на свое странное поведеніе, тогда, у ручья на большой дорогѣ, онъ, конечно, томился тѣми же желаніями, какъ Ефремъ и этотъ князь—иначе быть не могло; и вотъ она низко и вѣроломно принимаетъ ласки другаго, зная что гнѣвъ несчастнаго колодника безсиленъ надъ нею.

Ситахъ—Ефремъ понялъ это при ихъ послѣдней встрѣчѣ—врагъ его дяди, и съ нимъ-то именно Казана измѣняетъ любимому человѣку!

Сквозь щель въ шатрѣ Ефремъ могъ видѣть все, что тамъ происходило, но онъ иногда нарочно закрывалъ глаза. Тѣмъ не менѣе, претившее ему зрѣлище влекло его точно волшебною силой. По временамъ онъ готовъ былъ опрокинуть шатеръ, убить князя, а невѣрную Казану осыпать упреками и бросить ей въ лицо имя Осіи.

Страсть Ефрема постепенно превратилась въ ненависть и презрѣніе. За мигъ предъ тѣмъ онъ считалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, а теперь называлъ себя самымъ не-

счастнымъ. Такого паденія, съ такой высоты, еще никто, казалось ему, никогда не испытывалъ.

Мамка была права. Горе и отчаяніе—вотъ все, что̀ могла принести ему вѣроломная красавица.

Онъ уже вскочилъ и хотѣлъ бѣжать безъ оглядки. Но чарующій звукъ ея смѣха опять приковалъ его къ мѣсту. Онъ остался и продолжалъ слушать.

Сначала кровь такъ бушевала въ немъ и такъ сильно шумѣло у него въ ушахъ, что онъ не могъ слѣдить за разговоромъ, который происходилъ въ освѣщенномъ отдѣленіи шатра. Мало-по-малу, онъ, однако, сталъ вникать въ смыслъ отдѣльныхъ реченій, а потомъ ужъ ни одно слово для него не пропадало. Разговоръ былъ знаменательный и раскрылъ передъ нимъ бездну, при видѣ которой у него закружилась голова.

Казана однако все еще не сдавалась. Но требованія князя становились горячѣе и настойчивѣе. Въ награду за ея милости, онъ обѣщалъ ей санъ царицы и мѣсто рядомъ съ собой на египетскомъ престолѣ, которымъ замышлялъ овладѣть. Все это было имъ ясно высказано. Но вслѣдъ за тѣмъ, рѣчь его полилась такимъ бурнымъ потокомъ, что въ ней ужъ трудно было разобраться. Князь въ эту минуту головой выдавалъ себя Казанѣ. Онъ рисковалъ свободой и жизнью, думая только о томъ, чтобы дать больше силы своимъ клятвамъ и успокоить молодую женщину, въ которой его наступательный образъ дѣйствій невольно пробуждалъ страхъ и отвращеніе. Наконецъ онъ упомянулъ о письмѣ, которое принесъ Ефремъ, и прочелъ его вслухъ. Юноша задрожалъ. Онъ оказывался соучастникомъ гнуснѣйшаго заговора. На мигъ имъ овладѣлъ соблазнъ — въ свою очередь измѣнить измѣнникамъ и предать ихъ въ руки того, чью гибель они замышляли. Но онъ отвергъ эту мысль, довольствуясь сознаніемъ, что судьба Казаны и князя въ его

рукахъ, что онъ можетъ ежеминутно раздавить ихъ, какъ козявокъ. Это сознаніе было первымъ пріятнымъ ощущеніемъ, испытаннымъ въ теченіе послѣдняго страшнаго часа. Оно подѣйствовало на него успокоительно и вернуло ему самообладаніе. Чѣмъ дальше проникалъ онъ въ недостойные замыслы этихъ людей, тѣмъ болѣе сознавалъ онъ всю цѣну правды и добра, отъ которыхъ чуть не отрекся. Вспомнились ему и слова дяди:

„Не давай ни высшимъ, ни низшимъ права относиться къ тебѣ иначе, какъ съ уваженіемъ, и ты можешь держать голову такъ же высоко, какъ самый гордый витязь въ пурпурной одеждѣ и золотой бронѣ".

На одрѣ болѣзни, въ домѣ Казаны, слова эти неотступно преслѣдовали его. Но въ неволѣ и во время бѣгства они вышли у него изъ памяти, потомъ снова припомнились ему въ ставкѣ комнатнаго сановника, когда, подкрѣпленный и освѣженный, онъ любовался собою въ зеркалѣ, которое передъ нимъ держалъ старый рабъ. Въ настоящую минуту они предстали передъ нимъ во всей своей силѣ. И странно! Презрѣнный измѣнникъ въ палаткѣ Казаны былъ именно въ пурпурной одеждѣ и золотой бронѣ — но развѣ онъ смѣлъ высоко держать голову? То, что̀ онъ теперь замышлялъ, могло совершаться только втайнѣ и во мракѣ, подобно работѣ отвратительнаго крота подъ землею.

Ложь, обманъ и вѣроломство — три неразлучные спутника всѣхъ дурныхъ дѣлъ—вотъ орудія съ помощью которыхъ собирался онъ дѣйствовать, заодно съ женщиной, которую, къ стыду своему, Ефремъ намѣревался избрать себѣ въ руководительницы и, въ угоду которой, уже чуть не отрекся отъ всего честнаго, благороднаго и дорогаго ему.

Ефрема учили ненавидѣть и обходить все составлявшее ступени той лѣстницы, по которой разсчитывалъ такъ вы-

соко взобраться этотъ дурной человѣкъ. Ефремъ зналъ это, ибо замыслы князя стали для него теперь открытою книгой.

Свертокъ, принесенный юношей, содержалъ два письма. Одно отъ заговорщиковъ въ Танисѣ, другое отъ матери Сиптаха.

Въ Танисѣ ожидали скораго возвращенія князя и сообщали ему, что начальникъ наемныхъ войскъ, сиріецъ Аарсу и женское населеніе „дворца затворницъ" готовы присягнуть ему въ вѣрности. Затѣмъ, пусть только верховный жрецъ Аммуна — одновременно верховный судья, намѣстникъ и хранитель государственной печати — провозгласитъ его царемъ, — двери дворца передъ нимъ растворятся и онъ можетъ безпрепятственно вступить на престолъ. А если Менефта вернется, фараонъ будетъ арестованъ отрядомъ тѣлохранителей, которые и покончатъ съ нимъ, какъ приказывалъ Сиптахъ, вообще не любившій полумѣръ и въ настоящемъ случаѣ хотѣвшій дѣйствовать рѣшительно, хотя верховный жрецъ стоялъ только за заточеніе Менефты, да и то не строгое.

Теперь боялись только преждевременнаго возвращенія изъ Ѳивъ младшаго сына Менеѳты, Сети, который, по смерти старшаго брата, дѣлался наслѣдникомъ престола. Голубиная почта принесла извѣстіе, что онъ уже въ дорогѣ. Это и было причиной поспѣшнаго вызова въ Танисъ Сиптаха и верховнаго жреца, которому предстояло провозгласить перваго.

Были также приняты мѣры и противъ возможнаго противодѣйствія со стороны войска. Пусть оно только побѣдитъ евреевъ, и большая часть его будетъ размѣщена по прежнимъ стоянкамъ, гдѣ оно и подозрѣвать не будетъ о низложеніи своего теперешняго верховнаго вождя. Отрядъ тѣлохранителей преданъ Сиптаху, а та незначительная часть войска, которая, вмѣстѣ съ княземъ, вернется въ столицу, въ крайнемъ случаѣ легко можетъ быть усмирена наемниками Аарсу.

— Теперь все дѣло въ томъ, сказалъ въ заключеніе князь, потягиваясь съ видомъ человѣка окончившаго тяжелый трудъ,— чтобы мнѣ, вмѣстѣ съ Баи, какъ можно скорѣе, явиться въ Танисъ, возложить на себя царскій вѣнецъ въ храмѣ Аммуна, быть провозглашеннымъ и принятымъ въ качествѣ фараона во дворцѣ. Остальное само собой сдѣлается. Сети, котораго они величаютъ наслѣдникомъ, бѣдняжка, такъ же слабъ духомъ, какъ и его отецъ. Онъ подчинится обстоятельствамъ, въ противномъ случаѣ мы заставимъ его силою. Что же касается Менефты, отрядъ тѣлохранителей ужь позаботится о томъ, чтобы онъ тоже никогда больше не возвращался во дворецъ Рамзесова города.

Другое письмо, на имя фараона, было отъ матери князя. Оно имѣло въ виду, вызывая въ столицу верховнаго жреца и Сиптаха, избавить послѣдняго отъ нареканія, будто онъ изъ трусости покидаетъ войско, передъ самымъ сраженіемъ. Мать князя никогда не чувствовала себя здоровѣе, но это не мѣшало ей лицемѣрно жаловаться и увѣрять, что дни ея сочтены. Она умоляла царя немедленно отпустить къ ней сына и верховнаго жреца, Баи, иначе она будетъ лишена утѣшенія благословить, передъ смертью, свое единственное дѣтище.

Кромѣ того, она сознавала за собой кое-какія прегрѣшенія и никто, кромѣ верховнаго жреца, не могъ расположить въ ея пользу боговъ. Безъ его напутствія, она умретъ въ отчаяніи.

Недостойный похититель царскаго вѣнца прочелъ вслухъ и это письмо. Оно было, въ его глазахъ, мастерскимъ произведеніемъ женскаго ума и хитрости. Читая его, онъ съ удовольствіемъ потиралъ себѣ руки.

Измѣна, убійство, лицемѣріе, коварство, оскверненіе самыхъ святыхъ чувствъ, все, что̀ есть дурнаго, было пущено въ ходъ,

чтобы возвести Сиптаха на престолъ. Когда Казана узнала о томъ, что̀ грозило фараону, она горько заплакала и заломила руки. Но она успокоилась, когда князь увѣрилъ ее, что Горнехтъ одобряетъ все предпринятое ими — единственно ко благу Египта: хотятъ вырвать власть изъ рукъ настоящаго царя, потому что онъ губитъ страну.

Чтеніе письма матери князя къ фараону — этой матери, которая подстрекала на гнусное преступленіе роднаго сына— было послѣднею каплею горечи въ сердцѣ Ефрема. Оно затронуло въ немъ самыя чувствительныя струны. Молодой еврей привыкъ смотрѣть на отношенія родителей къ дѣтямъ какъ на нѣчто святое. Оскорбленіе того, что̀ въ его глазахъ заслуживало наибольшаго уваженія, привело его въ ярость. Онъ сжалъ кулаки и, грозно потрясая ими, съ проклятіемъ на устахъ, вскочилъ и бросился бѣжать.

Ефремъ уже не слышалъ, какъ вслѣдъ за тѣмъ Казана потребовала отъ князя клятвы, что онъ, достигнувъ власти, безпрекословно исполнитъ ея первую просьбу. Она не станетъ просить у него ни денегъ, ни подарковъ, а только права прощать и миловать тѣхъ, кого ей укажетъ сердце. Грядущія событія несомнѣнно вызовутъ гнѣвъ боговъ: она, Казана, беретъ на себя умилостивить ихъ.

Ефремъ не хотѣлъ, не могъ больше ничего видѣть и слышать. Все это казалось ему такъ ужасно, такъ ненавистно!

Впервые сознalъ онъ, какой опасности подвергался самъ: онъ могъ увязнуть въ этомъ отвратительномъ болотѣ и сдѣлаться дурнымъ, потеряннымъ человѣкомъ. „Но все же“, думалось ему, „я никогда не палъ бы такъ низко“. Слова дяди опять пришли ему на умъ. Онъ гордо поднялъ голову, расправилъ плечи и грудь, какъ бы желая провѣрить, точно-ли сломлены его силы, глубоко вздохнулъ и подумалъ, что не сто̀итъ губить себя изъ-за дурной жен-

щины — будь она даже прекрасна и соблазнительна, какъ Казана.

Прочь, прочь отсюда, подальше отъ этихъ сѣтей, которыя чуть и его не опутали, чуть не втянули въ убійство и всяческую неправду!

Онъ рѣшился немедленно идти къ своимъ и быстро направился къ выходу изъ стана, но едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, поглядѣлъ на небо и увидѣлъ, что теперь всего еще второй часъ пополуночи. Вокругъ все было тихо. Только изъ-за ближайшаго плетня, гдѣ стояли царскіе кони, по временамъ слышался звукъ цѣпи или ржаніе жеребца.

Бѣжать теперь-же было-бы опасно: его могли бы замѣтить и задержать. Благоразуміе предписывало обуздать нетерпѣніе и повременить. Взоръ Ефрема, блуждая по окрестнымъ предметамъ, остановился на ставкѣ комнатнаго сановника. Изъ нея вышелъ старый рабъ. Онъ оглядывался по сторонамъ, очевидно высматривая своего хозяина. А тотъ, тѣмъ временемъ, все еще сидѣлъ въ шатрѣ князя, дожидаясь его возвращенія отъ Казаны.

Старый рабъ съ самаго начала любовно отнесся къ Ефрему, и теперь, съ добродушной настойчивостью, сталъ приглашать его въ ставку, чтобы хорошенько отдохнуть, ибо молодости нуженъ-де сонъ.

Ефремъ охотно принялъ приглашеніе. Теперь только почувствовалъ онъ, какъ сильно усталъ: ноги его точно были налиты свинцомъ. Старикъ отдалъ ему въ распоряженіе свою цыновку, которую разостлалъ для него на землѣ. Едва коснувшись ея, Ефремъ почувствовалъ, какъ будто у него отнимаются руки и ноги. Тѣмъ не менѣе онъ намѣревался здѣсь, въ затишьѣ, получше обдумать свое положеніе.

Мысли его прежде всего устремились въ будущее, къ порученію дяди.

Онъ безповоротно рѣшилъ идти къ своимъ. Если евреямъ удастся спастись отъ войскъ фараона, другіе могутъ дѣлать что̀ хотятъ—а онъ соберетъ своихъ пастырей, слугъ, товарищей и во главѣ ихъ поспѣшитъ въ рудники, освобождать дядю. Онъ непремѣнно вернетъ его престарѣлому отцу и народу, которому Іисусъ такъ нуженъ. Ефремъ уже видѣлъ себя впереди другихъ, съ боевымъ топоромъ въ рукахъ... но тутъ сонъ одолѣлъ его. Онъ заснулъ такъ крѣпко, что даже не видалъ никакихъ сновъ, а когда занялось утро, старый рабъ съ трудомъ его разбудилъ.

Станъ уже былъ въ движеніи. Тамъ снимали шатры, нагружали запряженныя волами и ослами повозки, ковали лошадей, мыли колесницы, чистили оружіе и доспѣхи, раздавали и торопливо ѣли утреннюю закуску.

Гдѣ слышался звукъ трубы, гдѣ громко отдаваемый приказъ, а восточная часть стана оглашалась пѣніемъ жрецовъ, благоговѣйно привѣтствовавшихъ возрожденіе бога солнца.

Къ роскошному пурпуровому шатру, рядомъ со ставкой Казаны, который уже разбирали ловкіе слуги, подъѣхала раззолоченная колесница, а за ней и другая, такая-же.

Князь Сиптахъ и верховный жрецъ Баи получили отъ фараона разрѣшеніе ѣхать въ Танисъ, принять послѣдній вздохъ умирающей.

Скоро и Ефремъ простился со старымъ рабомъ. Онъ поручилъ доброму старику возвратить плащъ мамкѣ Казаны и сказать ей, что онъ рѣшился исполнить ея совѣтъ и желаніе дяди.

Затѣмъ онъ пустился въ путь.

Ефремъ безпрепятственно вышелъ изъ стана. Углубясь въ пустыню, онъ внезапно огласилъ ее крикомъ, какимъ въ былое время сзывалъ на пастбищахъ своихъ пастуховъ. Звукъ его голоса разнесся по равнинѣ и спугнулъ ястреба, который

съ сосѣдней скалы обозрѣвалъ окрестность. Птица взвилась. Юношѣ показалось, что и ему стоитъ только расправить руки, онѣ немедленно превратятся въ крылья и тоже быстро унесутъ его вдаль. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя такъ хорошо и привольно, никогда не сознавалъ въ себѣ такой силы. Если-бъ въ это время ему предложили начальство надъ тысячью въ египетскомъ войскѣ, онъ и теперь, какъ тогда, передъ разрушеннымъ жилищемъ Навина, отвѣчалъ-бы что желаетъ лишь одного: попрежнему оставаться пастыремъ и управлять только своими стадами и слугами.

Онъ круглый сирота, но у него есть народъ, къ которому онъ принадлежитъ: гдѣ водворится этотъ народъ, тамъ будетъ и его домъ.

Какъ странникъ, издалека возвращающійся на родину, Ефремъ все ускорялъ свой шагъ.

Въ ночь прибытія юноши въ Танисъ, мѣсяцъ едва зарождался въ небѣ. Полный, серебристый кругъ, теперь, въ его глазахъ блѣднѣвшій передъ утренней зарей, все еще принадлежалъ тому-же самому мѣсяцу. Но Ефрему казалось, что прошли годы по разлукѣ его съ Маріамью. И въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ много пережилъ въ послѣдніе дни, что набрался опыта на цѣлую жизнь.

Онъ ушелъ отъ своихъ юношей, а возвращался къ нимъ зрѣлымъ мужемъ. Благодаря послѣдней страшной ночи, онъ въ одномъ только не измѣнился—и въ самомъ главномъ: возвратясь къ своимъ, онъ можетъ, попрежнему, смѣло смотрѣть въ глаза всѣмъ, кого любитъ и почитаетъ.

Да, и больше того!

Ефремъ покажетъ всѣмъ, кого особенно чтитъ, что и онъ имѣетъ право высоко держать голову.

Онъ заплатитъ свой долгъ Іисусу. Онъ за все вознаградитъ

дядю, который остался въ цѣпяхъ, чтобы онъ, его племянникъ, могъ быть свободенъ какъ птица.

Онъ уже съ часъ неутомимо стремился впередъ, когда набрелъ на полуразрушенную сторожевую башню. Онъ поднялся на нее, съ цѣлью обозрѣть мѣстность. Величественная вершина горы Ваалъ-Цефона уже давно виднѣлась на чертѣ небосклона. Теперь, по сю сторону ея, передъ Ефремомъ сверкнулъ сѣверный край Чермнаго моря.

Свирѣпствовавшая ночью буря улеглась, но сильное колыханіе изумрудно-зеленой пелены моря показывало, что оно все еще не могло успокоиться. По безоблачному до тѣхъ поръ небу опять забѣгали клочки темныхъ тучъ, которыя какъ-бы предвѣщали новую бурю.

„На что̀“, думалъ Ефремъ, осматриваясь кругомъ, „могли расчитывать еврейскіе вожди, собираясь разбить свой станъ между Ваалъ-Цефономъ и Пигахироѳомъ?“ Послѣдній былъ теперь передъ нимъ, какъ на ладони. Онъ, со своими хижинами и шатрами, возвышался на берегу узкаго заводья, которое высылалъ далеко вглубь страны сѣверо-западный рукавъ Чермнаго моря.

Сиптахъ говорилъ это Казанѣ. Неужели князь опять обманулъ?

Нѣтъ! Вѣроломный измѣнникъ на этотъ разъ, противъ своего обыкновенія, сказалъ правду.

Между поселкомъ и моремъ, тамъ, гдѣ по вѣтру носились легкія струйки дыма, соколій глазъ Ефрема различилъ множество свѣтлыхъ точекъ, издали напоминавшихъ стада овецъ,— а среди нихъ какую-то возню.

Это былъ станъ его единокровныхъ.

Пространство, теперь отдѣлявшее его отъ нихъ, показалось ему ничтожнымъ.

Но, чѣмъ ближе были они, тѣмъ сильнѣе озабочивала Ефрема

ихъ судьба. Его великому народу, черезъ нѣсколько часовъ, грозила опасность, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, со стадами и шатрами, погибнуть отъ руки многочисленнаго и сильнаго врага.

По мѣрѣ дальнѣйшаго обозрѣнія мѣстности, сердце его все болѣзненнѣе сжималось. Нечего было и думать объ отступленіи на востокъ, гдѣ волновалось глубокое морское заводье, или на югъ, гдѣ бурлило само Чермное море, или на сѣверъ, откуда надвигались полчища фараона. Къ западу тянулась обнаженная Эѳанская степь. Еслибъ евреямъ и удалось туда проникнуть, это все равно ни къ чему не привело-бы. Они опять очутились-бы въ египетскихъ владѣніяхъ и исходъ ихъ изъ Египта, все равно, не состоялся-бы.

Его народу, значитъ, ничего больше не оставалось, какъ отважиться на бой. При этой мысли кровь застывала въ жилахъ юноши. Ему была хорошо знакома плохо вооруженная и столь же плохо обученная, частью дикая и необузданная, частью жалкая и трусливая, дружина евреевъ. А съ другой стороны, развѣ онъ не былъ въ эти дни свидѣтелемъ благоустройства, царившаго среди египетскаго войска съ его безчисленной пѣхотой и великолѣпными боевыми колесницами?

Ефремъ, такъ же точно какъ передъ тѣмъ его дядя, пришелъ къ убѣжденію, что народъ его погибнетъ, если не явится къ нему на помощь Самъ Богъ его праотцевъ. Во дни дѣтства его и теперь, отправляя его въ Танисъ, Маріамь со сверкающими глазами твердила ему о великомъ, всемогущемъ Богѣ, Который возлюбилъ народъ еврейскій больше всѣхъ другихъ народовъ. Но вдохновенная рѣчь пророчицы не пробуждала въ его дѣтскомъ сердцѣ никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ благоговѣйнаго трепета передъ непостижимымъ величіемъ и грознымъ могуществомъ этого Бога.

Гораздо легче и пріятнѣе было ему возноситься духомъ къ богу солнца. Благодушный наставникъ Ефрема, египетскій жрецъ въ Пиѳомѣ, часто водилъ его во храмъ этого бога. Позднѣе юноша и совсѣмъ пересталъ ощущать потребность въ обращеніи къ какому-бы то ни было божеству. Онъ ни въ чемъ не нуждался. Другія дѣти во всемъ слѣдовали примѣру родителей. Онъ-же росъ сиротою. Пастухи, сторожившіе его стада, сначала въ шутку, потомъ на самомъ дѣлѣ величали его своимъ господиномъ. Это преждевременно развило въ немъ сознаніе собственной силы и сдѣлало его тѣмъ гордымъ, своевольнымъ юношей, какимъ онъ былъ до сихъ поръ.

Ему, здоровому, сильному, властному, повиновались старшіе. Другіе въ немъ нуждались, самъ-же онъ привыкъ только на себя полагаться. О чемъ нибудь просить — о мелочи или о важномъ дѣлѣ — было ему равно невыносимо. Онъ не считалъ нужнымъ прибѣгать и къ Богу, Который стоялъ такъ высоко надъ нимъ, что поневолѣ казался ему чуждымъ.

Но теперь, въ виду страшной опасности, грозившей его народу, Ефремъ впервые понялъ, что въ настоящей, неотразимой бѣдѣ спасенья ждать можно только отъ всемогущей руки Того, въ чьей власти разбить вдребезги и небо, и землю.

Что̀ такое онъ, Ефремъ, чтобы утруждать мольбами о себѣ Бога, величіе Котораго Маріамь и Осія изображали ему въ такихъ яркихъ краскахъ? Иное дѣло многотысячный народъ, самимъ Богомъ избранный для великой будущности. Народъ этотъ на краю гибели. Ефремъ, который теперь къ нему возвращается прямо изъ непріятельскаго стана, можетъ-быть, одинъ измѣрилъ всю глубину грозящей ему опасности.

И его вдругъ охватило убѣжденіе, что Господь, погруженный въ заботы о небѣ и землѣ, о солнцѣ и звѣздахъ, и на мгновеніе забывшій о судьбѣ своего народа, теперь, въ лицѣ

его, Ефрема, посылаетъ ему спасителя. Онъ все еще стоялъ на вершинѣ разрушенной башни и, воздѣвъ руки, устремилъ взоръ въ небо.

Темныя тучи, которыя онъ ужь давно замѣтилъ на горизонтѣ, быстро надвигались съ сѣвера и постепенно застилали небосклонъ. Вѣтеръ, совсѣмъ было стихшій при солнечномъ восходѣ, опять задулъ и быстро превратился въ бурю. Все чаще и чаще чередовались порывы его и, проносясь надъ перешейкомъ, гнали цѣлые столбы желтаго песку.

Желая, чтобы молитва его была услышана, Ефремъ, стараясь перекричать бурю, во всю силу своей молодой груди воскликнулъ: „Адонаи, Адонаи!.. Ты, именуемый Іеговою, великій Богъ праотцевъ моихъ, услышь меня, Ефрема! Я молодъ, неопытенъ и, въ ничтожествѣ своемъ, не стòю Твоего вниманія. Мнѣ ничего не надо для себя. Но народъ, Тобою избранный, нынѣ въ великой нуждѣ. Онъ, по слову Твоему, покинулъ и безопасные дома свои, и тучныя пастбища, ибо Ты обѣщалъ ему лучшую землю. Но вотъ, за нимъ гонятся фараоновы полчища. Народъ нашъ не въ силахъ побороть ихъ. Повѣрь мнѣ, Или [1]), мой Господь! Я былъ въ египетскомъ станѣ и все видѣлъ. Такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь передъ Тобою, знаю я, что намъ не одолѣть ихъ. Фараонова рать растопчетъ насъ, какъ стадо воловъ топчетъ былинки на пастбищахъ. Мой—и Твой также—народъ устроилъ стоянку тамъ, гдѣ фараонъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, отрѣжетъ ему всѣ пути ко спасенію: мнѣ это ясно видно отсюда! Внемли-же мнѣ, Адонаи! Можешь-ли Ты меня слышать въ эту страшную бурю? Конечно можешь, ибо Тебя зовутъ всемогущимъ. А если Ты слышишь и вникаешь въ смыслъ моихъ словъ, то зришь и правду ихъ. Вспомни обѣтъ, который Ты далъ народу черезъ раба Твоего, Моисея!

[1]) *Или*—у евреевъ одно изъ именъ Божіихъ. *Ред.*

„У египтянъ я видѣлъ развратъ, убійство и всякаго рода вѣроломство. Даже въ меня, грѣшнаго, неопытнаго юношу, вселили они ужасъ и отвращеніе. Ты-же—источникъ всякаго добра и, по свидѣтельству Маріами, сама правда. Ты не захочешь, какъ они, нарушить Своего обѣта? Нѣтъ, нѣтъ, Всесильный, Великій, одна мысль о томъ уже грѣшна! Услыши меня, Адонаи! Смотри: на сѣверѣ поднимаются и готовы на насъ ринуться египетскія полчища; на югѣ Твой народъ въ безъисходной бѣдѣ. Но Ты, Всемогущій, Премудрый, съумѣешь его спасти. Ты обѣщалъ имъ новую землю, но если они погибнутъ, кто-жъ вступитъ въ нее!“

Такъ заключилъ Ефремъ свою дѣтскую, нескладную, но прямо изъ сердца выливавшуюся молитву.

Онъ опрометью бросился внизъ по крутой лѣстницѣ полуразвалившейся башни и пустился бѣжать по обнаженной пустынѣ такъ быстро, какъ будто вторично спасался отъ погони. Буря, несшаяся съ сѣверо-востока, подгоняла его, и вѣроятно, думалось ему, такъ же точно ускоряла и движеніе фараоновой пѣхоты. Вожди его народа, должно быть, не подозрѣваютъ, какъ многочисленна надвигающаяся на нихъ рать, и не сознаютъ всей опасности своего положенія. За то онъ, Ефремъ, ясно видитъ ее и предупредитъ ихъ. И онъ несся съ такой быстротой, какъ будто буря дала ему крылья.

Вотъ и селеніе Пигахироѳъ. Ефремъ не останавливался въ немъ, но мимоходомъ замѣтилъ, что оно совсѣмъ опустѣло: ни людей, ни скота не было видно. Должно-быть жители, испуганные приближеніемъ египетскихъ войскъ, а можетъ быть и евреевъ, поспѣшили куда нибудь скрыться.

Ефремъ все шелъ, а небо, яркая лазурь котораго здѣсь вообще рѣдко омрачается, на этотъ разъ становилось все мрачнѣе и буря разыгрывалась. Вихрь разносилъ волосы вокругъ

разгоряченнаго чела юноши. Ефремъ прерывисто дышалъ, но не прекращалъ бѣга. Ноги его, напротивъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, все быстрѣе и быстрѣе отдѣлялись отъ почвы.

По мѣрѣ приближенія къ морю, ревъ бури усиливался и грознѣе шумѣли волны, которыя бѣшено кидались на камни у подножія Ваалъ-Цефона и съ плескомъ разбивались объ нихъ. Всего только часъ времени прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ Ефремъ оставилъ башню, а вотъ ужь и передовыя палатки еврейскаго стана. Его встрѣтилъ хорошо знакомый окрикъ: „Не чисто!" Передъ нимъ мелькнули печальныя одежды, а изъ отрепанныхъ вѣтромъ ставокъ выглянули изможденныя, покрытыя струпьями лица. Онъ понялъ, что наткнулся на стоянку прокаженныхъ, которымъ Моисей велѣлъ располагаться на отдыхъ за чертой общаго стана.

Но Ефремъ такъ торопился, что не захотѣлъ идти въ обходъ, а съ размаху промчался между палатками прокаженныхъ. Не остановила его и высокая пальма, съ корнемъ вырванная вѣтромъ и рухнувшая такъ близко отъ него, что верхушкой даже задѣла его.

Но вотъ, наконецъ, и самый станъ. И тутъ попадались обрушенные шатры и поваленные плетни.

У первыхъ же знакомыхъ, которые ему встрѣтились, Ефремъ освѣдомился объ отцѣ своей покойной матери и Іисуса, о старцѣ Навинѣ.

Навинъ, вмѣстѣ съ Моисеемъ и съ другими старѣйшинами, удалился на морской берегъ. Ефремъ послѣдовалъ за ними. Влажный, пропитанный солью воздухъ освѣжилъ его.

Однако онъ не могъ немедленно вступить въ объясненія со старѣйшинами. Онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобъ перевести духъ и, остановясь въ нѣкоторомъ разстояніи, на-

блюдалъ, какъ они вели оживленные переговоры съ финикійскими мореходами.

Такимъ молодымъ людямъ, какъ Ефремъ, воспрещалось вмѣшиваться въ совѣщанія старѣйшинъ. На этотъ разъ рѣчь между ними шла очевидно о морѣ. Евреи безпрестанно указывали на заливъ, а финикіяне то на заливъ, то на гору, на небо и на сѣверъ, откуда неслась все свирѣпѣвшая буря.

Выступъ каменной стѣны защищалъ старѣйшинъ отъ урагана. Но, несмотря на это, они, опираясь на посохи и цѣпляясь за камни, все-таки съ трудомъ держались на ногахъ.

Наконецъ совѣщаніе кончилось. Мощная фигура Моисея, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ важнѣйшихъ старѣйшинъ, медленными, но твердыми шагами направилась дальше по морскому берегу, а Навинъ, поддерживаемый пастухами, съ трудомъ сопротивляясь вѣтру, побрелъ обратно въ станъ. Онъ былъ въ печальной одеждѣ, и между тѣмъ какъ лица остальныхъ свѣтились радостной надеждой, его прекрасное окаймленное сѣдой бородой и сѣдыми кудрями лицо сохраняло выраженіе глубокой скорби.

Ефремъ окликнулъ его. Онъ приподнялъ свою львиную голову и, узнавъ юношу, вздрогнулъ, въ испугѣ отшатнулся и крѣпче ухватился за руку сильнаго пастуха, который его поддерживалъ.

Отпущенники изъ рабовъ, оставленные имъ въ Танисѣ, сообщили ему объ ужасной участи постигшей его сына и внука.

Старецъ разорвалъ одежду, посыпалъ пепломъ голову, облекся въ печальныя одежды и горько оплакивалъ любимаго, доблестнаго, единственнаго своего сына и юнаго внука.

И вдругъ Ефремъ здѣсь, передъ нимъ! Дѣдъ положилъ руки на плечи юноши, горячо обнималъ, цѣловалъ его и

спрашивалъ о сынѣ: живъ-ли онъ и все-ли еще преданъ своему народу.

Ефремъ съ радостью отвѣчалъ на все утвердительно. Навинъ еще разъ обнялъ его и побрелъ дальше, опираясь на него: онъ больше не хотѣлъ, чтобы его поддерживали чужія руки и чтобы посторонніе защищали его отъ бури.

Его ожидала важная и неотложная обязанность. На пути къ стану, пылкій юноша, сквозь ревъ урагана, напрягая голосъ, сообщилъ дѣду о своемъ замыслѣ въ пользу Осіи, отнынѣ называемаго Іисусомъ. Онъ, Ефремъ, соберетъ своихъ пастуховъ и товарищей и вмѣстѣ съ ними отправится освобождать дядю. Въ бодромъ, еще свѣжемъ старикѣ тоже пробудилось и ключемъ забило стремленіе къ дѣятельности. Онъ старъ, но еще не разучился владѣть оружіемъ и не отстанетъ отъ молодыхъ товарищей Ефрема. Онъ вмѣстѣ съ ними пойдетъ освобождать сына. Въ глазахъ его сверкали слезы. Воздѣвъ руку къ небу, онъ заговорилъ:

— Богъ праотцевъ нашихъ бодрствуетъ надъ нами. Онъ— оплотъ и крѣпость наша. Видишь ли тамъ на краю залива песокъ, водоросли и раковины? Какой-нибудь часъ тому назадъ, мѣсто это еще было покрыто водой и пѣнилось волнами — теперь это намъ путь ко спасенію, сынъ мой! Если вѣтеръ продержится, воды залива уйдутъ еще дальше въ море. Это подтверждаютъ и финикіяне, а они народъ опытный во всемъ, что̀ касается моря. Они говорятъ, что намъ покровительствуетъ богъ сѣвернаго вѣтра, которому они поклоняются. Но мы лучше знаемъ, Кто на самомъ дѣлѣ указываетъ намъ выходъ въ пустыню. А плохо намъ приходилось, дитя мое!

— Да, дѣдушка, воскликнулъ Ефремъ, — вы были точно львы въ западнѣ. Египетское войско — вѣдь я близко видѣлъ его—непобѣдимо. Я нарочно затѣмъ изо всѣхъ силъ и спѣ-

шилъ сюда, чтобы предупредить васъ. Сколько въ немъ тяжело-вооруженныхъ ратниковъ, стрѣлковъ, сколько коней и колесницъ!..

— Знаемъ, знаемъ, перебилъ его старецъ. — Но вотъ мы и пришли.

Онъ указалъ полуопрокинутую ставку, которую слуги старались укрѣпить, а возлѣ нея стараго-престараго еврея. Это былъ отецъ Навина, Елишама. Плотно укутанный, онъ отдыхалъ въ носилкахъ.

Навинъ торопливо что-то ему сказалъ и позвалъ Ефрема. Пока тотъ обнималъ прадѣда и принималъ его ласки, Навинъ съ юношескимъ пыломъ сталъ отдавать приказанія слугамъ и пастухамъ.

— Оставьте, не подымайте шатровъ! говорилъ онъ. — Буря начала за васъ работу! Собирайте ткани, навертывайте ихъ на колья! Грузите повозки, вьючьте животныхъ! Всѣ руки за дѣло! Гадъ, Замма, Іаковъ, помогайте другимъ! Насталъ часъ — пора въ походъ! Спѣшите, снаряжайте коней и повозки! Живѣй, какъ можно живѣй! Господь указываетъ намъ путь! Идемъ по зову Его и по слову Моисея! Стройтесь въ старомъ порядкѣ. Во главѣ всѣхъ мы, за нами другія колѣна, позади чужеземцы и прокаженные, мужи и жены. Радуйтесь, люди! Господь творитъ для насъ великое чудо: Онъ для своего избраннаго народа осушаетъ море. Продолжайте работать, но въ глубинѣ сердецъ вашихъ возблагодарите Его! Молитесь, да защититъ Онъ насъ и впослѣдствіи. Если не хотите, чтобъ васъ поразилъ мечъ египетскій или раздавила колесница фараона, спѣшите, изо-всѣхъ силъ спѣшите! Дайте — я самъ сверну эту палатку! Сюда, юноша, ко мнѣ! Смотрите-ка, вонъ дѣти Манасіи уже все сложили и теперь нагружаютъ повозки. Вотъ такъ, Ефремъ, отлично! ты умѣешь владѣть руками! Ну, что̀ еще остается сдѣлать? Ахъ, старая моя,

безпамятная головушка! Да не мало же и вынесла она за это время! Рафу, ты малый проворный, бѣги къ иноземцамъ—я взялся ихъ предупредить. Скажи, чтобъ и они собирались и не отставали отъ нашихъ. Время дорого! Господи, Боже мой, распростри Свою десницу надъ народомъ Твоимъ и пусть передъ этой бурей—мощнымъ Твоимъ дыханіемъ—еще дальше отступятъ волны! Всѣ, всѣ молитесь, не оставляя работы! Вездѣсущій видитъ ваши сердца и, конечно, услышитъ вашу молитву. Стой, Ефремъ, эта ноша слишкомъ тяжела для тебя! Ты надорвешься! Каковъ молодецъ—вѣдь справился! Сокхоѳцы, полюбуйтесь на вашего юнаго господина и порадуйтесь его силѣ!

Слова эти пришлись по сердцу пастухамъ, слугамъ и служанкамъ Ефрема. Они и до того уже привѣтствовали его среди работы. Многіе цѣловали ему руки и всѣ радовались его возвращенію. Они усердно собирали, завертывали, укладывали разныя пожитки, таскали тяжести, нагружали повозки, сзывали и сгоняли испуганный бурею скотъ.

Выходцы изъ Сокхоѳа и изъ Таниса одинаково хлопотали и суетились вокругъ Ефрема. Не отставали отъ нихъ и другіе стадовладѣльцы и менѣе значительные люди изъ колѣна Ефремова, ставки которыхъ окружали шатеръ ихъ вождя, Навина. Но, не смотря на столь усердные сборы, все-таки прошло нѣсколько часовъ, пока всѣ ставки были убраны, домашняя рухлядь, запасы для людей и кормъ для животныхъ сложены и навьючены, старые, слабые и больные размѣщены по носилкамъ и повозкамъ.

Издали, сквозь ревъ бури, по временамъ доносились сюда звуки густаго повелительнаго голоса Моисея и болѣе мягкой рѣчи Аарона. Но ни Ефремово, ни Іудино колѣна не нуждались въ подбодреніи: ими руководили Оръ и Наассонъ. При первомъ, къ тому-же, неотлучно находилась его молодая жена,

Маріамь. Не такъ собирались другія колѣна, благодаря упорству и трусости своихъ старѣйшинъ, которые и были главными виновниками опаснаго положенія, въ какомъ теперь находились евреи.

Молитва Ефрема на башнѣ.

Потопленіе египтянъ.

Глава XXII.

Первоначальное намѣреніе евреевъ, прорваться сквозь линію Эѳамскихъ укрѣпленій и затѣмъ двинуться дальше на сѣверо-востокъ, по направленію къ Палестинѣ, оказалось неисполнимымъ. И другой замыселъ Моисея, провести народъ въ обходъ у Южнаго Мигдола, тоже не могъ осуществиться, такъ какъ развѣдчики донесли, что и въ этой твердынѣ былъ значительно усиленъ крѣпостной отрядъ. Тогда большинство евреевъ приступило къ Моисею съ требованіемъ вести ихъ обратно. Они считали лучшимъ просить у фараона пощады, чѣмъ обрекать на вѣрную гибель самихъ себя, своихъ женъ и дѣтей.

На вразумленіе ихъ ушло нѣсколько дней. Новые развѣд-

чики принесли вѣсти о приближеніи фараона съ несмѣтными полчищами. Въ виду этой крайней опасности, настало время понудить евреевъ къ смѣлой попыткѣ пробиться впередъ. Моисей налегъ на нихъ всей тяжестью своей властной личности. Ааронъ пустилъ въ ходъ всю силу своего увлекательнаго краснорѣчія. Навинъ и Оръ дѣлали все возможное, чтобы и другихъ одушевить собственною отвагой. Но страшныя вѣсти, казалось, лишили большинство евреевъ послѣдняго самообладанія и погасили въ нихъ всякую искру вѣры въ Бога. Они ужь окончательно рѣшились отдать себя на милость фараона. Но вернулись вотъ ихъ гонцы, которыхъ они, за спиной вождей, сами отъ себя посылали на развѣдку — и принесли вѣсть, что египетскимъ войскамъ приказано избивать всѣхъ евреевъ поголовно, не щадя и тѣхъ, которые принесутъ повинную. Фараонъ хотѣлъ примѣрно наказать чужеземцевъ, чьи чары разорили и погубили столько египтянъ.

Такимъ образомъ они слишкомъ поздно узнали, что возвращеніе было бы для нихъ еще вѣрнѣйшею гибелью, чѣмъ самый смѣлый натискъ впередъ. Но способные носить оружіе, послѣдовавшіе было за Оромъ и Навиномъ къ Южному Мигдолу, тотчасъ обратились въ бѣгство, лишь только услышали воинственные звуки египетскихъ трубъ. Измученные, упавшіе духомъ и раздраженные вернулись они къ своему народу, съ преувеличенными разсказами о боевыхъ силахъ фараона. Ихъ испугъ и отчаяніе не замедлили сообщиться и храбрѣйшимъ изъ евреевъ. Тщетны были всѣ увѣщанія, всѣ усилія ихъ образумить. Ни къ чему не повели также и угрозы. Возмутившаяся толпа увлекла за собой и вождей. Такимъ образомъ она добралась до Чермнаго моря, глубокія, изумрудныя волны котораго преградили ей движеніе дальше на югъ.

Тогда евреи разбили лагерь между Пигахироѳомъ и Ваалъ-

Цефономъ. Здѣсь вождямъ удалось опять обратить ихъ къ Богу праотцевъ.

Въ виду неминуемой гибели, отъ которой никакая человѣческая сила не могла ихъ спасти, они снова научились обращать взоры къ небу. И сердце Моисея снова переполнилось состраданіемъ къ этой несчастной, тяжко-испытуемой толпѣ, которая довѣрилась ему и за нимъ послѣдовала. Еще въ прошлую ночь поднялся онъ на одну изъ нижайшихъ вершинъ Ваалъ-Цефона. При свистѣ вѣтра и ревѣ бури вознесся онъ духомъ къ Господу и ощутилъ Его присутствіе. Онъ неутомимо излагалъ передъ Нимъ горе своего народа и молился о его спасеніи.

Въ тотъ-же самый часъ Маріамь, жена Ора, вышла на морской берегъ, и тамъ, подъ одинокою пальмой, все еще сознавая себя избранницей Бога, умоляла Его о томъ же, о чемъ и Моисей. Она молилась о судьбѣ женъ и дѣтей, которыя, довѣряя Ему, пустились въ дальній путь. Не забыла она помолиться колѣнопреклоненно и о другѣ своей юности, теперь томившемся въ неволѣ. Но слова ея молитвы были робки и нерѣшительны:

— Не отврати, Господи, взоровъ Твоихъ и отъ злополучнаго Осіи, котораго я, по Твоему велѣнію, назвала Іисусомъ—хотя онъ и оказался менѣе покорнымъ Твоей волѣ, чѣмъ братъ Моисей, и супругъ мой, Оръ. Вспомни о юномъ Ефремѣ, внукѣ Твоего вѣрнаго слуги, Навина!

Затѣмъ она вернулась въ шатеръ своего мужа. Тѣмъ временемъ и другіе мужчины и женщины, распростертые передъ ставками, или на жесткихъ, омоченныхъ слезами, цыновкахъ, тоже взывали къ Господу, поручая ему судьбу своихъ близкихъ и дорогихъ.

Такимъ образомъ въ эту ночь, исполненную смертельной тревоги, еврейскій станъ превратился въ храмъ, гдѣ всѣ, отъ

мала до велика, отцы и матери семействъ, господа и рабы, не исключая и бѣдныхъ прокаженныхъ—всѣ, возносясь духомъ къ Господу, искали и обрѣтали Его.

Такъ настало то утро, въ которое и Ефремъ также, отъ полноты своего дѣтскаго сердца, сквозь ревъ бури, взывалъ къ Господу,—и вдругъ море стало отступать отъ земли въ глубь своихъ нѣдръ.

Когда народъ собственными глазами увидѣлъ чудо, которое Господь совершалъ для избранныхъ своихъ, всѣ, даже отчаявшіеся, превратились въ твердовѣрующихъ и одушевились радостной надеждой.

Не только въ колѣнѣ Ефремовомъ, но и въ другихъ, среди чужеземцевъ и прокаженныхъ, вездѣ, вновь пробудившаяся надежда всѣхъ подстрекала къ усиленнымъ сборамъ въ походъ. Народъ впервые собрался и выстроился въ боевомъ порядкѣ единодушно, безъ ссоръ и брани, безъ буйства и насилій, безъ слезъ и проклятій.

По заходѣ солнца, Моисей съ высоко поднятымъ жезломъ, Ааронъ съ молитвой и священнымъ пѣніемъ, впереди всѣхъ, вступили въ русло морскаго залива.

Буря свирѣпствовала съ прежней силой. Осушивъ дно залива, она мчалась на юго-западъ, раздувая пламя и разнося дымъ свѣточей, которые предшествовали каждому колѣну.

Всѣ взоры съ напряженнымъ вниманіемъ и съ довѣріемъ устремлялись на главныхъ вождей, за которыми непосредственно слѣдовалъ старый Навинъ, во главѣ колѣна Ефремова. Песокъ морскаго дна, по которому они ступали, былъ мокръ, но твердъ. Даже стада, и тѣ шли свободно, какъ по торному пути, слегка наклонному къ морю.

Ефремъ, въ которомъ старѣйшины уже предвидѣли будущаго вождя, взялся, по предложенію дѣда, слѣдить за порядкомъ шествія и особенно за тѣмъ, чтобы оно не подвергалось

задержкамъ. Съ этой цѣлью его вооружили начальническимъ жезломъ. Не одни финикійскіе кормчіе, но и рыбаки, гнѣздившіеся у подошвы Ваалъ-Цефона, предсказывали, что когда мѣсяцъ поднимется до высшей точки на сводѣ небесномъ, море вернется въ свое прежнее ложе. Поэтому надо было спѣшить, избѣгая всякихъ остановокъ.

Юноша наслаждался бурей. Она трепала его волосы и когда онъ сновалъ повсюду, куда призывали его обязанности, побѣдоносно борясь съ нею, это пріятно волновало его, какъ предвкушеніе успѣха тѣхъ замысловъ, которые роились въ его головѣ.

Темнота быстро смѣнила вечернія сумерки. Въ воздухѣ носился острый запахъ морской травы и рыбы, которая осталась на днѣ залива. Юноша, внезапно превратившійся въ мужа, съ наслажденіемъ вдыхалъ этотъ запахъ, который теперь казался ему несравненно пріятнѣе благоуханій нарда въ шатрѣ Казаны. Воспоминаніе о ней въ теченіе послѣднихъ часовъ только разъ промелькнуло у него въ головѣ: ему некогда было о ней думать.

У него были полны руки дѣла. Ему приходилось то удалять съ пути морскую поросль, наносимую случайно набѣгавшею волной, то хватать за рога и тащить дальше передоваго козла въ стадѣ, который упирался, не рѣшаясь ступать на мокрую почву, то подгонять воловъ и вьючныхъ животныхъ, когда тѣ упрямились и не хотѣли переходить водомоины.

Иногда онъ подпиралъ плечомъ слишкомъ тяжело нагруженную повозку и помогалъ ее вытаскивать, когда она увязала колесами въ рыхломъ пескѣ. Еще въ самомъ началѣ шествія, почти не сходя съ египетскаго берега, два отряда пастуховъ поспорили о томъ, кому изъ нихъ идти впередъ. Ефремъ быстро рѣшилъ ихъ споръ, посредствомъ жребія. Двѣ маленькія дѣвочки, у которыхъ мать была поглощена за-

ботами о грудномъ ребенкѣ, съ громкимъ плачемъ барахтались въ лужѣ. Ефремъ на рукахъ перенесъ ихъ черезъ воду. У одной повозки сломалось колесо. Онъ, при свѣтѣ факеловъ, велѣлъ оттащить ее въ сторону, а поклажу и даже обломки самой повозки взвалилъ на плечи дюжимъ тягловымъ, несшимъ до тѣхъ поръ лишь небольшіе узелки. Плачущихъ женщинъ и дѣтей Ефремъ ободрялъ словомъ утѣшенія; когда же свѣтъ факеловъ падалъ на лицо сверстника по лѣтамъ, который могъ пригодиться при освобожденіи Іисуса, Ефремъ вкратцѣ сообщалъ ему, что расчитываетъ на его содѣйствіе въ одномъ смѣломъ предпріятіи.

Отроковъ съ громадными кадильницами, которые во всѣхъ другихъ случаяхъ обыкновенно предшествовали народу, на этотъ разъ пришлось отодвинуть назадъ, въ самые послѣдніе ряды шествія — иначе сѣверо-восточный вѣтеръ гналъ бы кадильный дымъ прямо въ лицо странникамъ. Такимъ образомъ эти мальчики дольше всѣхъ оставались на египетскомъ берегу. Всѣ отряды ополченія уже прошли мимо нихъ, за исключеніемъ прокаженныхъ, которымъ отведено было мѣсто за чужеземцами. Послѣдніе состояли изъ пестрой толпы азіатовъ семитской крови. Они большею частью бѣжали отъ тягловой работы, или отъ присужденнаго имъ по египетскимъ законамъ тяжкаго наказанія. Однако между ними встрѣчались и торговцы, находившіе себѣ покупщиковъ среди многочисленныхъ странниковъ, и пастухи племени Шазу, которыхъ пограничные чиновники не пускали обратно на родину. Ефрему не легко было поладить съ чужеземцами. Они долго оставались на твердой землѣ, требуя, чтобы прокаженнымъ велѣно было держаться какъ можно дальше отъ нихъ. Въ заключеніе ему однако удалось съ ними сговориться, благодаря содѣйствію старѣйшинъ Веніаминова колѣна. Юноша, между прочимъ, въ видѣ угрозы непокорнымъ, сообщилъ имъ предсказаніе финп-

кіянъ и рыболововъ, что когда мѣсяцъ начнетъ заходить, море вернется въ свое прежнее ложе. Наконецъ одинъ благоразумный вожакъ прокаженныхъ — бывшій египетскій жрецъ — обѣщалъ, что они будутъ сохранять, по крайней мѣрѣ, половину разстоянія, предписываемаго закономъ въ обычное время.

Буря между тѣмъ все сильнѣе разыгрывалась. Свистъ вѣтра, грохотъ падающихъ волнъ и ревъ морскаго прибоя заглушали всѣ другіе звуки — и повелительные возгласы старѣйшинъ, и стоны женщинъ, и плачъ дѣтей, и визгъ собакъ, мычанье и блеяніе дрожащихъ отъ страха стадъ. Голосъ Ефрема слышали только находившіеся въ непосредственной близости отъ него. Много факеловъ уже потухло, а тѣ, которые еще горѣли, надо было съ большимъ трудомъ защитать отъ вѣтра. Ефремъ, тяжело переводя духъ, шелъ позади прокаженныхъ. Онъ отдыхалъ и собирался съ новыми силами. Вдругъ его окликнули. Онъ обернулся и узналъ товарища, который былъ на развѣдкѣ и теперь только возвращался къ своимъ. Крупныя капли пота покрывали лобъ вновь прибывшаго и онъ съ трудомъ переводилъ духъ. Увидя въ рукахъ Ефрема начальническій посохъ, онъ шепнулъ ему, что фараонъ со своими колесницами значительно опередилъ всѣ остальныя египетскія войска и теперь находится близь Пигахироѳа. Если онъ не остановится тамъ для отдыха и не захочетъ ждать соединенія съ боевыми силами, которыя позади него, то можетъ ежеминутно настигнуть бѣглецовъ. Проговоривъ все это на ходу, развѣдчикъ поспѣшилъ дальше, мимо прокаженныхъ, сообщить свои вѣсти другимъ вождямъ. Ефремъ остановился и схватилъ себя за голову. Отчаяніе опять овладѣло его сердцемъ.

Вражескія полчища приближаются. Они опрокинутъ, сомнутъ, раздавятъ, словно кучу муравьевъ, всѣхъ этихъ мужей, женъ и

дѣтей. Ефремъ только что видѣлъ ихъ во всей ихъ трогательной безпомощности. Всѣмъ существомъ его овладѣло молитвенное настроеніе, и стѣсненное сердце юноши какъ бы само взывало въ тишинѣ ночи:

— Или, Или, Великій Боже въ небесахъ! Тебѣ извѣстно — вѣдь я Тебѣ ужь это говорилъ — и Твое всевидящее око, не смотря на темноту ночную, конечно зритъ, въ какомъ положеніи народъ, которому Ты обѣщалъ новую землю. Вспомни Твой обѣтъ, Іегова! Будь милостивъ къ намъ, Всемогущій, Великій! На насъ наступаетъ непобѣдимая вражья сила! Удержи ее! Спаси насъ! Защити бѣдныхъ женъ и дѣтей! Спаси насъ! Будь милостивъ къ намъ!

Ефремъ поднялъ глаза къ небу и увидѣлъ на вершинѣ Ваалъ-Цефона яркій красный огонь. Его зажгли финикіяне, дабы расположить въ пользу евреевъ бога сѣверныхъ вѣтровъ, Ваала, и враждебно настроить его противъ ненавистныхъ египтянъ.

Это было сдѣлано по-дружески. Но Ефремъ возлагалъ свои надежды на другаго Бога. Онъ продолжалъ смотрѣть на небо. По небу мчались сѣрые и черные клубы тучъ, которыя сталкивались, расходились, наскакивали однѣ на другія и неслись дальше, какъ бы отыскивая себѣ новые пути. Изъ-за двухъ точно соскочившихъ одна съ другой тучъ выглянулъ серебристый кругъ полной луны: Ефремъ увидѣлъ, что она почти достигла уже высшей точки на сводѣ небесномъ.

Это опять повергло его въ уныніе. Онъ вспомнилъ предсказаніе о вѣтрѣ и о погодѣ людей опытныхъ и свѣдущихъ по этой части. Если море вздумаетъ теперь вернуться въ старое ложе—народъ еврейскій погибъ. Не найти ему спасенія и въ бѣгствѣ на сѣверъ: тамъ, среди ила и камней, большія пространства стоячей воды. Да, если волны поспѣшатъ нахлынуть, сѣмя Авраамово исчезнетъ съ лица земли, какъ ис-

чезаютъ, подъ давленіемъ теплой руки, начертанныя на воскѣ письмена.

Но развѣ этотъ, повидимому, обреченный гибели народъ не тотъ самый, который Господь назвалъ Своимъ избраннымъ? Неужели Онъ предастъ его въ руки Своихъ и его враговъ?

Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ!

Вѣдь мѣсяцъ, отъ котораго теперь ожидаютъ столько бѣдъ, до сихъ поръ покровительствовалъ же бѣгству евреевъ. Надо только надѣяться и вѣрить!

Къ тому же, ничто еще пока и не потеряно.

Да и что̀ бы ни случилось впредь, теперь народъ еврейскій ужь не погибнетъ весь поголовно. Собственное племя Ефрема, шедшее во главѣ всѣхъ, уже во всякомъ случаѣ будетъ спасено. Да и не оно одно: вѣроятно ужь многіе достигли противоположнаго берега — и число спасенныхъ можетъ-быть гораздо больше, чѣмъ онъ полагаетъ.

Самъ Ефремъ продолжалъ идти позади всѣхъ. Онъ прислушивался, не приближаются-ли египетскія колесницы. Еще не сходя съ берега залива, онъ приложилъ ухо къ землѣ. Юноша могъ вполнѣ положиться на свой слухъ. Сколько разъ на этомъ самомъ мѣстѣ случалось ему различать отдаленный топотъ заблудившихся быковъ и овецъ, или, на охотѣ, издалека ловить звуки приближающагося стада антилопъ и газелей.

Находясь позади всѣхъ, онъ больше всѣхъ подвергался опасности. Но, что̀ за важность?

Какъ охотно отдалъ бы онъ свою жизнь, чтобы спасти остальныхъ!

Съ той минуты, какъ онъ вооружился начальническимъ жезломъ, Ефремъ взялъ на себя и обязанность бодрствовать надъ своими. Онъ слушалъ-слушалъ — и вдругъ уловилъ едва замѣтный трепетъ и стонъ почвы. Да, это непріятель! Это ко-

лесницы фараона — и какъ быстро несутся его гордые кони!

Ефрема точно ударили бичемъ. Онъ со всѣхъ ногъ бросился впередъ торопить другихъ.

Какъ душно вдругъ стало въ воздухѣ, не смотря на бурные порывы вѣтра, которые потушили уже столько факеловъ! Тучи скрывали мѣсяцъ, но за то все ярче и ярче разгорался костеръ на вершинѣ Ваалъ-Цефона. Вылетавшія оттуда искры теперь стремительно неслись на западъ: вѣтеръ перемѣнялъ направленіе и начиналъ дуть съ востока.

Лишь только Ефремъ замѣтилъ это, какъ опять стремглавъ кинулся назадъ, къ замыкавшимъ шествіе отрокамъ съ кадильницами. Онъ торопливо отдалъ приказъ, вновь наполнить мѣдные сосуды кадильницъ такъ, чтобы они давали какъ можно больше дыму. Ефремъ полагалъ, что гонимый прямо навстрѣчу фараону дымъ испугаетъ и задержитъ коней его.

Никакая мѣра не казалась ему ничтожною. Каждый мигъ былъ дорогъ. Когда дымъ, вырываясь изъ кадильницъ, густыми клубами и захватывая дыханіе, понесся назадъ, по направленію только что пройденнаго евреями пути, Ефремъ снова устремился впередъ. Надо было предупредить старѣйшинъ и заставить всѣхъ ускорить шагъ. И дѣйствительно всѣ, странники, носильщики, погонщики и пастухи засуетились и пошли быстрѣе. Вѣтеръ, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе дувшій съ востока, значительно затруднялъ ихъ движеніе. Но они храбро боролись съ нимъ, подстрекаемые страхомъ передъ непріятелемъ, который гнался за ними по пятамъ.

Какъ сторожевая собака, ревниво оберегающая стадо, перехо́дилъ Ефремъ отъ одного вождя къ другому, сообщая о близкой опасности, и его вездѣ привѣтливо встрѣчали. По мѣрѣ движенія его впередъ, восточный вѣтеръ, какъ-бы въ награду ему за неустрашимую борьбу съ ураганомъ, сталъ доносить до

него странные, чудесные звуки. Чѣмъ ближе подходилъ юноша къ собственному племени, тѣмъ явственнѣе различалъ крики неудержимаго восторга — первые, послѣ столькихъ страданій, вырвавшіеся изъ облегченной груди еврейскаго народа.

Клики эти освѣжили Ефрема, какъ прохладительный напитокъ послѣ долгой жажды. Онъ тоже радостно воскликнулъ: „Спасены, спасены!"

Уже два колѣна вступили на восточный берегъ залива. Они зажгли тамъ двѣ большія смоляныя плошки, свѣтъ которыхъ, вмѣстѣ съ радостными кликами, долженъ былъ поддерживать мужество въ падавшихъ духомъ остальныхъ странникахъ. При свѣтѣ этихъ плошекъ Ефремъ увидѣлъ на прибрежномъ холмѣ величественную фигуру Моисея съ простертымъ къ морю жезломъ. Видъ этотъ больше всего ободрилъ и успокоилъ его—и не его одного, а всѣхъ странниковъ, отъ мала до велика. Человѣкъ этотъ—избранникъ Божій. Жезлъ, простираемый имъ къ морю, сдерживаетъ волны. Черезъ него, Своего служителя, Господь возбраняетъ имъ попятное движеніе.

Ефремъ пересталъ взывать къ Всемогущему о спасеніи своего народа. Заботу эту взялъ на себя тотъ великій, сильный мужъ. Собственный-же скромный долгъ юноши предписывалъ ему слѣдить за движеніемъ отдѣльныхъ частей шествія.

И онъ слѣдилъ за всѣми, до прокаженныхъ и отроковъ съ кадильницами включительно. Подходя къ каждому новому отряду странниковъ, Ефремъ восклицалъ: „Спасены, спасены! Къ цѣли! Жезлъ Моисея укрощаетъ волны! Ужь многіе у берега! Возблагодарите Господа! Впередъ, чтобы и вы могли присоединиться къ общей радости! Устремите ваши взоры на эти два красные огня. Ихъ зажигаютъ спасенные и между ними избранный Божій служитель, съ простертымъ къ морю жезломъ".

Затѣмъ Ефремъ снова бросился на землю и приложилъ къ ней ухо. На этотъ разъ онъ ужь ясно услыхалъ конскій топотъ и скрипъ колесъ.

Онъ продолжалъ слушать, но зловѣщіе звуки вдругъ замерли. Вокругъ только ревѣла буря, бушевали волны, да изрѣдка восточный вѣтеръ доносилъ отдѣльные возгласы и крики.

Фараоновы колесницы примчались къ заливу. Дно его было обнажено и сухо, тѣмъ не менѣе египтяне долго медлили, не рѣшаясь пуститься по этому опасному пути. Но вотъ раздался воинственный кликъ—и колеса опять заскрипѣли; только теперь они двигались не такъ скоро, хотя все-таки гораздо скорѣе, чѣмъ могъ идти народъ.

Такимъ образомъ египтяне, подобно евреямъ, шли по сухому дну залива; но если бѣглецамъ удастся хоть немного опередить преслѣдователей, тогда имъ больше нечего бояться. На берегу и подъ прикрытіемъ ночи, они легко могли-бы разсыпаться въ пустынѣ и укрыться въ разбросанныхъ по ней горахъ, въ мѣстахъ недоступныхъ ни конямъ, ни колесницамъ. Моисей хорошо зналъ эту страну: онъ долго скитался въ ней изгнанникомъ. Теперь необходимо было поскорѣй предупредить его о приближеніи непріятеля. Ефремъ для этого отрядилъ къ нему юношу изъ колѣна Веніаминова. Посланный былъ уже далеко, почти у самаго берега. Самъ-же Ефремъ опять остался позади всѣхъ, чтобъ лучше слѣдить за движеніями египетской рати. Ему теперь не зачѣмъ было прикладывать ухо къ землѣ, чтобы сквозь ревъ бури слышать ржаніе коней и скрипъ колесъ: они и такъ ужь были слышны. Прокаженные кричали и вопили, воображая себя уже опрокинутыми, растоптанными или сброшенными въ воду. Путь постепенно съуживался, и море очевидно намѣревалось опять вступить въ свои права.

Люди и животныя уже не могли двигаться широкими рядами, какъ прежде. Шествіе пришлось перестраивать и удлин-

нять, при чемъ терялось драгоцѣнное время. Правая сторона шествія, объятая страхомъ, уже ступала по водѣ, которая быстро прибывала; всѣ торопились, ибо издали уже слышались приказанія египетскихъ вождей.

Тѣмъ не менѣе, непріятеля очевидно что-то задерживало. Ефремъ легко угадалъ что̀ именно. Почва подъ ногами его становилась все мягче, и узкія колеса боевыхъ колесницъ должны были глубоко—вѣроятно по самую ось—врѣзываться въ песокъ.

Юноша, подъ прикрытіемъ темноты, прокрался какъ можно ближе къ преслѣдователямъ. До ушей его долетѣло проклятіе и грубое приказаніе не щадить бича. Немного спустя, онъ ужь совсѣмъ ясно услышалъ, какъ одинъ изъ начальниковъ говорилъ другому: „Проклятая безтолочь! Нечего было задерживать насъ до полудня и тратить время на гаданье, да на торжество, по случаю замѣны Бап другимъ жрецомъ. Тогда мы переловили-бы евреевъ, какъ стаю перепеловъ. Верховный жрецъ до сихъ поръ всегда съ достоинствомъ держалъ себя на войнѣ, а тутъ вдругъ растрогался и, въ угоду умирающей бабѣ, согласился передать власть другому“.

— Но вѣдь это мать Сиптаха, примирительно замѣтилъ другой. — А впрочемъ, и для двадцати царевенъ не слѣдовало измѣнять своимъ обязанностямъ. Еслибъ Бап не вздумалъ уѣхать, намъ теперь не зачѣмъ было-бы до смерти морить коней, да еще въ такую погоду, когда ни одинъ благоразумный военачальникъ не помѣшаетъ своимъ людямъ ужинать и спокойно сидѣть въ шатрахъ у огня. Эй, вы, погоняйте коней! Мы опять вязнемъ въ пескѣ!

За первой колесницей раздался громкій крикъ. Ефремъ слышалъ, какъ новый голосъ приказывалъ:

— Впередъ, скорѣй, что есть мочи, хотя-бы пришлось загнать коней!

— Еслибъ можно еще было вернуться, продолжалъ первый голосъ, принадлежавшій ѣхавшему впереди всѣхъ военачальнику, родственнику царя, — я сейчасъ приказалъ-бы поворачивать назадъ. Да нельзя. Передовые ряды столкнулись-бы съ задними и произошла-бы свалка. А потому впередъ—чего-бы намъ это ни стоило! Мы за ними слѣдуемъ по пятамъ. Стой, стой! Проклятый, ѣдкій чадъ! Ну, ужь, погодите вы, собаки! Какъ только дорога станетъ шире, мы всѣхъ васъ, отъ мала до велика, перебьемъ! Да отнимутъ у меня боги по одному дню жизни за каждаго еврея, которому я дамъ пощаду. Еще факелъ потухъ! Даже собственной руки не видать! Въ такую пору охотно промѣнялъ-бы свой предводительскій жезлъ на клюку нищаго.

— Или золотую цѣпь на ошейникъ висѣльника! съ проклятіемъ прибавилъ другой. — Хоть-бы мѣсяцъ опять выглянулъ! Гороскопъ предсказывалъ, что онъ будетъ свѣтить съ вечера до утра, и я самъ совѣтовалъ выступить попозже и превратить ночь въ день. Хоть-бы чуточку свѣта!..

Рѣчь эта осталась недоконченной. Изъ юго-западныхъ ущелій Ваалъ-Цефона, какъ дикій звѣрь, вдругъ вырвался бурный порывъ вѣтра и съ размаху налетѣлъ на странниковъ. Нахлынула громадная волна и съ ногъ до головы облила Ефрема.

Онъ отряхнулся, откинулъ назадъ волосы и вытеръ глаза. Но позади его, въ рядахъ египтянъ раздался крикъ ужаса: та самая волна, что окатила Ефрема, смыла и увлекла въ море переднюю колесницу.

Въ юношѣ опять пробудился страхъ за своихъ, и онъ поспѣшилъ соединиться съ ними. Вдругъ сверкнула молнія и на мгновеніе освѣтила заливъ, гору Ваалъ-Цефона и всю окрестность. На этотъ разъ громъ еще не сразу послѣдовалъ за молніей, но скоро гроза приблизилась. Молнія уже не змѣй-

ками по тучамъ, а сплошными потоками огня прорѣзывала окружающій мракъ и полымя еще трепетало, какъ уже грохотали оглушительные удары грома, многократно повторяясь въ ущельяхъ каменистой горы и зловѣщими раскатами разносясь по заливу и морскому берегу.

Ослѣпительная молнія на далекое разстояніе озаряла свѣтомъ и море и землю, людей и животныхъ, когда чреватыя грозою тучи разражались съ новою силой и разливали въ воздухѣ и по морскимъ волнамъ сѣрно-желтый отблескъ, въ которомъ яркія змѣйки молній мелькали точно сквозь желто-зеленое стекло.

Ефремъ замѣтилъ, что теперь самыя грозныя тучи набѣгали уже не съ сѣвера, а съ юга. Новая молнія показала ему взбѣсившихся коней, которые мчались прямо въ воду, и нѣсколько колесницъ, наскочившихъ одна на другую. Подъ ними гибли люди и онѣ заграждали путь другимъ.

Тѣмъ не менѣе врагъ все-таки подвигался и разстояніе между бѣглецами и преслѣдующими не увеличивалось. Но въ средѣ послѣднихъ царило смятеніе—и въ промежутки между раскатами грома, изъ ихъ рядовъ слышались крики ужаса перепуганныхъ воиновъ и ободряющіе или угрожающіе возгласы начальниковъ.

Не смотря на черноту тучъ, на густоту завѣсы, скрывавшей южную часть горизонта, на свирѣпость вѣтра, небо все еще не разрѣшалось дождемъ. Странники были мокры, но не отъ дождевой, а отъ морской воды. Волны все выше вздувались и чаще обрушивались на дотолѣ безводную часть залива.

Все ўже и ўже становилась дорога, а вмѣстѣ съ тѣмъ растягивался и хвостъ шествія.

Пламя отъ смоляныхъ плошекъ на берегу продолжало указывать испуганнымъ евреямъ спасительную цѣль и освѣщать

жезлъ, Господомъ дарованный Моисею. Они съ каждымъ шагомъ приближались къ нему.

Внезапно раздались крики необузданной радости: это вышло на берегъ и племя Веніаминово. Оно подъ конецъ шло уже въ бродъ по водѣ, подъ пѣнистымъ прибоемъ. Неимовѣрныхъ усилій стоило ему оберегать воловъ отъ волнъ тащить тяжело нагруженныя повозки и подгонять скотъ. Но вотъ наконецъ и люди, и животныя въ безопасности на берегу. Теперь оставалось позаботиться только о чужеземцахъ и прокаженныхъ. У послѣднихъ не было своихъ стадъ, а у первыхъ и тѣмъ болѣе. Но передъ ними безпорядочно толокся въ водѣ рогатый и рунный скотъ, отставшій отъ своихъ хозяевъ. Вода между тѣмъ доходила уже по колѣна. Ефремъ поспѣшилъ на берегъ, созвалъ пастуховъ и съ ихъ помощью благополучно загналъ животныхъ на берегъ.

Вотъ и чужеземцы, при свѣтѣ молніи, при раскатахъ грома, всѣ до одного вышли на спасительный берегъ. Ихъ привѣтствовали радостными криками.

Прокаженные, тѣмъ временемъ, шли сначала по колѣна, потомъ по поясъ въ водѣ. Наконецъ разверзлись и хляби небесныя. Дождь лилъ потоками на несчастныхъ. Однако и они въ заключеніе тоже достигли цѣли. Правда, у многихъ матерей, которыя до послѣдняго мгновенія не спускали дѣтей съ рукъ и съ плечъ своихъ, на берегу вдругъ подкосились ноги, а искаженныя струпьями лица многихъ мужчинъ пылали въ лихорадочномъ жару. Это были тѣ изъ прокаженныхъ, которые, въ качествѣ менѣе изнуренныхъ болѣзнью, помогали тащить по размокшей почвѣ повозки, или переправляли черезъ воду носилки.

Они, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, по приказанію Моисея, расположились по ту сторону пальмовой рощи, которая зеленѣла между холмами у ручья, недалеко отъ морскаго

берега. Остальныхъ же евреевъ повели дальше, въ глубь страны. Тамъ они должны были ожидать, пока дадутъ знакъ продолжать странствіе на юго-востокъ, по каменистой безплодной пустынѣ, мало доступной для благоустроеннаго войска и боевыхъ колесницъ фараона.

Оръ собралъ около себя всѣхъ своихъ пастырей. Всѣ они были вооружены копьями, пращами и короткими мечами, готовые отразить непріятеля, еслибъ тотъ осмѣлился вслѣдъ за ними ступить на твердую землю. Евреи порѣшили убивать всѣхъ людей и коней, а изъ вражескихъ повозокъ воздвигать преграды, которыя препятствовали бы движенію слѣдующихъ отрядовъ египтянъ.

Огонь въ смоляныхъ плошкахъ на берегу такъ усердно поддерживался, что ни буря, ни ливень не могли затушить его. Онъ долженъ былъ свѣтить пастырямъ, которые, съ Навиномъ, Оромъ и Ефремомъ во главѣ, собирались отражать египетскихъ воиновъ съ ихъ боевыми колесницами.

Но тщетно ждали они своихъ преслѣдователей. Ефремъ, при свѣтѣ смоляныхъ плошекъ, первый замѣтилъ, что заливъ, который евреи только что прошли по-суху, снова наполнился водой и слился съ широкой пеленой моря. А дымъ, который до сихъ поръ несся на юго-западъ, теперь заструился на сѣверъ. Было время первой утренней смѣны стражей. Юноша воскликнулъ:

— Смотрите на плошки! Вѣтеръ перемѣнился! Онъ теперь гонитъ море на сѣверъ! Фараонова рать погибнетъ въ волнахъ!

Сердца спасенныхъ странниковъ переполнились благодарностью. Между ними на мгновеніе водворилось благоговѣйное молчаніе. Вдругъ старый Навинъ воскликнулъ:

— Онъ правъ, дѣти! Ничтожны мы, люди! Господь и Богъ мой! Строгъ и страшенъ Твой судъ надъ врагами!

Новые клики радости прервали Навина. Толпа странниковъ, которая, вмѣстѣ съ изнемогающими отъ усталости Моисеемъ и Аарономъ, находилась у источниковъ, тоже замѣтила перемѣну, о которой возвѣстилъ Ефремъ. Радостная, ужасающая, невѣроятная и однако вполнѣ достовѣрная вѣсть быстро переходила изъ устъ въ уста и съ каждымъ мигомъ встрѣчала новое подтвержденіе.

Множество глазъ поднялось къ небу: мрачныя тучи теперь дѣйствительно неслись на сѣверъ.

Ливень прекратился. Громъ умолкъ—и только зарница продолжала сверкать надъ перешейкомъ и надъ сѣверной оконечностью моря.

Вотъ и заходящій мѣсяцъ, выплывъ изъ-за гряды тучъ, мирнымъ, серебристымъ свѣтомъ облилъ вершину Ваалъ-Цефона и заливъ, который опять пѣнился волнами.

Ревъ и свистъ бури перешелъ въ легкій шелестъ утренняго вѣтерка, который несся съ юга. Море, еще недавно кипѣвшее и, какъ дикій звѣрь, яростно бросавшееся на скалы, теперь лишь слегка колыхалось и въ сладкой истомѣ покоилось у каменистаго подножія горы.

Впрочемъ, и море не сразу успокоилось. Оно еще нѣсколько времени угрюмою пеленой волновалось надъ массой поглощенныхъ имъ труповъ. Но блѣдноликій мѣсяцъ не хотѣлъ уйти на покой, не украсивъ своими лучами мѣстъ вѣчнаго упокоенія царя и его многочисленныхъ сподвижниковъ. Широкою золотою полосой свѣта окаймилъ онъ погребальный покровъ ихъ — морскую пучину — и на прощанье осыпалъ ее блестками и алмазами въ серебряной оправѣ.

Когда заря зардѣлась на востокѣ, еврейскій станъ уже былъ раскинутъ. Но странники лишь наскоро могли вкусить пищи. Тотчасъ послѣ солнечнаго восхода зазвучала мѣдь и народъ хлынулъ къ мѣсту сборища у источниковъ. Тамъ,

Маріамь, громко ударяя въ бубенъ и оглашая воздухъ его побрякушками, мѣрно выступила впередъ. За нею мѣрными движеніями въ ладъ, послѣдовали другія жены и дщери еврейскія. Маріамь возгласила:

„Пою Господу, ибо Онъ высоко превознесся; коня и всадника его ввергнулъ въ море.

„Господь крѣпость моя и слава моя, Онъ былъ мнѣ спасеніемъ. Онъ Богъ мой и прославлю Его; Богъ отца моего, и превознесу Его.

„Господь—мужъ брани, Іегова имя Ему.

„Колесницы фараона и войско его ввергнулъ Онъ въ море, и избранные военачальники его потонули въ Чермномъ морѣ.

„Пучины покрыли ихъ; они пошли въ глубину, какъ камень.

„Десница Твоя, Господи, прославилась силой; десница Твоя, Господи, сразила врага.

„Величіемъ славы Твоей Ты низложилъ возставшихъ противу Тебя. Ты послалъ гнѣвъ Твой, и онъ попалилъ ихъ, какъ солому.

„Отъ дуновенія Твоего поступились воды, влага стала, какъ стѣна, опустѣли пучины въ сердцѣ моря.

„Врагъ сказалъ: Погонюсь, настигну, раздѣлю добычу; насытится ими душа моя; обнажу мечъ мой, истребитъ ихъ рука моя.

„Ты дунулъ духомъ Твоимъ, и покрыло ихъ море: они погрузились, какъ свинецъ, въ великихъ водахъ.

„Кто, какъ Ты, Господи, между богами? Кто, какъ Ты, величественъ святостью, досточтимъ хвалами, Творецъ чудесъ.

„Ты простеръ десницу Твою, поглотила ихъ земля.

„Ты ведешь милостью Твоею народъ сей, который Ты избавилъ; провождаешь силою Твоею въ жилищѣ святыни Твоей“.

Жены и мужи вторили ей, когда она возглашала: „Пою Господу, ибо высоко превознесся Онъ; коня и всадника его ввергнулъ въ море“.

Пѣснь и торжественная обстановка этой минуты навѣки запечатлѣлись въ сердцахъ евреевъ. Всѣ преисполнились признательной радостью и свѣтлыми надеждами на лучшую будущность.

Вотъ тебѣ за мою крошку...

Глава XXIII.

Хвалебное пѣніе мало-помалу замолкло. Буря давно прекратилась, но сѣроватая дымка опять застилала утреннее небо, которое заря такъ пышно было разукрасила. Съ юго-запада все еще дулъ сильный вѣтеръ, море волновалось, а верхушки пальмъ у источниковъ качались и кивали.

Спасенный народъ воздавалъ хвалу Господу; даже самые равнодушные и упорные вторили пѣнію Маріами, торжественнымъ шествіемъ подвигаясь къ морю. Но тутъ нѣкоторые изъ нихъ подверглись сильному искушенію поскорѣй выйти

изъ рядовъ и спѣшить на берегъ, куда теперь ихъ манила богатая пожива.

Немного спустя, они толпами устремились къ морю. Волны, подобно великодушнымъ хищникамъ, возвращали ночную добычу и выбрасывали ее на берегъ.

Сильный вѣтеръ не могъ удержать даже женщинъ. Всѣ торопились на берегъ, куда ихъ влекли двѣ самыя сильныя страсти человѣческія—корысть и месть.

На берегу то и дѣло появлялось что-нибудь новенькое, возбуждавшее корыстныя желанія. То показывался трупъ воина, то обломки колесницы. Съ однихъ, если то были тѣла знатныхъ лицъ, евреи срывали золотыя и серебряныя украшенія; у другихъ вытаскивали изъ-за пояса короткіе мечи и сѣкиры. Простолюдины, мужчины и женщины, рабы и невольницы, евреи и чужеземцы тащили съ утопленниковъ застежки и запястья изъ благороднаго металла и срывали кольца съ ихъ вздутыхъ пальцевъ.

Стаи воронья, летѣвшія вслѣдъ за народомъ, но во время бури куда-то пропавшія, теперь опять появились. Птицы, каркая, боролись съ вѣтромъ и старались удержаться надъ трупами, чуя ихъ запахъ.

Но еще бо̀льшую алчность проявляла еврейская чернь. Стоило волнѣ вынести на берегъ какой-нибудь цѣнный предметъ, и вокругъ него тотчасъ затѣвались драки, а воздухъ оглашался дикими криками и бранью. Старѣйшины ни во что̀ не вмѣшивались. Они полагали, что народъ имѣетъ право на добычу. А если кто-нибудь изъ нихъ обнаруживалъ желаніе обуздать грубую жадность толпы, ему отказывали въ послушаніи.

То, что̀ они за послѣдніе часы вытерпѣли отъ египтянъ, было такъ ужасно, что даже лучшіе изъ евреевъ не считали нужнымъ подавлять въ себѣ жажду мести. Сѣдовласые мужи, съ благородной осанкой, жены и матери, съ печатью

добрыхъ нравовъ на лицѣ, толкали обратно въ пучину несчастныхъ, которые на обломкахъ боевыхъ колесницъ или другихъ повозокъ выплывали на берегъ. Ихъ били пастырскими и странническими посохами, ножами, сѣкирами, бросали въ нихъ камни, осыпали ихъ ругательствами, заставляя выпускать изъ рукъ обломки спасительнаго дерева. Тѣхъ-же немногихъ, которымъ все-таки удавалось ступить на берегъ, гнали назадъ въ море, до сихъ поръ тщетно щадившее ихъ.

Озлобленіе было такъ велико и месть казалась такимъ святымъ долгомъ, что никто и не думалъ о пощадѣ и жалости, обыкновенно возбуждаемыхъ несчастіемъ. Никто не взывалъ къ великодушію, не подавалъ голоса въ пользу милосердія. Никому въ голову не приходило, что за спасенныхъ можно было-бы, какъ за военноплѣнныхъ, требовать выкупа.

— „Смерть заклятымъ врагамъ!“ — „Гибель имъ!“ — „Топите ихъ!“ — „Рыбамъ въ снѣдь!“ — „Вы насъ и дѣтей нашихъ загнали въ море—сами теперь похлебайте соленой пучины!“—вотъ крики, которые раздавались со всѣхъ сторонъ, и никто не думалъ ихъ укрощать—ни даже Маріамь съ Ефремомъ, тоже вышедшіе на берегъ, посмотрѣть что́ тамъ дѣлалось.

Молодая дѣвушка стала женой Ора, но брачная жизнь почти ничего не измѣнила въ ея нравахъ и обычаяхъ. Судьба народа и общеніе съ Богомъ, пророчицей Котораго она себя почитала, попрежнему составляли суть ея жизни. И теперь, когда сбылись ея надежды и моленія, когда она своею пѣснію выразила чувства вѣрующихъ и, въ качествѣ одного изъ народныхъ вождей, шествовала во главѣ проникнутой благодарностью толпы, ей казалось, что она достигла вершины счастья.

Ефремъ впервые напомнилъ ей объ Осіи. Толкуя съ юношей о колодникѣ, она гордо какъ царица шла среди толпы, величаво отвѣчая на ея поклоны. Ея глаза сіяли счастьемъ, а лицо лишь изрѣдка выражало состраданіе, когда Ефремъ раз-

сказывалъ ей о бѣдствіяхъ дяди. Она все еще помнила нѣкогда любимаго человѣка, но уже не нуждалась въ немъ для достиженія своей высокой цѣли.

Ефремъ, упомянувъ между прочимъ объ египетской красавицѣ, отдавшей свое сердце Осіи, началъ было разсказывать о томъ, какъ, по ея просьбѣ, съ колодниковъ сняли оковы... Вдругъ на одномъ изъ самыхъ людныхъ мѣстъ у моря толпа особенно заволновалась и зашумѣла. Дикіе вопли ярости смѣшивались тамъ съ ликованіями: море, очевидно, выбросило какую-то драгоцѣнность.

Любопытство привлекло туда и Ефрема съ Маріамью. Толпа съ уваженіемъ разступилась передъ послѣдней—и вновь прибывшіе увидѣли кузовъ большой дорожной повозки безъ колесъ, а въ немъ нѣчто ужасное. Холщевый покровъ кузова былъ съ него сорванъ и на днѣ его лежали двѣ пожилыя египтянки; третья, молодая, стояла прислонясь къ задней стѣнкѣ этой странной, превратившейся въ челнокъ, повозки. Двѣ первыя были мертвы и отчасти покрыты водой, успѣвшей проникнуть въ кузовъ. Нѣсколько евреекъ уже раздумывали какъ бы сорвать золотыя украшенія съ шеи и съ рукъ болѣе знатной утопленницы. Молодая египтянка, по какой-то случайности оставшаяся въ живыхъ, сама предлагала еврейскимъ женщинамъ свои драгоцѣнности. Ея блѣдныя губы и тонкія полуокоченѣвшія руки дрожали. Она тихимъ, пріятнымъ голосомъ говорила, что все имъ отдастъ, предлагала за себя богатый выкупъ, лишь-бы онѣ пощадили ея жизнь—она еще такъ молода и, къ тому-же, недавно еще оказала помощь одному еврею — пусть только онѣ выслушаютъ ее.

Мольбы ея звучали въ высшей степени трогательно. Но ее такъ часто прерывали бранью и угрозами, что лишь немногіе могли ее слышать. Вдругъ она громко вскрикнула. Какая-то

грубая баба вырвала у нея изъ уха золотую змѣйку серьги, какъ разъ въ то время, когда подошли Ефремъ и Маріамь.

Отчаянный крикъ египтянки какъ ножемъ кольнулъ юношу въ сердце. Онъ узналъ Казану, и щеки его поблѣднѣли.

Въ повозкѣ лежали тѣла мамки и супруги верховнаго жреца, Баи.

Внѣ себя, Ефремъ растолкалъ толпившихся вокругъ мужчинъ, бросился на песчаный бугорокъ, къ которому волны прибили кузовъ полуразвалившейся повозки и, съ пылающими щеками, весь дрожа отъ волненія, воскликнулъ:

— Назадъ! Горе тому, кто коснется ея!

Но одна еврейка, жена кирпичника, у которой, при переходѣ черезъ море, въ жестокихъ судорогахъ умеръ ребенокъ, уже выхватила у Казаны изъ-за пояса кинжалъ и вонзила ей въ спину, съ злораднымъ крикомъ:

— Вотъ тебѣ за мою крошку, негодная дѣвка!

Она взмахнула маленькимъ окровавленнымъ оружіемъ и готовилась нанести второй ударъ, но Ефремъ бросился между убійцей и ея жертвою и отнялъ кинжалъ. Онъ заслонилъ собою раненую, и, махая надъ головой острымъ клинкомъ, громко и грозно воскликнулъ:

— Убійцы и грабители, тронь ее кто—я смѣшаю кровь его съ кровью этой женщины!

Потомъ онъ наклонился къ окровавленной Казанѣ. Она лежала безъ чувствъ. Онъ поднялъ ее и на рукахъ понесъ къ Маріами.

Озадаченные грабители нѣсколько мгновеній молча смотрѣли на него, но онъ не успѣлъ дойти до цѣли, какъ вокругъ него раздался призывъ:

— Къ мести! къ мести! Мы нашли ее—наша и добыча! посыпалось на него со всѣхъ сторонъ. — Какъ смѣетъ дерзкій Ефремитъ ругать насъ убійцами и грабителями? Ужь коли

пошло на то, чтобы лить египетскую кровь, такъ и лить ее!.. Какъ Богъ нашъ, такъ и мы не хотимъ щадить враговъ! Всѣ на него! Отнять у него дѣвку!

Юноша не обращалъ вниманія на эти гнѣвные крики, пока не сдалъ своей ноши, уложивъ голову Казаны на колѣняхъ Маріамп, которая расположилась на ближайшемъ песчаномъ бугоркѣ. Но возбужденная толпа—женщины впереди—сильно тѣснила его. Тогда онъ опять взмахнулъ кинжаломъ и крикнулъ:

— Еще разъ говорю вамъ: назадъ! Кто изъ васъ тутъ сыны Іуды и Ефрема? Сомкнитесь вокругъ Маріами, супруги вашего вождя! Вотъ такъ, дружнѣе, братья, и горе тому, кто коснется ея! Мести вамъ надо? Но вѣдь месть уже совершена тѣмъ чудовищемъ, которое поразило беззащитную. Вамъ нужны драгоцѣнности вашей жертвы? Ладно, онѣ ваши. Я прибавлю еще кое-что отъ себя, если вы оставите въ покоѣ умирающую и не помѣшаете женѣ Ора за ней ухаживать.

Онъ наклонился къ Казанѣ, снялъ съ нея остальныя кольца, пряжки, застежки и отдалъ все это жадно простиравшимся къ нему рукамъ. Потомъ сорвалъ съ собственной руки широкій золотой обручъ и, поднявъ его высоко надъ головой, крикнулъ:

— А вотъ и обѣщанная надбавка! Разойдитесь, оставьте раненую на попеченіи Маріами, и вы получите это золото которое можете раздѣлить между собой. А крови хотите— суньтесь только, но ужь тогда обручъ останется при мнѣ.

Слова Ефрема произвели свое дѣйствіе. Разъяренныя женщины поглядывали то на тяжелое золотое запястье, то на красиваго юношу, а собравшіеся вокругъ него мужи колѣна Іудина и Ефремова вопросительно переглядывались. Наконецъ жена одного чужеземнаго торговца за всѣхъ порѣшила:

— Пусть только этотъ красавчикъ, княжой сынокъ, отдастъ намъ запястье, а мы ужь такъ и быть оставимъ ему полумертвую зазнобушку.

Съ этимъ всѣ единодушно согласились, исключая жены кирпичника. Отмстивъ за своего ребенка, она думала, что совершила дѣло угодное Господу, а между тѣмъ ее обозвали убійцей. Она въ негодованіи осыпала юношу ругательствами, но въ концѣ концовъ была тоже увлечена толпой, которая отправилась дальше по берегу искать новой добычи.

Пока длились эти бурныя пререканія, Маріамь твердою, искусною рукой перевязывала рану Казаны. Кинжалъ былъ подаренъ красавицѣ княземъ Сиптахомъ, ради шутки, чтобъ и она не выступала въ походъ безоружною. Она получила глубокую рану въ заплечье и потеряла такъ много крови, что слабая искра ея жизни ежеминутно грозила погаснуть.

Но она была еще жива и ее поспѣшили перенести въ шатеръ Навина, который стоялъ ближе всѣхъ.

Престарѣлый вождь былъ занятъ раздачей оружія пастырямъ и юношамъ, которыхъ Ефремъ созвалъ въ походъ на освобожденіе дяди. Старецъ только что объявилъ, что и самъ намѣренъ къ нимъ присоединиться, когда подошли Ефремъ и Маріамь съ печальной ношею.

Если Казана была съ давнихъ поръ расположена къ достойному старику, то и онъ, со своей стороны, былъ искренно преданъ прекрасной дочери начальника стрѣлковъ Горнехта. При встрѣчахъ она всегда ласково привѣтствовала его, а онъ отвѣчалъ:

„Благослови тебя Господь, милое дитя!“ или: „Въ добрый часъ повстрѣчался старикъ съ такимъ милымъ созданьемъ!“

Головка Казаны была еще въ дѣтскихъ кудряхъ, когда Навинъ посылалъ ей бѣлоснѣжныхъ барашковъ съ особенно шелковистой шерстью, а отцу ея промѣнивалъ на зерновой хлѣбъ коровъ и быковъ, которыхъ воспитывалъ на славу. А впослѣдствіи все, что онъ слышалъ о Казанѣ отъ сына, еще больше располагало его въ ея пользу.

Онъ видѣлъ въ ней самую прелестную дѣвушку въ Танисѣ; будь она еврейской крови, онъ почелъ-бы за счастіе сочетать ее со своимъ сыномъ.

Видъ его любимицы въ такомъ положеніи сильно огорчилъ старца. Слезы закапали у него изъ глазъ на бѣлоснѣжную бороду, и голосъ его дрогнулъ, когда онъ, привѣтствуя Казану, замѣтилъ окровавленную перевязку на ея плечѣ.

Молодую женщину положили на его ложе, и Навинъ отдалъ въ распоряженіе пророчицы, искусной въ дѣлѣ врачеванія, свой собственный ларецъ съ лекарствами.

Маріамь просила мужчинъ удалиться и оставить ее наединѣ съ тяжело раненою. Она подкрѣпила ее лекарствомъ и тщательнѣе прежняго перевязала ей рану.

Казана, омытая отъ крови, съ расчесанными волосами, лежала на чистомъ, свѣжемъ бѣльѣ. Она походила на дремлющаго ребенка, едва вступившаго на порогъ юности.

Она еще дышала, но щеки и губы ея были блѣдны. Только послѣ втораго пріема лекарства открыла она глаза.

Старикъ и внукъ его стояли въ ногахъ у ея ложа. Ко взаимному удивленію, ни тотъ, ни другой, смотря на эту чужую женщину, не могъ удержать слезъ.

Увѣренность въ коварствѣ и порочности Казаны, такъ внезапно овладѣвшая Ефремомъ, сразу оттолкнула его отъ нея и вернула на путь добродѣтели, который онъ было покинулъ. Тѣмъ не менѣе, онъ затаилъ въ глубинѣ сердца все слышанное имъ у шатра ея. Разсказывая дѣду и Маріами о ея заступничествѣ въ пользу бѣдныхъ колодниковъ, онъ, какъ любящій отецъ, скрывающій слѣды проступковъ своего сына, ни словомъ не выдалъ того, что̀ тогда слышалъ.

Теперь онъ былъ доволенъ собою. Вопреки всему видѣнному и слышанному, онъ думалъ, что это чудное созданье не могло совершить ничего постыднаго.

Для стараго же Навина она никогда не переставала быть прелестнымъ ребенкомъ, отрадою его очей и радостью его сердца. Онъ съ нѣжной заботливостью смотрѣлъ на ея вздрагивавшее отъ боли лицо, а когда она, наконецъ, открыла глаза, отечески ласково ей улыбнулся. Она тотчасъ признала его и Ефрема — это было видно по ея взгляду, но не въ силахъ была даже кивнуть головой. Тѣмъ не менѣе, ея выразительное лицо ясно говорило объ ея радостномъ изумленіи. Маріамь въ третій разъ дала ей лекарство и смочила ея лобъ освѣжающимъ снадобьемъ. Казана широко раскрытыми глазами смотрѣла на нихъ. Она замѣтила озабоченныя лица мужчинъ. Наконецъ ей съ усиліемъ удалось едва слышно произнести:

— Рана болитъ—а смерть... неужели я умру?

И она вопросительно смотрѣла то на того, то на другаго. Навинъ и Ефремъ охотно скрыли бы отъ нея жестокую правду, но она продолжала:

— Я хочу знать. Умоляю, скажите мнѣ правду!

Маріамь стояла возлѣ нея на колѣняхъ. Она собралась съ духомъ и отвѣчала:

— Да, бѣдняжка, рана твоя глубока. Но сколько хватитъ моего умѣнья, все будетъ сдѣлано, чтобы какъ можно дольше поддержать въ тебѣ жизнь.

Въ словахъ этихъ звучало состраданіе, но голосъ пророчицы, повидимому, непріятно поразилъ раненую. Губы ея болѣзненно дрогнули. Она закрыла глаза и крупныя слезы заструились по ея щекамъ.

Вокругъ царило глубокое, томительное молчаніе. Наконецъ Казана подняла вѣки и, устремивъ на Маріамь потухшій взоръ, тихо и точно чѣмъ-то озадаченная, проговорила:

— Ты женщина и занимаешься врачебнымъ искусствомъ?

Пророчица отвѣчала:

— Богъ мой повелѣлъ мнѣ заботиться о страждущихъ изъ моего народа.

Въ глазахъ умирающей сверкнулъ тревожный огонекъ. Она громче прежняго и съ увѣренностью, всѣхъ удивившею, сказала:

— Ты—Маріамь, та, что звала къ себѣ Осію!

— Твоя правда, коротко и смѣло подтвердила пророчица.

Казана продолжала:

— У тебя дивная, властная красота—и ты, конечно, многое можешь. Онъ повиновался твоему голосу, а ты... ты все-таки согласилась быть женою другаго.

Пророчица вторично, но на этотъ разъ глухо и сдержанно, проговорила:

— Твоя правда.

Умирающая снова закрыла глаза. На губахъ ея заиграла странная, недоумѣвающая улыбка — но не надолго. Казаной скоро овладѣло сильное безпокойство. У ней задрожали пальцы, губы и даже вѣки на закрытыхъ глазахъ, а узкій, гладкій лобъ ея покрывался морщинами, какъ бы подъ гнетомъ непривычной, глубокой думы.

Наконецъ то, что̀ ее смущало, вдругъ какъ бы нашло себѣ исходъ, и она въ страхѣ и тоскѣ заговорила:

— Ты, Ефремъ, почти замѣнялъ ему сына; а ты, старичокъ, — горячо любимый отецъ его. Вотъ вы тутъ стоите и будете жить... А я... я... О, какъ тяжко разставаться съ бѣлымъ свѣтомъ!.. Анубисъ поведетъ меня на судъ Озириса. Мое сердце взвѣсятъ и...

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Пальцы ея судорожно задвигались. Однако ей скоро удалось совладать съ собою, и она хотѣла продолжать. Но Маріамь строго запретила ей говорить, такъ какъ это могло ускорить ея конецъ.

Казана собрала всѣ свои силы, долгимъ взглядомъ смѣрила

пророчицу съ головы до ногъ и торопливо, насколько хватало голоса, воскликнула:

— Ты хочешь помѣшать мнѣ сдѣлать то, что̀ надо?... Ты?!

Въ этомъ вопросѣ слышалась насмѣшка. Но раненая все-таки приняла къ свѣдѣнію совѣтъ щадить свои силы и уже гораздо медленнѣе и спокойнѣе продолжала, точно говоря съ самой собою:

— Я не могу такъ покинуть васъ, нѣтъ! Почему все это случилось... Ради чего я все... все... Если мнѣ предстоитъ это искупить, я не стану сѣтовать, лишь бы *онъ* узналъ, какъ было дѣло. Навинъ, добрый, старый Навинъ—вѣдь ты мнѣ еще въ дѣтствѣ подарилъ ягненочка... я его очень любила... И ты, Ефремъ, дитя мое—вамъ... вамъ хочу я все повѣрить...

Зловѣщій кашель прервалъ ее. Однако она оправилась и снова обратилась къ Маріами. Въ голосѣ ея на этотъ разъ звучало такое горькое и несомнѣнное отвращеніе, что всѣ знавшіе ея кроткій нравъ теперь съ трудомъ узнали этотъ голосъ.

— А ты, говорила Казана, — ты, сильная женщина съ мужскимъ голосомъ и врачъ еще вдобавку — ты отозвала его изъ Таниса, отъ его воиновъ и отъ меня!.. Онъ исполнилъ твою волю. Ты же... ты стала женою другаго—и это ужь послѣ его прибытія... Да! когда Ефремъ пришелъ за нимъ, онъ еще называлъ тебя дѣвой... Не знаю, заставитъ ли это страдать Осію... За то знаю нѣчто другое, что̀ и хочу сообщить, пока еще не поздно... Но слышать это могутъ только тѣ, которые его любятъ... Я — понимаешь-ли? — я люблю его, люблю выше всего на землѣ! А ты... у тебя есть мужъ и Богъ, велѣніямъ Котораго ты усердно служишь. Ты сама это сказала. Что̀ же тебѣ Осія? И потому, прошу тебя, прошу, оставь насъ! Изо всѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчалась, очень не многіе бывали мнѣ непріятны; но ты, твой голосъ, твои глаза... они леденятъ мнѣ

сердце — и если ты останешься здѣсь, я не въ силахъ буду говорить какъ слѣдуетъ... а говорить мнѣ, ахъ, какъ трудно! Но прежде чѣмъ уйти — ты вѣдь врачъ — скажи, мнѣ надо знать—я многое еще должна передать имъ передъ смертью... Я умру, если буду говорить?

Пророчица опять не смогла ничего другаго ей отвѣтить, кромѣ короткаго:

— Да, навѣрно.

Но на этотъ разъ слова эти вырвались у нея твердо, рѣшительно, и въ нихъ звучало предостереженіе.

Маріамь колебалась между долгомъ врача въ отношеніи больной и влеченіемъ повиноваться волѣ умирающей; но, взглянувъ на старика Навина, прочла въ его глазахъ приглашеніе поступить по желанію послѣдней. Она низко склонила голову и вышла изъ шатра. Но тутъ она вдругъ особенно живо почувствовала горечь, заключавшуюся въ словахъ Казаны, и это ей испортило конецъ такъ прекрасно начавшагося дня. Впрочемъ, Маріамь и впослѣдствіи, гораздо позже, въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, никакъ не могла дать себѣ отчета, почему ею, въ присутствіи этой умирающей, внезапно овладѣло сознаніе какъ бы собственнаго умаленія и превосходства той.

Когда Казана осталась одна съ дѣдомъ и внукомъ, Ефремъ опустился на колѣна возлѣ ея ложа, Навинъ поцѣловалъ ее въ лобъ и наклонилъ къ ней свою сѣдую голову, чтобы лучше слышать ея тихую рѣчь.

— Теперь мнѣ легче, снова начала она. — Эта рослая женщина... эти мрачныя сросшіяся брови... черные, какъ ночь, глаза... они пылаютъ и въ то же время такъ холодны... Эта женщина... Осія любилъ ее? Скажи мнѣ, отецъ, я не изъ пустаго любопытства спрашиваю!

— Онъ почиталъ ее, вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ народомъ, отвѣчалъ огорченный старецъ.—У нея высокая душа и съ нею

говоритъ Самъ Господь Богъ нашъ. Но ты, моя любимица, съ самаго дѣтства была дорога ему, это я знаю.

Легкій трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу умирающей. Она закрыла глаза и радостная улыбка заиграла на ея губахъ.

Навинъ подумалъ, что смерть уже готова похитить ее. Онъ взялъ кубокъ съ лекарствомъ и сталъ прислушиваться къ ея дыханію.

Казана, повидимому, ничего не замѣчала. Но, немного спустя, она открыла глаза, выпила лекарство и продолжала:

— Я сейчасъ точно видѣла Осію. Онъ былъ въ боевыхъ доспѣхахъ, какъ въ то время, когда въ первый разъ взялъ меня на руки. Я была такая маленькая, а онъ такой важный— и это меня слегка пугало. Мамка разсказывала, что онъ побѣдилъ много враговъ. Его приходъ всегда меня радовалъ, а уходъ печалилъ. Такъ проходили годы, а съ ними вмѣстѣ росла моя любовь. Мое сердце было полно имъ, такъ полно... и тогда, какъ меня выдали за другаго, и послѣ, когда я овдовѣла...

Послѣднія слова она произнесла едва слышно и принуждена была немного отдохнуть, потомъ продолжала:

— Осія знаетъ все это, но не знаетъ, какъ я о немъ безпокоилась, когда онъ былъ на войнѣ, и какъ страстно желала его возвращенія. Но вотъ онъ вернулся. Съ какою радостью ждала я свиданія съ нимъ! А онъ?.. Эта женщина—мнѣ говорилъ Ефремъ—эта высокая, гордая женщина прислала звать его въ Пиѳомъ. Но онъ вернулся—и тогда... О, Навинъ, сынъ твой... Ахъ, это было самое тяжелое!.. Онъ отказался отъ моей руки, которую ему предлагалъ мой отецъ... О, какъ больно!.. Нѣтъ, я больше не могу!.. Дай мнѣ напиться!

Горькія воспоминанія вызвали краску на ея щекахъ. Опытный старецъ зналъ, что волненіе и усилія, которымъ она себя подвергала, могутъ сократить послѣднія мгновенія ея жизни. Онъ умолялъ ее лежать молча и спокойно. Но Казана непре-

мѣнно хотѣла высказать все, что было у нея на душѣ. Ее терзалъ отрывистый кашель. Она положила руку на грудь, но продолжала:

— Затѣмъ явилась ненависть — не надолго. Я никогда не любила Осію такъ сильно, какъ ѣдучи въ догонку за несчастнымъ колодникомъ: ты это знаешь, мой мальчикъ. Но тутъ-то и началось то гадкое, отвратительное, самое ужасное... о чемъ я непремѣнно должна вамъ сказать, иначе онъ будетъ презирать меня... Я никогда не знала моей матери и возлѣ меня не было никого, кто могъ-бы меня предостеречь и во-время остановить... Съ чего-же мнѣ начать? Князь Сиптахъ—ты, конечно, знаешь его, отецъ?—этотъ дурной человѣкъ скоро станетъ правителемъ моей отчизны. Мой родитель съ нимъ въ заговорѣ... Милосердые боги, я не могу продолжать!

Страхъ и отчаяніе разлились по ея лицу. Ефремъ прервалъ ее и, со слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ, что ему все извѣстно. Онъ повторилъ слышанное имъ въ ея шатрѣ, и она движеніемъ глазъ подтверждала его разсказъ.

Въ заключеніе Ефремъ упомянулъ о женѣ верховнаго жреца, Баи, трупъ которой былъ выброшенъ на берегъ. Казана прервала его тихимъ восклицаніемъ:

— Это все она затѣяла, сказала она.—Супругъ ея долженъ былъ сдѣлаться первымъ лицомъ въ странѣ и управлять самимъ фараономъ. Вѣдь Сиптахъ не царскій сынъ.

— Да, вмѣшался Навинъ, чтобы принудить ее къ молчанію и помочь ей въ томъ, что ей еще оставалось досказать.— И жрецъ Баи, который его возвысилъ, такъ же легко можетъ его снова унизить. Сиптахъ еще скорѣе, чѣмъ его предшественникъ, сдѣлается орудіемъ въ рукахъ человѣка провозгласившаго его царемъ. Я хорошо знаю сирина Аарсу и, если не ошибаюсь, настанетъ время, когда онъ, до сихъ поръ съ помощью своихъ наемщиковъ помогавшій властвовать

другимъ, самъ воцарится на развалинахъ терзаемаго внутренними раздорами Египта. Но что̀ побудило тебя, дитя мое, слѣдовать за войскомъ и за этимъ презрѣннымъ сластолюбцемъ?

Глаза умирающей оживились. Этотъ вопросъ приводилъ ее именно къ тому, что̀ она желала разсказать. Она отвѣчала такъ скоро и громко, какъ только дозволяло ея изнеможеніе.

— Я сдѣлала это ради твоего сына, изъ любви къ нему, чтобъ возвратить Осіи свободу. Еще наканунѣ вечеромъ я твердо и рѣшительно отказалась отъ всего, что̀ мнѣ предлагала жена Бан отъ имени князя. Но когда я опять свидѣлась съ твоимъ сыномъ у источниковъ на большой дорогѣ, и когда онъ, Осія... Ахъ, онъ подъ конецъ былъ такъ ласковъ, добръ, такъ нѣжно поцѣловалъ меня!.. И вотъ, вотъ... бѣдное мое сердце!.. Онъ, лучшій изъ людей, былъ въ такой страшной бѣдѣ, осужденъ на муки и оскорбленія!.. Когда онъ пошелъ дальше, влача за собою цѣпь, у меня вдругъ зародилась мысль...

— Отважное, безумное, заблудшее дитя!.. воскликнулъ старецъ.—Ты рѣшилась воспламенить сердце царя, чтобы съ его помощью освободить моего сына и твоего друга?

Умирающая подтвердила это улыбкой и тихо прибавила:

— Да, да, ради этого, и только ради этого! Князь былъ мнѣ такъ противенъ! А стыдъ... а позоръ... о, какъ это было ужасно!

— И ты все это взяла на себя, ради моего сына!.. опять перебилъ старикъ. Онъ поднесъ къ губамъ руку Казаны и оросилъ ее слезами.

Она же, указывая глазами на Ефрема, съ тихимъ рыданіемъ прибавила:

— Я и о немъ также думала. Онъ такъ молодъ, а жизнь въ рудникахъ такъ тяжела!

Дрожь пробѣжала по ея членамъ. Юноша осыпалъ поцѣлуями

ея горячую руку. Она съ любовью смотрѣла на него и на стараго Навина.

— Значитъ, все хорошо... едва слышно проговорила она потомъ,—и если боги даруютъ ему свободу...

Ефремъ не далъ ей досказать.

— Мы сегодня же выступаемъ въ рудники! пылко воскликнулъ онъ.—Я, дѣдъ и товарищи, мы живо отправимъ его стражниковъ въ преисподнюю.

— И онъ изъ моихъ собственныхъ устъ, прибавилъ старикъ, — услышитъ, какъ самоотверженно любила его Казана. Всей жизни его не хватитъ на то, чтобы достаточно возблагодарить ее за такую жертву...

У него оборвался голосъ, и онъ не могъ продолжать. Съ лица умирающей исчезло страдальческое выраженіе. Она лежала молча. Блаженная улыбка играла у нея на губахъ. Но вдругъ на лбу ея выступили легкія морщинки и она тихо сказала:

— Все, все хорошо... Вотъ одно только... Мое тѣло... небальзамированное... безъ священнаго...

Навинъ поспѣшилъ успокоить ее.

— Лишь только ты закроешь глаза, я какъ слѣдуетъ обряжу и передамъ тѣло финикійскимъ мореходамъ, которые теперь съ нами здѣсь: они доставятъ его твоему отцу.

Она хотѣла повернуться къ нему и поблагодарить его взглядомъ, но вдругъ обѣими руками схватилась за грудь. Алая кровь выступила у нея на губахъ. Щеки то вспыхивали, то покрывались блѣдностью, и послѣ короткой, мучительной борьбы смерть наложила руку на это любвеобильное сердце. Черты лица приняли спокойное выраженіе. Казана лежала съ видомъ ребенка, которому мать только что отпустила проступокъ и нѣжно обняла его передъ отходомъ ко сну.

Старецъ горько плакалъ, закрывая ей глаза. Ефремъ, глубоко потрясенный, съ благоговѣніемъ приложился къ ея на-

вѣки сомкнувшимся вѣкамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оба молчали.

Наконецъ Навинъ сказалъ:

— Я не люблю толковать о томъ, что нась ожидаетъ по ту сторону могилы: самъ Моисей этого не знаетъ. Но, кто, умирая, оставляетъ по себѣ трогательное воспоминаніе въ сердцахъ тѣхъ, кого онъ любилъ,—тотъ, я полагаю, и послѣ смерти продолжаетъ жить. Часы воспоминанія о нынѣ отшедшей будутъ самыми свѣтлыми въ нашей жизни. Поступимъ съ ея тѣломъ такъ, какъ мы ей обѣщали, а затѣмъ—впередъ!.. на выручку того, кому Казана принесла себя въ жертву, и докажемъ, что мы любимъ его не меньше, чѣмъ эта египтянка!

Судъ Озириса и взвѣшиваніе сердца умершей.

Намъ придется, какъ ракамъ, пятиться въ гору...

Глава XXIV.

Государственные преступники, шедшіе къ рудникамъ, на этотъ разъ медленно подвигались къ цѣли.

Опытный приставъ говорилъ, что не запомнитъ другаго такого перехода по пустынѣ. Никогда еще не имѣлъ онъ столько хлопотъ и не встрѣчалъ столько препятствій, случайностей и несчастныхъ приключеній.

Одинъ изъ его кротовъ, Ефремъ, бѣжалъ. Приставъ лишился своихъ вѣрныхъ собакъ-ищеекъ. Ввѣренный ему отрядъ былъ застигнутъ, перепуганъ и насквозь промоченъ такою бурей, какая развѣ въ пять лѣтъ разъ посѣщаетъ эту полосу пустыни. На слѣдующій вечеръ буря—та самая, которая подготовила гибель фараонова войска—разыгралась еще сильнѣе

и продолжительнѣе. Она задержала движеніе отряда, и вслѣдствіе ночной стоянки на открытомъ воздухѣ подъ ливнемъ, заболѣло лихорадкою нѣсколько колодниковъ и стражниковъ. Отъ дождя пострадали также и египетскіе ослы, не привыкшіе къ сырости: лучшаго изъ нихъ надо было оставить на дорогѣ.

Въ заключеніе пришлось похоронить двухъ колодниковъ, трехъ другихъ, сильно расхворавшихся, взвалить на остававшихсяословъ, а ношу послѣднихъ распредѣлить между ссыльными. Никогда еще, въ теченіе двадцатипятилѣтней службы, ничего подобнаго до сихъ поръ не случалось съ приставомъ, а впереди ему предстояло еще строгое взысканіе.

Все это очень дурно дѣйствовало на расположеніе его духа. Обыкновенно онъ слылъ за самаго добродушнаго изъ своихъ товарищей-приставовъ, но теперь обнаруживалъ сильное раздраженіе. Всѣхъ хуже доставалось отъ него Іисусу, какъ другу того безсовѣстнаго юноши, съ побѣгомъ котораго и начались всѣ невзгоды.

Можетъ-быть вспыльчивый приставъ и мягче обошелся бы съ Іисусомъ, еслибъ тотъ жаловался, какъ напримѣръ шедшій позади него колодникъ, или угрожалъ, какъ его товарищъ по цѣпи. Послѣдній то и дѣло намекалъ на грядущія времена, когда его свояченица настолько приблизится къ фараону, что будетъ въ состояніи воздать по заслугамъ тѣмъ, которые теперь такъ жестоко обращаются съ ея милымъ родственникомъ.

Но Іисусъ далъ себѣ слово переносить грубыя выходки пристава и товарищей съ такимъ же невозмутимымъ спокойствіемъ, съ какимъ въ былое время переносилъ солнечный зной, который не разъ томилъ его во время военныхъ походовъ по пустынѣ. Его твердый, мужественный духъ помогъ ему не отступать отъ этой рѣшимости.

Приставъ нагружалъ его невозможными тяжестями. Іисусъ

напрягалъ всѣ силы своихъ мышцъ и плелся дальше безъ возраженій и жалобъ, пока не подкашивались у него ноги. Тогда приставъ кидался на него, сбрасывалъ съ его плечъ часть ноши и восклицалъ, что видитъ и понимаетъ всю злобу Іисуса: весь разсчетъ его—свалиться на дорогѣ и создать ему, приставу, новыя затрудненія. Но онъ, приставъ, не дастъ себя въ обманъ и никому не подаритъ жизни, которая нужна въ рудникахъ.

Разъ приставъ до крови стегнулъ Іисуса, но тотчасъ же принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы залечить его рану. Онъ далъ ему для подкрѣпленія вина и, чтобы Іисусъ могъ вполнѣ оправиться, на цѣлые полъ-дня пріостановилъ движеніе отряда.

Приставъ не забылъ обѣщаній князя Сиптаха—щедро наградить того, кто ему доставитъ извѣстіе о смерти Іисуса. Но это только побуждало его заботливѣе къ нему относиться. Онъ былъ честенъ и не хотѣлъ для личныхъ выгодъ жертвовать своими обязанностями: это навсегда лишило бы его двухъ лучшихъ благъ — сна и позыва на ѣду.

Такимъ образомъ, если еврейскаго колодника и подвергали истязаніямъ, то, во всякомъ случаѣ, не свыше силъ. Это, къ утѣшенію Іисуса, еще давало ему возможность кое въ чемъ облегчать своихъ менѣе сильныхъ товарищей.

Свою собственную судьбу онъ отдалъ въ руки Бога, Который призвалъ его служить Себѣ. Однако онъ понималъ, что одною благочестивою покорностью Его волѣ нельзя ограничиться, и потому мысль о бѣгствѣ ни днемъ, ни ночью не покидала его. Но цѣпь, соединявшая его съ другимъ колодникомъ, была слишкомъ крѣпка: ее каждое утро и вечеръ вновь свидѣтельствовали и закрѣпляли. Такимъ образомъ всякая попытка къ побѣгу повела бы лишь къ худшимъ бѣдствіямъ.

Колодники шли сначала холмистою мѣстностью, потомъ, въ виду длиннаго горнаго хребта, пошли въ гору, а въ заключеніе вступили въ пустыню, по каменистой почвѣ которой были разбросаны утесы изъ песчаника въ видѣ сильно усѣченныхъ конусовъ.

На пятый вечеръ они расположились ночевать у подножія высокой горы, которую природа, казалось, воздвигла исключительно изъ каменныхъ пластовъ. А на шестой день они съ восходомъ солнца свернули въ боковую долину, которая вела въ рудники.

Нагнать ихъ пришлось только однажды, въ первые дни шествія, посланцу изъ царскаго казначейства. Но за то многократно попадались имъ встрѣчные небольшіе обозы съ малахитомъ, бирюзой, мѣдью и зелеными сплавами, которые изготовлялись по сосѣдству съ рудниками и оттуда препровождались въ Египетъ.

Въ числѣ другихъ путниковъ, встрѣченныхъ ими при входѣ въ долину, куда они свернули въ это утро, была одна чета, которая получила отъ царя помилованіе и теперь возвращалась на родину. Приставъ, желая ободрить своихъ изнемогающихъ кротовъ, указалъ имъ на нее. Но зрѣлище это произвело на колодниковъ обратное дѣйствіе. Всклоченные волосы мужчины, которому едва минуло тридцать лѣтъ, совсѣмъ посѣдѣли. Его нѣкогда высокій, стройный станъ согнулся, а худая обнаженная спина была испещрена рубцами и кровяными подтеками. Жена, раздѣлявшая его печальную участь, ослѣпла. Она сидѣла на ослѣ съ тупымъ видомъ безумной. Шумъ шествія колодниковъ, нарушивъ безмолвіе пустыни, прошелъ для нея безслѣдно, хотя она и не была глуха. Она не обратила на нихъ вниманія, и продолжала, ничего не видя, равнодушно смотрѣть передъ собой.

Встрѣча съ этими несчастными представила Іисусу его соб-

ственную будущность какъ въ зеркалѣ. Онъ впервые застоналъ и закрылъ лицо руками.

Приставъ былъ тронутъ ужасомъ этого человѣка, стойкость котораго до сихъ поръ казалась ему непоколебимою. Онъ поспѣшилъ его успокоить и сказалъ:

— Не всѣ же такими возвращаются домой — нѣтъ, право, не всѣ.

„Потому что бываетъ еще хуже", прибавилъ онъ про себя.— „Но бѣднягамъ нѣтъ нужды знать это заранѣе. Въ слѣдующій разъ, когда я приду сюда, непремѣнно справлюсь объ Осіи Интересно будетъ посмотрѣть, во что̀ превратится этотъ волъ. Самые сильные и выносливые часто гибнутъ скорѣе другихъ".

Приставъ, какъ погонщикъ управляющій жалкими клячами, взмахнулъ плетью надъ колодниками, но не коснулся ни одного изъ нихъ. Затѣмъ онъ указалъ на облако дыма, которое поднималось изъ-за высокой стѣны, справа отъ дороги.

— А вотъ и плавильныя печи! воскликнулъ онъ. — Въ полдень мы будемъ уже на мѣстѣ. Тамъ мы, конечно, найдемъ огоньку сварить чечевицу, да раздобудемся и кускомъ баранины. Вѣдь сегодня празднуется день рожденія добраго бога, сына солнца. Да здравствуетъ и да процвѣтаетъ онъ!

Отрядъ колодниковъ еще съ полчаса шелъ среди высокихъ отвѣсныхъ береговъ, вдоль русла высохшей рѣки. Недавній ливень образовалъ было здѣсь горный потокъ, который, съ шумомъ и пѣной, стремился въ долину. И теперь еще отъ него оставалось не мало лужъ.

Печальное шествіе обогнуло еще одинъ крутой склонъ горы, на которой возвышался небольшой египетскій храмъ Аторы, съ могильными камнями вокругъ, и приблизилось къ повороту въ ущелье, гдѣ находились рудники.

Передъ воротами нагорнаго храма, въ день рожденія фараона, развѣвались значки на высокихъ шестахъ. Изъ долины обыкновенно безмолвныхъ рудниковъ доносился непривычный шумъ, крикъ, лязгъ и гамъ. Приставъ подумалъ, что это колодники шумнѣе обыкновеннаго празднуютъ великій день и сообщилъ свою догадку другимъ стражникамъ, которые въ недоумѣніи остановились и прислушивались.

Шествіе продолжало путь. Всѣ были такъ измучены, что никто даже не поднялъ головы. Полуденное солнце жгло и ослѣпительнымъ блескомъ обливало стѣны ущелья, которыя отражали такой жаръ, точно хотѣли соперничать съ сосѣдними плавильными печами.

Не смотря на близость цѣли, колодники плелись какъ во снѣ. Изъ нихъ одинъ только находился въ сильномъ возбужденіи — до того сильномъ, что у него захватывало духъ.

Какъ боевой конь, таща плугъ, сгибаетъ шею, раздуваетъ ноздри и мечетъ изъ глазъ молніи, такъ точно согбенный подъ тяжестью ноши станъ Іисуса вдругъ выпрямился и его сверкающій взоръ устремился въ сторону шума, который приставъ принялъ за звуки праздничнаго веселья.

Онъ, Іисусъ, не такъ думалъ. Онъ не могъ ошибиться: это боевые клики египетскихъ воиновъ, трубные призывы къ бою, бряцаніе оружія и крики вражескихъ силъ.

На все готовый, онъ окликнулъ своего товарища по цѣпи и повелительно шепнулъ ему:

— Часъ освобожденія насталъ. Смотри въ оба и слѣпо слѣдуй за мной!

Египтяниномъ также овладѣло сильное волненіе. Іисусъ бросилъ взглядъ въ боковое ущелье и приказалъ товарищу быть наготовѣ.

Съ одного взгляда онъ различилъ на вершинѣ утеса величественный образъ и почтенную, обрамленную сѣдинами голо-

ву Навина. Онъ и въ десятитысячной толпѣ, и на еще большемъ разстояніи узналъ бы его! Взглядъ Іисуса съ любимаго старца перенесся на пристава. Послѣдній вообразилъ, что между государственными преступниками вспыхнулъ бунтъ и, въ испугѣ, не могъ выговорить слова. Наконецъ, къ нему вернулось присутствіе духа, и онъ хриплымъ голосомъ приказалъ стражникамъ:

— Стройтесь позади колодниковъ и бейте всякаго, кто вздумаетъ бѣжать!

Но какъ только подчиненные пристава очутились въ тылу отряда, Іисусъ крикнулъ своему товарищу:

— Хватай его!

Онъ находился впереди всѣхъ и, вмѣстѣ съ товарищемъ, кинулся на изумленнаго пристава. Тотъ не успѣлъ опомниться, какъ Іисусъ схватилъ его за правую руку, а египтянинъ за лѣвую.

Приставъ былъ очень силенъ. Ярость, имъ овладѣвшая, еще удвоила его силу, но тѣмъ не менѣе онъ тщетно старался вырваться изъ желѣзныхъ рукъ Іисуса и его товарища.

Бывшій военачальникъ быстро сообразилъ, какимъ путемъ можетъ скорѣй добраться до своихъ. Путь этотъ пролегалъ мимо небольшаго отряда египетскихъ стрѣлковъ, которые съ противуположнаго утеса пускали стрѣлы въ евреевъ. Враги, однако, не рѣшались стрѣлять въ Іисуса и его спутниковъ. Мощная осанка пристава, его одежда и оружіе достаточно обличали его званіе, и оба колодника шли подъ его прикрытіемъ.

— Приподними цѣпь правою рукой, шепнулъ еврейскій воинъ своему товарищу, — а я буду держать передъ нами нашъ живой щитъ. Намъ теперь придется, какъ ракамъ, пятиться въ гору.

Товарищъ повиновался. Они были уже на разстояніи одного

выстрѣла отъ враговъ. Имъ приходилось идти то бокомъ, то задомъ, и они шли, прикрываясь приставомъ. Іисусъ громовымъ голосомъ восклицалъ:

— Это сынъ Навина возвращается къ отцу и къ народу!

Онъ шагъ за шагомъ приближался къ еврейскимъ бойцамъ.

Ни одинъ изъ египтянъ, узнавшихъ пристава, не рѣшался пускать стрѣлъ въ колодниковъ. Вмѣстѣ скованные бѣглецы все еще задомъ подымались въ гору, какъ вдругъ съ высоты ея чей-то громкій, радостный голосъ окликнулъ Іисуса. Мгновеніе спустя, къ нему навстрѣчу бѣжалъ по скату Ефремъ съ толпой юныхъ еврейскихъ бойцовъ.

Іисусъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что сыны его народа, кромѣ обычныхъ пастушескихъ пращей и мѣшковъ съ закругленными камнями за поясомъ, были вооружены еще египетскими мечами, сѣкирами и большими щитами.

Ефремъ приблизился, но прежде всего выстроилъ своихъ товарищей въ два ряда, такъ что Іисусъ очутился между ними, какъ за двойной стѣной, которая защищала его отъ вражескихъ стрѣлъ.

Тогда только отдался юноша радости свиданія. За его привѣтствіемъ скоро послѣдовало другое, не менѣе радостное. У выступа скалы появился Навинъ. Его туда привели подъ защитой большихъ египетскихъ щитовъ, которые были выброшены моремъ. Подъ прикрытіемъ утеса, ловкія руки проворно освободили Іисуса и его товарища-колодника отъ цѣпей, а Ефремъ, съ помощью другихъ юношей, тутъ же заковалъ въ нихъ пристава.

Несчастный не пытался даже сопротивляться. Онъ былъ совсѣмъ уничтоженъ и только, когда ему хотѣли связать руки за спиной, попросилъ позволенія предварительно утереть глаза. Слеза за слезой катились по щекамъ этого суроваго человѣка и капали на его сѣдую бороду. Его перехитрили, провели

и ослили: отнынѣ онъ считалъ себя неспособнымъ къ отправленію своей должности.

Навинъ страстно, горячо обнялъ своего освобожденнаго, вновь обрѣтеннаго, единственнаго сына, котораго уже считалъ погибшимъ. Потомъ онъ выпустилъ его изъ рукъ и, отступивъ на шагъ, не переставалъ имъ любоваться. Почтенный старецъ жадно слушалъ увѣренія Іисуса, что онъ остался вѣренъ своему Богу и что отнынѣ намѣренъ всего себя посвятить на служеніе еврейскому народу.

Но они не могли долго наслаждаться радостью своего чудеснаго свиданія. Имъ еще предстояла борьба, предводительство въ которой, само собой, какъ бы по неоспоримому праву теперь перешло въ руки Іисуса.

Онъ порадовался избавленію своего народа, но не безъ грусти услышалъ о печальной судьбѣ храбраго войска, къ вождямъ котораго такъ долго съ гордостью причислялъ и себя. Другой отрядъ вооруженныхъ пастырей, тѣмъ временемъ, подъ начальствомъ Ора, супруга Маріами, собирался напасть на бирюзовые пріиски, близъ Дофки, которые лежали южнѣе, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ходьбы отсюда. Въ случаѣ побѣды, отрядъ этотъ долженъ былъ соединиться съ молодою дружиной Ефрема.

Юноша горѣлъ отъ нетерпѣнія сразиться съ египтянами. Осторожный Іисусъ уже успѣлъ убѣдиться въ малочисленности враговъ и не сомнѣвался, что значительно превосходившіе ихъ числомъ и воинственно-настроенные пастыри легко съ ними справятся. Но онъ считалъ себя виновникомъ предстоящей битвы и не хотѣлъ, чтобы изъ-за него проливалась лишняя кровь. Онъ приказалъ Ефрему срѣзать съ сосѣдней пальмы вѣтвь и потребовалъ себѣ щитъ. Прикрываясь имъ и махая вѣтвью мира, онъ одинъ направился къ непріятелю.

Завидѣвъ знакъ, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, страж-

никъ, стоявшій у входа въ рудники, поспѣшилъ доложить своему начальнику о приближеніи еврея съ пальмовой вѣткой въ рукахъ.

Начальникъ былъ не прочь приступить къ переговорамъ, но сначала хотѣлъ ознакомиться съ содержаніемъ письма, которое было ему только-что подано и, повидимому, содержало дурныя вѣсти. О томъ свидѣтельствовало лицо посланца и нѣсколько отрывочныхъ словъ, сказанныхъ имъ своимъ родичамъ.

Воины фараона кормили и поили изнемогавшаго отъ усталости, запыленнаго скорохода и съ ужасомъ слушали вѣсти, которыя онъ имъ сообщалъ хриплымъ голосомъ. Начальникъ тѣмъ временемъ читалъ письмо.

Чѣмъ дальше читалъ онъ, тѣмъ мрачнѣе становилось его чело, и въ заключеніе онъ нетерпѣливо скомкалъ папирусъ. Письмо заключало въ себѣ извѣстіе о гибели египетскаго войска, о смерти фараона Менефты, о неудавшейся попыткѣ князя Сиптаха овладѣть престоломъ, о провозглашеніи и вѣнчаніи на царство, подъ именемъ Сети II, старшаго изъ остававшихся въ живыхъ сыновей покойнаго царя. Князь Сиптахъ бѣжалъ въ болотистый округъ Дельты, а спріецъ Аарсу перешелъ на сторону новаго царя и былъ назначенъ военачальникомъ всѣхъ наемныхъ войскъ въ Египтѣ. Что касается верховнаго жреца и судьи, Баи, Сети II лишилъ его высокаго сана и удалилъ отъ себя. Заговорщики въ пользу Сиптаха будутъ сосланы не въ мѣдные рудники, а на золотые эѳіопскіе пріиски. Въ письмѣ сообщалось еще, что многія обитательницы „дома затворницъ“, и въ томъ числѣ, конечно, мать Сиптаха, были удавлены. Всѣ лишніе воины въ рудникахъ должны немедленно отправиться въ Танисъ, гдѣ недостаетъ опытныхъ людей для вновь набираемыхъ отрядовъ.

Эти вѣсти имѣли важныя послѣдствія. Оказалось, что Іисусъ уже зналъ о гибели египетскаго войска и, кромѣ того, ожидалъ скораго подкрѣпленія отъ еврейскаго отряда, посланнаго занять Дофку. Египетскій начальникъ мгновенно измѣнилъ задорный тонъ на болѣе сговорчивый и старался только выговорить себѣ, по возможности, болѣе благопріятныя условія отступленія. Онъ хорошо зналъ слабость отряда, охраняющаго бирюзовыя копи, а съ родины тоже не могъ ожидать никакой помощи. Къ тому же, личность еврея, который съ нимъ договаривался, внушала ему довѣріе. Онъ сдѣлалъ еще кое-какія возраженія, пустилъ въ ходъ еще нѣсколько угрозъ, но въ заключеніе удовлетворился обѣщаніемъ свободнаго пропуска всему отряду, вмѣстѣ съ вьючнымъ скотомъ и необходимыми съѣстными припасами: само собой разумѣется, все это лишь послѣ того, какъ египтяне сложатъ оружіе и укажутъ всѣ подземные ходы, въ которыхъ работаютъ колодники.

Отрядъ еврейскихъ юношей, вдвое превосходившій числомъ египтянъ, безпрепятственно приступилъ къ ихъ обезоруженію. У многихъ изъ закаленныхъ египетскихъ воиновъ навертывались на глазахъ слезы. Иные, съ бранью и проклятіями, ломали копья и расщепляли стрѣлы. Нѣсколько старыхъ воиновъ, нѣкогда служившихъ подъ начальствомъ Іисуса, теперь узнали его и, грозя ему кулаками, клеймили его названіемъ измѣнника.

На службу сюда, въ пустыню, большею частью отправлялись подонки войска, и почти всѣ здѣшніе воины носили на лицѣ печать испорченности или крутаго нрава. На берегахъ Нила умѣли выбирать людей, которые неумолимую строгость къ беззащитнымъ считали своею первою обязанностью.

Наконецъ, былъ отворенъ входъ въ рудники. Іисусъ самъ вооружился рудокопнымъ свѣтильникомъ и проникъ въ душ-

ныя трущобы, гдѣ государственные преступники, совсѣмъ нагіе, въ цѣпяхъ, выбивали изъ стѣнъ мѣдную руду.

Онъ еще издали услышалъ удары кирокъ, съ острымъ наконечникомъ въ видѣ ласточкиныхъ крыльевъ, которыми колодники долбили скалу. Затѣмъ до него донеслись жалобные вопли мужскихъ и женскихъ голосовъ. Это жестокіе пристава, сопровождавшіе несчастныхъ въ рудники, подгоняли нерадивыхъ на работѣ.

Сегодня, въ день рожденія фараона, каторжниковъ водили на сосѣднюю гору, въ храмъ Аторы, молиться за царя, который повергъ ихъ въ такую бездну скорби. Они были бы до слѣдующаго утра освобождены отъ работы, если бы не нечаянное нападеніе евреевъ, побудившее начальство снова запереть ихъ въ рудникахъ. По этому же случаю и женщины сегодня здѣсь работали, тогда какъ обыкновенно онѣ только раздробляли и просѣивали руду, которая шла на приготовленіе сплавовъ и красильныхъ веществъ.

Каторжники, заслышавъ голосъ и шаги Іисуса, которые гулко раздавались среди обнаженныхъ каменныхъ стѣнъ, боялись новой бѣды—и подземные ходы огласились ихъ громкимъ плачемъ и сѣтованіями. Но лишь только освободитель добрался до первыхъ изъ этихъ несчастныхъ, радостная вѣсть о томъ, что онъ пришелъ положить конецъ ихъ горькой участи, мгновенно распространилась и проникла въ самые отдаленные закоулки копей.

Дикіе клики радости огласили пространство, доселѣ привыкшее только къ болѣзненнымъ стонамъ и къ слезамъ. Но одновременно до слуха Іисуса донесся и громкій вопль, за которымъ послѣдовало предсмертное хрипѣніе. Одинъ каторжникъ, вспыливъ, бросился на самаго ненавистнаго изъ приставовъ и убилъ его своею киркой. Примѣръ этотъ пробудилъ жажду мести и въ другихъ: никто не успѣлъ опом-

питься, какъ та же участь постигла и остальныхъ приставовъ. Иные изъ нихъ, впрочемъ, пытались сопротивляться и, рядомъ съ собой, укладывали и своихъ убійцъ.

Наконецъ Іисусу удалось вывести освобожденную толпу на свѣтъ Божій. Дико и грубо звучали голоса этихъ людей, сливаясь съ бряцаніемъ цѣпей, которыя несчастные еще влачили за собой.

Самые неустрашимые изъ евреевъ—и тѣ содрогнулись при видѣ измученной, изнуренной толпы. Многіе изъ числа этихъ несчастливцевъ въ свое время наслаждались мирною жизнью у собственныхъ очаговъ, или вкушали отъ разныхъ благъ при царскомъ дворѣ. Между ними были нѣжные матери и отцы семействъ, привыкшіе широко пользоваться благодѣяніями гражданственности, среди народа богато одареннаго природою. Внезапно ослѣпленные солнечнымъ свѣтомъ, они теперь жалко мигали воспаленными глазами. Быстрый переходъ отъ мрака ночи къ яркому дневному свѣту вызывалъ у нихъ слезы или заставлялъ жадно озираться съ видомъ голодной совы.

Ошеломленные неожиданнымъ оборотомъ своей судьбы, они сначала не препятствовали евреямъ, которые, по знаку Іисуса, принялись сбивать съ нихъ оковы. Но, постепенно, они пришли въ себя и замѣтили выстроенныхъ у скалы безоружныхъ воиновъ и приставовъ. Ими внезапно овладѣла неподдающаяся никакому описанію ярость. Съ дикимъ воплемъ и скрежетомъ зубовъ вырвались они изъ рукъ, которыя работали надъ ихъ освобожденіемъ, и забывъ о тяжести обременявшихъ ихъ цѣпей, неистово бросились на безоружныхъ. Они не успѣли обмѣняться ни словомъ, ни взглядомъ, но дѣйствовали единодушно, повинуясь одному и тому-же страшному влеченію. Евреи не могли ихъ удержать. Каждый изъ освобожденныхъ кидался на того, за кѣмъ считалъ больше обидъ

и побоевъ. Здѣсь слабый, изможденный человѣкъ впивался пальцами въ шею гораздо сильнѣйшаго чѣмъ самъ; тамъ нагія, обезображенныя нуждой и лишеніями женщины зубами и ногтями рвали и терзали надсмотрщика, который передъ тѣмъ больно билъ и оскорблялъ ихъ. Всѣ спѣшили выместить на притѣснителяхъ долго сдерживаемую злобу.

Ненависть разлилась неудержимымъ потокомъ, который стремился захватить какъ можно больше жертвъ.

Произошло ужасное смятеніе. То была сумятица ударовъ и отраженій, кровавыхъ схватокъ на ногахъ и на землѣ, въ клубахъ красноватаго песку, среди раздирающихъ воплей, криковъ, визга и воя. Не было никакой возможности различить что-нибудь въ этомъ отвратительномъ смѣшеніи мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ одни находились подъ вліяніемъ самыхъ кровожадныхъ страстей и обезумѣли отъ жажды мести, а другіе дѣйствовали подъ гнетомъ смертельнаго страха и чувства самозащиты.

Лишь немногіе изъ каторжниковъ воздерживались отъ дѣятельнаго участія въ свалкѣ, но и тѣ громкими криками подстрекали товарищей, осыпали ругательствами противниковъ и сами, объятые гнѣвомъ, грозили имъ кулаками.

Ярость, съ какою освобожденные каторжники теперь кидались на своихъ бывшихъ мучителей, могла сравниться только съ тѣмъ неслыханнымъ жестокосердіемъ, которое они передъ тѣмъ на себѣ испытали.

Но люди эти находились подъ защитой Іисуса, который ихъ обезоружилъ.

Онъ приказалъ своимъ разнять сцѣпившихся—по возможности не проливая крови. Но это было не легко и причинило еще не мало новыхъ бѣдъ. Наконецъ дѣло уладилось. Тутъ только оказалось, насколько страстное возбужденіе придало силы этимъ слабымъ, изнуреннымъ людямъ. Въ минувшей свалкѣ

обѣ стороны дрались безъ оружія, а мѣсто битвы, между тѣмъ, было усѣяно трупами и большинство бывшихъ надсмотрщиковъ и приставовъ истекало кровью.

По возстановленіи порядка и тишины, Іисусъ обратился къ раненому смотрителю копей, съ требованіемъ списка каторжниковъ. Тотъ указалъ ему на состоявшаго при рудникахъ писца, который одинъ остался цѣлъ и невредимъ. Онъ между прочимъ былъ врачемъ колодниковъ. Уже не молодой и самъ видѣвшій много горя, человѣкъ этотъ, — по опыту знавшій, какъ трудно иногда бываетъ справляться съ жизнью,—вездѣ, гдѣ только могъ, старался облегчать участь несчастныхъ.

Онъ охотно выдалъ списокъ каторжниковъ, въ числѣ которыхъ оказалось и нѣсколько евреевъ. Послѣ переклички многіе выразили желаніе слѣдовать за своими избавителями.

Наконецъ, обезоруженные воины и стражники могли отправиться въ обратный путь на родину. Приставъ, который сопровождалъ въ рудники Іисуса съ его товарищами, вдругъ отдѣлился отъ остальныхъ египтянъ. Въ смущеніи, съ поникшею головой, подошелъ онъ къ Навину и его сыну и сталъ просить ихъ, чтобы они ему позволили за ними слѣдовать: на родинѣ ему нечего ждать хорошаго, и кромѣ того, во всемъ Египтѣ нѣтъ бога столь могущественнаго, какъ ихъ Богъ. Онъ видѣлъ, какъ Осія, нѣкогда самъ военачальникъ, въ бѣдѣ простиралъ руки къ этому Богу и ему ниспосылалась такая твердость, какой онъ, приставъ, никогда ни въ комъ до сихъ поръ не встрѣчалъ. А теперь онъ еще узналъ, что этотъ-же Богъ, спасая свой народъ, потопилъ въ волнахъ фараоново войско. Такой Богъ ему по душѣ—и онъ отнынѣ ничего такъ не желаетъ, какъ жить съ тѣми, которые Ему поклоняются и служатъ.

Іисусъ охотно согласился на просьбу пристава. Въ числѣ

освобожденныхъ каторжниковъ нашлось пятнадцать евреевъ, а между ними, къ великой радости Ефрема, оказался и Рувимъ, мужъ бѣдной, вѣчно печальной Милки, которая такъ горячо привязалась къ Маріами. Его сдержанность и молчаливость послужили ему здѣсь въ пользу—и тяжкая, подневольная работа повидимому мало истощила его мощное тѣло.

Ефремъ и его юные товарищи только радовались удачѣ своего предпріятія и торжествовали свою побѣду. Но когда зашло солнце, а Ора съ его отрядомъ все еще не было, безпокойство овладѣло Навиномъ и его близкими.

Ефремъ ужъ собрался съ нѣкоторыми товарищами идти на развѣдку, какъ явился посланный съ извѣстіемъ, что воины Ора упали духомъ при видѣ прочныхъ египетскихъ укрѣпленій. Ихъ вождь тщетно старался ихъ воодушевить и понудить на приступъ: они не отваживались на столь смѣлое предпріятіе. Если Навинъ не явится къ нему на помощь, отрядъ Ора несомнѣнно отступитъ.

Было рѣшено идти на помощь къ оробѣвшимъ, и всѣ бодро двинулись въ путь. Дорогой, среди ночной тишины и прохлады, Ефремъ и Навинъ разсказали Іисусу о Казанѣ, какъ они ее нашли и какъ она умерла. Такимъ образомъ воинъ узналъ все, что̀ желала передъ смертью сообщить ему женщина, такъ горячо его любившая. Онъ былъ глубоко тронутъ и до самой Дофки шелъ уже молча, погруженный въ раздумье. Наконецъ они прибыли въ долину бирюзовыхъ пріисковъ, среди которой возвышалась крѣпость съ примыкавшими къ ней жилищами каторжниковъ.

Оръ со своими бойцами держался въ засадѣ, въ одной изъ боковыхъ долинъ. Іисусъ, взявъ въ свои руки начальство надъ соединенными силами евреевъ, раздѣлилъ ихъ на нѣсколько отрядовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ особое назначеніе. Занялась заря, и онъ подалъ знакъ идти на приступъ.

Борьба не долго длилась. Слабый крѣпостной отрядъ былъ легко осиленъ, твердыня взята, и обезоруженные египтяне, также какъ и товарищи ихъ изъ мѣдныхъ копей, отпущены на родину. Каторжникамъ возвратили свободу, а прокаженные, поселокъ которыхъ находился въ сосѣдней долинѣ, по ту сторону рудниковъ, получили позволеніе слѣдовать за побѣдителями на извѣстномъ разстояніи.

Чего не смогъ мужъ Маріами, Оръ, — то удалось Іисусу. Передъ выступленіемъ въ обратный путь, Навинъ собралъ на молитву юныхъ воиновъ Ефрема и вмѣстѣ съ ними возблагодарилъ Господа. Къ нимъ присоединился и отрядъ Ора. Молодые товарищи Ефрема вездѣ сопровождали Іисуса восторженными кликами.

На обратномъ пути часто раздавались возгласы:

— Да здравствуетъ нашъ военачальникъ! Да здравствуетъ тотъ, кого самъ Богъ нарекъ мечомъ Своимъ! Мы всюду пойдемъ за нимъ! Господь черезъ него даруетъ намъ побѣду!

Воины Ора по временамъ также присоединялись къ этимъ кликамъ, и Оръ имъ не препятствовалъ. Онъ самъ, по взятіи крѣпости, благодарилъ Іисуса и поздравлялъ его съ освобожденіемъ.

Выступая въ обратный путь, Іисусъ хотѣлъ уступить мѣсто во главѣ шествія старшему военачальнику. Моисей и другіе старѣйшины, послѣ перехода черезъ Чермное море, назначили Ора верховнымъ вождемъ всѣхъ еврейскихъ войскъ; но теперь Оръ предоставилъ первое мѣсто впереди шествія престарѣлому Навину, который былъ на много лѣтъ старше его.

Дорога шла сначала по ровной горной долинѣ, потомъ направилась черезъ хребетъ называвшійся Лезвіемъ Меча, который составлялъ единственный путь сообщенія между рудниками и Чермнымъ моремъ.

Сурова и пустынна была горная окрестность и тяжелъ крутой подъёмъ къ перевалу. Престарѣлый отецъ Іисуса выросъ въ равнинахъ Гесема и не привыкъ къ горнымъ дорогамъ. Теперь то сынъ, то внукъ, при громкомъ ликованіи товарищей послѣдняго, на рукахъ несли его до самаго перевала. Супругъ Маріамп, который, во главѣ своего собственнаго отряда, шелъ позади юныхъ воиновъ Ефрема, услышалъ ихъ радостные клики. Взоръ его омрачился, и онъ низко опустилъ голову.

Здѣсь пришлось устроить стоянку, въ ожиданіи народа, путь которому лежалъ черезъ пустыню Синъ на Дофку.

Побѣдители съ высоты перевала высматривали странниковъ. Но пока еще ничто не предвѣщало приближенія послѣднихъ. Тогда они обратили взоры въ другую сторону, на только - что пройденный горный путь, и не могли оторвать глазъ отъ чуднаго, величественнаго зрѣлища, которое имъ тамъ представилось. У ногъ ихъ лежала круглая долина, окаймленная высокими утесами, каменными глыбами, кряжами, зубцами. Бѣлыя какъ мѣлъ, черныя какъ вороново крыло, сѣрыя, бурыя, красныя и зеленыя громады выростали, казалось, прямо изъ песку и стремились вверхъ, къ ослѣпительно-яркой, безоблачной лазури неба.

Все, на чемъ здѣсь останавливались взоры, было пустынно, беззвучно и безжизненно. По скатамъ разноцвѣтныхъ скалъ, тѣснившихъ песчаную почву долины, не росло ни травки, ни былинки. Ни птица, ни червь, ни мошка не оживляли этой безмолвной, безжизненной мѣстности. Глазъ не встрѣчалъ здѣсь ничего, что̀ говорило бы о человѣкѣ и его дѣятельности, о сѣяніи, насажденіи и трудѣ. Эти ни къ чему неприспособленныя каменныя громады казались созданными Господомъ для Самого Себя. Тотъ, кто проникалъ сюда, могъ думать, что онъ попираетъ мѣсто Самимъ Творцомъ из-

бранное для Своего отдохновенія,—что онъ вступаетъ во Святая Святыхъ какого-нибудь храма.

Юная часть отряда, молча, созерцала великолѣпную картину у ногъ своихъ. Молодые люди расположились вокругъ Навина, который любилъ водиться съ молодежью, и наперерывъ старались оказывать ему услуги. Старецъ покоился среди нихъ, подъ наскоро раскинутымъ шатромъ. Онъ разсказывалъ о военныхъ подвигахъ своего сына, и на глазахъ его навертывались радостныя слезы.

Іисусъ и Оръ тѣмъ временемъ еще оставались на вершинѣ перевала. Іисусъ молча смотрѣлъ внизъ на пустынную долину подъ синимъ сводомъ неба, среди нерукотворныхъ столбовъ и колоннъ, которые какъ бы составляли величественнѣйшій въ мірѣ храмъ.

Старшій воинъ долго не поднималъ головы и мрачно смотрѣлъ внизъ. Вдругъ онъ прервалъ молчаніе и сказалъ:—Когда я въ Сокхоѳѣ призывалъ Господа въ свидѣтели между тобой и мною, я тамъ воздвигъ памятникъ. Здѣсь же, въ этой мѣстности, среди этой тишины, нѣтъ, кажется, надобности ни въ памятникахъ, ни въ алтаряхъ, чтобъ ощущать Его близость.

Оръ выпрямился, поднялъ голову и продолжалъ:

— Къ Тебѣ устремляю мой взоръ, Адонаи! къ Тебѣ обращаю мое смиренное слово, Іегова, Богъ Авраама и нашихъ праотцевъ! Молю Тебя, будь вторично посредникомъ между мною и этимъ человѣкомъ, котораго Ты самъ призвалъ служить Тебѣ, повелѣвъ ему быть мечомъ Твоимъ!

Оръ произнесъ эти слова съ воздѣтыми къ небу глазами и руками. Потомъ важно, торжественно продолжалъ: — Вопрошаю тебя, Осія, сынъ Навиновъ, помнишь-ли ты наши обѣты передъ памятникомъ, который я соорудилъ въ Сокхоѳѣ?

— Помню, отвѣчалъ младшій воинъ. — Въ великой бѣдѣ и опасности позналъ я, чего требуетъ отъ меня Господь. Съ этихъ поръ я всѣ силы моей души и тѣла — отъ Него же полученныя мною въ даръ—посвящаю служенію Ему и Его народу, который въ то же время и мой народъ. Имя мое отнынѣ Іисусъ... Я не ищу больше помощи ни у египтянъ, ни у чужеземныхъ царей... Самъ Господь Богъ нашъ, устами твоей жены, далъ мнѣ это имя.

Оръ съ прежнею важностью и торжественностью сказалъ:—Этого я и ждалъ отъ тебя. Пусть же Всевышній, свидѣтель нашей бесѣды здѣсь, будетъ нынѣ свидѣтелемъ исполненія и моего обѣта Ему. Служитель Его, Моисей, и другіе старѣйшины возвели меня въ санъ главноначальствующаго всѣми боевыми силами нашими. Но — ты названъ Іисусомъ и клянешься отнынѣ служить одному нашему Богу. Къ тому же ты, въ качествѣ военачальника, гораздо больше можешь сдѣлать чѣмъ я, посѣдѣвшій въ мирныхъ занятіяхъ пастыря, и чѣмъ всякій другой еврей, какъ бы онъ ни прозывался. Да исполнится же обѣтъ мой, данный въ Сокхоѳѣ! Я предложу служителю Господа Моисею и другимъ старѣйшинамъ довѣрить тебѣ начальство надъ войскомъ. Въ ихъ руки передаю я рѣшеніе. А теперь узнай и ты, какъ знаетъ читающій въ моемъ сердцѣ Господь, что я втайнѣ питалъ на тебя гнѣвъ. Но, ради нашего народа, я готовъ забыть все, что̀ насъ до сихъ поръ раздѣляло. Вотъ тебѣ моя правая!

И онъ подалъ руку Іисусу, который взялъ ее и отвѣчалъ ему съ такою же искренностью:

— Ты говоришь, какъ мужъ—пусть же и мое слово будетъ смѣло и откровенно, какъ твое. Во имя народа и того дѣла, которому мы служимъ, я принимаю твое предложеніе. Но ты призвалъ въ свидѣтели Всевышняго... Онъ тутъ, Онъ слышитъ насъ — и я тоже ни слова не утаю изъ правды. Ты пе-

редаешь мнѣ начальство надъ войскомъ; но къ этому и Господь призвалъ меня. Онъ сдѣлалъ это черезъ посредство твоей жены Маріами — и это мое право. Но въ томъ, что ты добровольно уступаешь мнѣ главенство, я признаю великую заслугу. Я знаю, какъ трудно человѣку отказываться отъ власти, особенно въ пользу младшаго и не любимаго... Ты это сдѣлалъ — и я благодарю тебя. Но и я въ глубинѣ моего сердца тоже таилъ на тебя гнѣвъ, ибо ты лишилъ меня блага, которое для всякаго мужа чуть-ли еще не дороже власти—ты лишилъ меня любви женщины.

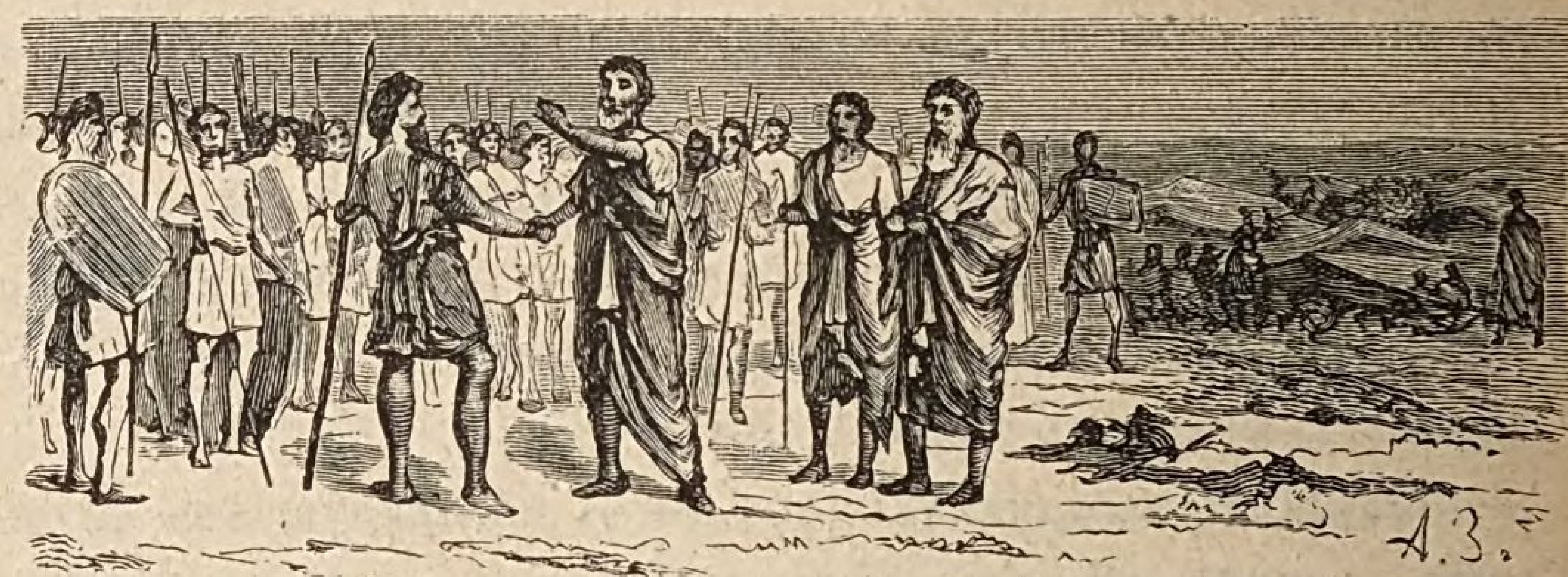
Кровь хлынула къ щекамъ Ора.

— Маріами! воскликнулъ онъ. — Я не принуждалъ ее къ браку со мною. Я даже не внесъ за нее, по обычаю предковъ, свадебнаго выкупа. Она добровольно согласилась быть моей женою.

— Я это знаю, спокойно отвѣчалъ Іисусъ.—Но нѣкто любилъ ее дольше и больше твоего и пламя ревности жестоко жгло его. Однако, оставь заботу. Еслибъ ты теперь вздумалъ дать ей разводную и самъ привелъ ее ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я отверзъ ей мой шатеръ и объятія, я сказалъ бы тебѣ: „Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“ Я только недавно узналъ, что̀ такое любовь женщины и на что̀ она способна. Я ошибался, когда думалъ, что Маріамь раздѣляетъ мое чувство къ ней. Къ тому же, идя въ цѣпяхъ, въ часы тяжкаго бѣдствія я поклялся всѣ силы моего тѣла, весь пламень моей души не отдавать никому порознь, а цѣликомъ посвятить моему народу. И любовь женщины не отвратитъ меня отъ великой обязанности, которую я взялъ на себя. Что же касается твоей жены, я буду какъ чужой возлѣ нея, повинуясь ей только какъ пророчицѣ, если Господь опять призоветъ меня черезъ нее, для новыхъ велѣній.

И онъ также протянулъ Ору свою руку. Пока старый во-

инъ отвѣчалъ на ея пожатіе, еврейскіе бойцы на вершинѣ перевала заволновались и зашумѣли. Въ гору поднимались ихъ развѣдчики, съ извѣстіемъ, что громадный облачный столбъ пыли по дорогѣ возвѣщаетъ приближеніе народа.

Милка и Рувимъ.

ГЛАВА XXV.

Странники постепенно приближались. Многіе изъ юныхъ бойцовъ пошли къ нимъ навстрѣчу.

Но то уже была не радостно настроенная толпа народа, которая, торжествуя побѣду, принимала участіе въ пѣніи хвалебнаго гимна Маріами. Теперь евреи шли медленно, вяло, точно нехотя подымались на гору. Имъ предстояло взбираться по самому крутому склону, чтобъ достигнуть перевала на ея вершинѣ. Тѣ, кому приходилось тащить тяжести, глубоко вздыхали; женщины и дѣти плакали; погонщики, направляя свои возы въ узкую крутую колею, оглашали воздухъ проклятіями. У всѣхъ пересохло въ горлѣ. Голоса измучен-

ныхъ людей, соединенными силами подправившихъ повозки, или подгонявшихъ вьючный скотъ, звучали глухо и хрипло.

Эта многотысячная толпа, которая всего нѣсколько дней тому назадъ была проникнута благодарностью къ спасительной силѣ своего Господа, теперь имѣла видъ разбитаго войска и такою казалась она Іисусу, смотрѣвшему на нее сверху.

Путь евреевъ съ послѣдняго привала на берегу Чермнаго моря былъ очень тяжелъ. Они шли по дикой безводной пустынѣ, которая имъ, выросшимъ на плодородныхъ равнинахъ Нижняго Египта, казалась особенно печальною и безотрадною.

Взгляды ихъ, привыкшіе къ широкому кругозору, здѣсь повсюду встрѣчали препятствія въ голыхъ стѣнахъ, за которыми скрывалась даль.

Миновавъ проходъ Баба, они вступили въ долину тогоже имени. И здѣсь, и въ дальнѣйшемъ странствіи по пустынѣ Синъ, они вездѣ встрѣчали только узкія ущелья, среди отвѣсныхъ скалъ. Высокая, мрачнаго вида гора тяжелою, грозною громадой воздвигалась надъ остальными высями, которыя казались странникамъ чудовищными произведеніями рукъ человѣческихъ. Ничто не скрывало отъ глаза составныхъ частей этой твердыни, каменныхъ пластовъ, равномѣрно нагроможденныхъ на одинаковыхъ разстояніяхъ. Казалось, будто исполины - строители, помогавшіе здѣсь Зиждителю вселенной, внезапно были отсюда отозваны и работа ихъ осталась недоконченною среди пустыни, гдѣ некому было наблюдать за ея окончаніемъ, ибо она не предназначалась ни для какого живаго существа. Глыбы сѣраго и бураго гранита вздымались по краямъ дороги, а въ пескѣ на ней безпрестанно попадались кучи обломковъ краснаго порфира или черныхъ какъ уголь камней, точно разбитыхъ молотомъ и похожихъ на остатки, получаемые при выплавливаніи руды. Странной формы скалы съ зеленоватымъ отливомъ тѣсно охва-

тывали, непрерывно слѣдовавшія однѣ за другими, котловины, которыя перерѣзывались тянувшеюся вверхъ дорогой. Всякій разъ, вступая въ новое ущелье, странники испытывали страхъ, что высокая скала на заднемъ планѣ окончательно преградитъ имъ путь и заставитъ ихъ вернуться вспять. Тогда между ними поднимался ропотъ; но скоро открывался выходъ— и они вступали въ новую точно такую же котловину.

Пока евреи находились еще по близости отъ Чермнаго моря, они довольно часто встрѣчали колючія камедныя деревья и ароматическія травы. Но чѣмъ дальше углублялись они въ каменистую пустыню, тѣмъ суше и непроизводительнѣе становилась почва. Подъ конецъ глаза ихъ уже тщетно искали травъ и деревьевъ.

Въ Елимѣ имъ часто попадались источники прѣсной воды и группы тѣнистыхъ пальмъ, а по сосѣдству съ Чермнымъ моремъ находилось много хорошо снабженныхъ водою колодцевъ. Но съ перваго же привала въ пустынѣ Синъ, странники ничего больше не находили для утоленія своей жажды. Къ полудню имъ уже начало казаться, будто сонмъ какихъ-то коварныхъ демоновъ нарочно смелъ со скалъ все, что̀ могло давать тѣнь. Въ этихъ котловинахъ и ущельяхъ все жгло и ослѣпляло. Въ нихъ положительно негдѣ было укрыться отъ палящаго зноя.

На привалѣ былъ розданъ людямъ и животнымъ послѣдній остатокъ запасной воды, и когда евреи утромъ собирались въ путь, у нихъ уже не оставалось ни капли, а жажда тѣмъ временемъ все усиливалась.

Малодушіе и тупое недовольство опять овладѣло толпой. Она не переставала роптать на Моисея и на другихъ старѣйшинъ. Зачѣмъ заставили они народъ отказаться отъ счастливой жизни на тучныхъ египетскихъ пажитяхъ и ввергли ихъ въ эту страшную бездну лишеній и скорби! Но когда стран-

ники достигли вершины Меча, ихъ гортани до того пересохли, что они ужь больше не могли ни роптать, ни проклинать.

Посланный отъ Навина, Ефрема и Ора еще во время подъема въ гору принесъ имъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной юною дружиной, и объ освобожденіи Іисуса и другихъ плѣнниковъ. Но эти люди были въ такомъ изнеможеніи, что добрая вѣсть мало порадовала ихъ. Лишь кое-гдѣ въ толпѣ скользнула улыбка на бородатыхъ лицахъ мужчинъ, да промелькнулъ огонекъ въ потухшихъ взорахъ женщинъ.

Даже Маріамь со своею неразлучною спутницей Милкою— и та не выходила изъ толпы и не торопилась, попрежнему, сзывать женъ на благодарственную молитву.

Бѣдная, горемычная женщина, которую Маріамь взяла подъ свое покровительство, изъ страха разочарованія все еще не рѣшалась вполнѣ отдаться вновь пробудившейся въ ней надеждѣ. Мужъ ея, Рувимъ, былъ сдержанный, молчаливый человѣкъ—и посланный отъ Навина не умѣлъ сказать, былъ-ли онъ въ числѣ освобожденныхъ. Тѣмъ не менѣе, Милка сильно волновалась. Маріамь приказала ей успокоиться. Тогда она бросилась къ подругамъ и засыпала ихъ вопросами. Но тѣ, конечно, ничего не могли ей сообщить о ея потерянномъ другѣ. Милка разрыдалась и опять вернулась къ пророчицѣ. Но и тутъ не много утѣшенія нашла она. Маріамь была занята собственными мыслями. Ей самой не терпѣлось поздравить своего мужа съ побѣдой и привѣтствовать друга дѣтства, возвращавшагося изъ тяжкой неволи. Она была погружена въ себя и казалась удрученною тяжелыми думами.

Моисей, узнавъ объ удачномъ исходѣ нападенія на рудники и объ освобожденіи Іисуса, немедленно отлучился отъ своего народа. До него дошли слухи, что воинственные амалекитяне, населявшіе оазъ у подножія горы Синая, уже вооружались, чтобы воспрепятствовать проходу странниковъ черезъ ихъ,

обильную водой и тѣнистыми пальмами, страну, которая лежала, какъ островъ, среди пустыни. Моисей съ нѣсколькими смѣльчаками, наперерѣзъ черезъ горы, отправился на развѣдку. Онъ намѣревался опять соединиться со своими между Алушей и Рефидиномъ въ долинѣ, предшествовавшей оазу.

Въ отсутствіе Моисея и тѣхъ старѣйшинъ, которые съ нимъ ушли, мѣсто ихъ во главѣ народа должны были занять Авиданъ, старѣйшина колѣна Веньяминова, и возвратившіеся изъ похода въ рудники, князья колѣнъ Іудина и Ефремова, Оръ и Навинъ.

Съ приближеніемъ народа къ перевалу, навстрѣчу ему выступилъ Оръ съ освобожденными каторжниками, впереди которыхъ и скорѣе всѣхъ шелъ новобрачный мужъ Милки, Рувимъ. Молодая женщина издали увидѣла его, когда онъ спускался съ горы, и, не смотря на увѣщанія Маріами, опрометью бросилась къ нему навстрѣчу. Она такимъ образомъ добѣжала до половины Симеонова колѣна, которое предшествовало ея собственному.

Тамъ встрѣча Милки съ Рувимомъ отрадно подѣйствовала на многихъ изъ этихъ измученныхъ странниковъ. А когда молодая женщина, нѣжно обнявшись съ мужемъ, подошла къ пророчицѣ, та едва узнала ее: блѣдная лилія внезапно превратилась въ блестящую, румяную розу. Уста ея, до сихъ поръ обыкновенно сомкнутыя и раскрывавшіяся только для робкой просьбы или необходимаго отвѣта, теперь были въ непрерывномъ движеніи. Ей столько надо было узнать, о столькомъ разспросить своего молчаливаго мужа, которой такъ много выстрадалъ!

Они составляли прекрасную, счастливую чету. Имъ казалось, что они не по голымъ скаламъ и не по жесткой пустынной дорогѣ ступаютъ, а несутся по чудной долинѣ, гдѣ царствуетъ весна, журчатъ ручьи и поютъ птицы.

Видъ ихъ счастья въ первую минуту благотворно подѣйствовалъ и на Маріамь, которая до сихъ поръ, не щадя усилій, поддерживала и ободряла унывавшую женщину. Но скоро всѣ слѣды радостнаго участія слетѣли съ ея лица. Между тѣмъ какъ Рувимъ съ Милкой, едва касаясь земли, точно неслись на крыльяхъ, Маріамь шла съ низко-опущенною головой, подъ гнётомъ мысли, что она сама виновата, если въ настоящую минуту не вкушаетъ такого-же блаженства.

Она говорила себѣ, что, отказавшись повиноваться голосу своего сердца, она принесла тяжелую, похвальную, Богу пріятную жертву. А между тѣмъ у нея не выходила изъ головы умиравшая египтянка, которая не признала за ней права считаться въ числѣ любящихъ Осію и которая сама такъ рано умерла изъ-за своей любви.

Она-же, Маріамь, все еще пользуется жизнью. Она убила въ себѣ всѣ самыя пылкія желанія своего сердца. И теперь долгъ запрещаетъ ей стремиться мыслью къ человѣку, который спокойно остается тамъ на верху. Онъ отнынѣ душой и тѣломъ преданъ своему народу и Богу своихъ праотцевъ. Этому прекрасному, свободному мужу со временемъ можетъ быть предстоитъ сдѣлаться вождемъ всѣхъ боевыхъ силъ еврейскаго народа—если такъ назначитъ Моисей, послѣ котораго онъ первый и величайшій изъ евреевъ.

Зачѣмъ въ ту знаменательную ночь послѣдовала она не влеченію своего женскаго сердца, а голосу призванія, которое превознесло ее надъ всѣми женщинами? Вотъ и она тоже давно была-бы въ его объятіяхъ такъ точно, какъ теперь пріютилась въ объятіяхъ Рувима его бѣдная, слабая, но безмѣрно счастливая Милка, которая теперь бодро идетъ возлѣ него.

„Что̀ за мысли!“

Она жестоко боролась съ ними и старалась загнать ихъ въ

самую глубь сердца. Такъ пламенно желать свиданія съ другимъ было теперь для нея грѣхомъ. И она съ тоской стремилась къ мужу: онъ защититъ ее въ этотъ горькій часъ и спасетъ ее отъ самой себя и отъ запретныхъ мыслей.

Вѣдь мужъ ея — князь отъ колѣна Іудина, а не бывшій египтянинъ и освобожденный каторжникъ.

Какое ей дѣло до Ефремита, отъ котораго она навсегда отказалась?

Почему-же ей такъ больно, что онъ не спѣшитъ къ ней навстрѣчу? Почему-же она все еще лелѣетъ въ глубинѣ сердца безумную надежду, что его удерживаютъ на верху неотложныя обязанности?

Она едва видѣла и слышала то, что̀ дѣлалось вокругъ, и только благодарное привѣтствіе, на ходу брошенное Милкою Ору, извѣстило ее о приближеніи супруга.

Оръ ужь издали посылалъ ей поклоны, но онъ шелъ одинъ, безъ Осіи или Іисуса — какъ-бы тамъ ни прозывался освобожденный каторжникъ. Ее точно кольнуло въ сердце, но она горько себя за то упрекнула. Маріамь цѣнила своего пожилаго мужа и теперь могла безъ труда ласково привѣтствовать его.

Онъ искренно отвѣчалъ на ея поклонъ. Молодая, вновь соединенная чета со своей стороны привѣтствовала Ора, какъ побѣдоноснаго освободителя Рувима и многихъ другихъ несчастныхъ. Но Оръ уклонился отъ этихъ похвалъ, говоря, что онѣ по праву не ему принадлежатъ, а Іисусу, котораго Маріамь, именемъ Всевышняго, призвала вести въ бой ихъ народъ.

Маріамь поблѣднѣла и, не смотря на крутой подъемъ въ гору, закидала мужа вопросами. Узнавъ, что Іисусъ теперь вмѣстѣ съ юною дружиной Ефрема отдыхаетъ за виномъ, а Оръ далъ обѣтъ отказаться въ его пользу отъ верховнаго начальства, какъ только на то согласится Моисей, Маріамь съ не-

довольнымъ видомъ повела своими сросшимися бровями. Ея высокій лобъ омрачился, и она рѣзко проговорила:

— Конечно, ты мой господинъ и мнѣ не пристало противорѣчить тебѣ даже въ томъ случаѣ, когда ты настолько забываешь свою жену, что намѣренъ ронять себя передъ человѣкомъ, который нѣкогда осмѣливался поднимать на нее глаза.

Оръ живо перебилъ ее:

— Онъ больше не желаетъ тебя—и даже еслибъ я далъ тебѣ разводъ, онъ не захочетъ тобою владѣть.

— Нѣтъ? переспросила она съ принужденной улыбкой. — И ты отъ него самого это знаешь?

— Онъ отнынѣ намѣренъ и тѣломъ, и душой служить своему народу и отрекается отъ женской любви, отвѣчалъ Оръ.

Но она продолжала:

— Отреченіе легко тамъ, гдѣ домогательство повело бы только къ новому отказу и стыду. Онъ въ минуту великой опасности искалъ помощи у египтянъ, а ты даровалъ народу его первую побѣду на запасномъ дворѣ въ Сокхоѳѣ. Значитъ, не ему, а тебѣ принадлежитъ начальство надъ войскомъ, которое тебѣ ввѣрилъ Самъ Господь черезъ слугу Своего, Моисея.

Оръ тревожно взглянулъ на жену, которой отдалъ свою позднюю любовь. Щеки ея пылали; она тяжело, отрывисто дышала. Но Оръ не зналъ, чему это приписать: трудному-ли восхожденью на гору, или страстному честолюбію, которое она переносила и на него, своего мужа.

Ему отрадно было видѣть, что она цѣнитъ его выше молодаго бойца, возвращенія котораго онъ такъ боялся. Но, съ другой стороны, онъ посѣдѣлъ въ строгомъ повиновеніи долгу и никогда не отступалъ отъ того, что̀ считалъ справедливымъ. Для его первой жены, которую онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ похоронилъ, его малѣйшія желанія были приказаніями, да и со стороны Маріами онъ до сихъ поръ еще не встрѣ-

чалъ противорѣчій. Въ превосходствѣ надъ нимъ Іисуса, какъ военачальника, нельзя было сомнѣваться, и Оръ, съ трудомъ переводя духъ — восхожденіе на гору и ему тоже на этотъ разъ не легко давалось—сказалъ:

— Меня радуетъ и я почитаю себѣ за честь твое высокое мнѣніе обо мнѣ. Но еслибъ Моисей со старѣйшинами и оставили попрежнему за мной высшее начальство надъ войскомъ, развѣ ты могла бы забыть мою клятву передъ памятникомъ въ Сокхоѳѣ? Я помню ее и сдержу.

Она съ неудовольствіемъ отвернулась отъ него и до самой вершины горы шла молча.

На верху побѣдоносная молодежь громкими кликами привѣтствовала приближеніе своихъ.

Радость свиданія, пища и питье, которое, хотя въ скудномъ количествѣ, но все-таки могло быть роздано большинству нуждавшихся въ подкрѣпленіи, подняли мужество мучимыхъ жаждою странниковъ. Они даже сократили отдыхъ на вершинѣ перевала, чтобы скорѣй добраться къ Дофкѣ. По словамъ Іисуса, ихъ тамъ ожидали не только колодцы съ водой, но и сокрытый источникъ, о существованіи котораго ему сообщилъ бывшій приставъ при колодникахъ.

Теперь дорога шла внизъ. „Скорость"—вотъ лозунгъ изнемогающихъ отъ жажды, у которыхъ впереди источникъ свѣжей воды. Они почти вслѣдъ за солнечнымъ заходомъ прибыли въ долину съ бирюзовыми копями и раскинули свой станъ на холмѣ съ развалинами бывшей крѣпости и съ пожарищемъ запасныхъ складовъ Дофки.

Источникъ, притаившійся въ рощѣ изъ камедныхъ деревьевъ, посвященной богинѣ Аторъ, былъ скоро найденъ. Неустойчивыя сердца тѣхъ, которые въ пустынѣ Синъ были такъ близки отъ отчаянія, теперь ожили и снова наполнились признательною вѣрой и надеждой. Чтобы проникнуть къ освѣжительной

влагѣ, которая произвела эту чудесную перемѣну, пришлось срубить нѣсколько великолѣпныхъ камедныхъ деревьевъ.

Іисусъ и Маріамь свидѣлись еще на вершинѣ перевала, но тамъ они едва успѣли обмѣняться привѣтствіями. Здѣсь, въ станѣ, имъ было свободнѣе.

Было уже поздно. Старѣйшины держали совѣтъ о мѣрахъ обороны, на случай внезапнаго нападенія амалекитянъ.

Іисусъ явился туда вмѣстѣ съ отцомъ. Наслѣдникъ высокочтимаго старца княжеской крови былъ всѣми радостно встрѣченъ. На совѣтѣ охотно приняли предложеніе Іисуса составить передовой отрядъ изъ юныхъ, а тылъ ополченія изъ болѣе пожилыхъ воиновъ и затѣмъ послать на развѣдку нѣсколько небольшихъ отборныхъ отрядовъ изъ первыхъ.

Іисусъ сознавалъ за собой всѣ права быть вождемъ многочисленныхъ военныхъ силъ. Самъ Богъ ввѣрилъ ему высшее начальство надъ еврейскимъ ополченіемъ, а Моисей, посылая ему увѣщаніе быть сильнымъ и стойкимъ, еще утвердилъ его въ своемъ званіи. Нынѣшній военачальникъ, Оръ, добровольно уступалъ ему свои права. Слово этого человѣка было крѣпко, хотя онъ пока и не повторилъ своего обѣщанія передъ старѣйшинами. Во всякомъ случаѣ, съ Іисусомъ всѣ обращались, какъ съ настоящимъ военачальникомъ и самъ онъ сознавалъ себя таковымъ.

Когда старѣйшины, окончивъ совѣщаніе, разошлись, Оръ, несмотря на поздній часъ, пригласилъ Іисуса сопровождать его въ свою ставку. Іисусъ согласился: ему необходимо было объясниться съ Маріамью. Онъ хотѣлъ въ присутствіи ея мужа сказать ей, что наконецъ нашелъ тотъ путь, который она ему такъ усердно указывала.

Нѣжныя чувства еврея умолкаютъ передъ женой другаго. Супруга Ора должна узнать, что Іисусъ больше не желаетъ ея. Онъ въ часы тихаго раздумья навсегда отъ нея отказался.

Іисусъ признавалъ въ ней великую женщину, но мысль о ея величіи теперь леденила его.

Да и обращеніе ея съ нимъ въ настоящее время бросало на нее новый свѣтъ. Холодная улыбка, съ которою она его привѣтствовала на вершинѣ перевала, тогда-же внушила ему убѣжденіе, что они отнынѣ другъ другу чужіе. Сознаніе это еще укрѣпилось въ немъ, когда онъ снова свидѣлся съ ней при свѣтѣ ярко пылавшаго костра, передъ пышнымъ шатромъ старѣйшины.

Спасенный Рувимъ и Милка уже давно отъ нея ушли. Маріамь, въ тиши одинокаго ожиданія, собиралась кое-что высказать человѣку, для котораго она такъ много сдѣлала, что теперь должна была раскаиваться.

Всего легче гнѣваться на тѣхъ, передъ кѣмъ въ душѣ считаешь себя неправымъ. Женщина такъ высоко цѣнитъ даръ своей любви, что даже отъ отвергнутаго ею требуетъ постоянной признательности. А Іисусъ похвалялся своимъ охлажденіемъ къ женщинѣ, къ которой нѣкогда пылалъ страстью и которую держалъ въ своихъ объятіяхъ. Мало того, онъ даже говорилъ, что больше не желалъ-бы обладать ею, даже въ томъ случаѣ, если-бъ ему было предоставлено на то право. И онъ доказалъ это на дѣлѣ, когда, вмѣсто того чтобы спѣшить къ ней навстрѣчу, преспокойно дожидался ея прибытія.

Теперь наконецъ онъ пришелъ вмѣстѣ съ ея мужемъ, который готовъ былъ уступить ему свое первенство.

Но она, Маріамь, зорко бодрствуетъ надъ своимъ не въ мѣру великодушнымъ супругомъ.

Пожилому мужу, съ которымъ она соединила свою судьбу и самоотверженная преданность котораго ее глубоко трогала, не пристало давать себя въ обиду кому бы то ни было. Первое мѣсто принадлежитъ ему по праву и онъ долженъ крѣпко за него держаться, хотя бы уже потому только, что ей пре-

тить быть женою человѣка, который не можетъ больше разсчитывать на первенство среди своихъ братьевъ.

Никогда еще этой привыкшей къ почету и вѣрившей въ свой пророческій даръ женщинѣ не было такъ тяжело на душѣ. Ненависть, которую въ нее вдохнулъ Моисей къ египтянамъ, теперь уже не имѣла пищи; и Маріамь, какъ-бы сама того не сознавая, искала для нея новаго предмета въ лицѣ Осіи,—этого, прежде столь любимаго, человѣка.

Но ничто не препятствуетъ и женщинѣ ласково относиться къ тому, кого ей не за что презирать. И Маріамь, хотя невольно вспыхнувъ при видѣ человѣка, на поцѣлуй котораго и сама отвѣчала поцѣлуемъ, тѣмъ не менѣе сочувственно и дружески его встрѣтила.

Но она при этомъ называла его попрежнему Осіей. Тогда онъ, замѣтивъ ея настойчивое повтореніе этого имени, спросилъ, неужели она забыла, что сама велѣла ему, въ качествѣ избранника Божія, называться „Іисусомъ“.

Краска на щекахъ Маріами сгустилась. У ней хорошая память, отвѣчала она, но Осія напоминаетъ ей о времени, которое она предпочла-бы позабыть. Имя данное ему Господомъ онъ самъ отвергъ, когда помощи Божіей предпочелъ милость царя египетскаго. Она останется вѣрна старой привычкѣ и попрежнему будетъ звать его „Осіей“.

Прямодушный воинъ не ожидалъ такого враждебнаго къ себѣ отношенія. Однако онъ сохранилъ самообладаніе и спокойно отвѣчалъ, что надѣется впередъ не часто доставлять ей случай какъ-бы то ни было себя называть; люди-же къ нему расположенные всѣ охотно зовутъ его Іисусомъ.

Маріамь замѣтила, что и она готова звать его такъ, если позволитъ мужъ и самъ онъ этого непремѣнно хочетъ. Вѣдь имя—это только одежда. Совсѣмъ иное дѣло, разумѣется, должности и званія.

Іисусъ возразилъ, что онъ все еще вѣритъ тому, что Самъ Господь, устами ея, своей пророчицы, призвалъ его быть вождемъ бойцовъ ихъ народа. Онъ за однимъ Моисеемъ признаетъ право устранить его отъ этого званія. Оръ былъ одного съ нимъ мнѣнія и протянулъ Іисусу руку.

Маріамь перестала сдерживаться и съ вызывающимъ пыломъ заговорила:

— Я и въ этомъ не раздѣляю твоего мнѣнія. Ты уклонился отъ призыва Всевышняго. Вѣдь ты не станешь этого отрицать? Вездѣсущій видѣлъ тебя не во главѣ твоихъ, а у ногъ фараона—и Онъ лишилъ тебя званія, которымъ было тебя облекъ. А въ заключеніе Онъ Самъ, могущественнѣйшій изъ полководцевъ, поднялъ бурю, вспѣнилъ море и оно поглотило врага. Такой конецъ постигъ тѣхъ, кого ты считалъ своими друзьями, доколѣ они не заковали тебя въ цѣпи и не доказали, какъ они на самомъ дѣлѣ расположены къ тебѣ и къ твоимъ. Я же, тѣмъ временемъ, воздала хвалу Всевышнему за Его милости къ намъ, и весь народъ принималъ участіе въ моемъ хвалебномъ гимнѣ. И Господь въ тотъ же самый день, вмѣсто тебя, призвалъ другаго быть вождемъ нашихъ войскъ: этотъ другой—ты знаешь—мужъ мой. Пусть Оръ никогда не учился военному искусству. Самъ Богъ направляетъ его руку, а развѣ не Онъ одинъ даетъ побѣду? Мой мужъ, слушай меня хорошенько, мой мужъ—нашъ военачальникъ. Если онъ въ порывѣ великодушія и забылъ это, то конечно не станетъ больше слагать съ себя своего высокаго званія, когда вспомнитъ, Чья рука его имъ облекла. Я, его жена, возвышаю голосъ и ему о томъ напоминаю.

Іисусъ повернулся, намѣреваясь уйти. Онъ хотѣлъ положить конецъ печальному спору, но Оръ удержалъ его. Негодуя на неслыханное вмѣшательство жены въ мужскія дѣла, онъ увѣрялъ Іисуса, что попрежнему намѣренъ исполнить свое обѣ-

щаніе; вѣтеръ да развѣетъ недоброжелательную рѣчь женщины; Моисей разъяснитъ, кого Іегова избираетъ въ военачальники.

Произнося эти слова, Оръ со строгимъ достоинствомъ смотрѣлъ въ лицо своей жены, какъ бы приглашая ее образумиться, и повидимому достигъ цѣли. Маріамь то блѣднѣла, то краснѣла. Она тоже сдѣлала попытку удержать гостя и, какъ бы желая задобрить его, дрожащею рукой пригласила его подойти поближе.

— Еще одно, тяжело переводя духъ начала она, — хочу я сказать для того, чтобы ты меня какъ слѣдуетъ понялъ. Я называю нашимъ другомъ всякаго, кто служитъ дѣлу нашего народа. А какъ самоотверженно ты собираешься ему служить, мнѣ извѣстно отъ Ора. Насъ разлучило твое довѣріе къ милостямъ фараона, и потому я теперь особенно цѣню твой рѣшительный разрывъ съ египтянами. Но все величіе твоего поступка я уразумѣла лишь съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что не одна привычка долгихъ лѣтъ связывала тебя съ врагомъ нашимъ, а еще и другія цѣпи.

— На что̀ ты мѣтишь этими словами? перебилъ ее Іисусъ, увѣренный, что она готовитъ новую стрѣлу, съ цѣлью его уязвить.

Но она не обратила вниманія на его перерывъ и съ вызывающимъ взглядомъ, который противорѣчилъ примирительному смыслу ея рѣчи, непринужденно продолжала:

— Послѣ того, какъ рука Господня избавила насъ отъ врага, Чермное море выбросило на берегъ женщину рѣдкой красоты. Я перевязывала рану, нанесенную ей одною еврейкой. Она призналась въ любви къ тебѣ и, умирая, вспоминала о тебѣ, какъ о своемъ кумирѣ.

Оскорбленный до глубины души, Іисусъ воскликнулъ:

— Если ты говоришь правду, жена Ора, то разсказъ моего отца долженъ быть невѣренъ. Отъ него я слышалъ, что эта несчастная говорила только при тѣхъ, которые меня лю-

бять, а не при тебѣ. И она права была, не желая твоего присутствія: ты не могла бы ее понять.

Самонадѣянная улыбка заиграла на губахъ Маріами. Онъ замѣтилъ это и поспѣшилъ прибавить:

— Твой умъ, конечно, вдесятеро острѣе, чѣмъ былъ умъ этой бѣдняжки. Но въ сердцѣ твоемъ, открытомъ для высокихъ помысловъ, нѣтъ мѣста для любви. Оно состарится и перестанетъ биться, не испытавъ ея. Ты сверкаешь глазами, но я все-таки договорю. Ты больше чѣмъ женщина, ты—пророчица. Я же не могу похвастаться столь великимъ даромъ. Я просто разсудительный человѣкъ и мнѣ больше пристало драться, чѣмъ заглядывать въ будущее. Но тѣмъ не менѣе, я предвижу, что̀ случится. Ты будешь лелѣять въ твоемъ сердцѣ ненависть ко мнѣ. Ты попытаешься пересадить ее и въ сердце мужа твоего, гдѣ станешь усердно раздувать ее. И я знаю также почему! Тебя снѣдаетъ честолюбіе и тебѣ невыносимо быть женою человѣка, который признаетъ надъ собой превосходство другаго. Ты отказываешься называть меня именемъ, которымъ я тебѣ же обязанъ. Но если ненависть и гордость не заглушили въ тебѣ единственнаго чувства, которое еще насъ съ тобой соединяетъ — любви къ нашему народу — то, говорю тебѣ, настанетъ день, когда ты сама, добровольно, непрошенная, по влеченію сердца, назовешь меня „Іисусомъ“.

Онъ легкимъ движеніемъ головы поклонился Маріами съ ея мужемъ и исчезъ въ ночной темнотѣ.

Оръ мрачно смотрѣлъ ему вслѣдъ и не находилъ словъ, пока шаги запоздалаго гостя раздавались въ сонномъ станѣ. Но затѣмъ долго сдерживаемый гнѣвъ его вспыхнулъ, и онъ сурово повернулся къ молодой женѣ, къ которой до сихъ поръ всегда относился съ восторженною нѣжностью.

Въ два шага онъ сталъ возлѣ нея. Она была еще блѣднѣе его и въ сильномъ смущеніи смотрѣла въ огонь. Голосъ Ора

потерялъ свою обычную звучность. Онъ рѣзко, почти грубо сказалъ:

— Я имѣлъ мужество взять себѣ въ жены дѣвушку которая считала себя ближе другихъ женщинъ къ Богу. Но вотъ, сдѣлавшись моею, она заставляетъ меня раскаиваться въ моей непомѣрной смѣлости.

— Раскаиваться? вырвалось изъ ея поблѣднѣвшихъ губъ, и она съ вызывающимъ видомъ устремила на него свои черные глаза.

Но Оръ ни мало не смутился. Онъ схватилъ ее за руку, до боли сжалъ ее и продолжалъ, какъ началъ:

— Да, ты заставляешь меня раскаиваться! И да будетъ мнѣ стыдно, если я допущу, чтобы за этимъ позорнымъ часомъ послѣдовали еще другіе, подобные ему.

Она хотѣла вырвать у него свою руку, но онъ крѣпко держалъ ее.

— Я взялъ тебя въ жены для того, чтобы ты была гордостью моего дома. Я хотѣлъ посѣять честь, но вмѣсто того пожинаю стыдъ. Что̀ можетъ быть позорнѣе для мужа, какъ состоять подъ властью жены, да еще до того забывающей свои обязанности, что она позволяетъ себѣ оскорблять друга, который находится подъ защитой законовъ гостепріимства! Другая женщина—не такая, какъ ты, нѣтъ—а прямодушная и справедливая, оглядываясь на прошлыя заслуги своего мужа, не стала бы искать новыхъ почестей, изъ желанія раздѣлять ихъ съ нимъ. Такой женщинѣ мнѣ не пришлось бы указывать, что мужъ ея, Оръ, въ теченіе своей долгой жизни пожалъ столько почестей, что теперь можетъ, безъ ущерба для себя, часть ихъ уступить другому. Не тотъ первый среди людей, который выше всѣхъ по сану, а тотъ, который больше всѣхъ подвизается въ самоотверженной любви къ народу, наиболѣе угодному Іеговѣ. Ты высоко возносишься, ты хочешь, чтобы въ тебѣ почитали избранницу Божію. Я не стану

этому препятствовать, доколѣ ты будешь помнить обязанности жены. Ты, правда, еще обязана мнѣ и любовью; ты въ день нашей свадьбы мнѣ въ ней клялась. Но сердце человѣческое можетъ давать только то, что̀ ему свойственно. Твоей же холодной душѣ—Осія правъ говоря это—чужда любовь, которая грѣетъ и себя и другихъ.

Онъ повернулся къ ней спиной и удалился подъ темную сѣнь шатра. Она же еще сидѣла передъ огнемъ, мигающее пламя котораго скользило по ея прекрасному, блѣдному лицу.

Сѣдой мужъ сейчасъ стоялъ передъ ней во всей полнотѣ своего достоинства, внушая невольное къ себѣ уваженіе и подавляя ее своимъ величіемъ—истый князь и вождь народный. Каждое изъ его словъ, какъ ударъ кинжала, вонзалось ей въ сердце. Вѣская правда, въ нихъ заключавшаяся, произвела на Маріамь свое дѣйствіе. Они точно поднесли ей зеркало—и она увидѣла въ немъ отраженіе, которое испугало ее.

Маріамь точно что-то толкало послѣдовать за мужемъ и молить его о возвращеніи ей любви, вѣяніе которой она—доселѣ столь одинокая—въ послѣднее время съ благодарностью ощущала вокругъ себя.

Она сознавала, что и сама способна тѣмъ же платить ему за его драгоцѣнный подарокъ. Ничего не желала она теперь такъ искренно и страстно, какъ услышать отъ него хоть одно слово прощенія и любви.

Она чувствовала себя внутренно увядшею, засохшею, оцѣпенѣвшею, точно хлѣбное поле, пораженное ядовитою ржавчиной. А вѣдь нѣкогда и въ ней все зеленѣло и цвѣло!

Припомнились ей гесемскія пашни, которыя, принеся богатую жатву, вдругъ дѣлались сухими и безплодными и оставались такими, доколѣ ихъ не орошала рѣчная влага, послѣ чего ихъ почва и воспринятыя ею сѣмена опять размягчались и пускали новые ростки. Такъ было и съ нею—съ тою только

разницею, что она собственноручно бросила въ огонь назрѣвавшую жатву и дерзко воздвигла плотину между животворною влагой и пересохшею землей.

Но время еще не ушло!

Въ одномъ только признавала она Ора неправымъ — это въ его мнѣніи, будто она не похожа на другихъ женщинъ и не способна, какъ онѣ, горячо и нѣжно стремиться къ любимому человѣку. Отъ нея зависѣло доказать ему противное въ его объятіяхъ.

Но пока онъ, конечно не безъ основанія, считаетъ ее холодною и безчувственною, ибо тамъ, гдѣ прежде цвѣла любовь, теперь ключемъ бьетъ горькій источникъ, который отравляетъ все, къ чему прикасается.

Не было ли это отместкою сердца, котораго пламенные порывы она такъ доблестно въ себѣ умертвила?

Богъ отвергъ ея самую тяжкую жертву: въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Онъ пересталъ являть ей Свое величіе въ возвышающихъ душу образахъ—и она врядъ-ли была еще въ правѣ называться Его пророчицей. Эту жертву она, правдивая, заставила служить неправдѣ. И вотъ она, жившая въ мирѣ съ собой, доколѣ по совѣсти искала стези праведной, теперь повергнута въ мучительное безпокойство. Съ той минуты, какъ она совершила то трудное и великое дѣло, для нея ужь не цвѣтутъ больше надежды:—а прежде у нея было ихъ такъ много. Она, не знавшая себѣ равной среди женщинъ, должна была со стыдомъ отступить передъ бѣдною умирающею. Она, всегда благосклонная ко всѣмъ своимъ единокровнымъ и преданнымъ святому дѣлу народа, теперь вдругъ оскорбила лучшаго и благороднѣйшаго изо всѣхъ. Послѣдняя изъ тягловыхъ женъ умѣла все сильнѣе привязывать къ себѣ разъ полюбившаго ее мужа — она же, Маріамь, дерзко оттолкнула отъ себя своего.

Ей было холодно въ одиночествѣ—она искала отрады у его очага и тамъ оказалось теплѣе, чѣмъ она надѣялась. Великодушіе и любовь Ора были настоящимъ бальзамомъ для ея наболѣвшаго сердца. Хотя онъ не вернулъ ей потеряннаго, однако пріятно замѣнилъ его.

Теперь же онъ считалъ ее неспособною ни на какое нѣжное движеніе души, а между тѣмъ она не могла жить безъ любви и была на все готова, лишь бы онъ ей вернулъ свою. Но гордость тоже составляла часть ея натуры. Ее влекло смиренно открыть мужу свое сердце, но въ то же время ее одолѣвалъ и страхъ подвергнуть себя униженію. И она продолжала стоять передъ горящимъ костромъ, пока онъ, дымя и чадя, не погасъ у ея ногъ и она очутилась во мракѣ.

Ее обуялъ непривычный страхъ.

Двѣ летучія мыши, прилетѣвшія изъ рудниковъ на огонь и кружившіяся надъ нимъ, вдругъ, какъ привидѣнія, пронеслись мимо, чуть не задѣвъ ее. Все гнало Маріамь обратно въ шатеръ къ мужу. Она съ быстрою рѣшимостью вошла въ освѣщенное свѣтильникомъ пространство. Но тамъ было пусто. Ее приняла только рабыня, объявившая, что Оръ отправился къ сыну и внуку, гдѣ и останется до выступленія въ походъ.

У Маріами болѣзненно сжалось сердце. Она съ дѣтства не чувствовала себя такою пристыженною и безпомощною.

Нѣсколько часовъ спустя, станъ проснулся. Въ шатеръ вошелъ Оръ и кратко привѣтствовалъ Маріамь. Въ ней ужь снова поднялась вся ея гордость и ея отвѣтное привѣтствіе звучало холодно и равнодушно.

Къ тому же, Оръ былъ не одинъ. Его сопровождалъ его сынъ Урія.

Да и видъ у него былъ суровѣе чѣмъ когда-либо. На утро состоялось собраніе мужей колѣна Іудина и было рѣшено, что

Оръ не долженъ передавать званіе военачальника человѣку изъ другаго колѣна.

Это застало его врасплохъ. Онъ объявилъ, что окончательное рѣшеніе вопроса предоставляетъ Моисею. А теперь желаніе, чтобы рѣшеніе это было не въ его пользу, еще обострилъ самоувѣренный взглядъ молодой женщины, отъ котораго у него опять закипѣло на душѣ.

Маріамь, Оръ и Іисусъ передъ шатромъ.

Бунтъ противъ Моисея.

Глава XXVI.

Освѣжившись и воспрянувъ духомъ, народъ двинулся въ путь на зарѣ слѣдующаго дня; но небольшой источникъ, раскопанный общими усиліями, былъ уже вычерпанъ до дна.

Однако никто не горевалъ о томъ, что нельзя было взять съ собою на дорогу запаса воды; всѣ разсчитывали найти въ Алушѣ новый источникъ.

Величественно поднялось на безоблачномъ небѣ лучезарное дневное свѣтило. Солнечный свѣтъ возбуждающе подѣйствовалъ на сердца людей; все сверкало и сіяло вокругъ: и голубой небесный сводъ, и скалы, и желтѣющая песчаная дорога. Чистый, ароматическій, освѣженный ночною прохладой воз-

духъ вдыхался полною грудью и походъ былъ всѣмъ въ удовольствіе.

Мужчины проявляли теперь больше увѣренности; глаза женщинъ давно уже не блистали такъ радостно. Господь вновь доказалъ Своему народу, что не забываетъ его въ нуждѣ, и родители съ гордостью взирали на своихъ сыновей, одолѣвшихъ врага. Въ средѣ многихъ колѣнъ происходили радостныя встрѣчи съ близкими, которыхъ считали погибшими. Всякій спѣшилъ съ величайшею готовностью залѣчить тѣ раны, которыя нанесли ихъ близкимъ страшныя принудительныя работы. Къ тому же, не только среди Ефремитовъ, но и вездѣ радовались возвращенію Іисуса, какъ теперь всѣ, за исключеніемъ колѣна Іудина, называли Осію, вспоминая объ утѣшительномъ обѣтѣ, связанномъ съ этимъ именемъ.

Юноши, разбившіе подъ его начальствомъ египтянъ, разсказывали прочимъ, что̀ за человѣкъ сынъ Навиновъ, какъ онъ все знаетъ и какъ умѣетъ поставить каждаго на подобающее ему мѣсто. Одинъ его взглядъ воспламеняетъ сердца мужествомъ; отъ одного его воинственнаго клика уже бѣгутъ враги.

Глаза блистали гордостью у тѣхъ, кто говорилъ о престарѣломъ Навинѣ и его храбромъ внукѣ. Племени Ефремову, притязанія котораго многимъ приходились не понутру, теперь охотно уступали первое мѣсто. Только Іудино колѣно роптало и предавалось унынію. И дѣйствительно, оно, повидимому, имѣло на то причины. Вождь его, Оръ, и его молодая супруга казались отягченными какимъ-то тяжелымъ бременемъ. Заговаривавшій съ ними видѣлъ ясно, что избралъ недобрый часъ.

Пока солнце бросало косые лучи, можно было еще найти кое-какую тѣнь у подошвы песчаныхъ скалъ, окаймлявшихъ дорогу съ обѣихъ сторонъ или возвышавшихся посреди ея, и потому, когда сыны Ора затянули пѣснь, все, старое и молодое, присоединилось къ нимъ и радостнѣе всѣхъ Милка —

блѣдность которой исчезла теперь — съ ея освобожденнымъ, счастливымъ супругомъ.

Дѣти собирали и приносили родителямъ золотисто-желтые плоды горькой тыквы, которые падали съ изсохшихъ стеблей точно съ неба и лежали на дорогѣ. Но плоды были горьки какъ желчь, и одинъ угрюмый старецъ изъ племени Завулонова, собиравшій ихъ ради твердыхъ корокъ, въ которыхъ онъ сохранялъ мази, сказалъ по этому поводу:

— Такъ будетъ и съ нынѣшнимъ днемъ. Онъ кажется намъ пріятнымъ, но когда солнце поднимется выше и мы не найдемъ воды, мы познаемъ всю его горечь!

Предсказаніе его сбылось слишкомъ скоро. Ибо какъ дорога, переходя отъ песчаной мѣстности къ каменистымъ образованіямъ, напоминавшимъ то красный кирпичъ, то булыжникъ, становилась все круче и круче, такъ и солнце поднималось все выше, и дневной жаръ часъ отъ часу дѣлался невыносимѣе.

Казалось, солнце никогда еще не посылало такихъ палящихъ лучей, безжалостно поражавшихъ непокрытыя головы и обнаженныя спины.

То старецъ, то юноша падалъ подъ жгучимъ зноемъ или, хватаясь лихорадочно руками за голову, качался какъ пьяный, цѣпляясь за придорожные камни. Воспаленная кожа сходила съ лицъ и рукъ, страшный зной сушилъ гортани, а проснувшаяся было твердость духа падала вмѣстѣ съ силами.

Скотъ, опустивъ голову, неохотно шелъ дальше, едва волоча ноги, или катался по землѣ, пока плеть пастуха не заставляла его собрать послѣднія силы.

Въ полдень народу данъ былъ отдыхъ; но ни пяди тѣни не было въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходилось ему отдыхать. Пробовавшіе прилечь подъ палящими лучами полуденнаго солнца находили, вмѣсто освѣженія, лишь новыя страданія, а потому несчастные, мучимые жаждой, стали сами торопить

выступленіемъ, надѣясь скорѣе прибыть къ страстно ожидаемому источнику въ Алушѣ.

Во всѣ предшествующіе дни, когда солнце начинало спускаться къ западу, жаръ спадалъ и передъ наступленіемъ сумерокъ легкое дуновеніе вѣтерка освѣжало воспаленныя головы. Но сегодня каменистая мѣстность оставалась еще нѣсколько часовъ раскаленною полдневнымъ жаромъ, пока, наконецъ, съ запада, съ моря, не поднялся свѣжій вѣтерокъ. Въ то же время передовой отрядъ, шедшій по совѣту Іисуса во главѣ народа, остановился, а за нимъ и все шествіе.

Мужчины, женщины и дѣти обратили взоры въ одну сторону; руки, посохи и костыли указывали на одну точку, ибо тамъ открылось поразительное, невиданное зрѣлище.

Кликъ удивленія и восторга вырвался изъ усталыхъ, пересохшихъ устъ, давно уже не открывавшихся ни для вопросовъ, ни для замѣчаній, и вскорѣ отъ ряда къ ряду, отъ племени къ племени, до прокаженныхъ и замыкавшаго шествіе отряда включительно, послышалось одно всѣмъ извѣстное имя, — имя священной горы, на вершинѣ коей Господь обѣщалъ Моисею ввести народъ въ обширную, прекрасную землю, текущую млекомъ и медомъ.

Никто не сообщилъ имъ этого, а между тѣмъ каждый зналъ хорошо, что видитъ передъ собою впервые гору Хоривъ и священную вершину этой гранитной твердыни, Синай.

Только эта гора и могла быть престоломъ всемогущаго Бога...

Подобно той купинѣ, изъ которой Господь вѣщалъ Своему избраннику, вся святая гора была, казалось, объята пламенемъ. Высоко и величественно воздымалась ея семиконечная вершина надъ окружающими горами и долинами и сіяла навстрѣчу странникамъ, какъ исполинскій, освѣщенный всемірнымъ пожаромъ красный яхонтъ.

Никому не доводилось видѣть ничего подобнаго. Но вотъ

солнце опустилось еще ниже и наконецъ ушло на покой въ море, лежавшее за цѣпью горъ. Теперь красный яхонтъ превратился въ вишневый и постепенно получилъ лиловато-синій оттѣнокъ фіалки. А взоры народа все оставались какъ-бы прикованными къ нему.

Мало того, когда дневное свѣтило исчезло совсѣмъ и украсило лишь своимъ отблескомъ длинное облако съ золотистыми краями, глаза всѣхъ открылись еще шире. Одинъ изъ сыновъ племени Веніамина, пораженный величіемъ этого зрѣлища, увидѣлъ въ облакѣ длинныя, окаймленныя золотомъ, одежды Іеговы, и сосѣди, которымъ онъ сообщилъ свою мысль, увидѣли тоже и раздѣлили его благочестивое волненіе.

Но лишь на короткое время это зрѣлище заставило странниковъ забыть жажду и утомленіе. Вскорѣ величайшій подъемъ духа уступилъ мѣсто глубокому унынію; ибо, когда наступила ночь и послѣ короткаго перехода достигли мѣстечка Алуши, оказалось, что кочующее племя, вчера снявшееся со стоянки, засыпало и безъ того скудный источникъ каменьями и валунами.

Вся вода, имѣвшаяся съ собой, была выпита еще не доходя Дофки, а изсякшій источникъ въ рудникахъ не далъ возможности наполнить ни одного мѣха. Жажда не только сушила гортани, но начинала жечь и внутренности. Пересохшее горло отказывалось принимать твердую пищу, въ которой не было недостатка. Куда ни обращался взоръ, ему представлялись безутѣшныя, возбуждающія состраданіе или возмутительныя картины.

Здѣсь мужчины и женщины шумѣли и бранились, жаловались и стонали, тамъ они предавались нѣмому отчаянію. Нѣкоторые, стараясь утѣшить своихъ плачущихъ отъ жажды дѣтей, боролись и дрались за мѣстечко у засыпаннаго источника, надѣясь набрать въ чашу хотя каплю драгоцѣнной влаги. Къ довершенію всего, скотъ мычалъ и блеялъ такъ жалобно и безпомощно, что сердце пастуховъ обливалось кровью.

Лишь немногіе дали себѣ трудъ разбить шатры. Ночь была тепла—и чѣмъ скорѣе успѣютъ сняться въ путь, тѣмъ лучше. Черезъ нѣсколько часовъ обѣщалъ примкнуть къ путникамъ Моисей, а онъ одинъ можетъ помочь; его долгъ—охранить людей и животныхъ отъ страшнаго бѣдствія!

Если Богъ, обѣщавшій столько прекраснаго впереди, дастъ имъ погибнуть въ пустынѣ, то человѣкъ которому они довѣрялись—лжецъ и обманщикъ, а Богъ, на могущество и милость Котораго онъ училъ ихъ надѣяться,—лживѣе и безсильнѣе тѣхъ звѣроподобныхъ истукановъ, которымъ они поклонялись въ Египтѣ.

Среди брани и проклятій начинали слышаться и угрозы. Когда Ааронъ, вернувшійся къ народу, обратился къ нему съ рѣчью, навстрѣчу ему поднялись крѣпко сжатые кулаки...

Вскорѣ и Маріамь, по волѣ своего супруга, должна была отказаться отъ попытки утѣшить женщинъ добрыми словами, послѣ того какъ одна изъ нихъ, у которой на изсохшей груди умеръ ребенокъ, замахнулась на пророчицу камнемъ, а другія послѣдовали ея примѣру.

Престарѣлаго Навина и сына его выслушивали гораздо охотнѣе.

Оба соглашались съ тѣмъ, что Іисусу придется сражаться, куда-бы ни поставилъ его Моисей. Но Оръ самъ вывелъ его къ ратникамъ, которые радостно привѣтствовали его.

Какъ старецъ, такъ и сынъ его хорошо умѣли укрѣпить къ себѣ довѣріе. Они стали разсказывать объ обильномъ источниками оазѣ амаликитянъ, до котораго уже осталось недалеко, и указали на оружіе ниспосланное народу самимъ Богомъ.

Іисусъ увѣрялъ ратниковъ, что они далеко превосходятъ численностью воиновъ кочующаго племени; и если молодое войско покажетъ себя такимъ-же храбрымъ какъ на рудникахъ и въ Дофкѣ, то, съ Божьею помощью, побѣда будетъ на его сторонѣ.

Послѣ полуночи, Іисусъ, по совѣщаніи со старѣйшинами, приказалъ трубить въ рога, для созыва ратниковъ. При свѣтѣ яснаго звѣзднаго неба онъ произвелъ имъ смотръ, раздѣлилъ ихъ на сотни, назначилъ надъ каждою соотвѣтственнаго начальника и разъяснилъ имъ смыслъ тѣхъ боевыхъ возгласовъ, которымъ они должны будутъ повиноваться.

Они пришли сюда усталые и полумертвые отъ жажды, но предстоявшая дѣятельность, къ которой готовилъ ихъ сильный духомъ предводитель, надежда на побѣду и драгоцѣнную добычу: кусокъ земли, богатый ключами и растительностью у подошвы святой горы, дивнымъ образомъ подкрѣпили утраченныя силы.

Ефремъ былъ среди воиновъ и оживлялъ другихъ своею неутомимою выносливостью. Когда-же бывшій полководецъ,—относительно котораго Господь уже показалъ, что считаетъ его достойнымъ даннаго ему имени,—сталъ убѣждать своихъ соплеменниковъ чтобъ они возложили надежду на всемогущество Божіе, то слова эти произвели совсѣмъ другое дѣйствіе, чѣмъ рѣчи Аарона, которыя они слышали ежедневно со дня выступленія.

Когда говорилъ Іисусъ, со многихъ молодыхъ устъ, хотя и страдавшихъ отъ жажды, срывались восторженные возгласы: „Да здравствуетъ полководецъ! Ты нашъ вождь; одному тебѣ мы будемъ повиноваться!“

Тогда онъ объяснилъ имъ твердо и рѣшительно, что требуемое отъ нихъ повиновеніе онъ намѣренъ выказать и самъ. Онъ охотно встанетъ въ ряды какъ простой ратникъ, если такъ повелитъ Моисей.

Еще звѣзды ясно сіяли на безоблачномъ небѣ, когда рога стали трубить выступленіе въ походъ. Передовой же отрядъ былъ уже высланъ ранѣе, чтобы сообщить Моисею, какъ обстоятъ дѣла, и Ефремъ послѣдовалъ за гонцами, какъ только окончилось ученье войскъ.

Во время дальнѣйшаго пути, Іисусъ держалъ воиновъ такъ тѣсно сплоченными, какъ будто немедленно предстояло нападеніе. При этомъ онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы поучать ратниковъ и ихъ начальниковъ, какъ вести себя въ бою и какъ строить свои сотни. Такимъ образомъ онъ поддерживалъ вниманіе своихъ подчиненныхъ до тѣхъ поръ, пока звѣзды не стали гаснуть на небѣ.

Лишь изрѣдка слышались жалобы или возраженія среди ратниковъ; но тѣмъ громче раздавался ропотъ, проклятія и угрозы среди невооруженныхъ. Не успѣла еще заняться заря, какъ среди истомленныхъ жаждою и падающихъ отъ усталости мужей, при видѣ бѣдствій претерпѣваемыхъ ихъ женами и дѣтьми, все чаще и чаще стали раздаваться возгласы:

— Идемъ на Моисея! Побьемъ его камнями, какъ только найдемъ его!

То одинъ, то другой съ громкими проклятіями поднималъ съ земли камень, и ярость толпы росла такъ страшно и необузданно, что Оръ собралъ на совѣтъ наиболѣе благомыслящихъ изъ старѣйшинъ, а затѣмъ повелъ ратниковъ колѣна Іудина впередъ, чтобы въ случаѣ если дѣло дойдетъ до крайности, охранить Моисея вооруженною рукой отъ неистовства толпы.

Іисусу поручено было сдерживать напоръ возмутившихся, которые съ бранью и угрозами старались опередить ратниковъ.

Когда наконецъ солнце взошло во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ, шествіе представляло самую жалкую картину. Даже ополченіе едва передвигало ноги. Только когда мятежники старались пробиться впередъ, ратники исполняли свой долгъ и сдерживали ихъ мечами и копьями.

По обѣимъ сторонамъ равнины, которою шли теперь путники, возвышались высокія стѣны сѣраго гранита, поразительно блестѣвшаго и сверкавшаго, когда косые лучи

солнца падали на куски кварца, въ изобиліи пестрѣвшіе среди толщей сѣдаго камня.

Въ полдень, среди этихъ, мѣстами близко сдвигавшихся, голыхъ каменныхъ глыбъ наступитъ опять палящій зной; но пока еще чувствовалась утренняя прохлада. По крайней мѣрѣ скотъ могъ нѣсколько утолить жажду; ибо тутъ въ изобиліи попадались кусты сочнаго, душистаго беѳарана [1]), который мальчики-пастухи собирали себѣ въ полы и затѣмъ подносили своимъ любимцамъ, забывая собственную усталость и жажду.

Такъ шли они около часу, какъ вдругъ послышались громкіе радостные клики, переходившіе отъ передоваго отряда изъ ряда въ рядъ до замыкавшихъ шествіе.

Никто не объяснилъ ихъ словами, но всякій зналъ хорошо, чтó значатъ эти клики. Они обозначали, что найденъ источникъ чистой воды.

Вскорѣ вернулся Ефремъ, чтобы подтвердить радостную вѣсть—и надо было видѣть какъ она подѣйствовала на утомленныхъ!

Какъ будто каждый уже осушилъ полную чашу, всѣ выпрямились и съ удвоенной скоростью двинулись впередъ. Вооруженныя сотни уже не преграждали имъ путь, а радостно привѣтствовали проходившихъ мимо.

Но вотъ шествіе остановилось. Передовые достигли уже давно желаннаго источника, который вѣрнѣе всякихъ валовъ и рвовъ сдержалъ стремительный потокъ людей.

Изъ толпы послышались громкіе, потрясшіе долину, клики. Но вотъ стали уже показываться радостныя лица мужчинъ и женщинъ съ полными сосудами въ рукахъ и кувшинами на плечахъ. Они весело кивали своимъ друзьямъ, крича имъ слова утѣшенія и спѣша протискаться къ нимъ сквозь толпу. Но

[1]) Cantolina fragrantissima.

часто, прежде чѣмъ они успѣвали достигнуть цѣли, драгоцѣнное сокровище силою вырывали у нихъ изъ рукъ.

Іисусъ со своими сотнями также проложилъ себѣ дорогу къ источнику, чтобы поддерживать порядокъ среди жаждущихъ. Но приходилось потерпѣть еще немного; мощные сыны колѣна Іудина, съ которыми Оръ выступилъ впередъ, еще были заняты сворачиваніемъ съ мѣста громадныхъ глыбъ, посредствомъ рычаговъ наскоро устроенныхъ изъ ствола колючихъ камедныхъ деревьевъ, дабы расширить доступъ къ водѣ, которая била нѣсколькими струями изъ щелей скалы.

Первоначально ручей терялся въ кучѣ поросшихъ мохомъ гранитныхъ глыбъ и оттуда уходилъ въ землю. Но теперь удалось уже задержать драгоцѣнную влагу и образовать водоемъ, изъ котораго можно было обносить и скотъ.

Тѣ, кому удалось уже наполнить кувшинъ, взяли воду, которая успѣла миновать быстро растущую плотину. Теперь же были поставлены стражники, не подпускавшіе никого, чтобы дать водѣ отстояться въ обширномъ водоемѣ, который наполнялся съ поразительной быстротой.

Теперь уже легко было ждать, имѣя передъ глазами тотъ Божій даръ, котораго всѣ такъ страстно желали. Кладъ былъ найденъ; оставалось только сохранить его. Не слышно было болѣе ни ропота, ни недовольства; многіе смотрѣли даже робко и пристыженно на новый даръ Всевышняго.

Вскорѣ послышались вдали громкіе клики и привѣтствія; но избранникъ Божій, знавшій, какъ никто, всѣ долины и скалы, пастбища и источники въ области Хорива, и вновь давшій такъ много своему народу, удалился въ одно изъ ущелій, чтобы укрыться отъ выраженій благодарности, раздававшихся все громче и громче, и прежде всего, чтобы дать покой глубоко потрясенной душѣ.

Вскорѣ послышались искреннія хвалы Господу изъ среды освѣ-

жившагося и вновь ожившаго народа, который никогда еще не разбивалъ стана съ болѣе твердою вѣрой и радостною надеждой.

Пѣсни, веселый смѣхъ, шутки и прибаутки сопровождали постановку каждаго шатра, и станъ выросъ мгновенно, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла.

Воинственно блистали глаза молодаго ополченія, и не мало головъ скота было убито на торжественный пиръ. Матери, окончивъ все необходимое по хозяйству, вели своихъ дѣтей къ источнику и показывали имъ то мѣсто, гдѣ жезлъ Моисея указалъ народу бѣгущую изъ гранитныхъ скалъ воду. Не только женщины, но и мужи стояли воздѣвъ глаза и руки къ небу, на томъ мѣстѣ, гдѣ Іегова такъ ясно проявилъ Свое милосердіе; между ними не мало было и недавнихъ бунтовщиковъ, уже поднимавшихъ было камень противъ избранника Божія. Никто не сомнѣвался, что здѣсь произошло новое, великое чудо.

Всѣ старались внушить дѣтямъ, чтобы они помнили этотъ день и часъ, а одна изъ женщинъ принялась смачивать у источника головы своихъ внучатъ, чтобы благодать сохранилась на нихъ и на будущее время.

Надежда, благодарность и горячая вѣра царили вездѣ, и даже исчезъ страхъ передъ воинственными сынами Амалика; ибо чего могли опасаться тѣ, надъ которыми было милосердіе Всемогущаго Заступника?

Лишь въ одномъ шатрѣ, наиболѣе красивомъ изо всѣхъ, въ шатрѣ вождя сыновъ Іудиныхъ не было общей радости.

Маріамь сидѣла одна среди своихъ женщинъ, послѣ молчаливаго участія въ пированіи радостно возбужденныхъ мужчинъ и послѣ того какъ она узнала отъ Рувима, мужа Милки, что Моисей, миновавъ всѣхъ старѣйшинъ, передалъ званіе полководца Іисусу; мужъ же ея, Оръ, съ радостью согласился уступить начальствованіе сыну Навинову.

На этотъ разъ пророчица не присоединилась къ хвалебнымъ

пѣснямъ своего народа. Когда Милка и другія женщины стали убѣждать ее послѣдовать за ними къ источнику, она приказала имъ идти безъ нея.

Она ожидала своего супруга и хотѣла видѣть его наединѣ. Она хотѣла показать ему, что жаждетъ его прощенія. Но онъ не возвращался. Когда разошелся совѣтъ старѣйшинъ, онъ остался съ новымъ полководцемъ, выстроившимъ своихъ ратниковъ, и остался какъ помощникъ, какъ подчиненный того самаго Осіи, который ей, Маріами, былъ обязанъ и своимъ призваніемъ, и именемъ Іисуса.

Возвратившіяся отъ источника служанки ея взялись за веретена и пряжу; Маріамь не терпѣла этой низменной работы и сидѣла сложа руки, устремивъ глаза въ пространство. Часы тянулись медленно, и она чувствовала какъ ея рѣшимость смиренно и кротко встрѣтить супруга—все болѣе ослабѣвала. Она хотѣла молить Бога, чтобы Господь далъ ей силы смириться передъ тѣмъ, кто былъ ея господиномъ; но, привыкшая къ пламеннымъ мольбамъ, пророчица не могла теперь найти молитвеннаго настроенія. Когда же ей удавалось сосредоточиться и вознестись сердцемъ къ Богу, ей какъ нарочно мѣшали. Каждая новая вѣсть, приходившая изъ стана, усиливала ея дурное расположеніе духа. Когда наконецъ наступилъ вечеръ, пришелъ посланецъ съ приказаніемъ, чтобы она не заботилась объ ужинѣ для мужчинъ — который, между тѣмъ, давно уже былъ готовъ. Оръ, сынъ его и внукъ намѣрены принять приглашеніе Навина и Іисуса.

Тогда Маріамь съ трудомъ удержала слезы. Но если-бы она дала имъ волю, то это были-бы слезы гнѣва и оскорбленнаго женскаго достоинства, а не горя и тоски.

При смѣнѣ ночной стражи, воины проходили мимо нея и во всѣхъ сотняхъ слышались клики въ честь Іисуса.

„Твердъ и мужественъ!“ раздавались по временамъ слова,

и Маріамь знала, что они относятся къ тому, который былъ ей когда-то дорогъ и котораго теперь—молодая женщина не скрывала этого отъ себя — она ненавидѣла. Ея мужа почтили привѣтствіями одни лишь сыны его - же племени. Это-ли благодарность за то великодушіе, съ которымъ онъ уступилъ молодому человѣку власть принадлежавшую по праву ему одному. Супругъ ея оттертъ въ пользу другаго; она сознавала это съ болѣе жгучей болью въ сердцѣ, чѣмъ то, что ее, новобрачную, Оръ оставлялъ одну.

Вечерній пиръ передъ шатромъ Ефремитовъ тянулся долго. Передъ полночью, Маріамь отослала прислужницъ спать и легла сама ждать возвращенія супруга, которому хотѣла повѣдать все то, чѣмъ болѣло ея сердце, что возмущало ее и чего она желала.

Сонъ будетъ далекъ отъ нея, при такомъ состояніи духа, думалось ей. Но волненія и страшное напряженіе послѣднихъ дней взяли свое и, среди молитвъ о собственномъ смиреніи и любви ея господина, сонъ овладѣлъ Маріамью. Только во время утренней смѣны, ее внезапно разбудилъ звукъ трубъ, возвѣщавшихъ о близкой опасности.

Маріамь поспѣшно поднялась на ноги и, взглянувъ на ложе своего супруга, увидѣла его пустымъ. Однако оно было смято, а на песчаномъ полу—цыновки были натянуты только въ главномъ покоѣ шатра—она увидѣла, у самаго своего ложа слѣды ногъ Ора.

Значитъ онъ стоялъ подлѣ нея и, можетъ быть, съ любовью смотрѣлъ ей, спящей, въ лицо.

Да, именно такъ и было; старая рабыня подтвердила это безъ всякихъ разспросовъ съ ея стороны. Разбудивъ Ора, старуха присутствовала при томъ, какъ онъ осторожно освѣтилъ лицо Маріами и долго съ любовью склонялся надъ нею, какъ бы желая поцѣловать ее.

Эта добрая вѣсть такъ обрадовала одинокую женщину, что она забыла свою обычную сдержанность и прикоснулась устами ко лбу маленькой, сгорбленной старушки, служившей еще ея родителямъ. Потомъ она велѣла поспѣшно убрать себѣ волосы, надѣла свѣтло-голубую праздничную одежду, подаренную ей Оромъ, и поспѣшила въ станъ, чтобы проститься съ нимъ.

Между тѣмъ вооруженные отряды уже выстроились. Начали торопливо срывать шатры, и Маріамь долго проискала своего мужа. Наконецъ она увидѣла его, но онъ былъ поглощенъ важнымъ повидимому разговоромъ съ Іисусомъ. Замѣтивъ послѣдняго, пророчица почувствовала дрожь во всемъ тѣлѣ, и уже не въ силахъ была заставить себя подойти къ говорившимъ.

Источникъ Моисея.

Бой съ амаликитянами.

Глава XXVII.

Предстояла упорная битва, ибо по сообщенію соглядатаевъ, къ амаликитянамъ присоединились и другія кочевыя племена. Правда, еврейское ополченіе вдвое превосходило своего врага численностью. Зато какъ далеко отставали ратники Іисуса въ военной опытности отъ привычныхъ къ бою противниковъ!

Непріятель шелъ съ юга, отъ оаза у подошвы священной горы, на которомъ съ незапамятныхъ временъ поселилось воинственное племя амаликитянъ. Оазъ составлялъ для него все; ему оно было обязано жизнью, благосостояніемъ, и за него готово было пролить послѣднюю каплю крови.

Іисусъ, признанный уже Моисеемъ и всѣмъ народомъ въ качествѣ вождя еврейскихъ вооруженныхъ силъ, вывелъ свои сотни на самую широкую часть долины, дававшую ему возможность лучше воспользоваться численнымъ превосходствомъ своего войска.

Онъ приказалъ снять шатры и разбить ихъ вновь на сѣверномъ концѣ предназначенной для боя равнины Рефидинъ, въ болѣе узкой ея части, облегчавшей защиту стана. Главное начальствованіе надъ станомъ и надъ воинами, оставленными для обороны послѣдняго, онъ передалъ мудрому, осторожному Навину, своему отцу.

Іисусъ хотѣлъ оставить также Моисея и старѣйшинъ въ чертѣ обороняемаго стана; но великій вождь народа предупредилъ его и, вмѣстѣ съ Оромъ и Аарономъ, поднялся на вершину гранитнаго утеса, откуда можно было обозрѣвать всю битву. Такимъ образомъ и сражающіеся могли видѣть Моисея и его товарищей на скалѣ, господствующей надъ всей равниной, зная, что избранникъ Божій не преминетъ предстать за нихъ предъ Всевышнимъ, испросить имъ побѣду и одолѣніе.

Каждый простой ратникъ, каждая женщина, каждый дряхлый старикъ въ этотъ великій часъ опасности обратились къ Богу отцовъ своихъ. Воинственный кликъ, избранный Іисусомъ: „Іегова — наше знамя!“ связывалъ сердца воиновъ съ Вождемъ браней, напоминая самымъ малодушнымъ и неопытнымъ, что они не могутъ сдѣлать ни единаго шага безъ воли Божіей.

Рога и трубы, поднимавшіе тревогу, звучали все громче и громче, ибо амаликитяне проникли уже на плоскую равнину, которой предстояло быть мѣстомъ боя, хотя такого поля битвы никогда не избралъ-бы опытный полководецъ добровольно. Оно было ограничено съ двухъ сторонъ высокими, отвѣсными, гра-

нитными скалами. Такимъ образомъ, въ случаѣ побѣды непріятеля, былъ-бы потерянъ и станъ. Съ другой стороны, всѣми средствами военнаго искусства приходилось пользоваться на самомъ тѣсномъ пространствѣ.

Обойти непріятеля или неожиданно ударить на него сбоку казалось при такихъ условіяхъ невозможнымъ; однако полководецъ воспользовался и самыми скалами для успѣха дѣла. Онъ послалъ своихъ искуснѣйшихъ пращниковъ и опытнѣйшихъ стрѣлковъ занять уступы сѣрыхъ каменныхъ твердынь и объяснилъ имъ, по какому знаку они должны вступать въ бой.

Іисусъ съ перваго взгляда убѣдился, что не преувеличивалъ значенія своихъ враговъ. Воины, открывшіе бой, были смуглые, обросшіе бородами, мужи, съ рѣзко очерченными, смѣлыми чертами лица и черными глазами, воинственно и съ дикой ненавистью смотрѣвшими на непріятеля.

Всѣ они, подобно своему изборожденному рубцами, сѣдобородому предводителю, отличались гибкимъ, стройнымъ тѣлосложеніемъ; они ловко владѣли мѣднымъ серповиднымъ мечемъ, кривымъ тарчемъ изъ тяжелаго, крѣпкаго дерева или копьемъ, украшеннымъ подъ лезвіемъ пучками верблюжьихъ волосъ. Воинственный кличъ звучалъ громко, грозно и смертоносно изъ крѣпкой груди этихъ людей, которымъ предстояло или побѣдить, или уступить пришельцамъ родную землю.

Первый натискъ врага Іисусъ встрѣтилъ въ главѣ отряда, вооруженнаго большими египетскими щитами и копьями, и ратники его, воспламененные своимъ предводителемъ, съумѣли довольно долго сдерживать непріятеля; тѣмъ болѣе, что узкій входъ въ долину не позволялъ послѣднему развернуть всѣ свои силы.

Когда-же амаликитская пѣхота отступила и ее замѣнилъ отрядъ воиновъ на быстроногихъ одногорбыхъ верблюдахъ, многіе изъ евреевъ, испугавшись вида знакомыхъ имъ лишь по раз-

сказамъ, громадныхъ и диковинныхъ животныхъ, съ громкими криками побросали свои щиты и обратились въ бѣгство. Всадники вогнали верблюдовъ въ разстроенные ряды непріятеля и длиннымъ, острымъ тарчемъ поражали его сверху. Непривычные къ такому нападенію, пастухи бѣжали, думая только о собственномъ спасеніи. Внезапный ужасъ овладѣлъ ими, когда они неожиданно встрѣтили горящіе глаза и услышали рѣзкій, злобный крикъ изступленныхъ амаликитскихъ женъ, которыя сопровождали своихъ мужей въ битву, чтобы воспламенять ихъ на полѣ сраженія и вселять ужасъ въ непріятеля. Онѣ придерживались лѣвою рукою за спускавшіеся съ сѣдла ремни и не отставали отъ верблюдовъ, которые влекли ихъ за собою. Ненависть, казалось, закалила слабыя женскія сердца противъ страха смерти, состраданія и робости — и страшный, пронзительный крикъ этихъ вѣдьмъ нагонялъ ужасъ даже на храбрѣйшихъ изъ евреевъ.

Однако, лишь только Іисусъ увидѣлъ, что его ратники дрогнули, онъ постарался обратить и эту неудачу въ свою пользу и приказалъ отступить еще далѣе, чтобы открыть непріятелю входъ въ долину. Онъ понялъ, что успѣшнѣе всего можетъ воспользоваться численнымъ превосходствомъ своихъ силъ, когда получитъ возможность тѣснить непріятеля спереди и съ боковъ и ввести въ бой своихъ пращниковъ и стрѣлковъ.

Ефремъ и его храбрые товарищи, окружавшіе Іисуса на случай порученій, были посланы въ сѣверную часть долины къ начальникамъ стоявшихъ тамъ сотенъ, чтобы сообщить имъ о новомъ порядкѣ дѣйствія и передать приказаніе двинуться впередъ.

Съ легкостью дикихъ козъ поспѣшили быстроногіе юноши исполнить данное имъ приказаніе — и вскорѣ оказалось на дѣлѣ, что полководецъ былъ правъ. Какъ только амаликитяне вышли на средину долины, на нихъ напали со всѣхъ

сторонъ, и храбро устремившіеся впередъ воины падали съ мечемъ или копьемъ въ рукѣ, пораженные круглымъ камнемъ пращника или мѣткой стрѣлой лучника, занимавшихъ выступы скалъ.

Между тѣмъ, Моисей съ Аарономъ находился попрежнему на господствующей надъ долиной горѣ, откуда наблюдалъ за битвой, въ которой самъ, какъ посѣдѣвшій въ дѣлахъ мира, могъ принимать участіе лишь сердцемъ и душой.

Ни одинъ шагъ, ни одно движеніе поднятаго или опущеннаго меча не ускользали отъ его внимательнаго взгляда. Когда же началось наступленіе и полководецъ намѣренно открылъ противнику доступъ въ самое сердце своихъ силъ, Оръ воскликнулъ, обращаясь къ избраннику Божію:

— Высокій умъ твоей сестры, а моей жены, судилъ вѣрно: сынъ Навина не оправдалъ выбора Всевышняго. Посмотри, что̀ за распоряженія! Численный перевѣсъ на нашей сторонѣ, а между тѣмъ непріятель безпрепятственно проникаетъ въ средину нашего войска. Какъ воды Чермнаго моря разступились по повелѣнію Господа, такъ разступаются теперь наши сотни и, кажется, по волѣ своего предводителя.

— Дабы поглотить амаликитянъ, какъ волны морскія поглотили египтянъ, гласилъ отвѣтъ Моисея.

Затѣмъ великій старецъ воздѣлъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Воззри, о, Іегова, на Твой народъ, въ новой бѣдѣ! Укрѣпи руку и обостри зрѣніе того, котораго Ты нарекъ мечемъ Своимъ! Даруй ему помощь, которую Ты обѣщалъ ему, когда назвалъ его, Осію, Іисусомъ! И если Тебѣ не угодно болѣе, чтобы онъ, оказавшійся твердымъ и мужественнымъ, какъ подобаетъ Твоему полководцу, велъ нашихъ ратниковъ въ битву, то снизойди Самъ съ силами небесными и стань во главѣ войска, дабы уничтожить враговъ Твоего народа.

Такъ молился избранникъ Божій, воздѣвъ руки горѣ и не переставая взывать ко Господу, Чья воля управляла его волей. Вскорѣ Ааронъ сообщилъ ему, что евреи сильно тѣснятъ непріятеля и духъ войска поддерживается въ превосходномъ состояніи. Іисусъ поспѣваетъ всюду; ряды непріятеля замѣтно рѣдѣютъ, между тѣмъ какъ ряды евреевъ какъ будто прибываютъ.

Оръ подтвердилъ то же самое и присовокупилъ, что нельзя отказать сыну Навинову въ великой доблести и мужественномъ презрѣніи къ смерти. Вотъ онъ только что поразилъ топоромъ одного изъ грозныхъ амаликитскихъ вождей!

Моисей глубоко вздохнулъ, опустилъ руки и съ величайшимъ напряженіемъ сталъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ битвы, которая свирѣпствовала и бушевала, усиливалась и затихала передъ его глазами.

Между тѣмъ солнце успѣло достигнуть полудня и бросало на сражающихся палящіе, отвѣсные лучи. Сѣрыя гранитныя скалы дышали зноемъ, и на челѣ трехъ мужей, занимавшихъ возвышенную скалу, давно уже выступали крупныя капли пота. Каково же было сражающимся тамъ внизу! каково было раненымъ, истекающимъ кровью, лежащимъ въ пескѣ, со жгучею болью въ ранахъ!

Моисей чувствовалъ все это такъ сильно, какъ будто переживалъ самъ. Его непоколебимо-твердая душа тѣмъ не менѣе была исполнена состраданія, а всѣ эти единокровные, для которыхъ онъ жилъ и трудился, за которыхъ молился и думалъ, были какъ бы близкія дорогія дѣти для его великаго родительскаго сердца.

Онъ болѣлъ ранами своихъ единоплеменниковъ, но сердце его билось съ гордостью при видѣ того, какъ тѣ самые евреи, которые недавно возмущали его своей трусостью и робкою покорностью, научились теперь защищаться и нападать; какъ

однимъ за другимъ отряды юнаго ополченія кидались на врага, съ громкимъ кликомъ: „Іегова—наше знамя!“

Въ доблестной осанкѣ Іисуса ему чудились будущіе евреи, внуки его современниковъ, такіе, какими онъ представлялъ себѣ и желалъ видѣть ихъ. Теперь онъ не сомнѣвался болѣе, что самъ Господь избралъ сына Навинова военачальникомъ своего народа. Властительный взоръ очей Моисея никогда еще не горѣлъ такъ радостно, какъ въ эти мгновенія.

Но что-же это?

Изъ устъ Аарона вырвался крикъ ужаса; Оръ же, обезумѣвъ, вскочилъ съ мѣста и напряженно устремилъ глаза на сѣверъ. Оттуда, гдѣ стояли шатры народа, раздался боевой кликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ громкіе жалобные вопли, въ которыхъ слышались какъ бы голоса женщинъ и дѣтей.

Непріятель напалъ на становище евреевъ.

Отрядъ амаликитянъ, задолго до начала битвы, отдѣлился отъ главныхъ силъ и прошелъ никому неизвѣстнымъ горнымъ ущельемъ.

Оръ вспомнилъ о своей молодой женѣ, Ааронъ о вѣрной, преданной Елисаветѣ, о своихъ дѣтяхъ и внукахъ—и оба обратили взоры къ Моисею съ нѣмою мольбой отпустить ихъ въ станъ на помощь дорогимъ сердцу; но суровый вождь отказалъ имъ и оставилъ ихъ при себѣ.

Онъ снова воздѣлъ къ небу глаза и руки. Въ горячемъ порывѣ обратился онъ къ Всевышнему—и чѣмъ дальше, тѣмъ пламеннѣе была его молитва, ибо всѣ успѣхи его ратниковъ казались потерянными. Каждый взглядъ на поле битвы, каждое извѣстіе переданное его товарищами, въ тѣ минуты, когда душа его, пребывая съ Господомъ, оставалась глуха и слѣпа къ происходившему у ногъ его, ложилась новымъ, тяжелымъ бременемъ на его сердце.

Іисусъ, во главѣ сильнаго отряда, отдѣлился отъ сра-

жающихся, а вмѣстѣ съ нимъ и Веселіилъ, внукъ Ора, Охоліавъ, его любимый товарищъ, юный Ефремъ и мужъ Милки, Рувимъ.

Оръ слѣдилъ за ними глазами, посылалъ имъ во слѣдъ благія пожеланія и благословенія отъ полноты своего сердца; ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ спѣшитъ на помощь стану. Оръ обратилъ слухъ по направленію къ сѣверу, какъ будто предчувствуя, насколько именно его касаются тѣ отрывистые вопли, которые доносились по временамъ порывомъ вѣтра.

Престарѣлый Навинъ выступилъ противъ отряда амаликитянъ, напавшаго на станъ, и храбро сражался противъ него; когда-же онъ убѣдился, что сотни, оставленныя Іисусомъ подъ его начальствомъ, не могутъ долѣе противостоять неприятелю, онъ обратился къ полководцу съ просьбой о подкрѣпленіи. Іисусъ немедленно поручилъ дальнѣйшее веденіе битвы второму вождю колѣна Іудина, Наассону, а также Уріи, сыну Орову, который успѣлъ отличиться храбростью и распорядительностью, а самъ поспѣшилъ съ другими избранными на помощь отцу.

Онъ не терялъ ни мгновенія, а между тѣмъ исходъ битвы былъ уже рѣшенъ, когда онъ появился на полѣ сраженія. Амаликитяне успѣли прорвать ряды ратниковъ Навина, отрѣзали его отъ нихъ и ринулись на становище евреевъ.

Прежде всего Іисусъ выручилъ престарѣлаго отца изъ рукъ неприятеля. Затѣмъ необходимо было очистить шатры отъ сыновъ пустыни. Здѣсь происходилъ уже горячій рукопашный бой, одинъ на одного, грудь противъ груди, а между тѣмъ Іисусъ не могъ поспѣвать вездѣ самъ, и долженъ былъ предоставить молодому ополченію дѣйствовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самостоятельно.

Все съ тѣмъ-же кликомъ: „Іегова — наше знамя!“ бросился онъ впередъ на ставку вождя, Ора, которою непрія-

тель овладѣлъ прежде всего и гдѣ происходилъ наиболѣе горячій бой.

Входъ въ шатеръ былъ уже усѣянъ мертвыми тѣлами, но изступленные амаликитяне продолжали драться съ горстью евреевъ. Изъ глубины ставки доносились отчаянные вопли и стоны.

Съ быстротою молніи ринулся Іисусъ въ шатеръ—и здѣсь ему представилось зрѣлище, наполнившее ужасомъ даже его неустрашимую душу. Слѣва, на окровавленныхъ цыновкахъ, покрывавшихъ широкій полъ шатра, катались въ изступленной борьбѣ евреи и амаликитяне, а справа онъ увидѣлъ Маріамь и ея прислужницъ, со связанными на спинѣ руками.

Мужчины намѣревались увезти съ собою плѣнницъ, какъ драгоцѣнную добычу, но одна изъ амаликитянокъ, сгорая ревностью, ненавистью и жаждой мести, замыслила предать чужестранокъ сожженію и раздувала на очагѣ уголья, которые, при помощи сорваннаго съ головы Маріами покрывала, уже разгорѣлись яркимъ пламенемъ.

Шумъ и вопли еще усилились въ обширной ставкѣ, когда Іисусъ ворвался въ нее.

Съ одной стороны, съ дикимъ ревомъ боролись противники; съ другой — прислужницы пророчицы, увидѣвъ приближающихся евреевъ, подняли громкіе стоны и крики, моля о помощи и спасеніи.

Госпожа ихъ, съ покрытымъ смертною блѣдностью лицомъ, упала на колѣни передъ тѣмъ непріятельскимъ вождемъ, жена котораго готовила ей страшную смерть.

Какъ духъ возставшій изъ земли, явился передъ Маріамью избавитель ея—и то, что̀ произошло теперь, навсегда запечатлѣлось въ ея памяти рядомъ страшныхъ, безсвязныхъ, но тѣмъ не менѣе величественныхъ картинъ.

Прежде всего она видѣла богатырскій образъ связавшаго ее вождя амаликитянъ. Смуглый воинъ съ хищнымъ, горбатымъ носомъ, черною бородою и огненными глазами, былъ похожъ на орла своихъ родныхъ горъ. Но съ нимъ скоро предстояло помѣряться другому, когда-то дорогому ея сердцу человѣку.

Маріамъ часто и прежде сравнивала его со львомъ, но никогда еще онъ не былъ такъ похожъ на царя пустыни, какъ теперь.

Грозны и могучи были оба, и трудно было рѣшить заранѣе, кто изъ нихъ будетъ побѣжденъ, и кто останется побѣдителемъ: Маріами суждено было стать свидѣтельницей борьбы. Пылкій сынъ пустыни, съ громкимъ боевымъ кликомъ, ринулся на хладнокровно ждавшаго его еврея.

Повидимому жизнь должна прекратиться, если біеніе сердца остановится на сколько-нибудь продолжительное время, — это извѣстно каждому ребенку; между тѣмъ Маріамь чувствовала' что ея сердце перестало биться, точно замерло или окаменѣло, когда льву грозила опасность со стороны орла, когда блеснулъ острый ножъ амаликитянина, и она увидѣла кровь, брызнувшую изъ плеча Іисуса.

Но остановившееся было сердце воскресло снова, забившись еще сильнѣе прежняго — и льву подобный боецъ, къ которому она только-что относилась со страстною ненавистью, вдругъ, точно чудомъ, снова сталъ для нея дорогимъ другомъ дѣтства. Словно въ звукахъ трубъ и кимваловъ, снова воскресла любовь, чтобы торжественно вступить побѣдительницей въ ея еще недавно столь пустынную, одинокую душу. Сразу было забыто и похоронено все, что̀ оттолкнуло ее отъ Іисуса, и никогда, никто не взывалъ горячѣе къ Всевышнему, чѣмъ Маріамъ въ той краткой молитвѣ, которая вылилась теперь изъ ея сердца за спасеніе любимаго человѣка. Молитва эта была

такъ-же быстро услышана, какъ и пламенна: орелъ палъ и опустилъ крылья, смятый превосходною силою льва.

Тогда у Маріами потемнѣло въ глазахъ, и она, какъ во снѣ, почувствовала только, что Ефремъ перерѣзалъ веревки, связывавшія ея руки.

Но вскорѣ она снова очнулась и увидѣла распростертое у ногъ ея, окровавленное тѣло убитаго вождя, а по другую сторону шатра тѣла убитыхъ и раненыхъ амаликитянъ и евреевъ, между которыми было много рабовъ ея мужа. Возлѣ павшихъ въ бою, гордо стояли, торжествуя побѣду, мощные воины ея народа, и среди нихъ почтенный обликъ престарѣлаго Навина, который перевязывалъ рану Іисусу.

Маріамь чувствовала, что именно ей надлежало это сдѣлать, и съ глубокимъ стыдомъ и жгучею болью въ сердцѣ подумала, какъ виновна была въ отношеніи этого человѣка. Теперь она не знала, какъ загладить свою вину и какъ выразить ему свою благодарность.

Сердце ея было полно желаніемъ услышать изъ устъ Іисуса слово примиренія, и она приблизилась къ нему на колѣняхъ по залитому кровью полу шатра; но ея краснорѣчивыя, пророческія уста точно онѣмѣли и не могли найти подходящихъ словъ. Но вотъ изъ ея стѣсненной груди громко и умиленно вырвалось восклицаніе:

— Іисусъ! о, Іисусъ! Тяжко согрѣшила я передъ тобою и всею моею жизнью готова искупить свою вину; только не презирай мою благодарность! Не отталкивай ее отъ себя и, если можешь, прости меня!

Больше она не въ состояніи была ничего произнесть, но тутъ—и этого она никогда не могла забыть впослѣдствіи—она залилась горячими слезами, а онъ сильною и въ то же время нѣжною рукою, поднялъ ее съ земли, какъ мать своего упавшаго ребенка, и изъ устъ его раздались кроткія, ласковыя,

всепрощающія слова. Онъ взялъ ея руку, и она убѣдилась, что онъ болѣе на нее не сердится.

Маріамь чувствовала свою руку въ его рукѣ и слушала его увѣреніе въ томъ, что имя Іисуса ему пріятнѣе всего слышать изъ ея устъ.

Наконецъ, съ воинственнымъ крикомъ: „Іегова—наше знамя!“ онъ ринулся изъ шатра, и долго еще въ ея сердцѣ звучалъ его громкій голосъ и одушевленный откликъ его воиновъ.

Потомъ все затихло кругомъ, и она знала только, что никогда, ни прежде, ни послѣ, она не плакала такими горячими и горькими слезами, какъ въ этотъ часъ. Тутъ же она дала два торжественныхъ обѣта Богу, избравшему ее своей пророчицей.

А между тѣмъ шумъ битвы снова раздавался вокругъ тѣхъ двухъ людей, къ которымъ относились эти обѣты.

Одинъ опять повелъ свои отряды изъ спасеннаго стана навстрѣчу врагу; другой, вмѣстѣ съ народными вождями, наблюдалъ за боемъ, кипѣвшимъ у его ногъ и становившимся все яростнѣе.

Іисусъ засталъ своихъ въ очень затруднительномъ положеніи. Мѣстами они отступали, мѣстами лишь слабо отбивались отъ натиска сыновъ пустыни; Оръ съ усиливающимся безпокойствомъ слѣдилъ за исходомъ боя, потому что въ станѣ находились его жена и внукъ, а здѣсь, внизу, его сыну грозила смертельная опасность.

Его родительское сердце болѣзненно сжималось, когда онъ видѣлъ, что Урія отступаетъ; когда-же онъ наступалъ снова и искуснымъ натискомъ поражалъ врага, Оръ ощущалъ радостное чувство и ему хотѣлось крикнуть сыну слово одобренія.

Но чей слухъ былъ бы въ состояніи различить отдѣльный человѣческій голосъ среди шума оружія, воинственныхъ кликовъ, воплей женщинъ, стоновъ раненыхъ, жалобнаго рева верблюдовъ, звука трубъ и роговъ?

Передній отрядъ амаликитянъ уже врѣзался клиномъ въ самыя заднія еврейскія сотни.

Еслибы амаликитянамъ удалось проложить дорогу слѣдовавшимъ за ними полчищамъ и соединиться съ тѣмъ отрядомъ, который нападалъ на станъ, то сраженіе было-бы потеряно для евреевъ и гибель народа была-бы полная, такъ какъ у южнаго входа въ долину стоялъ еще отрядъ амаликитянъ, который не принималъ участія въ битвѣ и, казалось, предназначался для защиты оаза въ случаѣ неудачи.

Но тутъ случилась новая неожиданность.

Сыны пустыни пробились уже такъ далеко впередъ, что камни и стрѣлы пращниковъ и стрѣлковъ едва могли настигать ихъ; чтобы послѣдніе не оставались въ бездѣйствіи, ихъ пришлось отозвать съ занимаемыхъ ими высотъ къ мѣсту боя.

Ору давно-бы слѣдовало уже закричать Уріи, чтобы онъ вспомнилъ о стрѣлкахъ и ввелъ ихъ въ бой; но вотъ показался юноша, съ ловкостью горной козы приближавшійся къ нимъ со стороны стана и карабкавшійся съ одной скалы на другую.

Добравшись до первыхъ стрѣлковъ, онъ что-то говорилъ имъ, слѣдующимъ дѣлалъ знаки, которые они передавали дальше, и наконецъ всѣ они спустились по склону въ долину, потомъ взобрались на западную скалистую стѣну, на высоту роста нѣсколькихъ человѣкъ, и внезапно исчезли, какъ будто скалы поглотили ихъ.

Юноша во главѣ пращниковъ и стрѣлковъ—былъ Ефремъ.

Черное пятно, виднѣвшееся на скалистой стѣнѣ, въ которомъ юноша исчезъ вмѣстѣ со стрѣлками было не что иное какъ отверстіе ущелья, и этимъ путемъ стрѣлки вѣроятно присоединятся къ отряду, который пошелъ на выручку стана.

Такъ думалъ не только Оръ, но и Ааронъ, и первый снова сталъ сомнѣваться въ призваніи Іисуса, такъ какъ защита на-

ходившихся въ станѣ ослабляла войско, начальствованіе надъ которымъ было возложено на его сына и на Наассона.

Бой вокругъ стана продолжался уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и Моисей не переставалъ молиться съ воздѣтыми руками, когда амаликитянамъ удался новый натискъ.

Тогда вождь народа снова собралъ свои силы и еще усерднѣе воззвалъ къ помощи Всевышняго, но отъ изнеможенія у него подкосились колѣна и утомленныя руки отказывались повиноваться. Однако духъ его не ослабѣвалъ и въ сердцѣ упорно держалось желаніе умолить Того, Кто управляетъ битвами.

Вождь народа не хотѣлъ оставаться въ бездѣйствіи въ этомъ бою—оружіемъ его была молитва.

Какъ ребенокъ не отстаетъ отъ матери, самоотверженно прося чего-нибудь для своихъ братьевъ и сестеръ, такъ и Моисей неотступно умолялъ Всевышняго, Который до сихъ поръ, какъ отецъ, охранялъ его и его народъ и чудеснымъ образомъ избавлялъ ихъ отъ самыхъ страшныхъ опасностей.

Скоро Моисей совершенно изнемогъ тѣломъ. Онъ обратился къ сопровождавшимъ его, и они придвинули къ нему обломокъ скалы, на который онъ опустился, чтобы новою молитвою смягчить сердце Всевышняго.

Такъ сидѣлъ онъ, и если изнеможенныя мышцы отказывались служить ему, то душа попрежнему повиновалась и съ новою силою воспрянула къ Руководителю судебъ.

Но руки Моисея нѣмѣли все болѣе и болѣе и наконецъ опустились какъ бы подъ тяжестью свинца, не смотря на то, что въ теченіе многихъ лѣтъ ему постоянно приходилось воздѣвать ихъ къ небу, усердно призывая Бога.

Спутники его хорошо видѣли это и—замѣтивъ, что какъ только у великаго вождя опускались руки, сыны Амалика одерживали новый успѣхъ,—оба старательно поддерживали руки Моисея одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны. Та-

кимъ образомъ хотя этотъ сильный человѣкъ не въ состояніи былъ уже отчетливо произносить слова, хотя его исполинское тѣло качалось изъ стороны въ сторону, и ему неоднократно казалось, что камень, на которомъ онъ сидитъ, долина и вся земля колеблется вмѣстѣ съ нимъ, но тѣмъ не менѣе очи и руки его были неотступно подняты къ небу. Ни на одно мгновеніе не переставалъ онъ призывать Всевышняго до тѣхъ поръ, пока внезапно не раздался со стороны стана радостный побѣдный крикъ, громко отраженный каменистыми стѣнами долины.

Это Іисусъ появился снова на полѣ битвы и во главѣ своихъ воиновъ ринулся съ неотразимою силою на врага. Съ этой минуты бой принялъ иное направленіе.

Хотя онъ еще не былъ рѣшенъ окончательно и Моисей не переставалъ возноситься сердцемъ къ небу и подымать поддерживаемыя друзьями руки, но наконецъ ряды амаликитянъ дрогнули и побѣжали къ южному входу долины, откуда пришли.

Оттуда также послышался радостный крикъ, и изъ тысячи устъ раздалось: „Іегова—наше знамя! Побѣда, побѣда!“

Тогда избранникъ Божій снялъ свои руки съ поддерживавшихъ ихъ плечъ, свободно и высоко поднялъ ихъ и воскликнулъ съ новою чудесною силою: „благодарю Тебя, Господь и Богъ мой! Іегова—наше знамя! Народъ спасенъ!“

Тутъ у изнеможеннаго вождя закрылись очи, но спустя немного времени онъ снова открылъ ихъ и увидалъ, какъ Ефремъ со стрѣлками и пращниками бросился на отрядъ амаликитянъ, стоявшій у южнаго входа въ долину, между тѣмъ какъ Іисусъ гналъ главныя силы сыновъ пустыни навстрѣчу ихъ отступавшимъ братьямъ.

Военачальникъ узналъ отъ плѣнныхъ объ ущельѣ, которое давало возможность хорошо лазящимъ людямъ пробраться въ лощину, ведущую къ южному краю поля битвы, и вскорѣ Ефремъ зашелъ

по этой трудной дорогѣ со своими стрѣлками и пращниками въ тылъ послѣднимъ сопротивлявшимся отрядамъ противника.

Стѣсненные съ двухъ сторонъ, порѣдѣвшіе и приведенные въ уныніе ряды амаликитянъ прекратили бой, и тутъ обнаружилось какъ быстро владѣютъ ногами взросшіе въ горной странѣ дѣти пустыни; по знаку своего начальника, они перебили верблюдовъ и разлетѣлись въ разныя стороны, какъ перья, гонимыя вѣтромъ. Подобно проворнымъ ящерицамъ карабкались они руками и ногами на казавшіеся недоступными человѣку отвѣсные горные скаты; другіе спаслись тѣмъ самымъ ущельемъ, которое указали Іисусу плѣнные рабы.

Освобожденіе Маріами.

Моисей лобзаетъ Іисуса-Навина.

Глава XXVIII.

Большая часть амаликитянъ пала, и поле сраженія было усѣяно ихъ ранеными. Къ тому-же, еврейскій военачальникъ зналъ, что другія племена пустыни, до сихъ поръ дѣйствовавшія заодно съ амаликитянами, теперь, по обыкновенію, покинутъ побѣжденныхъ и удалятся въ свои владѣнія.

Тѣмъ не менѣе можно было полагать, что отчаяніе вер-

нетъ отвагу побѣжденнымъ и они не отдадутъ своего оаза безъ сопротивленія.

Но бойцы Іисуса были до крайности истомлены: ихъ нельзя было немедленно вести дальше.

Самъ онъ также получилъ нѣсколько легкихъ ранъ — и потеря крови, въ соединеніи съ напряженіемъ, которое онъ испыталъ въ послѣдніе дни, отразилась и на его желѣзномъ тѣлѣ.

Далѣе, солнце, съ восходомъ котораго началась битва, уже клонилось къ закату. Было-бы неблагоразумно вторгаться въ оазъ среди ночной темноты.

И самъ Іисусъ, а еще больше его храбрые воины нуждались въ отдыхѣ до разсвѣта.

Вокругъ него были все радостныя лица, сіяющія гордымъ сознаніемъ побѣды. Распущенные на отдыхъ отряды, отправляясь въ станъ къ своимъ, сначала шли медленнымъ, усталымъ шагомъ. Но, проходя мимо Іисуса, они оглашали воздухъ такими громкими, бодрыми кликами, какъ будто никогда и не ощущали усталости, которая только что заставляла ихъ идти съ понурыми головами и едва влача ноги.

— Да здравствуетъ Іисусъ! Да здравствуетъ побѣдитель! еще долго повторяли горные отголоски послѣ того, какъ изъ глазъ уже скрылись отряды. Но еще громче раздавались въ сердцѣ Іисуса слова благодарности Моисея. „Ты держалъ себя, гласили эти слова, — мощно и твердо, какъ истый мечъ Всевышняго. Доколѣ ты въ Господѣ полагаешь свою силу и въ Іеговѣ видишь свое знамя, никакой врагъ намъ не страшенъ!“

Онъ все еще ощущалъ у себя на челѣ лобзаніе великаго избранника Божія, который, въ виду цѣлаго народа, заключилъ его въ объятія и прижалъ къ груди. Іисусъ до сихъ поръ не

могъ справиться съ волненіемъ, одолѣвшимъ его подъ конецъ этого богатаго событіями дня.

Онъ еще оставался на полѣ битвы. Онъ чувствовалъ потребность разобраться въ самомъ себѣ, прежде чѣмъ присоединиться къ толпѣ и къ отцу, которому принадлежала добрая доля участія во всемъ великомъ, что̀ теперь волновало душу его сына.

Вокругъ царили ужасъ и запустѣніе. Кромѣ Іисуса, здѣсь были только мертвые или тяжко раненые.

Вороны, слѣдомъ летѣвшіе за странниками, все смѣлѣе и смѣлѣе кружились надъ тѣлами, въ ожиданіи обильной добычи. Запахъ крови вызвалъ изъ глубины горъ и ущелій хищныхъ звѣрей—ихъ ревъ и алчный вой оглашалъ всю окрестность.

Съ переходомъ сумерокъ въ ночной мракъ, надъ напитаннымъ кровью пространствомъ замелькали огни. Это рабы или тѣ изъ странниковъ, которые не досчитывались своихъ близкихъ, разбирали тѣла, отдѣляя мертвыхъ отъ раненыхъ, враговъ отъ друзей. Стоны умирающихъ сливались съ карканіемъ зловѣщей птицы и съ ревомъ голодныхъ шакаловъ, гіенъ, лисъ и леопардовъ.

Но Іисусъ былъ хорошо знакомъ со всѣми ужасами поля битвы и они не пугали его.

Онъ, прислонясь къ скалѣ, созерцалъ звѣзды — тѣ самыя, которыя сіяли надъ шатромъ его, въ лагерѣ подъ Танисомъ, гдѣ онъ выдержалъ такую жестокую борьбу съ самимъ собою и принялъ самое трудное рѣшеніе въ своей жизни.

Его больше не прельщали дары и почести, которыми еще могъ-бы обогатить и возвеличить его произволъ малодушнаго, причудливаго иноземнаго царя. Какое значеніе могло теперь имѣть для него стройное, превосходно обученное войско, къ

военачальникамъ котораго онъ еще недавно съ гордостью себя причислялъ?

Ему теперь съ трудомъ вѣрилось, что было время, когда начальство надъ лишнею египетскою тысячью составляло предметъ всѣхъ его вожделѣній,—когда ему несказанно льстило всякое новое назначеніе, каждый новый знакъ отличія, присуждавшійся ему тѣми, которыхъ большинство не стоило его уваженія.

Въ то время онъ всего ждалъ отъ египтянъ и ничего отъ собственнаго народа.

Не дальше еще какъ въ ту ночь, передъ шатромъ, все племя его единокровныхъ казалось ему презрѣнною толпой, осужденною на вѣчное рабство въ подневольномъ трудѣ. Онъ свысока смотрѣлъ даже на знатнѣйшихъ изъ своихъ соплеменниковъ: они всѣ были пастыри, египтяне ихъ презирали, а онъ раздѣлялъ предразсудки послѣднихъ.

Его собственный отецъ тоже былъ стадовладѣлецъ, но если Іисусъ почиталъ его и любилъ, то вопреки его званію и только въ силу неотразимаго обаянія, какое на всѣхъ производилъ добродѣтельный старецъ. Его полная жизни, бодрая, свѣтлая личность во всѣхъ возбуждала невольное уваженіе и любовь, и прежде всѣхъ въ собственномъ его сынѣ.

Съ нимъ Іисусъ охотно признавалъ свое родство. Но за этимъ единственнымъ исключеніемъ, онъ всегда держалъ себя среди товарищей по оружію такъ, что они забывали его происхожденіе и считали его однимъ изъ своихъ. Прабабка Іисуса Асенеѳа, жена Іосифа, была египтянка, и онъ этимъ похвалялся.

А теперь, а нынѣ?

Онъ заставилъ-бы горько раскаяться всякаго, кто назвалъ-бы его египтяниномъ. То, отъ чего онъ еще въ прошлое новолу-

ніе со стыдомъ отрекся-бы и что̀ постарался-бы скрыть, то въ настоящую новолунную ночь — серпъ молодаго мѣсяца только что выплылъ на звѣздное небо—заставляло его высоко подымать голову.

Какое наслажденіе въ возможности со справедливою гордостью называть себя тѣмъ, кѣмъ онъ въ дѣйствительности былъ!

Его жизнь среди египтянъ казалась ему теперь сплошною, безконечною ложью и измѣной собственному знамени. Его правдивый умъ радовался, что наконецъ положенъ предѣлъ недостойному укрывательству и отреченію отъ собственной крови.

Онъ съ благодарностью чувствовалъ себя сыномъ народа, болѣе всѣхъ прочихъ угоднаго Господу — членомъ общества, гдѣ всякій могъ съ дѣтства простирать съ мольбою руки къ Богу, самое существованіе Котораго избранные умы среди египтянъ окружили таинственностью, ибо не считали свой народъ способнымъ понять Его мощное величіе.

И этотъ единый Богъ, передъ Которымъ всѣ египетскіе боги ничто, призвалъ его, сына Навина, быть борцомъ за своихъ братьевъ и защитникомъ возлюбленнаго Имъ народа. Этотъ Богъ далъ ему имя, которое навсегда обѣщаетъ ему Его помощь и покровительство.

Іисусъ думалъ: лучшая и высшая цѣль въ жизни — это, по волѣ своего Бога, кровью и жизнью послужить своему народу. По мѣрѣ этихъ думъ, черные глаза его горѣли все ярче. Сердце его было переполнено великою любовью и страстнымъ желаніемъ вознаградить съ избыткомъ свой народъ за то пренебреженіе, которое онъ ему оказывалъ въ прошломъ.

Онъ, правда, навсегда лишился великой, благородной жен-

щины, которую надѣялся назвать своею; но это не нарушало его радостнаго настроенія духа. Она продолжала высоко стоять въ его мнѣніи, но онъ ужь больше не стремился обладать ею. Онъ теперь думалъ о ней съ благодарностью, но спокойно. Іисусъ не могъ не сознавать, что началъ новую жизнь именно съ той знаменательной ночи, когда она подала ему примѣръ того, какъ надо всѣмъ, даже самымъ дорогимъ, жертвовать своему Богу и народу.

А вина пророчицы передъ нимъ? Она изгладилась изъ его памяти. У него было въ обычаѣ забывать то, что̀ онъ однажды прощалъ. Теперь онъ помнилъ только то, чѣмъ былъ ей обязанъ. Подобно дереву, высоко стремящемуся къ небу на рубежѣ двухъ міровъ, стояла она теперь между его прошлымъ и настоящимъ. Любовь ихъ сошла въ могилу, но они не перестанутъ идти объ руку по одному пути, къ одной общей цѣли.

Онъ припомнилъ все, что̀ уже успѣлъ сдѣлать на новой дорогѣ. Жалкіе еврейскіе рабы, въ короткій срокъ его начальства надъ ними, уже превратились въ храбрыхъ воиновъ. На полѣ сраженія они уже добровольно повиновались, а послѣ побѣды высоко держали голову. „И такъ будетъ“, думалъ онъ, „все лучше и лучше съ каждымъ новымъ успѣхомъ“. Отнынѣ ему уже казалось не только желательнымъ, но и вполнѣ осуществимымъ, съ помощью своего народа, завоевать для него отечество, которое онъ могъ бы любить и гдѣ его единокровные, среди свободнаго, привольнаго житья, могли бы сдѣлаться хорошими, достойными людьми, какими онъ, Іисусъ, желалъ ихъ видѣть.

Среди ужаса, вѣявшаго съ поля сраженія, въ темную, безлунную ночь, на сердцѣ у него было радостно и свѣтло, какъ днемъ. „Богъ и мой народъ!“ тихо вырвалось у него изъ глу-

бины души. Онъ еще разъ съ пристальностью взглянулъ на звѣздное небо и покинулъ усѣянную тѣлами долину смерти. Онъ походилъ на тріумфатора, шествующаго по цвѣтамъ и пальмовымъ вѣткамъ, которыми благодарный народъ усыпаетъ путь побѣдителей.

Іисусъ Навинъ на полѣ битвы.

Истуканъ Сета и жертва Молоху.

Заключеніе.

Въ станѣ Іисусъ засталъ большое оживленіе.

Передъ шатрами пылали костры. Вокругъ сновали радостно-настроенныя толпы. Во многихъ мѣстахъ убивали скотъ, гдѣ — для благодарственныхъ жертвоприношеній, гдѣ—для ночнаго пира.

Появленіе Іисуса вездѣ привѣтствовалось радостными, восторженными криками. Онъ не нашелъ отца въ своей ставкѣ. Навинъ, по приглашенію Ора, отправился къ нему и тамъ, передъ шатромъ послѣдняго, сіяющій счастьемъ старецъ, наконецъ, обнялъ своего сына.

Маріамь съ супругомъ тоже оказали позднему гостю пріемъ, который его глубоко тронулъ. Оръ съ сердечною искренностью подалъ ему руку, а она почтительно склонила передъ нимъ голову и въ глазахъ ея свѣтилась благодарность.

Оръ, прежде чѣмъ усадить гостя, отвелъ его въ сторону и приказалъ рабу, только что убившему тельца, раздѣлить послѣдняго на двѣ части. Указывая на нихъ Іисусу, онъ сказалъ:

— Сынъ Навина, ты совершилъ великое дѣло для народа, да и для меня также. Всей жизни моей не хватитъ на то, чтобы достойно отблагодарить тебя за то, что̀ ты сдѣлалъ для меня и для жены моей. Если ты, дѣйствительно, какъ говоришь, забылъ горькія рѣчи, нарушившія въ Дофкѣ нашъ миръ, то давай заключимъ братскій союзъ, котораго и будемъ держаться въ горѣ и въ радости, въ нуждѣ и въ опасности. Если ты на это согласенъ, то приглашаю тебя, по примѣру нашихъ праотцевъ, вмѣстѣ со мной пройти между частями убитаго животнаго.

Іисусъ послѣдовалъ приглашенію Ора. Маріамь первая съ жаромъ присоединилась къ одобрительнымъ возгласамъ Навина. Это она, смирясь передъ мужемъ и вернувъ себѣ его любовь, склонила его на союзъ съ Іисусомъ, который долженъ былъ еще больше скрѣпить ихъ дружбу.

И какъ легко это ей удалось! Все какъ бы само собой шло къ ней навстрѣчу, чтобы облегчить ей исполненіе двухъ обѣтовъ, которые она дала въ ту минуту, когда сынъ Навина — она теперь охотно называла его „Іисусомъ"—вырвалъ ее изъ рукъ враговъ. Значитъ, она ихъ въ добрый часъ дала.

Рѣшимость быть женщиною, какъ всѣ другія, вмѣстѣ съ чувствомъ совершенно новаго для нея довольства, сообщила ей мягкость, которая до сихъ поръ была ей чужда. Это еще больше расположило къ ней мужа, всю цѣну которому она

окончательно узнала въ печальные дни его отчужденія отъ нея.

Одновременно съ союзомъ Ора и Іисуса, заключился другой, между двумя вѣрными сердцами, которыя до сихъ поръ разлучалъ священный долгъ. Друзья еще сидѣли за ужиномъ передъ палаткой Ора, когда явились три человѣка изъ племени, подвластнаго Навину, и выразили желаніе поговорить со своимъ вождемъ. То были: старая отпущенница, остававшаяся въ Танисѣ, ея внучка Хогла и женихъ послѣдней Асиръ, съ которымъ она разлучилась, чтобы ухаживать за родными.

Престарѣлый дѣдъ ея, Эліавъ, скоро умеръ. Тогда бабка и внучка отправились вслѣдъ за народомъ — первая на ослѣ старика — и присоединились къ евреямъ послѣ невѣроятныхъ трудностей.

Навинъ ласково ихъ принялъ и далъ Хоглу въ жены Асиру.

Такимъ образомъ этотъ кровавый день для многихъ оказался и радостнымъ. Но закончился онъ все-таки печально.

Въ теченіе всего странствія у евреевъ ни одинъ вечеръ, когда въ станѣ зажигались огни, не обходился безъ ссоръ и кровавыхъ схватокъ.

Дѣло въ такихъ случаяхъ нерѣдко доходило до ранъ и даже убійствъ. Кто мстилъ другому за оскорбленіе, кто возставалъ противъ неправильнаго присвоенія себѣ чужой собственности или нарушенія взятыхъ на себя обязательствъ.

Возстановленіе порядка и наказаніе виновныхъ тогда являлось дѣломъ не легкимъ. Ослушники отказывались признавать судей въ комъ бы то ни было. Оскорбленные соединялись вмѣстѣ и старались грубою силой сами оказывать себѣ правосудіе.

Въ настоящій праздничный вечеръ до слуха Ора и его гостей тоже стали долетать звуки, къ которымъ уже всѣ успѣли

привыкнуть. Но вотъ среди грубыхъ, необузданныхъ криковъ замелькали огни. Старѣйшины встревожились за безопасность стана. Они встали и поспѣшили на шумъ, съ цѣлью положить конецъ безпорядку. Но то, что̀ представилось ихъ взорамъ, превзошло ихъ ожиданія и наполнило однихъ гнѣвнымъ ужасомъ, а другихъ скорбью.

Толпа опьянѣла отъ радости послѣ побѣды.

Ее обуяло желаніе осязательнымъ образомъ выразить благодарность божеству. Въ числѣ чужеземцевъ находились между прочимъ и финикійскіе выходцы. Подъ живымъ впечатлѣніемъ жестокихъ обрядовъ своей страны, они теперь зажгли яркій костеръ въ честь своего бога Молоха и собирались принести ему самую угодную для него жертву, а именно—побросать въ огонь плѣнныхъ амаликитянъ.

Рядомъ израильтяне воздвигли на высокомъ деревянномъ столбѣ глиняное изображеніе египетскаго бога Сета, которое, разсчитывая на его покровительство, взялъ съ собой въ странствіе одинъ изъ его почитателей.

Сотни людей пѣли, восклицали и плясали вокругъ него. Они не могли бы съ бо̀льшимъ восторгомъ и искренностью возноситься духомъ, еслибъ собрались здѣсь, вмѣсто поклоненія языческому божеству, на воздаліе Богу своихъ отцовъ почести, которая подобаетъ Ему одному.

По возвращеніи въ лагерь, Ааронъ собралъ народъ и въ его присутствіи воздалъ благодареніе Господу. Но потребность излить свою душу предъ хорошо знакомымъ изображеніемъ божества во многихъ была такъ сильна, что они, при первомъ же взглядѣ на глинянаго идола, забывъ истиннаго Бога, упали передъ нимъ на колѣна.

При видѣ служителей Молоха, которые, готовясь бросать въ огонь человѣческія жертвы, уже связывали ихъ, Іисусъ воспылалъ гнѣвомъ. Онъ попытался имъ воспрепятствовать,

но ослѣпленные страстью отказались ему повиноваться. Тогда онъ приказалъ трубить въ трубы и призвалъ на помощь свою вѣрную дружину, которая не любила чужеземцевъ, а ему была безгранично предана. Имъ скоро удалось разогнать и оттиснуть непокорныхъ къ мѣсту ихъ стоянки въ лагерѣ.

Навинъ, Оръ и Наасонъ едва могли удержать евреевъ отъ открытаго возмущенія, которое только усугубило бы ихъ вину. Но когда пылкій старецъ разбилъ ихъ идола, многіе вознегодовали на него. Они охотно дали бы волю своимъ рукамъ и плохо пришлось бы старцу, еслибъ ихъ не остановило уваженіе къ его сѣдинамъ и любовь къ нему самому, къ его сыну и внуку.

Моисея тутъ не было. Онъ, какъ послѣ каждой опасности, изъ которой Богъ выводилъ народъ невредимымъ, удалился въ пустыню. Маріамь не могла безъ слезъ думать о горести, которую причинятъ ея великому брату неблагодарность и отступничество народа.

И на радостное настроеніе духа Іисуса, и на его вѣру въ будущее тоже легла мрачная тѣнь. Распростертый на цыновкѣ въ шатрѣ своего отца, онъ не смыкалъ глазъ, размышляя о случившемся.

Душа воина въ немъ упорно стремилась къ мысли объ единой, всемогущей, непогрѣшимой силѣ, которая управляла бы всѣмъ въ мірѣ, въ томъ числѣ и человѣческой жизнью, и отъ всякой твари требовала бы неуклоннаго повиновенія. Все въ природѣ и въ жизни указывало на зависимость отъ воли Одного, безконечно Великаго и Могучаго. Все двигалось или покоилось по Его мановенію.

Для самого Іисуса, вождя горсти воиновъ, его Богъ былъ верховнымъ, самымъ прозорливымъ военачальникомъ — единственнымъ, съ которымъ побѣда всегда неразлучна.

Какъ дерзнуть на оскорбленіе такого Господа и отступничествомъ воздать Ему за Его милости!

Но народъ сдѣлалъ это на глазахъ у Іисуса. Припоминая подробности событія, вызвавшаго его вмѣшательство, Іисусъ задавалъ себѣ вопросъ: какъ укрыть народъ отъ гнѣва Всевышняго? Какъ открыть безумной толпѣ глаза на Его неизреченную благость и на Его всемогущее величіе?

Отвѣтъ не являлся. Онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ передъ необузданностью и произволомъ, которые грозили роковыми послѣдствіями его народу.

Ему, правда, удалось подчинить себѣ своихъ бойцовъ. Какъ только затрубили трубы и онъ самъ явился во всеоружіи, они немедленно повиновались ему.

Не было развѣ средствъ и въ мирное время, среди ежедневныхъ занятій, удерживать ихъ въ границахъ, гдѣ-бы, какъ у египтянъ, существованіе слабѣйшихъ было обезпечено и ограждено отъ своеволія сильныхъ и кичливыхъ.

Утро застало его среди этихъ размышленій. Звѣзды начали блѣднѣть. Іисусъ вскочилъ съ ложа и приказалъ, какъ наканунѣ, трубить въ трубы. Вновь образованные боевые отряды и на этотъ разъ безпрекословно и въ полномъ составѣ явились на его зовъ.

Они выступили изъ лагеря и, съ Іисусомъ во главѣ, двинулись въ узкое ущелье. Около часу шли они молча, еще въ сумеркахъ, наслаждаясь прохладой, обыкновенно предшествующею разсвѣту.

Но вотъ заалѣлъ востокъ. На небѣ вспыхнула заря и яркимъ, горячимъ румянцемъ залила величественное чело священной горы.

Она вся передъ странниками: до нея какъ рукой подать. На хребтѣ ея отчетливо вырисовываются всѣ выступы, пропасти, ущелья. Надъ ея семиконечною зубчатою

вершиной парятъ орелъ съ орлицей. При каждомъ взмахѣ могучихъ крыльевъ они тоже отливаютъ золотомъ въ общемъ сіяніи занимающагося дня.

Странники въ безмолвномъ восторгѣ созерцали эту картину. Объятые благоговѣйнымъ трепетомъ они, какъ нѣкогда передъ Алушей, всѣ до одного, съ нѣмою молитвой воздѣли руки къ небу.

Они съ облегченнымъ сердцемъ продолжали путь и, весело перекликаясь, указывали другъ другу на красивыхъ птичекъ въ темныхъ перьяхъ, которыя со звонкимъ щебетомъ порхали вокругъ, предвѣщая близость свѣжей воды.

Полчаса спустя, показались и синеватая зелень тамарисковыхъ кустарниковъ, и высокія вершины пальмъ. До слуха странниковъ стали долетать самые пріятные изо всѣхъ звуковъ пустыни—плескъ и журчаніе водъ.

Это ихъ еще ободрило, а величественный видъ Синайской горы [1]), съ вершиной упирающеюся въ небо и подернутою синеватою дымкою, наполнялъ благоговѣйнымъ восторгомъ сердца этихъ людей, которые выросли среди безконечныхъ Гесемскихъ равнинъ.

Они осторожно пробирались дальше, изъ опасенія наткнуться на остатки разбитыхъ амаликитянъ въ засадѣ.

Но врагъ не показывался. Единственные слѣды его мести, внушенной отчаяніемъ, являлись въ разрушенныхъ жилищахъ, въ срубленныхъ среди долины пальмахъ и въ разоренныхъ садахъ.

1) Нынѣшній Сербалъ, а не Синай византійцевъ, который, по нашему мнѣнію, лишь при Юстиніанѣ былъ признанъ за гору гдѣ даны заповѣди. Предположеніе, что Сербалъ и есть именно тотъ Синай, о которомъ говоритъ Священное Писаніе, еще прежде насъ высказано Лепсіусомъ и теперь многими раздѣляется. Для подробнаго изложенія этого предположенія, смотри нашъ трудъ: „*Durch Gosen zum Sinai, aus dem Wanderbuch und der Bibliothek.*“ 2 Aufl. Leipzig. 1882. Wilh. Engellmann. *Авт.*

Странники, дабы безпрепятственно продолжать путь, должны были расчищать его отъ загромождавшихъ его стройныхъ стволовъ съ пышными верхушками. Когда и это было сдѣлано, Іисусъ по скалистому ущелью, которое вело къ источнику въ долинѣ, взобрался на первый каменный выступъ горы, чтобы оттуда обозрѣть окрестность и выслѣдить, нѣтъ-ли гдѣ врага.

Узкая, крутая тропинка, пролегавшая по громадамъ краснаго гранита съ зеленоватыми жилками діорита, привела Іисуса къ небольшой площадкѣ, высоко расположенной надъ оазомъ. Тамъ, у свѣтлаго источника, зеленѣлъ кустарникъ и нѣжные горные цвѣты украшали печальную наготу пустыни.

Іисусъ захотѣлъ тутъ отдохнуть. Онъ сталъ озираться и вдругъ, подъ сѣнью нависшей скалы, увидѣлъ высокій человѣческій образъ.

Это былъ Моисей.

Онъ такъ далеко унесся на крыльяхъ собственной мысли, что потерялъ сознаніе времени и мѣста и не замѣтилъ приблизившагося Іисуса.

Воинъ терпѣливо дожидался, пока наконецъ тотъ поднялъ брадатую голову и дружески-величаво привѣтствовалъ его.

Затѣмъ они оба стали обозрѣвать оазъ и каменистыя долины горной страны у ихъ ногъ. На западѣ за склономъ горы передъ ними мелькалъ изумрудно-зеленый уголокъ Чермнаго моря.

Бесѣда ихъ шла о народѣ и о Богѣ, Который до сихъ поръ такимъ чудеснымъ образомъ ихъ велъ. Обратясь на югъ, они увидѣли безконечную вереницу странниковъ, которая, колыхаясь какъ волны, медленно подвигалась къ оазу.

Тогда Іисусъ раскрылъ Моисею свое сердце и высказалъ ему всѣ вопросы, смущавшіе его въ послѣднюю безсонную

ночь и на которые онъ не находилъ отвѣта. Моисей слушалъ его спокойно, потомъ глухо, отрывисто проговорилъ:

— Разнузданность въ станѣ — да, она можетъ испортить нашъ народъ. Но Господь даетъ намъ въ руки силу, которая поможетъ намъ сокрушить произволъ. Горе тѣмъ, кто станетъ ей сопротивляться! Сила эта громадна, какъ эта гора, и непоколебима, какъ эта каменная твердыня. Имъ придется это на себѣ испытать!

Грозная рѣчь Моисея замолкла.

Оба нѣсколько времени безмолвно смотрѣли вдаль. Наконецъ Іисусъ спросилъ:

— Но что-жъ это за сила?

Брадатыя уста Божьяго слуги твердо и громко вѣщали: „Законъ!“ И онъ указалъ жезломъ на вершину горы.

Затѣмъ Моисей слегка кивнулъ головой и удалился. Іисусъ продолжалъ обозрѣвать мѣстность и вскорѣ замѣтилъ на желтой почвѣ долинъ движеніе какихъ-то тѣней.

То были остатки разбитыхъ амаликитянъ, которые искали для себя новаго мѣста осѣдлости.

Іисусъ еще нѣсколько времени за ними слѣдилъ, наконецъ убѣдился, что они удаляются отъ оаза. Тогда и онъ началъ спускаться въ долину.

Онъ былъ погруженъ въ глубокую думу. — „Законъ!“ повторялъ онъ про себя.

Да, вотъ чего недоставало странникамъ! Закону предстояло обуздать эту дикую, только что вырвавшуюся изъ неволи толпу и создать изъ нея народъ, достойный Бога, Который предпочелъ его всѣмъ другимъ народамъ земнымъ.

Но размышленія военачальника были скоро прерваны. До него изъ оаза сталъ доноситься смѣшанный гулъ человѣческихъ голосовъ, мычанье и блеянье стадъ, лай собакъ и тяжелые удары молота.

Это разбивались шатры — дѣло мирное, не требовавшее его присутствія.

Онъ бросился на землю подъ густою тѣнью тамарисковыхъ кустовъ, надъ которыми гордо раскинулась вершина пальмы. Іисусъ съ наслажденіемъ расправлялъ свои усталыя мышцы. Онъ началъ успокоиваться: отнынѣ существованіе народа обезпечивалось — въ военное время его мечомъ, въ мирное—закономъ. Конечно, это было много: это подкрѣпляло надежду. Однако въ этомъ еще не все — нѣтъ, нѣтъ, это не могло быть все. Чѣмъ больше Іисусъ думалъ, тѣмъ глубже чувствовалъ, что этого еще не достаточно для его единокровныхъ братьевъ и сестеръ. Его широкое чело снова омрачилось; спокойствіе отъ него отлетѣло, и онъ тихо покачалъ головой.

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Законъ не могъ дать его возлюбленнымъ всего, чего онъ для нихъ желалъ. Чтобы будущность ихъ была такъ свѣтла и прекрасна, какъ онъ себѣ ее представлялъ на пути въ рудники, требовалось еще нѣчто.

Но, что̀ именно? Какъ оно называлось?

Онъ закрылъ глаза и, напрягая мозгъ, мысленно переносился къ другимъ народамъ, которыхъ видалъ на войнѣ и въ мирѣ. Онъ искалъ у нихъ того, чего недоставало его единокровнымъ, и среди этихъ размышленій заснулъ. Во снѣ ему представилась Маріамь и образъ другой прелестной дѣвы, похожей на Казану въ то время, когда она чистымъ, невиннымъ ребенкомъ часто спѣшила къ нему навстрѣчу, а за ней слѣдомъ шелъ бѣлый ягненокъ, котораго ей много лѣтъ тому назадъ подарилъ его отецъ.

Каждое изъ этихъ двухъ видѣній предлагало ему свой даръ— и онъ долженъ былъ выбрать одинъ изъ нихъ.

Маріамь держала въ рукахъ и съ суровою важностью пода-

вала ему тяжелую золотую скрижаль, наверху которой огненными буквами начертано было слово: „законъ“. Младшая дѣва простирала къ нему густую пальмовую вѣтку — знакъ мира, который былъ ему хорошо извѣстенъ.

Видъ скрижали вызвалъ въ немъ благоговѣйный трепетъ, но пальмовая вѣтвь такъ дружелюбно кивала ему, что онъ безъ колебаній схватилъ ее. Образъ пророчицы мгновенно разсѣялся, какъ туманъ, гонимый утреннимъ вѣтромъ. Онъ съ горестнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ она передъ тѣмъ стояла. Его и удивлялъ, и тревожилъ собственный выборъ, въ безошибочности котораго онъ однако не сомнѣвался. Наконецъ онъ рѣшился спросить у дѣвы, что̀ означаетъ ея даръ для него и для его народа.

Она, склонивъ къ нему голову, указала вдаль и произнесла три слова, нѣжная благозвучность которыхъ проникла въ самую глубину его сердца. Но сколько онъ ни старался вникнуть въ ихъ смыслъ, это ему не удавалось. Онъ молилъ дѣву объяснить ихъ, но вдругъ проснулся отъ звука своего собственнаго голоса. Опечаленный и задумчивый вернулся онъ въ станъ.

Іисусъ и впослѣдствіи не разъ пытался припомнить эти слова, но всегда напрасно. Онъ всю великую силу своего духа и тѣла посвятилъ народу. За то племянникъ его, Ефремъ, вполнѣ достойный позже выпавшаго на его долю почета, былъ, въ качествѣ могущественнаго князя и вождя своего племени, основателемъ новаго, своего собственнаго дома. Онъ далъ престарѣлому Навину правнуковъ, которые еще надолго продлили его славный родъ.

Дальнѣйшіе подвиги Іисуса и завоеваніе имъ своему народу новаго отечества всѣмъ хорошо извѣстны.

Тамъ, въ Обѣтованной землѣ, много вѣковъ спустя, родился въ Виѳлеемѣ другой Іисусъ, Который принесъ въ даръ всему

человѣчеству то, что̀ сынъ Навина тщетно искалъ для одного народа еврейскаго.

Три слова въ его видѣніи, смысла которыхъ никакъ не могъ уловить суровый военачальникъ, гласили: „Любовь, Милосердіе, Искупленіе!“

Законъ!

КОНЕЦЪ.

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Изданія А. Ф. МАРКСА.

СПБ. Невскій, № 6.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ П. П. Гнѣдича. Большой томъ, заключающій въ себѣ 486 стр. и украшен. массой виньетокъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ШЕСТЬ КОМЕДІЙ П. П. Гнѣдича, для театра, для любительскихъ и домашнихъ спектаклей. **1) Горящія письма. 2) На хуторѣ. 3) Женя. 4) На южномъ берегу Крыма. 5) Въ цвѣтахъ.** 6) Старая сказка. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ. Историч. повѣсть **Гр. Е. А. Саліаса,** временъ восшествія на престолъ и начала царствованія Императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПБ. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; въ коленк. перепл. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, ром., въ двухъ част., **Н. Н. Каразина съ 20 рис. автора.** Изданіе 2-е. Печатанъ на лучшей веленевой бумагѣ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пересылкой 3 р. 25 к.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ Н. Морскаго (Лебедева), съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина. Заглавіе разсказовъ: 1) Дяденька. 2) Уличная пѣвица. 3) Ночь. 4) Обезьянка. 5) Грѣхъ ли это? 6) Кувшинчикъ. Всѣ эти разсказы представляютъ намъ прелестные дѣтскіе типы. Это настоящія житейскія драмы, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти. По содержанію эти разсказы таковы, что книга представляетъ прекрасное чтеніе и юношамъ, и дѣвицамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл., съ золотымъ тисненіемъ 2 руб. 75 к., съ пересылкою 3 р. 25 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ **В. Соловьева,** въ 3-хъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПБ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ кол. переп. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII в. (Паденіе Бирона и воцареніе Елизаветы). 2-е изданіе. СПБ. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. переп. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII в. Съ портретомъ Императора Петра II. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. переп. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ 2-хъ ч. съ **20 рис.** худож. **И. С. Панова. Изд. 3-е.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Ром. хроника XVII в., въ 3-хъ частяхъ. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

РАЗСКАЗЫ и ОЧЕРКИ В. Соловьева. Изящное изданіе, напечат. на лучшей велен. бумагѣ. Большой томъ, 473 стр. СПБ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.; въ крас. коленк. перепл. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Чрезвычайно интересный романъ изъ современной жизни, напечатанный на хорошей веленевой бумагѣ. СПБ. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Bö

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ebers, Georg,

Jisus <Syn Navina.> Josna. Povĕstovanie iz biblejskich vremen Georga Ebersa. S 58-ju gravjurami po risunkam A. Zemeova. Perevod s nĕmeckago

S.-Peterburg 1890

P.o.germ. 1842 l

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11676228-0